

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 11, № 3, 2018

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 11, no. 3, 2018

**The journal
was founded in 2008**

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Doc. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года 9

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Сапир Жак. От регионоведения к «умным городам»: интеллектуальное наследие и возможные проблемы25

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Минакир П.А., Сулов Д.В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока41

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта57

Кабанов В.Н. Принципы размещения объектов социальной и транспортной инфраструктуры в региональных документах стратегического планирования71

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А. Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития.....84

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Дубровская Ю.В., Кудрявцева М.Р., Козоногова Е.В. «Умный» бенчмаркинг как основа стратегического планирования регионального развития 100

Бакуменко О.А. Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа) 117

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

- Козлова О.А., Макарова М.Н. Межмуниципальное сотрудничество
как институт стратегического развития территории 132

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. Построение концептуальной модели развития
отрасли и оценка системообразующего эффекта 145

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Тихонова Т.В. Экологическая оценка экономического роста северного региона.... 162

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

- Третьякова О.В. Импакт-рейтинг экономических журналов академического
сектора: критерии и методика построения 179

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Петров М.Б., Курушина Е.В., Дружинина И.В. Институциональный отклик
региональных социально-экономических систем на инвестирование
в приращение человеческого капитала: методика оценки..... 195
- Головчин М.А., Мкоян Г.С. Молодежь на постсоветском пространстве
в условиях ценностной трансформации общества (на примере
России и Армении) 215
- Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки
студентов, обучающихся по образовательным программам высшего
образования арктической направленности 230
- Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения:
подходы к изучению и опыт построения 248

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 264
- Правила приёма статей 272
- Информация о подписке 278

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. The Disturbing Future of 2024	9
--	---

SPATIAL ASPECTS OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Sapir J. From Regional Science to “Smart Cities”: Intellectual Legacies and Possible Ruptures	25
--	----

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

Minakir P.A., Suslov D.V. Foreign Direct Investment in the Economy of the Russian Far East	41
---	----

ADMINISTRATION IN TERRITORIAL SYSTEMS

Gulin K.A., Yakushev N.O, Mazilov E.A. Promoting Economic Growth in Regions of the Russian Federation by Boosting the Development of Non-Resource-Based Exports	57
Kabanov V.N. Principles of Deploying the Objects of Social and Transport Infrastructure in Regional Strategic Planning Documents	71

INNOVATION DEVELOPMENT

Donichev O.A., Fraimovich D.Yu., Grachev S.A. Regional System of Economic and Social Factors in the Formation of Innovation Development Resources....	84
--	----

REGIONAL ECONOMY

Dubrovskaya Yu.V., Kudryavtseva M.R., Kozonogova E.V. “Smart” Benchmarking as a Basis for Strategic Planning in Regional Development	100
Bakumenko O.A. The Organizational and Economic Mechanism of Managing Inter-Regional Interaction between Russia’s Constituent Entities (Case Study of the Northwestern Federal District)	117

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Kozlova O.A., Makarova M.N. Inter-Municipal Cooperation as an Institution of Strategic Development of Territories 132

BRANCH-WISE ECONOMY

- Shakleina M.V., Shaklein K.I. Building a Conceptual Model of Sector Development and Assessment of the System-Building Effect 145

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Tikhonova T.V. Environmental Assessment of Economic Growth in the Northern Region 162

DISCUSSION PLATFORM

- Tret'yakova O.V. The Impact Rating of Academic Journals in Economics: Ranking Criteria and Methodology 179

SOCIAL DEVELOPMENT

- Petrov M.B., Kurushina E.V., Druzhinina I.V. Institutional Response of Regional Socio-Economic Systems to Investing in Human Capital Increment: Assessment Technique 195
- Golovchin M.A., Mkoyan G.S. Youth in Former Soviet Republics in Conditions of Value Transformation of Society (Case Study of Russia and Armenia) 215
- Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M. Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs 230
- Korolenko A.V. Patterns of Population's Self-Preservation Behavior: Research Approaches and Building Experience 248

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 264
- Manuscript Submission Guidelines 272
- Subscription Information 278

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1

УДК 316.34, ББК 60.524.41

© Ильин В.А., Морев М.В.

Тревожное будущее 2024 года

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о перспективах реализации Указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204, а также о выполнении ключевых установок главы государства, озвученных им в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. На основе экспертных оценок, анализа «Прямой линии» с В. Путиным, состоявшейся 7 июня 2018 г., и результатов международных исследований и общероссийских социологических опросов сделан вывод о том, что при фактически неизменном составе кабинета министров на ближайшую «шестилетку» реализовать амбициозные планы по внутреннему развитию страны будет крайне сложно. По мнению многих экспертов, для прорывного развития нужны кардинальные перемены в Правительстве. Это продиктовано и геополитической ситуацией, и ожиданиями широких слоев населения. Тем не менее в начале четвёртого президентского срока В. Путиным такие шаги не предприняты, что делает маловероятным выполнение им своих предвыборных обещаний, а, скорее, позволяет прогнозировать продолжение доминирования «олигархического капитализма» в системе государственного управления.

Ключевые слова: «майские указы», Президент, эффективность государственного управления, национальная безопасность, общественное мнение.

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 3–24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. The disturbing future of 2024. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 3–24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1

7 мая 2018 г. В. Путин официально вступил в должность Президента РФ. В своей речи во время инаугурации он отметил: «Безопасность и обороноспособность страны надёжно обеспечены..., но сейчас мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности, прежде всего для решения внутренних, самых насущных задач развития, для экономического, технологического прорыва, для повышения конкурентоспособности в тех сферах, которые определяют будущее. Новое качество жизни, благополучие, безопасность, здоровье человека – вот что сегодня главное, вот что в центре нашей политики»¹.

Первым шагом Президента на пути к реализации данной стратегической цели стало подписание очередного майского Указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», официально закрепившего ключевые целевые установки, озвученные В. Путиным еще в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. Следует отметить, что «снижение в два раза уровня бедности», «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира», «повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)» и другие задачи майского Указа² полностью соответствовали последовательной логике политической риторики Президента, ожиданиям широких слоев населения и прогнозам экспертов, рассчитывавших на то, что после инаугурации «тема прорыва, которая прозвучала в Послании Президента, зазвучит в новом качестве и развернется в конкретных заданиях»³.

С этой точки зрения «майские указы» занимают особое место среди всех прочих документов законодательного характера, поскольку именно они отражают суть предвыборных обещаний национального лидера. То, как выполняются «майские указы» – ключевые стра-

тегические направления деятельности на ближайший президентский срок, – свидетельствует об эффективности всей системы государственного управления. Потому что сама постановка правильных целей и задач немного стоит без столь же последовательной и системной их реализации.

«Тема прорыва» действительно «развернулась в конкретных заданиях», однако вопреки мнению многих экспертов, считающих, что «когда хотят сделать реформы, ищут и приводят новых людей. Делать реформы с людьми, которые много лет этого не делали – провальная затея»⁴, вторым своим шагом на пути мобилизационного развития России Президент выдвинул кандидатуру Д. Медведева на пост Председателя Правительства. Фактически это означало, что и в самом кабинете министров существенных изменений не предвидится. **А это, в свою очередь, может говорить лишь о том, что в период четвертого президентского срока в российской системе государственного управления продолжится доминирование «капитализма для избранных».**

Изменения в новом составе российского правительства произошли, но в основном они свелись не к устранению «отыгранных» или появлению «свежих» фигур (хотя и без этого не обошлось), а к «рокировкам» внутри кабинета министров. Вся эта живописная чехарда со сменой кресел и кабинетов в Белом доме при взгляде снаружи кажется очередной иллюстрацией к знаменитой крыловской басне «Квартет» с известной моралью: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь!» Но...⁵

«Описать перспективы нового правительства, – как отмечают некоторые эксперты, – довольно сложно, так как команда под Медведева сформирована **не с точки зрения какой-то политической логики и стратегии**, когда есть установка, к примеру, создать правительство либерального курса или консервативного курса.

¹ Выступление В.В. Путина во время инаугурации 7 мая 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>

³ Матвейчев О. Политическая унификация // Известия. 2018. 23 апр. <https://iz.ru/733809/oleg-matveichev/politicheskaia-unifikatciia>

⁴ Лица знакомые и не очень: политологи о новом правительстве Медведева // Информационный портал «Новые известия». <https://newizv.ru/news/politics/08-05-2018/litsa-znakomye-i-ne-ochen-politologi-o-novom-pravitelstve-medvedeva> (мнение д. полит. н. Ю. Нисневича).

⁵ Нагорный А. Путин: срок четвертый // Завтра. 2018. 18 мая http://zavtra.ru/blogs/putin_srok_chetyvortij

Мнения экспертов:

1. Несмотря на появление в составе кабинета достаточно приличного количества свежих лиц новое правительство Дмитрия Медведева удивительным или, напротив, совсем не удивительным образом напоминает старое правительство Дмитрия Медведева. **Мы получили отретушированный, освеженный, заново накрашенный и отлакированный, освобожденный от балласта, но при этом все тот же хорошо знакомый нам “политический продукт”**⁶.
2. **Чуда не произошло.** Дмитрий Медведев – снова премьер-министр. В формируемом составе уже виден большой лоббистский пакет, основные бенефициары которого: Чемезов, Ковальчуки, Ротенберги, Собянин. По ходу детализации нового майского указа увидим и более мелких игроков⁷.
3. Мало кто обратил внимание, но на инаугурации сам собой сложился замечательный образ, картинка – «пустые коридоры власти. Помните, президент идет по коридорам, а там – пусто. Вот и правительство – тасуется колода, но ничего не меняется на самом деле...**Очевидно, что власть с точки зрения новых кадров, новых идей – абсолютно пустая. Поэтому какие-то большие ожидания строить тут, мягко говоря, не стоит...**⁸
4. **Если в стране готовится кардинальная смена экономической и в целом внутренней политики, то все начинается со смены премьера.** В данном случае перемен никаких: всё идет по пути консервации безынициативной работы, направленной лишь на поддержание текущей жизнедеятельности государства⁹.

Нынешние назначения будут означать очередную балансировку различных политических групп влияния... Фактически нужно рассматривать каждую перестановку, исходя из межличностных отношений. Каждый из ожидаемых вице-премьеров так или иначе относится к одной из финансовых групп¹⁰.

Можно ли назвать назначение Д. Медведева последовательным шагом Президента в плане достижения тех амбициозных стратегических ориентиров, которые были озвучены на ближайшую «шестилетку»? Во время своих официальных выступлений в конце третьего и начале четвертого президентского сроков В. Путин не-

однократно высказывался по поводу деятельности Правительства и общим лейтмотивом его оценки было: «Не всё удалось достичь, но в целом результат положительный».

Действительно, если сравнивать международное положение и уровень социально-экономического развития современной России и России в 90-х или начале 2000-х гг., то прогресс очевиден, и с этой точки зрения выдвижение кандидатуры Д. Медведева – шаг вполне последовательный и оправданный. **Однако внутренние и внешние глобальные вызовы, встающие перед страной, не оставляют возможности жить прошлым 10–20-ти-летней давности.** Ведь и потребность именно в прорывном, а не поступательном, эволюционном развитии во многом носит вынужденный характер. Она возникла лишь потому, что Россия достигла критических рубежей с точки зрения отставания от развитых стран. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на последние данные об Индексе глобальной конкурентоспособности. Хотя в соответствующем рейтинге за период с 2012 по 2018 г. Россия поднялась с 66 на 38 место, она по-прежнему не входит даже в 20-ку лидеров, соседствуя с такими странами, как Индонезия, Мальта, Польша и Индия. При этом по критерию «Инновационный потенциал» (без которого невозможно рассчитывать на прорывное развитие в ближайшем будущем) Россия была и остается далеко позади стран «Большой восьмерки», Китая и Индии, располагаясь в списке

⁶ Ростовский М. Правительство не «ах»: почему кабмина Медведева на самом деле нет // Московский комсомолец. 2018. 18 мая <http://www.mk.ru/politics/2018/05/18/pravitelstvo-ne-akh-pochemu-kabmina-medvedeva-na-samom-dele-net.html>

⁷ Лица знакомые и не очень: политологи о новом правительстве Медведева // Информационный портал «Новые известия». <https://newizv.ru/news/politics/08-05-2018/litsa-znakomye-i-ne-ochen-politologi-o-novom-pravitelstve-medvedeva> (мнение президента коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» Е. Минченко).

⁸ Там же (мнение д. полит. н. Ю. Нисневича).

⁹ Башкатова А. Новое Правительство становится кабинетом одного министра // Независимая газета. 2018. 11 мая. http://www.ng.ru/economics/2018-05-11/1_7222_siluanov.html (мнение директора Института актуальной экономики Н. Исаева).

¹⁰ Нагорный А. Путин: срок четвертый // Завтра. 2018. 18 мая http://zavtra.ru/blogs/putin_srok_chetvyortij (мнение руководителя Центра развития региональной политики И. Грашенкова).

Много было сделано в ходе реализации майских указов 2012 года. Должен сказать, что есть какие-то недовыполнения, но в целом, как бы высоко ни были подняты планки этих указов, если бы их не было, то не было бы и результатов, которые мы имеем сегодня¹¹.

Ключевые направления работы Правительства были связаны с реализацией майских указов 2012 года. Да, здесь были сложности, проблемы, не всех показателей удалось достичь с точностью до запятой. Так всегда бывает, когда берёшься за масштабный, долгосрочный проект. При этом ситуация постоянно менялась, появлялись новые, часто очень объективные факторы. Но, повторю, ощутимые результаты, динамика, изменения есть. Стратегический вектор развития задан правильно¹².

по соседству с Таджикистаном, Гвинеей, Тайландом и Сенегалом¹³ (вкладка 1). «Именно отставание, – как отметил Президент в Послании Федеральному Собранию, – вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться».

Целевая установка на прорывное развитие и преодоление отставания от ключевых участников геополитической конкуренции была озвучена Президентом 1 марта 2018 г. в Послании Федеральному Собранию и нашла широкую поддержку в российском обществе, обеспечив В. Путину безоговорочную победу на президентских выборах. Между социумом и государством сформировались своего рода новые пункты общественного договора, ориентированные на мобилизационное решение набравших внутренних вопросов, связанных с динамикой уровня и качества жизни, работой социальных лифтов, эффективным решением социальных проблем и т.д. Как отмечает Н. Стариков, «любое государство всегда покоится на определенном общественном договоре, в каждом обществе есть консенсус, на основе

которого формируется его дальнейшее развитие. Если общественного договора, если такого консенсуса нет – общество впадает в стадию нестабильности, а государство может и перестать существовать»¹⁴.

Однако, как показывает исторический опыт, каждый новый общественный договор сопровождается не только новыми целевыми установками, но и новыми идеями и механизмами по их воплощению, а значит – новыми лицами во властвующей элите, реализующими свое представление о будущем. Так, специфический общественный договор существовал в нашей стране после распада Российской империи и прихода к власти большевиков; совершенно иным был общественный договор, который базировался на патриотических настроениях после победы в Великой Отечественной войне и на осознании необходимости мобилизационного восстановления страны, разрушенной кровопролитными боевыми действиями.

Несмотря на предательство национальных элит и безусловную причастность «коллективного Запада», распад Советского Союза отчасти тоже являлся негласным общественным договором, поскольку он бы не состоялся, если бы в обществе не назревала потребность в более свободной и разнообразной жизни, отголоски которой доносились с Запада. Так же как и ликвидация комплексных негативных последствий 1990-х гг. легла в основу негласного консенсуса между обществом и властью, обеспечив безоговорочную поддержку решительным и безапелляционным действиям В. Путина по наведению порядка в системе государственного управления, восстановлению экономики и уровня жизни широких слоев населения, проведению курса независимой внешней политики.

Таким образом, не каждый из этих общественных договоров в истории России имел позитивные последствия, но каждый из них осуществлялся разными людьми, находившимися у власти, привнося специфику, прежде всего, в идейное развитие страны. И с этой точки зрения, учитывая амбициозные планы на ближайшую «шестилетку», сложно рассчитывать на то, что фактически не изменившийся состав Правительства позволит сделать новый шаг в развитии.

¹¹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

¹² Выступление В.В. Путина на встрече с членами Правительства 7 мая 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57415>

¹³ Официальный сайт Всемирного экономического форума. Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/competitiveness-rankings/#series=EOSQ057>

¹⁴ Стариков Н. От Беловежского консенсуса к консенсусу Крымскому // Официальный блог Н. Старикова <https://nstarikov.ru/blog/80284>

Вкладка 1

Контрольные показатели Рейтинга глобальной конкурентоспособности (World Economic Forum: The Global Competitiveness Report 2011 – 2012; место среди 142 стран – участник исследования)

Контрольные показатели	США	Германия	Великобритания	Япония	Канада	Франция	Китай	Россия	Индия	Италия
Качество институтов	41	20	24	25	14	29	46	127	72	90
Инфраструктура	13	2	12	15	11	4	44	48	89	32
Макроэкономическая стабильность	90	30	85	113	49	83	10	44	105	92
Здоровье и начальное образование	42	23	14	9	6	16	32	68	101	20
Высшее образование и профессиональная подготовка	13	7	16	19	12	20	58	52	87	41
Эффективность рынка товаров и услуг	24	26	19	18	12	38	45	128	70	59
Эффективность рынка труда	4	64	7	12	5	68	36	65	81	123
Развитость финансового рынка	22	39	20	32	13	18	48	127	21	97
Уровень технологического развития	20	14	8	25	16	13	77	68	93	42
Размер внутреннего рынка	1	5	6	4	14	7	2	8	3	9
Конкурентоспособность компаний	10	4	8	1	24	14	37	114	43	26
Инновационный потенциал	5	7	13	4	11	17	29	71	38	43
Индекс глобальной конкурентоспособности	5	6	10	9	12	18	26	66	56	43

В 2012 г. по Индексу глобальной конкурентоспособности Россия находилась на 66 месте среди 142 стран – участник исследования – по соседству с Латвией, Вьетнамом, Перу и Колумбией.

Среди анализируемых стран (страны G8 + Индия и Китай) Россия занимала последнее место по 5 из 12 основных критериев: «Качество институтов» (127 место в мире), «Эффективность рынка товаров и услуг» (128), «Развитость финансового рынка» (127), «Конкурентоспособность компаний» (114) и «Инновационный потенциал» (71).

Вкладка 1 (продолжение)

Контрольные показатели Рейтинга глобальной конкурентоспособности (World Economic Forum: The Global Competitiveness Report 2017–2018; место среди 137 стран – участник исследования)

Контрольные показатели	США	Германия	Великобритания	Япония	Канада	Франция	Китай	Россия	Индия	Италия
Качество институтов	20	21	12	17	15	31	41	83	39	95
Инфраструктура	9	10	11	4	16	7	46	35	66	27
Макроэкономическая стабильность	83	12	68	93	47	63	17	53	80	96
Здоровье и начальное образование	29	13	17	7	8	24	40	54	91	25
Высшее образование и профессиональная подготовка	3	15	20	23	13	22	47	32	75	41
Эффективность рынка товаров и услуг	7	11	10	13	18	36	46	80	56	60
Эффективность рынка труда	3	14	6	22	7	56	38	60	75	116
Развитость финансового рынка	2	12	13	20	7	33	48	107	42	126
Уровень технологического развития	6	8	4	15	23	21	73	60	107	41
Размер внутреннего рынка	2	5	7	4	16	8	1	6	3	12
Конкурентоспособность компаний	2	5	7	3	23	16	33	71	39	25
Инновационный потенциал	2	5	12	8	23	17	28	49	29	34
Индекс глобальной конкурентоспособности	2	5	8	9	14	22	27	38	40	43

За период с 2012 по 2018 г. позиция России в Рейтинге глобальной конкурентоспособности, а также по большинству ключевых критериев существенно улучшилась. Тем не менее Россия по-прежнему не входит даже в 20-ку стран-лидеров. В 2018 г. по Индексу глобальной конкурентоспособности она занимала 38 место в мире, значительно уступая ключевым участникам геополитической конкуренции: США (2 место в мире), Германии (5), Великобританию (8), Японии (9), Китаю (27). Ближайшие соседи России по рейтингу – Индонезия, Мальта, Польша и Индия.

Среди анализируемых стран (страны G8 + Индия и Китай) Россия занимает последнее место по 3 из 12 критериев: «Эффективность рынка товаров и услуг» (80 место в мире); «Конкурентоспособность компаний (71)», «Инновационный потенциал» (49). Причем по последнему показателю Россия соседствует в списке с такими странами, как Таджикистан, Гвинея, Тайланд и Сенегал.

Динамика статистических показателей и данных опросов общественного мнения в период третьего президентского срока В. Путина наглядно показывает, что те механизмы, которые работали 15–20 лет назад, сегодня перестают работать. Вместо этого мы всё чаще слышим об очередных коррупционных скандалах и трагических событиях, уносящих жизни сотен россиян по причине халатности и безответственности чиновников на всех уровнях власти. Другими словами, если у России испокон веков было две беды — дураки и дороги, то в современных реалиях к ним смело можно добавить еще две — «абсолютная неэффективность и абсолютная безответственность»¹⁵.

Причем не меньшее количество фактов остается «за кадром» для широкой общественности. В частности, по поводу деятельности крупнейших госкорпораций, управляющих основными массивами национального достояния. К примеру, дело А. Фэка — по мнению некоторых экспертов, «лучшего в России нефтегазового аналитика в рейтингах 2015–16 годов»¹⁶, который был уволен за свои отчеты о деятельности «Роснефти» и «Газпрома»¹⁷.

8 мая, выступая на пленарном заседании Государственной Думы, В. Путин отметил, что для реализации «майского Указа» 2018 г. требуется дополнительно «не менее 8 триллионов рублей». Президент упомянул при этом, «что это не просто болтовня и слова, мы всё считали. Я не знаю, как это у правительства будет получаться в ходе практической реализации того, что мы планируем делать, надеюсь, что всё будет получаться так, как мы и планируем, но в целом это должна быть системная и выстроенная работа»¹⁸.

¹⁵ Выступление А. Макарова на ПМЭФ 2018 // Комсомольская правда. 2018. 27 мая. <https://www.vologda.kp.ru/daily/26834.7/3874829/>

¹⁶ С выводами на выход; за что уволили аналитика Sberbank CIB и что будет с его карьерой // Коммерсант. 2018. 23 мая. <https://www.kommersant.ru/doc/3637070>

¹⁷ Уволенный аналитик «Сбербанк CIB» ответил на критику Грефа / Ю. Котова, Г. Старинская и др. // Ведомости. 2018. 24 мая. <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/05/24/770650-uvolennii-analitik-cib-kritikugrefa>

¹⁸ Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы 8 мая 2018 г. // Официальный сайт Государственной Думы РФ. Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4884/>

Регулярные проверки Общероссийского народного фронта в рамках мониторинга достижения целевых показателей социально-экономического развития, оценки экспертов, а также сухие данные официальной статистики¹⁹ наглядно говорят о том, как у Правительства «получалось в ходе практической реализации» выполнять майские указы 2012 г. Эти указы «охватывали различные сферы экономики, предписывая обеспечить рост производительности труда, создать миллионы высокотехнологичных рабочих мест, облегчить ведение бизнеса и т.д. Но далеко не все из них в итоге были достигнуты. К примеру, власти отчитались о повышении зарплат бюджетникам, но зачастую это достигалось сменой методики расчета средней зарплаты, сокращением персонала и манипуляциями со ставками. **Некоторые показатели вроде создания 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест и вовсе будто были забыты.** По итогам 2017 г. их в стране оказалось свыше 17 млн. Это меньше уровнем 2013 г., когда в РФ насчитывалось 17,5 млн. высокопроизводительных рабочих мест»²⁰.

Основной причиной того, что при реализации майских указов 2012 г. кабинету министров «не всех показателей удалось достичь в точности до запятой»²¹, является давление Запада (после того как «Единая Россия», возглавлявшаяся к тому же Председателем Правительства (!),

¹⁹ Источники:

1. Бречалов А.В.: С марта 2014 г. ОНФ рекомендовал снять с контроля только 24 поручения // Официальный сайт Общероссийского народного фронта. Режим доступа: <https://onf.ru/2016/05/16/brechalov-s-marta-2014-goda-onf-rekomendoval-snyat-s-kontrolya-tolko-24-porucheniya/>

2. Жулин А.Б. Перспективы административной реформы // Материалы пленарной сессии XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Официальный сайт Высшей школы экономики. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/science/181135658.html>

3. Ильин В.А., Морев М.В. «...А самое главное — в России не будет нищих». «Капитализм для своих» — ключевая проблема национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 9–23.

²⁰ Дисциплинирующая сущность майских указов (редакционная статья) // Независимая газета. 2018. 16 мая. http://www.ng.ru/editorial/2018-05-16/2_7225_red.html

²¹ Выступление В.В. Путина на встрече с членами Правительства 7 мая 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57415>

Нынешняя ситуация, когда председатель правительства является лидером партии, чья фракция в Государственной Думе имеет конституционное большинство, с нашей точки зрения, является нарушением принципа разделения властей, потому что фактически позволяет председателю правительства контролировать одну из палат Федерального Собрания²².

Еще после публикации «кремлевского доклада» эксперты и политологи высказывали мнение, что Вашингтон, выкладывая расширенный список, **пытается воздействовать на российскую элиту, спровоцировать ее раскол, заставить тех, кто заинтересован в хороших отношениях с Западом, открыто противопоставить себя Кремлю.** Апрельские санкции встраиваются в эту логику: крупный бизнес, теряющий большие деньги, должен задуматься о том, стоит ли и дальше двигаться в фарватере кремлевской политики... **На гражданах санкции против крупного бизнеса сказываются в любом случае.** Предприниматели из американского списка – это крупные налогоплательщики, инвесторы и создатели рабочих мест²³.

получила конституционное большинство в Государственной Думе, сетовать на различия во мнениях и политические дискуссии нет смысла). Однако и в 2018–2024 гг. ждать нормализации отношений с Западом не приходится. Более того, если в 2012–2018 гг. это давление концентрировалось преимущественно на политических аспектах (что было с успехом конвертировано в консолидационно-патриотические настроения), то в 2018 г. оно принимает новую форму: на фоне непрекращающихся информационных вбросов (дело Скрипаля, химатака в сирийском городе Дума) был подготовлен очередной пакет экономических санкций, по мнению многих экспертов, – «самый внушительный с 2014 года». Новые санкции, безусловно, затронут широкие слои населения, но нацелены они не на общество, а в первую

²² Из выступления руководителя фракции партии «Справедливая Россия» С.М. Миронова на пленарном заседании Государственной Думы 8 мая 2018 г. // Официальный сайт Государственной Думы РФ. Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4884/>

²³ О внутренней политике во время холодной войны (редакционная статья) // Независимая газета. 2018. 12 апр. http://www.ng.ru/editorial/2018-04-12/2_7210_red.html

очередь на экономическую элиту, то есть тех людей, которые имеют собственные, вполне конкретные интересы и которых (в отличие от широких слоев населения) не «пронять» никакой патриотической риторикой.

«Запад ведёт дело к тотальной войне, любой ценой, вне всяких правил, ибо регулярную войну, как показывает история, ему у России не выиграть... А что с нашей стороны? **А у нас всё видится как-то иначе, не спеша, в рамках нормативного правового пространства, в совершенно ином ритме, в иных, каких-то своих исторических циклах...** Мы оформляем следующий шестилетний срок, последний по счёту, ибо у нас, и это принципиальный момент для соблюдения юридической нормативности, **всё по закону, как прописано в Конституции, которая, вопреки всякой логике, несмотря на свой колониальный формат, незыблема и абсолютна.** Но вот именно тот факт, что грядущий шестилетний срок будет последним, и придаёт всей ситуации предельного драматизма, ибо разворачиваться он будет в условиях каскадного нарастания внешних вызовов и, в конечном итоге, тотальной войны...»²⁴

Если бы по закону Путин мог продолжать оставаться президентом и после 2024 года, он сам оказался бы политическим бенефициаром социально-экономических инвестиций, а правительство – исключительно инструментом. Примерно так получилось с майскими указами 2012 года. Путин озвучил идею роста социальных расходов во время президентской кампании и набрал на этом очки. Правительство, в свою очередь, не вполне справлялось с реализацией указов, подвергалось критике, его рейтинг был значительно ниже рейтинга президента.

Сейчас этот вариант не может устраивать правящую элиту. Во-первых, Указ «О национальных целях» нужно выполнить. Во-вторых, позитивный публичный эффект этой работы не может быть отложенным, во всяком случае, он должен проявиться в пределах ближайшего электорального цикла. В-третьих, должен быть еще кто-то, помимо Владимира Путина, чей политический вес вырастет благодаря реализации новой социально-экономической политики²⁵.

²⁴ Коровин В. Голгофа последнего срока // Завтра. 2018. 21 мая. http://zavtra.ru/blogs/golgofa_poslednego_sroka

²⁵ О новой операции «Преемник» (редакционная статья) // Независимая газета. 2018. 15 мая. http://www.ng.ru/editorial/2018-05-15/2_7224_red.html

Таким образом в отношении главного фактора, препятствовавшего выполнению майских указов 2012 г., ситуация не только не изменилась, а даже ухудшилась. Более того, задача обеспечения реальной осязаемости результатов выполнения майских указов для широких слоев населения (а не только для показателей отчетности Правительства) была и остается актуальной. **Но изменились сроки.** Теперь эффект должен проявить себя не через 6 лет, а уже через год-два. Иначе доверие к власти может резко снизиться, в том числе и доверие лично Президенту, которое на сегодняшний день является фундаментом легитимности власти в целом (доверие Правительству и региональным властям несоизмеримо ниже, чем главе государства).

В новом Правительстве, состав которого был поддержан Государственной Думой и утвержден Президентом 15 мая 2018 г., большинство экспертов отмечают лишь два довольно заметных изменения: разделение министерства образования и науки, а также усиление связи «Силуанов – Кудрин» за счет того, что первый занял пост вице-премьера, второй возглавил Счетную палату. И если в отношении первого изменения в настоящее время существуют разные оценки, то по поводу усиления финансового блока Правительства мнения экспертов вполне однозначны: **это позволит в еще большей степени манипулировать статистикой, подводя экономические показатели под необходимую отчетность, а не реализацию интересов большинства населения.**

В российской «властной вертикали» сформировалась и выдвинулась на первый план мощнейшая политическая связка Силуанов–Кудрин (или Кудрин–Силуанов). Теперь их влияние становится едва ли не доминирующим, поскольку совместными усилиями они могут «сканировать» любое министерство и ведомство, вплоть до разведки и армии, не говоря уже о структурах попроще. Баланс приоритетов российской «властной вертикали» — уже как следствие — баланс сил внутри неё, явно смещаются в сторону финансовых операций²⁶.

²⁶ Нагорный А. Путин: срок четвертый // Завтра. 2018. 18 мая. http://zavtra.ru/blogs/putin_srok_chetvyortij

«Поствыборное правительство станет кабинетом одного министра финансов, который станет еще и первым вице-премьером. **Такая конфигурация не предполагает альтернативного взгляда на бюджетную политику**»²⁷. Поэтому и Т. Голикову, ранее выступавшую с критикой в адрес многих ведомств, на посту руководителя Счетной палаты заменил А. Кудрин. «Окончательно правительство не сформировано, но уже можно говорить об усилении роли финансового блока и консервации текущей ситуации... **де-факто задачей такого кабинета станет вовсе не прорыв, а обеспечение жизнедеятельности государства. Прорыв же можно будет потом просто нарисовать в отчетах**»²⁸.

Мнения экспертов²⁹:

1. В целом можно согласиться с тем, что в работе правительства становится все меньше экономики и все больше бухгалтерии.

2. Новое правительство окончательно перестает быть местом для выработки стратегий и проведения в жизнь собственной политики. Оно превращается в группу исполнителей, главная задача которых – подобрать правильную методику расчета статистических показателей, чтобы те соответствовали майскому указу и ожиданиям президента.

3. Большая часть задач выполняется просто сменой методики расчетов. Можно легко придумать такой набор критериев, чтобы Россия попала в «десятку ведущих стран мира по качеству общего образования» (пусть этот рейтинг не будет признаваться никем, кроме Кремля). «Ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях» достигается существенным сокращением нормативного времени приема больного и повышением нормативного числа коек на одного врача.

Как всегда, показательными в этом плане становятся наиболее значимые «дискуссионные» площадки страны, которые всё больше напоминают «закрытую вечеринку». Так, в 2017 г. на Гайдаровском форуме не дали возможности выступить с докладом уполномоченному при

²⁷ Башкатова А. Новое Правительство становится кабинетом одного министра // Независимая газета 2018. 11 мая. http://www.ng.ru/economics/2018-05-11/1_7222_siluanov.html

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Президенте России по правам предпринимателей Борису Титову — одному из кандидатов на пост главы государства, обладающему собственным взглядом и конкретной программой действий по развитию российской экономики («Стратегия роста»).

Та же история повторилась в 2018 г. на очередном Петербургском международном экономическом форуме, куда «людей с альтернативными взглядами просто не пригласили»³⁰. При этом сами дискуссионные темы ПМЭФ–2018 напоминали скорее «отвлекающий сигнал, маскирующий фактор»³¹. Деофшоризация и долгосрочное планирование экономики, политика Центрального банка, повышение эффективности производства и другие «концептуальные стратегические вопросы просто не обсуждаются, они табуированы»³².

Не менее примечательные выводы можно сделать исходя из анализа «Прямой линии» с Президентом, которая состоялась 7 июня 2018 г.

Во-первых, обращают на себя внимание слова, которыми один из ведущих программы (К. Клейменов) начал телеэфир: «Многие темы традиционно повторяются из года в год. Это здравоохранение, жильё и, конечно, зарплаты и пенсии. Откровенно говоря, нам очень не хотелось бы превращать «Прямую линию» исключительно в книгу жалоб»³³. Между тем, большинство «вопросов», задававшихся людьми, как таковые вопросами и не являлись. Чаще всего это были жалобы и даже «крики о помощи», заканчивавшиеся такими фразами, как «Мы просим Вашей помощи, содействия в этой проблеме», «До сих пор ничего не построено, хотя уже полтора года назад должны были сдать. А мы хотим жить. Помогите», «Мы на Вас очень надеемся», «Владимир Владимирович, помогите, пожалуйста, не дайте закрыть школу» и так далее³⁴.

³⁰ Катасонов В.Ю. «Очкастые козлы» доят комаров // Информационный портал «Россия новая». 2018. 28 мая [Эл. рес.]. Режим доступа: <http://russnov.ru/valentin-katsonov-ochkastye-kozly-doyat-komarov-28-05-2018/>

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Стенограмма «Прямой линии» с В. Путиным // Российская газета. 2018. 7 июня. <https://rg.ru/2018/06/07/stenogramma-priamaia-linii-s-vladimirov-putiny.html>

³⁴ Там же.

Некоторые выдержки из ответов Президента на вопросы населения, поступившие в ходе «Прямой линии»³⁵:

– «То, что сейчас происходит, это недопустимо, это неправильно...»;

– «Нам, безусловно, нужно персонифицировать ответственность...»;

– «Дополнительно ещё раз проверим, хотя мы неоднократно к этой теме возвращались...»;

– «Да, Вы, безусловно, правы, и я тоже об этом говорил, это одна из очень острых и чувствительных проблем...»;

– «Мне даже неловко слушать о том, что до сих пор существует проблема, скажем, с трудоустройством. Мы уже неоднократно обращались к этому вопросу...»;

– «Это все нужно сделать. Вот я еще раз об этом говорю Министру внутренних дел и руководству самой миграционной службы... Постараюсь сделать так, чтобы в вашем случае проблема была закрыта. Но она носит более широкий характер...»;

– «Я, пользуясь Вашим вопросом, хочу еще раз на это обратить внимание руководителей российских регионов. Мы обязательно это обсудим на одном из ближайших Госсоветов. И попрошу и Администрацию, и Правительство Российской Федерации, соответствующих министров, возглавляющих те или иные отрасли, проанализировать ситуацию и доложить мне в самое ближайшее время, что происходит...»;

– «Проблема в целом понятна. Это не единственный случай подобного рода» и т.д.

Во-вторых, исходя из ответов Президента, можно в очередной раз констатировать, что речь идет о регулярном невыполнении местными чиновниками его целевых установок. В. Путин постоянно обращает на это внимание, но если система не работает в целом, то и рассчитывать здесь можно только на решение единичных проблем конкретных людей, сумевших все-таки обратиться к Президенту лично, «пробившись» в прямой эфир: 79 вопросов из 2,7 млн.

Приведенные выше факты делают вполне объяснимыми пессимистические прогнозы экспертов о том, что амбициозные планы по «решительному прорыву» во внутреннем социально-экономическом развитии России так и

³⁵ Там же.

1 марта 2018 г. Президент РФ В.В. Путин обратился с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию России. Как Вы считаете, насколько реалистичны задачи, которые Президент озвучил в своем Послании, и будут ли они выполнены или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от числа тех, кто следил за Посланием или узнал его содержание из новостей)

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2018 г.
Президент озвучил конкретные, реальные задачи и, скорее всего, они будут выполнены в кратчайшие сроки	28	31	31	36	29	49	34
Президент озвучил конкретные, реальные задачи, но они не будут выполнены из-за коррупции и бюрократии во власти	49	47	40	42	46	31	47
Предложения президента слишком общие, неконкретные, их невозможно реализовать	11	12	17	16	20	8	6
Затрудняюсь ответить	12	10	12	6	5	12	13

останутся на бумаге. **«Многие сомневаются в том, что цели, заложенные в новом документе, выполнимы.** К примеру, сомнения вызывают цели по повышению ожидаемой продолжительности жизни. По итогам 2017 г. продолжительность жизни в стране составила 72 года. Согласно прогнозам Росстата, к 2024 году ожидаемая продолжительность жизни в России в лучшем случае составит 76,7 года, в худшем – 73,3 года. Амбициозно выглядит и постулат о „вхождении РФ в число пяти крупнейших экономик мира”... **Вопрос только в том, как и за счет чего правительство будет достигать всех заявленных показателей»**³⁶.

Как показали исследования ВЦИОМ, россияне не очень-то рассчитывают на выполнение целевых установок, озвученных В. Путиным в Послании Федеральному Собранию: в том, что этому воспрепятствует коррупция и бюрократия во власти, уверены 47% людей (почти каждый второй гражданин России)³⁷.

Согласно данным Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ) самыми реализуемыми задачами Послания россияне считают «усиление оборонной мощи страны» (59%) и «обеспечение рывка в сфере науки и высоких технологий» (38%), **однако эти задачи не входят в число наиболее востребованных для общества (вкладка 2).**

³⁶ Дисциплинирующая сущность майских указов (редакционная статья) // Независимая газета. 2018. 16 мая. http://www.ng.ru/editorial/2018-05-16/2_7225_red.html

³⁷ Послание Президента Федеральному Собранию: первые впечатления: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3602. 13 марта. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116743>

Наиболее актуальными задачами для общества, как показывают опросы, являются «рост реальных доходов» (98%), «создание доступной и качественной медицинской помощи» (98%), «приведение в порядок региональных и местных дорог» (98%), «увеличение размеров пенсий и их индексация выше темпов инфляции» (96%). Все они входят в число тех целевых установок Президента, которые, по мнению россиян, не будут достигнуты (это отмечают 37–40% людей).

21 марта на расширенном заседании общественного совета федерального проекта «Локомотивы роста» ВПП «Единая Россия» и представители Российской академии наук обсуждали вопросы о том, как решить поставленную В. Путиным задачу обеспечения лидерства России в новом технологическом цикле Чем обеспечить рывок? Как отметил Б. Грызлов, «у России есть всё, чтобы справиться с главной угрозой – технологическим отставанием. Есть цели, сформулированные главой государства и поддержанные, как мы видим, большинством граждан. Есть ресурсы – как природные и географические, так и преимущества иного порядка – богатая история нашего государства, творческий и научный потенциал народа России. Есть и те передовые, не имеющие аналогов достижения, о которых говорил Президент во второй части Послания»...³⁸

³⁸ «Локомотивы роста» – стартуют! // Новости Российской академии наук / Официальный сайт РАН. 2018. 22 марта. <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=99a2b527-7fac-4a91-a0e8-53d19068b067>

Однако в этот перечень, озвученный Председателем Высшего совета «Единой России» (напомним, правящей партии, обладающей конституционным большинством в Государственной Думе), к сожалению, не вошло качество государственного управления – главный, системообразующий фактор, без которого все конкурентные преимущества страны не способны дать ожидаемый результат. И это наглядно подтверждалось выступлением президента РАН академика А.М. Сергеева, акцентировавшего внимание на тех барьерах, которые препятствуют науке «стать, наконец, производительной силой нашей экономики»: «доминирующая сырьевая направленность экономики», «архаичная» материальная база науки, «долина смерти» между фундаментальной и прикладной наукой, между наукой и бизнесом и т.д. Всё это, по большому счету, результат неэффективного управления, которое (судя по составу «нового» Правительства) продолжится и в ближайшую «шестилетку».

Таким образом, данные статистики, оценки экспертов, результаты исследования общественного мнения и уже ставший фактом реальный опыт выполнения майских указов 2012 года, вырисовывают достаточно пессимистическую картину как в отношении выполнения майского Указа 2018 г., так и в целом – в отношении реализации целевых установок Президента на прорывное развитие России и преодоление отставания от развитых стран по большинству ключевых сфер жизни и, прежде всего, по тем аспектам, которые наиболее востребованы российским обществом. Ведь «майские указы» – это лишь верхушка айсберга. На самом деле, когда система не работает, то последствия этого проявляются в самых разных аспектах общественной, политической и экономической жизни: от взяточничества на местах до неэффективного курса экономического развития; от закрытия школ и больниц в каком-нибудь селе до стойкого отставания России от наиболее развитых стран мира в плане потенциала инновационного развития.

«Оптимизм» может внушать разве что саркастический комментарий председателя комитета Государственной Думы по бюджету и налогам А.М. Макарова, по-видимому, со знанием дела отметившего, что «главная задача по выполнению Указа Президента решена.

Мы передали Министерству экономического развития Росстат»³⁹.

«В рамках нынешних структуры российской власти просто нет обеспечения для тех ответов, которые требуются имеющимся, идущим извне вызовам. Никакого содержательного ответа просто и не может возникнуть, потому что это противоречит самой сути нынешней власти – поверхностной, легковесной, с лёгкостью проматывающей доставшееся им, но не ими созидавшееся наследство – смысловое, идейное, мировоззренческое, в первую очередь. Опасно развлекаясь в лихих 1990-х, гуляя на широкую ногу в тучных 2000-х, похмеляясь в кризисных 2010-х, нынешние элиты сожрали будущее. Они его просто протратили, разбазарили, рассеяли, вывезли в офшоры. А на любой вопрос прикрывались фигурой *Самого*. Да, он прикрывал их, поэтому ничего не успел сделать для будущего, а содержательный ответ на вызов времени заместил собой. No future. Осталось только настоящее, ещё шесть лет без следующего срока»⁴⁰.

Многие эксперты (в т.ч. Ю. Болдырев, М. Делягин), рассуждая о ключевых проблемах и будущем России, неоднократно приходили к выводу о том, что всё в руках Президента и Федерального Собрания, в их власти сформировать такое Правительство, которое будет способно эффективно и без всяких оговорок выполнять целевые установки, достигать конкретных показателей, закрепленных в соответствующих указах и стратегических документах.

Новых лиц, способных привнести какие-то яркие и нестандартные идеи, а затем провалить их реализацию, в новом правительстве нет. Потенциал его членов хорошо известен. Впрочем, все это не имеет большого значения. От правительства, по большому счету, вообще мало что зависит. Это технический орган. **Основные параметры системы определяет президент, он же принимает ключевые решения⁴¹.**

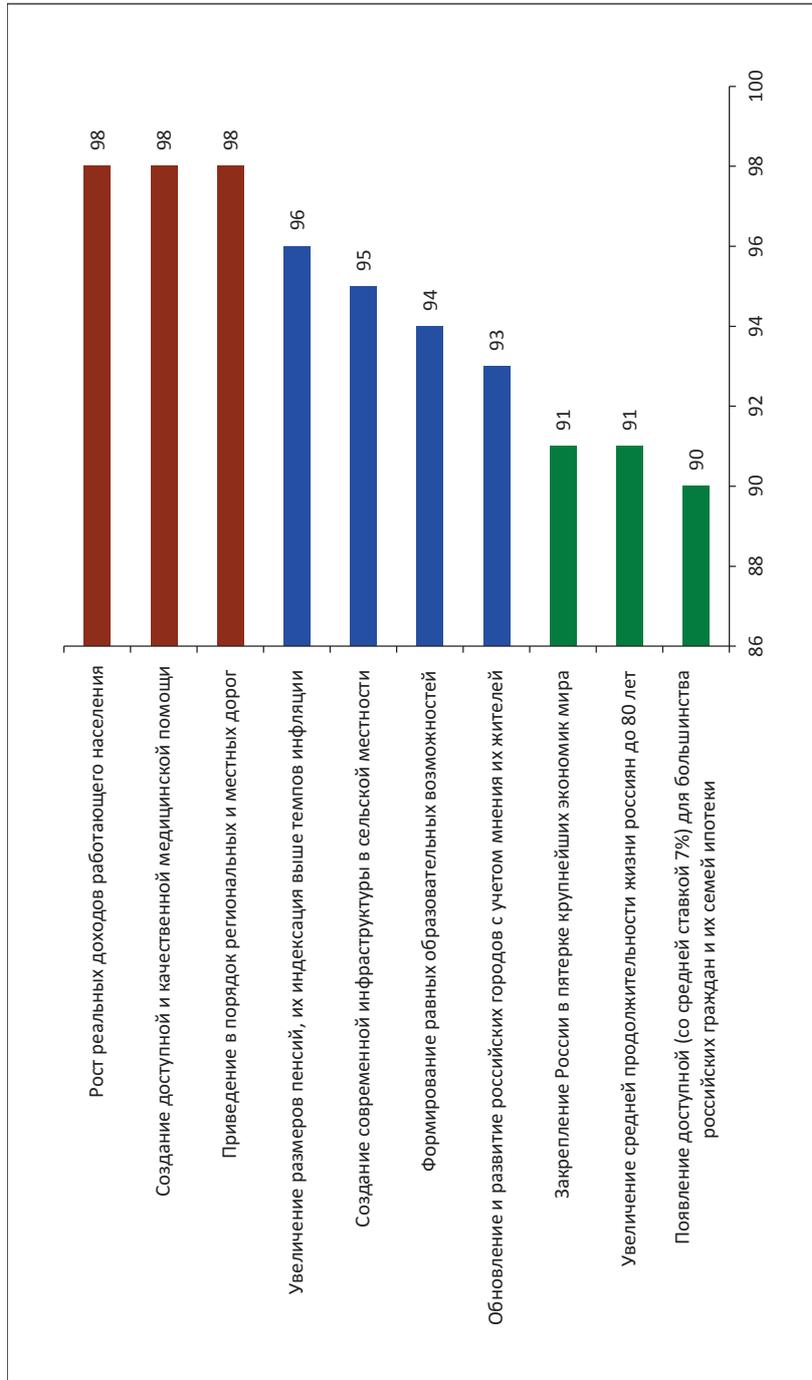
³⁹ Выступление А. Макарова на ПМЭФ 2018 // Комсомольская правда. 2018. 27 мая. <https://www.vologda.kp.ru/daily/26834.7/3874829/>

⁴⁰ Коровин В. Голгофа последнего срока // Завтра. 2018. 21 мая. http://zavtra.ru/blogs/golgofa_poslednego_sroka

⁴¹ Лица знакомые и не очень: политологи о новом правительстве Медведева // Информационный портал Новые известия. <https://newizv.ru/news/politics/08-05-2018/litsa-znakomye-i-ne-ochen-politologi-o-novom-pravitelstve-medvedeva>

Вкладка 2

Топ-10 самых важных задач, поставленных в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию РФ, по мнению россиян (%), данные ФНИСЦ РАН⁴²

⁴² Филина О. Синицы превратились в журавлей: что думают россияне о выполнении стратегических задач государства // Коммерсант. 2018. 28 мая. <https://www.kommersant.ru/doc/3635558>

Вкладка 2 (продолжение)

Оценка респондентами реализуемости задач, поставленных в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию РФ (%), данные ФНИСЦ РАН)

Топ-10 задач, которые видятся реализуемыми в ближайшие 5–6 лет	Топ-10 задач, которые вряд ли будут реализованы
1. Усиление оборонной мощи страны, разработка и внедрение новых уникальных видов вооружений	1. Увеличение средней продолжительности жизни россиян до 80 лет
2. Обеспечение рывка в сфере науки и высоких технологий	2. Приведение в порядок региональных и местных дорог
3. Появление доступной (со средней ставкой 7%) для большинства российских граждан и их семей ипотеки	3. Создание современной инфраструктуры в сельской местности
4. Закрепление России в пятерке крупнейших экономик мира	4. Увеличение размеров пенсий, их индексация выше темпов инфляции
5. Существенный рост малого и среднего бизнеса	5. Рост реальных доходов работающего населения
6. Рост реальных доходов работающего населения	6. Создание доступной и качественной медицинской помощи
7. Увеличение размеров пенсий, их индексация выше темпов инфляции	7. Формирование равных образовательных возможностей
8. Формирование равных образовательных возможностей	8. Обновление и развитие российских городов с учетом мнения их жителей
9. Устойчивый рост численности населения России	9. Формирование в стране массового среднего класса
10. Расширение пространства свободы во всех сферах жизни, укрепление институтов демократии, местного самоуправления	10. Снижение доли государства в экономике

Шишкин С.М.: «... помимо государства, армии, есть в России народ, который голосует за Вас, Владимир Владимирович. Вот о нём Вы забыли. Для этого нужно поднять экономику, сделать прорыв в экономике не на бумаге, а на деле. Нужна для этого программа, кадры. В первую очередь кадры. Это не просто делать, но делать надо, иначе все Ваши реформы пройдут впустую. Правительство, которое Вы утвердили, не для народа. Не об этом правительстве Вам, Владимир Владимирович, говорил народ в период выборов. Путин – сильный президент, а сейчас нужен вождь. Нужна чистка правящей элиты, а это может сделать только вождь. Может ли Путин быть вождём? Может. В каких-то случаях он уже вождь. Народ ему поможет. Но время не ждёт»⁴³.

Караваев А. (Санкт-Петербург): «Скажите, пожалуйста, как долго ещё будут расти цены на топливо – 45 рублей литр солярки, – сколько же можно это терпеть? Невозможно уже, остановите как-то это. Мы 18 марта сделали такой большой выбор, вся страна за Вас проголосовала, а Вы цены на бензин всё не можете остановить...»⁴⁴

Из открытого письма правления «Камчатского краевого союза родовых-семейных рыболовецких общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и ДВ «Кизвизвэчь»: «Владимир Владимирович, мы голосовали за Вас. И хотим озвучить в процентах, почему россияне, в том числе и Камчатка, пошли за Вами:

- 20% голосов – это Ваши успехи в ВПК, строительстве армии и защите внешнего суверенитета;
- 40% голосов за Вас – это вера в то, что Вы полностью поменяете правительство, а значит, и сам подход к развитию страны, в которой чиновник перестанет относиться к труду и честному коммерсанту как к быдлу;
- 40% голосов мы отдали за Вас в уверенности, что Вы и Ваша команда восстановят законы, по которым вор не только должен и будет сидеть в тюрьме, но и будет конфисковано всё его имущество и имущество его близких родственников, которое уже по определению вор нажил незаконно. Тогда у нас не будет таких страшных пожаров, как в Кемерове, не будут горячий асфальт укладывать в воду, стадионы не будут стоять как целые города. ВВП страны в одночасье вырастет в среднем на 40% от сегодняшнего, а ежегодный рост экономики по темпам будет опережать Китай. А самое главное – в России не будет нищих»⁴⁵.

Поэтому сегодня в экспертном сообществе всё чаще и, к сожалению, небезосновательно появляются мнения, что «**Владимир Путин получил в мае 2018 года именно то правительство РФ, которое ему хотелось**»⁴⁶; а «**техническое правительство получило совершенно технический майский указ в виде комбинации крайне расплывчатых сформулированных стратегических целей**»⁴⁷. В 2012–2018 гг. Правительство приобрело опыт «выполнения» майских указов за счет элемен-

тарной смены методики расчетов, и есть все основания считать, что этот опыт будет воспроизведен и в период четвертого президентского срока В. Путина... Весь вопрос только в том, когда общество начнет адресовывать вопросы о неэффективности государственного управления и отсутствии осязаемой положительной динамики качества жизни не Председателю Правительства, а лично Президенту?

И, судя по всему, это уже происходит...

⁴³ Шишкин С.М. Сталин нужен? Сталин нужен! Сталин нужен!!! // Завтра. 2018. 31 мая. http://zavtra.ru/blogs/stalin_nuzhen_stalin_nuzhen_stalin_nuzhen (Шишкин С.М. – фронтовик, кавалер четырех боевых орденов, ордена Трудового Красного Знамени, медали к ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени, заслуженный работник культуры РСФСР).

⁴⁴ Стенограмма «Прямой линии» с В. Путиным // Российская газета. 2018. 7 июня. <https://rg.ru/2018/06/07/stenogramma-pryamaia-liniia-s-vladimirom-putinym.html>

⁴⁵ Президент! Ты нас не продай! // Аргументы недели. 2018. № 13 (606). 5 апр. <http://argumenti.ru/society/2018/04/568556?typelink=openlink>

⁴⁶ Ростовский М. Правительство не «ах»: почему кабинета Медведева на самом деле нет // Московский комсомолец. 2018. 18 мая. <http://www.mk.ru/politics/2018/05/18/pravitelstvo-ne-akh-pochemu-kabmina-medvedeva-na-samom-dele-net.html>

⁴⁷ Башкатова А. Структуру нового правительства подгонят под фамилии вице-премьеров // Независимая газета. 2018. 13 мая. http://www.ng.ru/week/2018-05-13/8_7223_economy.html

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

The Disturbing Future of 2024

Abstract. The article considers prospects for the implementation of Presidential Decree 204 “On national goals and strategic objectives of development of the Russian Federation for the period up to 2024” dated May 7, 2018 and for the implementation of key guidelines announced by the head of state in his Address to the Federal Assembly on March 1, 2018. We considered expert assessments, analyzed the Russian President’s annual phone-in session with the nation (the “Direct Line”) held on June 7, 2018, and discussed the results of international research and all-Russian sociological surveys. All this allows us to conclude that if the composition of the Cabinet remains virtually unchanged for the next six years, it will be extremely difficult to implement ambitious plans for the internal development of the country. According to many experts, if we want to achieve breakthrough development, it is necessary to change the Government radically. This is dictated by the current geopolitical situation and the expectations of the general population. Nevertheless, at the beginning of his fourth presidential term Vladimir Putin has not taken such steps; consequently, it is unlikely that he will fulfill his election promises. It rather allows us to say that “oligarchic capitalism” will continue to dominate in the system of public administration.

Key words: “May decrees”, President, public administration efficiency, national security, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.2

УДК 332.1, ББК 65.050.23

© Сапир Жак

От регионоведения к «умным городам»: интеллектуальное наследие и возможные проблемы

Жак САПИР

Высшая школа социальных наук (EHESS)
Центр исследований индустриализации (CEMI)
Париж, Франция, 75013, 190 Авеню де Франс, 317
E-mail: sapir@msh-paris.fr

Аннотация. В начале XXI века наблюдается устойчивая глобальная тенденция массовой урбанизации, приводящей к увеличению концентрации населения в относительно небольшом количестве крупных городов. Вследствие этого увеличивается доля производимого в них ВВП (80%). На сегодняшний день в городах проживает более 54% населения планеты, и к концу столетия его доля, вероятно, составит свыше 80%. Эта тенденция обуславливает необходимость пересмотра определений таких понятий, как «город» и «агломерация». Бесспорно, город стал центральной точкой в различных общественных науках, а экономика агломераций является весьма важной темой в экономике развития. В связи с этим «умные города» стали актуальной темой исследований в регионоведении, прикладной экономике и географии. Несомненно, развитие новых технологий, и в частности информационных, ставит перед человечеством новые задачи. «Умные города» фактически сочетают в себе производственную функцию и функцию предоставления жилой среды. В то же время их можно рассматривать также как новую форму индустриальных районов. Толчок к развитию регионоведения получило в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда ученые вновь обратились к концепции Маршалловых промышленных районов и она стала одной из основных тем исследований в области развития. Переход от изучения «промышленных районов» к изучению «умных городов» произошел сравнительно недавно. Но все же в исследованиях «умных городов», как и в исследованиях промышленных районов, рассматривается один и тот же круг вопросов – как чисто экономических, так и с акцентом в области политики.

Ключевые слова: регионоведение, «умные города», промышленный район, Маршаллов промышленный район, региональное развитие, урбанизация, экономическая поляризация, транспортное обеспечение.

Для цитирования: Сапир Ж. От регионоведения к «умным городам»: интеллектуальное наследие и возможные проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 25–40. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.2

For citation: Sapir J. From regional science to “smart cities”: intellectual legacies and possible ruptures. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 25–40. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.2

В XXI веке мы наблюдаем устойчивую глобальную тенденцию массовой урбанизации, которая приводит к увеличению концентрации населения в относительно небольшом количестве крупных городов, вследствие чего увеличивается доля производимого в них ВВП (80%). В XVIII веке доля городского населения в мире составляла менее 5%. Сегодня в городах проживает более 50% населения планеты (по состоянию на 2017 г. — 54%) [1], и к концу столетия его доля, вероятно, составит свыше 80%. Однако в этом тренде наблюдаются разные движения. Часть населения крупных городов перемещается либо внутри границ агломерации, либо за ее пределы. Данный факт обусловил необходимость пересмотра определений таких понятий, как «город» и «агломерация». Тогда не остается сомнений в том, что город стал центральной точкой в различных общественных науках и что экономика агломераций является очень важной темой в экономике и регионоведении.

«Умные города» стали актуальной темой исследований в регионоведении, прикладной экономике и географии. Конечно, развитие новых технологий, и в частности информационных, ставит перед нами новые задачи. На самом деле такие города сочетают в себе производственную функцию (призваны способствовать развитию инноваций) и жилую среду. Но их можно рассматривать и как новую форму индустриальных районов.

Толчок к развитию регионоведения произошло в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда исследователи вновь обратились к концепции Маршалловых промышленных районов, которая стала одной из основных тем работ в области развития. Переход от изучения «промышленных районов» к изучению «умных городов» произошел сравнительно недавно, с началом массового развития информационных технологий. Но все же в исследованиях «умных городов», как и в исследованиях промышленных районов, рассматривается один и тот же круг вопросов.

Далее мы предлагаем краткий обзор проблемы, начиная со значения и актуальности того, что называется «регионоведением», а затем изучим агломерационный эффект для определения сходных черт и особенностей «умных городов».

1. Регионоведение

Регионоведение традиционно является областью общественных наук, изучающей аналитические подходы к региональным или городским проблемам [2]. Оно охватывает следующие темы, но не ограничивается ими: теория размещения или пространственная экономика, моделирование размещения, перевозки, анализ миграции, землепользование и градостроительство. Большое внимание в регионоведении уделяется также вопросам несбалансированного и «неправильного» развития (misdevelopment) [3, 4].

Регионоведение возникло в конце 1920-х гг., когда экономисты стали отмечать низкий уровень регионального экономического анализа и необходимость развития данного направления. Но даже в эту раннюю эпоху основатели регионоведения рассчитывали заинтересовать исследователей из самых разных дисциплин. Регионоведение всегда было примером междисциплинарного исследования. Разнообразие дисциплин, составляющих регионоведение, помогло сделать его одним из самых интересных и плодотворных научных направлений, но в то же время оно затруднило включение многих концепций в учебную программу для получения ученой степени.

Толчком к развитию регионоведения стала книга Вальтера Кристаллера (Walter Christaller) «Центральные места Южной Германии» (*Die Zentralen Orte in Süddeutschland*) [5], за которой вскоре последовали работа Торда Паландера [6] и книга Августа Леша «Пространственная организация хозяйства» (*Die räumliche Ordnung der Wirtschaft*) [7], внимание которой с самого начала было сосредоточено на проблеме городов и городской сети. Формально у истоков регионоведения стоят Уолтер Айзард (Walter Isard) [8, 9] и его сторонники, активно занимавшиеся продвижением идей «объективного» и «научного» анализа поселений, размещения промышленных объектов и градостроительства. К этому ядру инновационных научных работ вскоре были добавлены важные исследования, в основном касающиеся экономического развития (например, Ф. Перру (F. Perroux) [10, 11], А. Хиршман (A. Hirschman) [12], К. Понсар (C. Ponsard) [13] и монополистической конкуренции (Э. Чемберлин (E. Chamberlin) [14]).

К концу 1980-х гг. Пол Кругман (Paul Krugman), признанный теоретик международной торговли, в своей книге под названием «География и торговля» (Geography and Trade) призвал экономистов уделять больше внимания экономической географии, делая акцент на основном понятии регионоведения – экономике агломераций [15, 16]. Призыв П. Кругмана возобновил интерес экономистов к региональной науке. В какой-то степени это способствовало появлению понятия «новая экономическая география» (new economic geography), которое имеет много общего со старым регионоведением. Ключевым понятием стал «промышленный район» (industrial district) – этот термин взят из работ Альфреда Маршалла (Alfred Marshall) [17]. Данная концепция вышла на первый план к концу 1980-х–началу 1990-х гг. [18].

Джордж Бенко (George Benko) и Ален Липец (Alain Lipietz) развили её в работе «Les régions qui gagnent» – основополагающей книге 1990-х годов [19]. Они отстаивали идею о том, что промышленный район является актуальной концепцией не только для экономики промышленности, но и для социально-экономического развития [20]. Собрав работы различных авторов, ученые использовали исследования «итальянской школы» [21; 22] для разработки теории влияния размещения и географических особенностей на экономическое развитие. Вместе с тем они показали, что решающее значение имеют урбанизация и, если более конкретно, тип городской структуры [23]. В рассматриваемой теории большое внимание уделяется актуальности институтов и обоснованию того, что любой рынок является социальным творением [24]. Институты, их культурный и социально-политический контекст играют значимую роль в развитии как рынков, так и предприятий.

Однако теория «промышленного района» позволяет нам увидеть важную роль гибкой специализации (flexible specialization) [25] в разработке новых технологий. На самом деле значительная часть инноваций последних лет была разработана в том или ином «промышленном районе». Новые технологии в определенной степени постоянно переопределяют охват и границы этих «районов». Объединение информационных технологий, институциональных

форм, перераспределение политической власти и культурных контекстов занимают центральное место в понимании «умных городов». Эти различные факторы важны также для понимания того, почему агломерация имеет значение, когда территориальная близость стала стратегией как для накопления, так и для передачи информации [26].

2. Агломерационный эффект и экономика агломераций

Действительно, новое регионоведение, или региональная экономика, уделяет большое внимание влиянию агломераций и городов на развитие [27], уже имевшему в некоторой степени место в теории Маршалловых промышленных районов. Но при этом не ограничивается исследованием позитивного или негативного влияния агломераций на модель развития в данной стране. Акцент также сделан на том, почему некоторые города или агломерации обладают «эффектом магнита», который может в значительной степени изменить процесс развития. Причин тому множество. Конечно, в крупных агломерациях наблюдается экономия, обусловленная ростом масштаба производства, большой спрос со стороны населения, развитая сеть инфраструктуры и транспортных путей.

С этой точки зрения важно посмотреть и на кластерный эффект крупных инфраструктурных объектов, таких как порты. Например, влияние портовой инфраструктуры кластера Гавр-Руан во Франции распространяется и на Париж [28], а динамика мегаполиса (Париж) оказывает влияние на данный кластер [29]. С одной стороны, кластер Гавр-Руан – это порт мирового значения, который очень удобен с позиции морской доступности. Он обслуживает множество компаний и судов, что свидетельствует о хорошей развитости его морской сети. С другой стороны, Париж – это город мирового значения. Такое интересное сочетание было подмечено многими исследователями, и отношения между двумя городами, – а также между Нормандией и Большим Парижем, – являются предметом постоянного интереса [30]. Вот лишь один пример того, как развитие инфраструктуры может вызвать агломерационный эффект. Но, в свою очередь, важно понять, чем этот агломерационный эффект может быть полезен для развития инфраструктуры.

В крупных агломерациях концентрируются специфические компетенции, знания и ноу-хау. Эти формальные и неформальные информационные сети играют важную роль в развитии инновационной и экономической деятельности. Однако сами эти сети в значительной степени зависят от действующих институтов управления [31]. В конце концов, спустя несколько десятилетий после начала изучения проблемы городов и агломераций, возникла проблема исследования «умных городов», и эти два направления имеют много точек соприкосновения. Тем не менее у каждой из них есть и свои особенности. Понимание этих особенностей, безусловно, сейчас весьма важно для регионоведения.

Причем весьма актуальной является так называемая гипотеза Тибу [32] (Tiebout hypothesis). Согласно ей, решение отдельного индивида или семьи сменить место жительства соответствует тому уровню общественных благ, который они желают иметь. Нет сомнений в том, что уровень (и качество) предложения общественных благ имеет большое значение в принятии решений о переезде отдельными лицами или семьями. На протяжении веков города и агломерации рассматривались как места, где предложение и качество общественных благ были особенно хорошими [33]. Это стало одним из основных факторов создания «больших» и «очень больших» городов: с течением времени люди переезжали туда, где, по их наблюдениям или предположениям, уровень предложения общественных благ был выше. Конечно, развитие перевозок общественным транспортом как внутри агломераций, так и между ними сыграло здесь решающую роль. В этой связи следует отметить, что открытие линий скоростных электропоездов в Северной Америке, вероятно, обусловило необходимость углубленного изучения последовавших за этим экономических и социальных эффектов [34]. Этот вопрос занимает важное место и в программе исследований во Франции [35].

Существует гипотеза о том, что транспортная инфраструктура оказывает влияние на различные сферы экономики [36], на возникновение городов и развитие экономики агломераций. Подтверждение этому можно найти

как в неоклассической, так и в институциональной экономике. В классической теории размещения производства подчеркивается роль транспортных издержек как определяющего фактора размещения экономической деятельности [37]. Новая экономическая география и регионоведение также подчеркивают роль транспортных расходов как фактора размещения производства [38], как важной предпосылки для развития агломерационного эффекта [39]. Однако это происходит в условиях несовершенной конкуренции и разной степени межрегиональной мобильности рабочей силы. Теория эндогенного роста также разработала рамки, в которых государственная инфраструктура, включая транспортную [40], может быть определена в качестве источника экономического роста благодаря ее вкладу в технологические изменения [41]. Сокращение транспортных расходов и улучшение условий перевозки ускоряют и облегчают перемещение. Это касается как общественного, так и грузового транспорта. Подобные факторы ведут к сокращению производственных затрат фирм или позволяют им получить доступ к более широкому и более эффективному набору ресурсов и тем самым повысить производительность факторов производства [42]. Кроме того, снижение производственных расходов и расходов на реализацию, вызванное усовершенствованием транспорта, может привести также к эффекту масштаба и усилению конкуренции, что, в свою очередь, вызовет повышение общего уровня производительности благодаря естественному процессу отбора [43].

Кроме того, имеются эмпирические данные, свидетельствующие о том, что улучшения в области транспорта, способствующие экономическому росту, обычно происходят прежде всего в крупных агломерациях или вокруг них [44]. Но транспортная инфраструктура может способствовать и развитию полицентрической агломерации через формирование и развитие субцентров [45]. Данный эффект наблюдался в результате распространения скоростных линий электропоездов (TGV) во Франции [46]. Если общий эффект от развития общественного транспорта в целом благоприятно сказывается

на производительности и влиянии агломерации [47], то следует также учитывать значимость потенциального перераспределения функций и богатства, которое может произойти после этого.

Такое перераспределение богатства может происходить как внутри агломерации, так и между городами и агломерацией. Здесь важно отметить пример эффекта перераспределения, связанного с расположением станций TGV [48]. В некоторой степени конкуренция между городами и даже частями большой агломерации, связанная с расположением данной станции TGV, может повлиять на общую тенденцию местного экономического развития [49, 50]. На самом деле необходимо проявлять большую осторожность в отношении возможных негативных последствий такого расположения, поскольку мобильность или отсутствие мобильности могут быть факторами социальной сегрегации [51].

3. Урбанизация и отставание в экономическом развитии

Однако агломерационные эффекты могут иметь и негативные последствия. Урбанизация может быть связана с масштабной проблемой отставания в экономическом развитии [52]. Переезд в город часто оказывается «стратегией отчаяния», а не «стратегией надежды» и может привести к росту трущоб. Примером могут служить тенденции распространения бедности в Латинской Америке, Африке и Индии. По данным исследования, проведенного несколько лет назад, в 2007 г. более 78% населения Латинской Америки и Карибского бассейна проживало в городских районах с высокой концентрацией бедности. Несмотря на то что эти районы являются более урбанизированными, чем Европа, Африка или Азия, их урбанизация связана с бедностью. В Африке текущая ситуация несколько лучше, однако ее развитие демонстрирует ту же тенденцию.

В Африке урбанизация идет медленнее, чем в Латинской Америке, но она уже привела к росту трущоб, нищеты и неравенства; большие различия в моделях урбанизации наблюдаются также в регионах Африки. В Северной Африке доля городского населения (47,8%) выше, чем в странах Африки к югу от Сахары (32,8%). Относительно меньшее число трущоб в странах Северной Африки объясняется главным образом улучшением стратегий городского развития, включая инвестиции в инфраструктуру и модернизацию городских поселений. В отличие от этого, в странах Африки к югу от Сахары доля городского населения самая низкая (32,8%), но доля населения, проживающего в трущобах, самая высокая (65%). Темпы роста численности населения стран Африки к югу от Сахары и темпы роста численности городского населения вполне могут резко увеличиться в предстоящие годы (табл. 1).

В Индии урбанизация идет быстрыми темпами, что ставит беспрецедентные вызовы перед растущими городами страны в обеспечении населения жильем и инфраструктурой (вода, канализация, транспорт и т.д.) и решении проблем трущоб [53]. Уже сейчас в трущобах проживает около 26% всего городского населения. В г. Мумбаи более половины населения проживает в трущобах, многие из которых расположены вблизи центров трудоустройства в самом сердце города, в отличие от большинства других городов развивающихся стран.

По данным Всемирного банка, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, большинство из которых – страны со средним и низким уровнем дохода, доля городского населения выше, чем в среднем по странам с высоким уровнем дохода [54]. Городское население в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, как правило, сосредоточено в крупных городах. В 2005 г. в этих странах насчитывалось 67 городов с населением более

Таблица 1. Доля городского населения в странах Африки к югу от Сахары: рост к 2025 г., млн. чел.

Год	1990	2010	2025	Рост, % (1990–2025)
Страны Африки к югу от Сахары	527	937	1362	258%
Городское население	149	387	705	473%
Доля городского населения в общей численности населения, %	28%	41%	52%	

Источник: Venard J.L. *Urban Planning and Environment in Sub-Saharan Africa* UNCED Paper no. 5 (AFTES) 1995.

Таблица 2. Рост городов в странах Африки к югу от Сахары на период до 2020 г.

Численность жителей	1990	2020	Динамика, %
Более 5 млн	0	11	
От 1 до 5 млн	18	59	536%
От 500 000 до 1 млн	26	75	288%
От 100 000 до 500 000	180	585	325%
От 20 000 до 100 000	790	2200	278%

Источник: Venard J.L. *Urban Planning and Environment in Sub-Saharan Africa. UNCED Paper no. 5 (AFTES) 1995.*

одного миллиона человек и четыре города с населением 10 млн. чел. и выше: это Мехико (19 млн.), Сан-Паулу (18,8), Буэнос-Айрес (12,8) и Рио-де-Жанейро (11,7 млн.). К 2020 г. в Африке будет 11 мегаполисов (с населением 5 млн. чел. и больше) и почти 3 тысячи городов с населением более 20 тысяч человек, что почти на 300% больше, чем в 1990 г. (табл. 2) [55].

Такое количество населения влечет за собой конкретные проблемы. Эта ситуация не только оказывает нагрузку на агломерационную инфраструктуру, но и актуализирует проблемы окружающей среды и роста преступности, которые крайне сложно решать [56]. Аналогичная ситуация наблюдается и в Африке, где население переезжает в города либо вследствие того, что уровень дохода и общественных благ в городах выше по сравнению с сельскими районами [57], либо вследствие влияния неэкономических факторов, таких как гражданская война [58].

Способствуя экономическому росту, урбанизация помогла уменьшить масштабы абсолютной бедности в развивающихся странах, но, по-видимому, почти никак не повлияла на снижения уровня городской бедности: число бедных, проживающих в городских районах, растет одновременно с сокращением числа бедных сельских жителей. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна этот процесс продвинулся дальше, чем в других регионах. В этих странах в середине 1990-х гг. большинство бедных (с доходом менее 1 долл. в день) уже проживали в городских районах, а к 2002 г. в них проживали более 59% живущих «менее чем на один доллар в день» и более 65% живущих «менее чем на два доллара в день» [59].

Быстрый рост городского населения в Африке также является серьезной проблемой, поскольку повлечет за собой быстрый рост как размеров, так и количества городских агломераций.

Из этих данных мы видим, что урбанизация может принимать самые различные формы как в развитых, так и в бедных странах. Таким образом, можно сделать вывод, что развитие «умных городов» — это роскошь, которую могут себе позволить только богатые страны. При этом более острыми для крупных городов бедных стран являются проблемы развития агломерации, устойчивости и загрязнения окружающей среды. В какой-то степени для бедных стран необходимость перехода к «умному городу» или поиска пути развития в рамках концепции «умных городов» еще более актуальна, чем для богатых.

4. От формальных к неформальным факторам: смещение баланса?

Вышесказанное побуждает нас обратиться от «материальных» факторов к «нематериальным», таким как институты и «социальный капитал» на индивидуальном и на коллективном уровнях, и подчеркнуть связь с традиционным пониманием города как места развития цивилизации. Неформальное настроение, которое может развиваться в городе, также следует рассматривать как фактор развития. Это важный факт, обусловленный с так называемым «эффектом фрейминга» [60, 61]. И этот последний фактор в таком случае является одним из важных, когда речь заходит об «умных городах». Поэтому возникает вопрос о балансе между формальными и неформальными факторами развития и между структурными и макроэкономическими факторами [62].

Одними из первых работ по анализу агломерационных и региональных факторов, выявленных в неоклассических теориях экономического роста и теориях эндогенного роста, являются статьи Роберта Солоу (Robert Solow) [63] и Т.В. Суон (T.W.Swan) [64], которые были опубликованы в 1956 г. Модели эндогенного роста также разрабатывались такими учеными,

как П. Ромер (P. Romer) [65, 66], Р. Лукас (R. Lucas) [67], Ф. Агьон (Ph. Aghion) и П. Ховитт (P. Howitt) [68]. Они подчеркивают роль накопления физического и человеческого капитала в экономическом росте [69]. Накопление физического капитала может принимать форму инвестиций частного сектора или инвестиций государственного сектора (например, в инфраструктуру). Тем не менее эти работы отмечают, что эффект механического накопления гораздо больше, чем эффект рекомбинации, который обычно возникает, если к более старому капиталу добавляется более современный. Эффект рекомбинации весьма заметен в развитии агломерации, когда очень старый капитал часто эксплуатируется вместе с современным и в очень специфических сочетаниях. В значительной степени плотность экономической деятельности [70], сочетающая «старые» (или традиционные) виды деятельности с гораздо более инновационными и современными, также является фактором развития, который не видит традиционная теория эндогенного роста. Смещение баланса в сторону формальных факторов является аргументом в рамках неошумпетерианской модели эндогенного роста, рассматриваемой Ф. Агьоном и другими авторами [68, 71]; данная модель подчеркивает издержки недостатков рынка в добывающих секторах [72]. Ее общий вывод заключается в том, что отсутствие конкуренции в добывающих секторах приводит к снижению роста производительности в перерабатывающих секторах. Разница в производительности привлекает инвестиции в перерабатывающий сектор, предприятия которого обычно расположены в агломерациях.

В научных работах выделяются еще два других фактора, оказывающие положительное влияние на рост производительности сектора. Во-первых, у нас есть рост, происходящий на международной технологической границе для данного сектора. Он оказывает положительное влияние на рост отстающих секторов, и это наблюдается главным образом на предприятиях, развивающихся в крупных агломерациях [73, 74], поскольку они в наибольшей степени участвуют в международной конкуренции и в обмене информацией. Здесь мы видим специфический агломерационный эффект, связанный с неформальной информационной структурой,

создаваемой накоплением высококвалифицированных людей со значительным международным опытом. Это называется передачей технологий. Во-вторых, благодаря более традиционному эффекту догоняющего развития, описанному в конце 1950 г. Александром Гершенкроном (Alexander Gerschenkron) [75], разрыв в эффективности между передовыми и отстающими секторами тоже увеличивает рост в последних.

Но существуют и неформальные факторы, которые обычно изучают историки и социологи, но которые являются не менее важными по сравнению с «формальными» факторами. Акцент, сделанный на институтах в различных исследованиях, пытается охватить это явление [76]. Важным вопросом представляется управление [77, 78]. Важные сопутствующие эффекты (spillovers) от крупных агломераций могут перераспределить карту между победителями и проигравшими [79].

Идем далее. Развитие несовершенной информационной теории последних двадцати лет [80] делает прямой акцент на общении «лицом к лицу» и поведенческих аспектах экономических взаимодействий [81]. Мы вступаем в новый концептуальный мир, где отдельные субъекты «встроены» в иерархии и сети. Безусловно, это важно, поскольку иерархии и сети будут влиять, прямо или косвенно, на принятие индивидуальных решений [82]. Но этим все не ограничивается, и нам приходится иметь дело с новой ситуацией, когда иерархии и сети больше не рассматриваются как альтернативы или в оппозиции. Мы можем наблюдать рекомбинацию иерархий и сетей, наличие определенной иерархии в сетях и сетей в иерархиях. Но возвратимся к вопросу о правилах — формальных или неформальных. В этом случае необходимо выделить три категории. Прежде всего, существуют «правила среды», которые определяют пространство действий организации (будь то иерархия или сеть). Затем, есть «правила организации», которые определяют функции членов коллективной структуры, а затем к ним добавляются «правила совместного использования», которые определяют условия распределения внутри коллектива [83]. Эти различные виды правил подчеркивают баланс между делегированием полномочий и демократией на

рабочем месте; данная проблема сама по себе создает предпосылки для нахождения баланса между дистанцией и близостью.

5. Агломерационный эффект и полицентрические городские системы

Акцент на изучении регионов и агломераций побуждает нас обратиться к рассмотрению вопроса о том, что такое город и что такое агломерация. Границы агломерации, различия между административными, экономическими и социальными границами, а также более конкретный вопрос о том, что такое агломерация, значительно изменились за последние двадцать лет. Появление концепции полицентрических городских систем является доказательством того, что границы иногда определены неточно или их определить трудно [84]. Новые пространства, где люди живут и работают и где происходит основная часть экономической деятельности, в научной литературе обычно называют «функциональными районами» (functional regions). Их границы могут не совпадать с границами административных районов (administrative regions) согласно законодательству разных стран. Экономический район не обязательно является административным.

Среди этих функциональных районов выделяются «функциональные городские ареалы» (один из вариантов перевода термина «functional urban areas»; в различных источниках встречаются следующие варианты перевода: «функциональные городские территории», «функциональные городские районы», «функциональные городские зоны». — *Прим. переводчика*), характеризующиеся наличием одного или нескольких городских центров различного размера и экономической значимости. Эти центры могут формировать иерархически организованную систему. Сокращение расходов на транспорт и связь будет по-прежнему способствовать усилению взаимосвязи между городскими центрами и превращению городских районов из моноцентрических агломераций в полицентрическую систему интегрированных городских центров и субцентров. Необходимо дать определение полицентрической территории. Исходя из обобщенного значения термина, можно сказать, что территория может быть названа полицентрической, если она содержит два центра или больше. При этом уточним,

что территория является полицентрической, если ее население или трудовая деятельность не сконцентрированы в значительной степени в одном единственном центре [85]. Эта идея становится особенно актуальной, когда речь заходит о развитии крупных районов, сформированных в результате массовой урбанизации.

В научных исследованиях по данной проблематике выделяется морфологический аспект, в рамках которого рассматриваются население, занятость, использование земли и другие материальные факторы, и второй, более «функциональный» [86, 87, 88] аспект. Такое определение затрагивает функции, которые выполняют города, или связи между ними [89]. Однако на самом деле эти два аспекта в значительной степени связаны друг с другом и их взаимодействие делает их четкое разграничение довольно трудным. Морфологический аспект полицентричности включает размеры городских центров и их распределение по территории. Этот аспект часто рассматривает степень сбалансированности развития территории, а также долгосрочные последствия предыдущей административной политики или политики в области развития. Функциональный аспект полицентричности в меньшей степени рассматривает внутренние характеристики центров, такие как размер, плотность и т.д., и в большей степени сосредоточен на том, как эти центры организуют остальную территорию, предоставляя функции, которые формируют территориальные иерархии [90, 91]. Мы фактически вернулись к идее Кристаллера [5].

Однако существует большая разница между полицентричностью, в которой отсутствует жесткая иерархия, и большим мегаполисом. На самом деле агломерационный эффект в большом мегаполисе совсем другой. Мегаполис стремится реорганизовать всю полицентрическую систему, навязывая другим городам свои ограничения и политический курс, принятый его лидерами. Весь процесс отношений «центр—периферия» рождается заново, но на этот раз на субнациональном уровне. Но в обоих случаях понятно, что границы города стали размытыми. Различие между тем, что является городом, и тем, что им не является, — различие, которое было важным на протяжении веков, — стало в некоторых случаях бесполезным.

Разумеется, в последние два десятилетия появились новые концепции для определения и описания региональных пространственных структур, в которых несколько городских районов сосуществуют и могут создавать позитивные внешние эффекты за пределами своих собственных границ [92]. Особенности региональных пространственных структур могут приводить к различным последствиям с точки зрения экономического результата, например, через экономию от агломерации или преимущества потребления [93] вследствие большего спектра возможностей потребления в крупных агломерациях [94]. Эти преимущества могут быть достигнуты в крупных городах с высокой плотностью населения и большим количеством рабочих мест. Вместе с тем утверждается также, что преимущества агломерации могут быть «регионализированы» и их можно получить в регионах, характеризующихся наличием нескольких взаимосвязанных городских центров.

6. Особый случай – мегаполис

Необходимо также затронуть проблему мегаполиса, то есть гигантского города, выходящего за свои традиционные границы подобно Прометею, освобожденному от цепей [95]. Это проблема актуальна как для развитых, так и для бедных стран [96]. «Гигантские города» присутствуют независимо от уровня развития. Они не просто растут, поглощая новые территории. Они растут, распространяя свое воздействие на другие и более мелкие города, которые в результате теряют свою индивидуальность и становятся их «спутниками» [97]. Иногда развитие транспортной инфраструктуры ускоряет этот процесс. Ярким примером здесь является влияние французской сети скоростных электропоездов на города средних размеров, такие как Ле-Ман или Вандом [98].

На протяжении десятилетий градостроителям, экономистам и географам приходится иметь дело с проблемой постоянного роста больших городов или мегаполисов. Пространственная структура в масштабе мегаполиса, действительно имеющая многоаспектную политическую значимость [99], была традиционно концептуализирована в экономике городов в 1960-х гг. как моноцентрическая. То есть считалось, что крупные города имели центральный деловой район (ЦДР, central business district), расположенный в центре их

территории [100, 101]. ЦДР характеризуется самой высокой плотностью рабочих мест, но эта плотность должна была монотонно снижаться по мере увеличения расстояния до ЦДР [102]. Однако в последние десятилетия площадь мегаполисов всё увеличивается, а сферы их влияния меняются и регионализируются. В перспективе, с развитием технологического прогресса и увеличением доходов, относительные затраты, вызванные расположением вдали от главного центра, уменьшатся и жители смогут переезжать дальше от ЦДР – туда, где земля дешевле, скопление людей меньше, а площадь жилья больше. В то же время развитие новой транспортной инфраструктуры сокращает альтернативные расходы, возникающие из-за проживания вдали от ЦДР; обеспеченная часть населения, как правило, выбирает для проживания территории с меньшим скоплением людей, а беднейшая часть населения концентрируется в районах, которые раньше были богатым центром города, – такая ситуация наблюдается в Соединенных Штатах [103]. Но может существовать и обратный процесс – так называемая «джентрификация» центра города [104]. Она породила новую форму социального неравенства в крупном городе. Расширение мегаполисов в настоящее время часто выходит далеко за рамки традиционных административных границ, и, как следствие, другие новые или уже существующие центры объединяются или интегрируются в более крупный «функциональный район» [105] или возникают в результате процесса децентрализации из ЦДР [106].

Аллен Скотт (Allen Scott) показал на примере Лос-Анджелеса, что в настоящее время доминирует сеть районов с нечеткой и часто нестабильной иерархией [107]. Некоторые места играют роль магнита для различных видов экономической деятельности [108]. Эффект магнита имеет особое значение для понимания того, как мегаполис внутренне постоянно перестраивается и развивается. Фактически распределение населения и экономической деятельности по пространству мегаполиса может повлиять на экономические показатели агломераций через влияние на интенсивность экономии от агломерации. Установлено, что степень полицентричности мегаполиса связана с более высокой зависимостью от автотранспорта.

Полицентричность мегаполиса также можно понять, сосредоточив внимание на морфологических особенностях и моделях застройки. С этой точки зрения полицентричность мегаполиса можно рассматривать как модель градостроительства, альтернативную дисперсии и иногда называемую «децентрализованной концентрацией» [109]. В принципе она сочетает в себе необходимость содействия урбанизации с ограничением общего рассеивания деятельности в пространстве, приводящего к появлению «бескрайних городов» (edgeless cities) [110]. Однако полицентричность имеет свои собственные негативные эффекты [111, 112]. За развитием мегаполиса может следовать процесс кластеризации, называемый субурбанизацией [113]. Субурбанизация, то есть перемещение людей из центральных районов в пригород, была наиболее распространенной моделью городской эволюции в прошлом веке. Причем некоторые ученые подчеркивают, что субурбанизация была международным явлением, которое имело место почти во всех странах.

7. Как «умность» сочетается с традиционным мышлением

Тогда вряд ли можно оспаривать замечание М. Бэтти (M. Batty) [114] в отношении того, что «в изучении городов существует множество конкурирующих парадигм». Это справедливо и для регионоведения. Безусловно, осознание асимптотической урбанизации в настоящее время повлекло за собой большое количество дискуссий, а также ощущение того, что «новые технологии» создают новые проблемы.

Во-первых, мы должны попытаться оценить новую реальность. Проблема «умных городов» не нова, но она стала одной из самых серьезных проблем примерно десять лет назад. В разгар экономических кризисов 2008–2009 гг. большинство крупных городов в развитых и развивающихся странах осознали, что они конкурируют с другими городами, и эта конкуренция осуществляется такими способами, о которых они раньше и не знали. Они конкурируют не только со своими соседями на национальном уровне, но и с городами на другом конце мира, что является следствием распространения сети Интернет и глобальных сетей поставок. Массовое воздействие новых технологий и их повсеместное внедрение дестабилизировало весь процесс градостроительного проектирования.

Однако понятие «умные города» не является совершенно новым, и, возможно, происхождение этого термина связано с понятием «умный рост», которое было распространено в конце 1990-х гг. [115]. Несколько технологических компаний использовали понятие «умные города» с 2005 г. в сфере применения сложных информационных систем для интеграции функционирования городской инфраструктуры и предоставления общественных благ [116, 117].

Развитие широкополосных сетей в значительной степени влияет на потенциал взаимодействия различных субъектов [118] (например, отдельных лиц, малых предприятий, учреждений и местных органов власти), обеспечивая доступ как к мировым источникам знаний и информации, так и к ресурсам и широкому спектру инструментов для подключения на местном и глобальном уровне. На основе новых сложных сетевых возможностей [119], а также на основе использования конкурентных преимуществ и усилий по развитию сообществ появилась концепция «умных» сообществ («smart» communities) и «умных» городов. Вместе с тем анализ имеющейся литературы показал, что четкого определения «умных» сообществ и «умных» городов не существует. Более того, возник ряд похожих терминов: например, «проводные» сообщества («wired» communities), «широкополосные» сообщества («broadband» communities), «цифровые» сообщества («digital» communities), «сетевые» сообщества («networked» communities), «сеть умных сообществ» («smart community network»), «информатика сообществ» («community informatics») и «интеллектуальные» сообщества («intelligent» communities). Различные исследователи используют эти термины взаимозаменяемо, что добавляет много путаницы. Но иногда эти термины могут употребляться в разном значении. Например, некоторые исследователи пишут о разнице между «интеллектуальным» и «умным» городом [120]. Тем не менее все они имеют в виду сообщества, которые прилагают *«сознательные усилия, чтобы понять мир, в котором «связь» играет все более важную роль, и участвовать в нем»* [121]. Кстати, немаловажным фактором в развитии «мышления в стиле умных городов» стала также необходимость сделать город будущего более удобным для проживания и более экологически чистым, чем раньше [122] (отсюда и

вопрос устойчивости) [123], и способствовать развитию демократического процесса на местном уровне [124].

Хотя существуют некоторые различия в том, как используются исследователями вышеупомянутые термины, все они имеют три общих ключевых аспекта, а именно: средство коммуникации (сетевая инфраструктура — технология — ИКТ); процесс (сетевое взаимодействие различных субъектов); преследуемая цель (участие общественности или другое).

«Умные» — это такие сообщества, лидеры которых и заинтересованные стороны, используя электронные сети и Интернет, создают союзы и партнерства в целях внедрения новшеств и получения новой экономической и социальной ценности [125]. В этом определении акцент делается на развертывании сетей (транспорт и ИКТ), на инвестировании в человеческий и социальный капитал для развития устойчивого сообщества и повышения качества жизни посредством общественного участия, а также пользовательских технологий и приложений для развития местных общественных структур. Однако такая трактовка затрагивает и вопрос о конфликтах, которые могут возникнуть между различными группами, заинтересованными в перспективах развития города или сообщества. Кроме того, в данном определении предполагается возможность «хищнического» поведения главного предприятия города или сообщества, что может иметь совершенно разные последствия для перспектив их развития.

8. Возвращаясь к регионоведению

С точки зрения регионоведения идея «проводного» города («wired» city) как основной модели развития и «наличия связей» (connectivity) как источника роста выдвигается на первый план для повышения благосостояния и конку-

рентоспособности на местном уровне [126]. Мы возвращаемся к вопросам агломерационного эффекта и регионального развития, но в совершенно ином контексте и с совершенно иным понятийным аппаратом. Более широкое определение, представленное на семинаре, посвященном «умным» городам (Smart Cities Workshop) [127], трактует такой город как «... город, который предпринимает сознательные усилия по инновационному использованию ИКТ в поддержку более инклюзивной, разнообразной и устойчивой городской среды». Данное определение было принято также Калифорнийским институтом «умных» сообществ (California Institute for Smart Communities) [128]. Альтернативный подход к определению «умных» сообществ заключается в уделении особого внимания важности социального и экологического капитала в развитии городов. Это действительно важно. Технология, какой бы радикальной она ни была, никогда не становилась главной основой экономического и городского развития. Основа — это управление и связанные с ним социальные вопросы. Социальные конфликты всегда были и ядром, и главным катализатором институционального становления и развития [129]. Это подразумевает наличие сообществ, представители которых учатся получать знания, адаптироваться и создавать новшества, но также, — и это, вероятно, является решающим фактором, — наличие истинно демократических сообществ, представители которых имеют полномочия принимать решения. Расширение прав и возможностей людей служит решающим фактором развития настоящего «умного» города [130]. В этом случае уделяется большое внимание социальной интеграции, участию в делах сообщества и в процессах принятия решений для достижения социальных и экологических целей [131].

Литература

1. <https://data.worldbank.org/topic/urban-development>
2. Benko G. *La Science Régionale* Paris: PUF, 1998.
3. Aydalot P. *Dynamique spatiale et développement inégal*. Economica. Paris, 1976.
4. Matteacoli A., Philippe Aydalot, *pionnier de l'économie territoriale*. Paris: l'Harmattan, 2004.
5. Christaller W. *Die Zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer, 1933.
6. Palander T. *Beiträge zur Standortstheorie*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1935. 419 p.
7. Lösch A. *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft*. Jena: Gustav Fischer, 1940.
8. Isard W. *Introduction to Regional Science*. New York: Prentice Hall, 1975.
9. Isard W. *Location and Space-Economy: A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade and Urban Structure* Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1956.

10. Perroux F. Economic space: theory and applications. *The Quarterly Journal of Economics*, 1950, vol. 64, no. 1, February 1, pp. 89–104.
11. Perroux F. Note sur la notion de pôle de croissance. In: *Economie Appliquée*, 1955, no 1–2, pp. 307–320.
12. Hirschman A. *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press, 1958. 217 p.
13. Ponsard C. *Histoire des Théories Économiques Spatiales*. Paris: Librairie Armand Colin, 1958.
14. Chamberlin E. *The Theory of Monopolistic Competition: A Re-orientation of the Theory of Value*. Harvard University Press, 1933.
15. Krugman P. *The Increasing Returns Revolution in Trade and Geography. Nobel Prize Lecture*. Available at: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2008/krugman-lecture.html
16. Krugman P. *Geography and Trade*, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991.
17. Marshall A. *Element of Economics of Industry*. London: Macmillan and Co., 1900.
18. Becattini G. Les Districts industriels. In : Maruani M., Reynaud E., Romani C. (Eds.). *La Flexibilité en Italie*. Paris : Mire-Syros, 1989.
19. Benko G., Lipietz A. *Les régions qui gagnent – Districts et réseaux, les nouveaux paradigmes de la géographie économique*. Paris: PUF, 1992.
20. Benko G., Lipietz A. Le nouveau débat régional – Positions. In: Benko G., Lipietz A. *Les régions qui gagnent – Districts et réseaux, les nouveaux paradigmes de la géographie économique*. Paris: PUF, 1992. Pp. 13–34.
21. Bagnasco A. *Tre Italie. La problematica territoriale dello sviluppo italiano*. Bologne : Il Mulino, 1977.
22. Becattini G. Il distretto industriale marshalliano come concetto socioeconomico. In : Pyke F. et al. *Distretti Industriali e Cooperazione tra imprese in Italia*. Florence: Banca Toscana, 1991.
23. Sott A.J. L'économie métropolitain: orgnisation industrielle et croissance urbaine. In : Benko G., Lipietz A. *Les régions qui gagnent – Districts et réseaux, les nouveaux paradigmes de la géographie économique*. Paris: PUF, 1992. Pp. 103-120.
24. Bagnasco A., Trigilia C. *La costruzione sociale del mercato. Studi sullo sviluppo di piccola imprese in Italia*. Bologne: Il Mulino, 1988.
25. Sabel C. Flexible specialization and the re-emergence of regional economies. In: Hirst P., Zeitlin J. (Eds.) *Reversing Industrial Decline?* Oxford, Berg, 1989. Pp. 17–70.
26. Scott A.J., Storper M., Regional development reconsidered. In: Ernste H., Meier V. (Eds.) *Regional Development and Contemporary Industrial Response*. London: Belhaven, 1992.
27. Scott A.J. *Metropolis: From the Division of Labour to Urban Form*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1988.
28. Baudouin T., Collin M. *Pour l'estuaire d'un pôle parisien dans la mondialisation*. Paris: DATAR, 1999.
29. Baudouin T. Firmes globales et places territorialisées. In: Collin M. *Ville portuaire, acteur du développement durable*. Paris: L'Harmattan, 2003.
30. Grumbach A. et al. *Seine Métropole – Paris Rouen Le Havre; le diagnostic prospectif de l'agglomération parisienne*. Paris: Archibooks, 2009.
31. Ahrend R., Farchy E., Kaplanis I., Lembcke A.C. What makes cities more productive? Evidence on the role of urban governance from five OECD countries. *OECD Regional Development Working Papers, No. 2014/05*, Paris: OECD Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz432cf2d8p-en>.
32. Tiebout C.M. A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*, 1956, no. 64 (1), pp. 416–424.
33. Cebula R.J., Nair-Reichert U. Migration and public policies: a further empirical analysis. *Journal of Economics and Finance*, 2012, no. 36 (1), pp. 238–248.
34. Tittley F. *L'impact de l'implantation d'un train à grande vitesse sur la croissance de l'emploi dans le corridor Quebec-Windsor*, mémoire pour le M. Sc. Maîtrise de Science Urbaine. Montréal: UQAM, 2011.
35. Bozzani-Franc S. *Grandes Vitesses, Métropolisation et Organisation des territoires: L'apport de l'intermodalité aéro-ferroviaire à grande vitesse au rayonnement métropolitain. Thèse pour le doctorat en géographie et en aménagement*. Université de Lille 1, 2006. 609 p.
36. Weber M. *Theory of the Location of Industries*. Chicago: University of Chicago, 1928.
37. Moses L.N. Location and the theory of production. *Quarterly Journal of Economics*, 1958, no. 78, pp. 259–272.
38. Fujita M.M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy – Cities, Regions and International Trade*. Cambridge, Massachusetts and London, 1999.
39. Fujita M.M., Thisse J.F. *Economics of Agglomeration—Cities, Industrial Location and Regional Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

40. Button K.J. Infrastructure investment, endogenous growth and economic convergence. *The Annals of Regional Science*, 1998, no. 32, pp. 145–162.
41. Aschauer D.A. Highway capacity and economic growth. *Economic Perspectives*, 1990, no. 14, pp. 14–24.
42. Baldwin R.E., Okubo T. Heterogeneous firms, agglomeration and economic geography: spatial selection and sorting. *Journal of Economic Geography*, 2006, no. 6, pp. 323–346.
43. Nocke V. A gap for me: entrepreneurs and entry. *Journal of the European Economic Association*, 2006, no. 4, pp. 929–956.
44. Mayer T., Trevien C. The impact of urban public transportation: evidence from the Paris region. *Journal of Urban Economics*, 2017, vol. 102, November, pp. 1–21.
45. Garcia-López M.-A., Hémet C., Viladecans-Marsal E. Next train to the polycentric city: The effect of railroads on subcenter formation. *Regional Science and Urban Economics*, 2017, vol. 67, November, pp. 50–63.
46. Klein O., Ravalet E., Vincent-Geslin S., Facchinetti-Mannone V., Richer C. Les gares TGV dans les zones périurbaines des villes moyennes sont-elles des vecteurs de métropolisation ? *XLIXe Colloque de l'ASRDLF, Belfort, 9-11 juillet 2012*.
47. Graham D.J., Dender K.V. Estimating the agglomeration benefits of transport investments: some tests for stability. *Transportation*, 2011, no. 38, pp. 409–426.
48. Barré A., Menerault P. (Eds.) *Gares et quartiers de gares: signes et marges. Lille, Rennes et expériences internationales (Italie, Japon, Pays-Bas). Actes du séminaire international du 22 mars 1999*.
49. Troin J.F. Désirs de gares TGV: du projet des édiles locaux au désaménagement du territoire, *Belgeo*, 2010, no. 1–2, pp. 23–34.
50. Facchinetti-Mannone V., Bavoux J.J. L'implantation des gares TGV en France: tensions interscalaires, jeux d'acteurs et recompositions spatiales. *Belgeo*, 2010, no 1-2, pp. 9–22.
51. Ravalet E. *Ségrégation urbaine et mobilité quotidienne, une perspective internationale, Etudes de cas à Niamey, Puebla, Lyon et Montréal*. Thèse en Sciences Economiques mention Economie des Transport et en Etudes Urbaines, Université Lumière Lyon2 et Institut National de la Recherche Scientifique, Urbanisation, Culture et Société, 2009. 387 p.
52. Bradshaw Y.W., Urbanization and underdevelopment: a global study of modernization, urban bias, and economic dependency. *American Sociological Review*, 1987, vol. 52, no. 2, April, pp. 224–239.
53. <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2011/09/22/india-urbanization>
54. *World Development Indicators*. World Bank. Washington DC, 2009.
55. <http://web.mit.edu/urbanupgrading/upgrading/case-examples/overview-africa/regional-overview.html>
56. *United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC) "From Rapid Urbanization to the Consolidation of Human Settlements in Latin America and the Caribbean: A Territorial Perspective," Santiago, Chile, October 6, 2000*.
57. <https://www.afdb.org/en/blogs/afdb-championing-inclusive-growth-across-africa/post/urbanization-in-africa-10143/>
58. Beall Jo et al. *Beyond the Tipping Point: A Multidisciplinary Perspective on Urbanization and Development. Working paper*. Department of Applied Economics and Management, Cornell University, Ithaca, New York, April 2009.
59. Ravallion M. et al. *New evidence on the urbanization of global poverty. Background paper for the 2009 World Development Report*. World Bank. Washington, D.C. available at: <http://econ.worldbank.org/docsearch>.
60. Tversky A., Kahneman D. Rational choice and the framing of decisions. *Journal of Business*, 1986, vol. 59, no. 4, part 2, pp. 251–278.
61. Tversky A., Kahneman D. Loss Aversion in Riskless Choice: a Reference Dependant Model. *Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 107, no. 4, pp. 1039–1061.
62. D'Costa S., Garcilazo E., Oliveira Martins J. *The impact of structural and macroeconomic factors on regional growth. OECD Regional Development Working Papers*. Paris: OECD Publishing, 2013. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5k451mplq9lw-en>
63. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1956, vol. 70, pp. 65–94.
64. Swan T. Economic growth and capital accumulation. *Economic Record*, 1956, vol. 32, pp. 334–361.
65. Romer P. Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, pp. 1002–1037.
66. Romer P. Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 1990, vol. 98, pp. 71–101.
67. Lucas R.E. On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, vol. 22, pp. 3–42.

68. Aghion P., Howitt P. *Endogenous Growth Theory*. MIT Press, Cambridge, MA, 1998.
69. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. *Human capital and regional development*. NBER Working Paper No. 17158. 2011.
70. Ciccone A., Hall R. Productivity and the density of economic activity. *The American Economic Review*, 1996, vol. 86 (1), pp. 54–70.
71. Aghion P., Harris C., Vickers J. Competition and growth with step-by-step innovation: an example. *European Economic Review, Papers and Proceedings*, 1997, vol. 41, pp. 771–782.
72. Bourlès R., Cette G., Lopez J., Mairesse J., Nicoletti G. Do product market regulations in upstream sectors curb productivity growth?: Panel data evidence for OECD countries. *OECD Economics Department Working Papers No. 791*. Paris: OECD Publishing, 2010.
73. Henderson V., Kuncoro A., Turner M. Industrial development in cities. *Journal of Political Economy*, 1995, vol. 103, pp. 1067–1090.
74. Glaeser E.L. Economic growth and urban density: A review essay. *Working paper E-94-7*. 1994. The Hoover Institution, Stanford University.
75. Gerschenkron A. Economic Backwardness in historical perspective. In: *Historical Backwardness in Historical Perspective - A book of essays*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
76. Ahrend R. et al. What Makes Cities More Productive? Evidence on the Role of Urban Governance from Five OECD Countries. *OECD Regional Development Working Papers, 2014/05*. Paris: OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz432cf2d8p-en>.
77. Ahrend R., Gamper C., Schumann A. *The OECD Metropolitan Governance Survey: A Quantitative Description of Governance Structures in Large Urban Agglomerations*. OECD Regional Development Working Papers, 2014.
78. Kim S.-J., Schumann A., Ahrend R. *What Governance for Metropolitan Areas? OECD Regional Development Working Papers*. 2014.
79. Greenstone M., Hornbeck R., Moretti E. Identifying agglomeration spillovers: evidence from winners and losers of large plant openings. *Journal of Political Economy*, 2010, vol. 118/3, pp. 536–598.
80. Stiglitz J.E. Information and the change in the paradigm in economics. *American Economic Review*, 2002, vol. 92, no. 3, June, pp. 460–501.
81. Akerlof G.A. Behavioral macroeconomics and macroeconomic behaviour. *American Economic Review*, 2002, vol. 92, no. 3, June, pp. 411–433.
82. Simonson I., Tversky A. Choice in context: tradeoff contrasts and extremeness aversion. *Journal of Marketing Research*, 1992, vol. 14, pp. 281–295.
83. Sapir J. *Quelle économie pour le XXIe siècle?* Paris: Odile Jacob, 2005.
84. Brezzi M., Veneri P. Assessing Polycentric Urban Systems in the OECD: Country, Regional and Metropolitan Perspectives. *OECD Regional Development Working Papers, 2014/01*. Paris: OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz5mpdkmvr-en>.
85. Riguelle F., Thomas I., Verhetsel A. Measuring urban polycentrism: A European case study and its implications. *Journal of Economic Geography*, 2007, vol. 7 (2), pp. 193–215.
86. Burger M., Meijers E. Form follows function? Linking morphological and functional polycentricity. *Urban Studies*, 2012, vol. 49 (5), pp. 1127–1149.
87. Veneri P. The identification of sub-centres in two Italian metropolitan areas: A functional approach. *Cities*, 2013, vol. 31, pp. 167–175.
88. Veneri P., Burgalassi D. Questioning polycentric development and its effects: Issues definition and measurement for the Italian NUTS-2 regions. *European Planning Studies*, 2012, vol. 20 (6), pp. 1017–1037.
89. Davoudi S. Polycentricity in European spatial planning: From an analytical tool to a normative agenda. *European Planning Studies*, 2003, vol. 11 (8), pp. 979–999.
90. Dieleman F.M., Faludi A. Polynucleated metropolitan regions in Northwest Europe: Theme of the special issue. *European Planning Studies*, 1998, no. 6 (4), pp. 365–377.
91. Parr J.B. The polycentric urban region: A closer inspection. *Regional Studies*, 2004, no. 38 (3), pp. 231–240.
92. Dieleman F.M., Faludi A. Polynucleated metropolitan regions in Northwest Europe: Theme of the special issue. *European Planning Studies*, 1998, no. 6 (4), pp. 365–377.
93. Duranton G., Puga D. Microfoundations of urban agglomeration economies. In: Henderson J.V., Thisse J.F. (Eds.). *Handbook of Regional and Urban Economics*. North Holland, Amsterdam. 2004. Ed. 1. Vol. 4. Chap. 48. Pp. 2063–2117.

94. Glaeser E.L., Kolko J., Saiz A. Consumer city. *Journal of Economic Geography*, 2001, no. 1 (1), pp. 27–50.
95. Béhar D. Métropolisation: version française d'un paradigme universel. In: *La France: une géographie urbaine*. Paris, Armand Colin, coll. U, 2010. Pp. 113–124.
96. Bassand M. Les six paramètres de la métropolisation. *Les cahiers de la métropolisation*, 2001, no.1, pp. 33-39.
97. Leresche J-P., Joye D., Bassand M., (Eds.). *Métropolisations. Interdépendances mondiales et implications lémaniques*. Genève, Georg, 1995.
98. Bozzani S. L'intermodalité air-fer à grande vitesse au service du rayonnement métropolitain: Étude de l'articulation modale à l'aéroport de Roissy-Ch. de Gaulle au départ de Lille. *Les cahiers scientifiques du transport*, 2005, no. 47, pp. 61–88.
99. García López M.A., Muñoz I. Urban spatial structure, agglomeration economies, and economic growth in Barcelona: An intra-metropolitan perspective. *Papers in Regional Science*, 2013, no. 92 (3), pp. 515–534.
100. Alonso W. *Location and Land Use*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964.
101. Muth R. *Cities and Housing*. Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 1969.
102. Mills E.S. *Studies in the Structure of the Urban Economy* Baltimore, MD: John Hopkins Press, 1972.
103. Gordon P., Richardson H.W. Beyond polycentricity: the dispersed metropolis, Los Angeles, 1970-1990. *Journal of the American Planning Association*, 1996, no. 62 (3), pp. 289–295.
104. Clerval A. *La gentrification à Paris intra-muros : dynamiques spatiales, rapports sociaux et politiques publiques*. Thèse de Doctorat de géographie, d'aménagement et d'urbanisme, Université de Paris 1 –Panthéon-Sorbonne, 2008. 602 p.
105. Champion A.G. A changing demographic regime and evolving polycentric urban regions: Consequences for the size, composition and distribution of city populations. *Urban Studies*, 2001, no. 38 (4), pp. 657–677.
106. Anas A., Arnott R., Small K.A. Urban spatial structure. *Journal of Economic Literature*, 1998, no. 36 (3), pp. 1426–1464.
107. Scott A.J. *Technopolis: High-Technology Industry and Regional Development in Southern California*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1993.
108. Markusen A. Studying regions by studying firms. *The Professional Geographer*, 1994, no. 46, pp. 477–490.
109. Frey H. *Designing the City: Towards a More Sustainable Form*. London: E&FN Spon, 1999.
110. Lang R.E. *Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.
111. Dupuy G. *La dépendance automobile, symptômes, analyses, diagnostic traitements*. Antrhopos, coll. Villes, Paris, 1999.
112. Dupuy G. *Les territoires de l'automobile*. Economica, coll. Antrhopos, Paris, 1995.
113. Mieszkowski P., Mills E.S. The causes of metropolitan suburbanization. *Journal of Economic Perspectives*, 1993, no. 7 (3), pp. 135–147.
114. Batty M. The size, shape, and scale of cities. *Science*, 2008, vol. 319, pp. 769–771.
115. Bollier D. *How Smart Growth Can Stop Sprawl*. Washington, DC: Essential Books, 1998.
116. Cisco, 2005. *Dubai: The Smart City*. Available at: http://www.cisco.com/web/learning/le21/le34/downloads/689/nobel/2005/docs/Abdulahakim_Malik.pdf ,
117. Siemens, 2004. *Stadt der Zukunft*. Available at: http://www.siemens.com/innovation/de/publikationen/zeitschriften_pictures_of_the_future/PoF_Fruehjahr_2004/SmartCity.htm
118. Bell R., Jung J., Zacharilla L. *Broadband economies: creating the community of the 21st century*. New York : Intelligent Community Forum, 2008.
119. Coe A., Paquet G., Roy J., E-governance and smart communities: a social learning challenge. *Social Science Computer Review*, 2001, vol. 19, no. 1, pp. 80–93.
120. Deakin M. From intelligent to smart cities. In: Deakin M. (Ed.). *Smart Cities, Governing, Modelling and Analyzing the Transition*. New York: Routledge, 2014. Pp. 15–32.
121. Albert S., Flournoy D., Lebrasseur R. *Networked communities: strategies for digital collaboration*. Hershey, New York: Information Science Reference, 2009.
122. Owen D. *Green Metropolis*. London: Riverhead, 2009.
123. Frantzeskaki N., Loorbach D., Meadowcroft J. Governing societal transitions to sustainability. *International Journal of Sustainable Development*, 2012, vol. 15.
124. Portugali J. *Self-organization and Cities*. Heidelberg: Springer-Verlag, 2000.

125. Allwinkle S., Cruickshank P. Creating smart-er cities: an overview. In: Deakin M. (Ed.). *Creating Smart-er Cities*. New York: Routledge, 2013. Pp. 1–16.
126. Komninos S. *Intelligent cities: Innovation, knowledge systems and digital spaces*. London and New York: Routledge, 2002.
127. *SMART CITIES WORKSHOP, Eurocities, in collaboration with the European Commission's Directorate - General Information Society and Media, Brussels, 2009, November 16-17*.
128. *CALIFORNIA INSTITUTE FOR SMART COMMUNITIES. Ten Steps to Becoming a Smart Community*. Los Angeles, 2001.
129. Guizot F. *Histoire de la civilisation en Europe*. Paris: Hachette, coll. "Pluriel", 1985.
130. Avelino F. Empowerment and the challenge of applying transition management to ongoing projects. *Policy Science*, 2009, vol. 42, pp. 369–390.
131. Coe A., Paquet G., Roy J. E-governance and smart communities: a social learning challenge. *Social Science Computer Review*, 2001, vol. 19, no. 1, pp. 80–93.

Сведения об авторе

Жак Сапир — доктор экономических наук, профессор, иностранный член РАН, директор, Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI) (75013, Франция, г. Париж, 190 Авеню де Франс, 317; e-mail: sapir@msh-paris.fr)

Sapir J.

From Regional Science to “Smart Cities”: Intellectual Legacies and Possible Ruptures

Abstract. We have entered the 21st century facing a global trend of massive urbanization leading to an increasing concentration of population in relatively few, large cities. This exacerbates the share of GDP produced in cities (80%). Today, more than 54% of the world population lives in a city and this number will likely increase by the end of this century to 80%. This trend implies a redefinition of what a city, and what an agglomeration, is. There is then no doubt that the city has become the central point in various social sciences and that agglomeration economics have become an important topic in development economics. Smart Cities have become in this context an important topic in Regional science and in applied economics and geography. There is no doubt that the development of new technologies and especially information technologies have created their own issues. Actually, Smart cities are combining a production function and a housing and living environment one. But one can also see “Smart cities” as a new form of the industrial district issue. Regional science has known an important development since the late 1980 when the Marshallian concept of the “industrial district” came back to favour and became major a topic in development studies. The turn from the “industrial district” to “smart cities” is a much more recent one. But still in smart city studies as in industrial district ones, the same range of issues, some of them purely economic and others more politically oriented, are at stake.

Key words: regional science, smart cities, industrial district, Marshallian district, regional development, urbanization, economic polarization, transportation.

Information about the Author

Jacques Sapir — Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, École des hautes études en sciences sociales (EHESS), Centre d'études des modes d'industrialisation (CEMI) (190, Avenue de France, Paris, 75013, France; e-mail: sapir@msh-paris.fr)

Статья поступила 4.05.2018.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.3

УДК 330.322, ББК 65.04

© Минакир П.А., Суслов Д.В.

Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока

**Павел Александрович
МИНАКИР**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, 153
E-mail: minakir@ecrin.ru

**Денис Владимирович
СУСЛОВ**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, 153
E-mail: suslov@ecrin.ru

Аннотация. Рассматриваются тенденции и закономерности поступления и использования прямых иностранных инвестиций в экономике России в разрезе мегарегионов, особенности привлечения и пространственного распределения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионах Дальнего Востока. Цель исследования — оценка экономических эффектов, генерируемых иностранными инвестициями на Дальнем Востоке. В качестве гипотезы рассматривается предположение о том, что привлечение иностранных инвестиций в регион является в большей степени инструментом максимизации эффекта масштаба, нежели устранения финансовых дисбалансов. Исходными данными при проведении исследования служат статистические материалы Банка России, а также макроэкономические индикаторы, публикуемые федеральными и

Для цитирования: Минакир П.А., Суслов Д.В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 41–56. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.3

For citation: Minakir P.A., Suslov D.V. Foreign direct investment in the economy of the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 41–56. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.3

региональными статистическими органами. Методологической базой исследования являются концепции современной общей теории прямых иностранных инвестиций, в частности концепция пространственного размещения иностранных инвестиций. В статье приведены результаты оценки пространственной динамики и модификации пространственно-отраслевой структуры иностранных инвестиций на Дальнем Востоке, макроэкономических эффектов их применения. Новым научным результатом является исследование по оценке влияния формируемых на Дальнем Востоке специальных институциональных режимов на динамику и структуру иностранных инвестиций, показаны возможности и ограничения стимулирующего воздействия этих режимов. Определены интервальные значения масштабов и структуры привлечения иностранных инвестиций в перспективе. Выводом исследования является обоснование гипотезы о том, что извлечение природной ренты на основе доступа к месторождениям полезных ископаемых (как углеводородов, так и других ресурсов) и переработке природных ресурсов является основным мотивом стратегического выбора инвесторов и этот мотив инвариантен по отношению к политическим и институциональным новациям. Результаты исследования применимы в рамках прикладного регионального анализа и формирования региональной экономической политики. Важным направлением дальнейших исследований выступает моделирование инвестиционных трансфертов между странами Северо-Восточной Азии и российским Дальним Востоком.

Ключевые слова: Дальний Восток, прямые иностранные инвестиции, размещение, регионы, страна-инвестор, оффшор, Северо-восточная Азия, предприятия с иностранным участием, проекты, ТОР, СПВ.

Введение

Одной из существенных компонент «новой экономической политики» развития российского Дальнего Востока является стимулирование притока иностранного капитала, в первую очередь прямых иностранных инвестиций, рассматриваемых как альтернативный ресурс экономического развития и источник технологических инноваций. Первой попыткой использовать иностранные инвестиции как ресурс экономического развития на Дальнем Востоке стали концессионные соглашения 1920-х годов [1; 2]. Прямые иностранные инвестиции начали использоваться в качестве источника экономического развития и инструмента освоения природно-ресурсной базы региона с середины 1960-х годов, когда были заключены первые компенсационные соглашения с Японией по формуле «капитал и технологии за природные ресурсы». По существу эти соглашения являлись крупномасштабными бартерными сделками, сторонами которых выступали национальные правительства [2; 3]. В 1980-х годах использование прямых иностранных инвестиций осуществлялось уже на базе самих экономических агентов при институциональных гарантиях и локализованных в регионе специальных стимулах (льготах) для иностранных инвесторов со стороны государ-

ства, закрепленных в Законе об иностранных инвестициях (1987 г.) [3]. Современный этап инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке характеризуется отсутствием специального институционального режима для иностранных инвестиций, что обуславливает подчинение динамики, масштабов, секторальной и территориальной структуры привлекаемых иностранных инвестиций сравнительным преимуществам функционирующего в регионе капитала по сравнению с другими вариантами его размещения.

Поэтому динамика и структура прямых иностранных инвестиций (ПИИ) могут служить косвенным индикатором успешности самой экономической политики развития в регионе с точки зрения повышения уровня его конкурентоспособности на рынке капитала, а также оценкой потенциала абсолютных преимуществ Дальнего Востока в области естественных факторов притяжения ПИИ.

Эти оценки в статье описываются с помощью анализа тенденций привлечения и пространственного распределения ПИИ в регионах Дальнего Востока с учетом изменения информационной базы в связи с переходом в учете иностранных инвестиций на методологию Банка России. Подобные исследования с начала

2000-х годов широко проводятся как применительно в целом по отношению к экономике России [4; 5; 6], так и в аспекте сравнительного пространственного анализа структурно-динамических индикаторов и эффектов [7; 8; 9; 10].

Вместе с тем до настоящего времени не решена задача оценки откликов социально-экономических систем конкретных регионов на использование в данном регионе прямых иностранных инвестиций. В частности, необходимо исследовать, как соотношения между динамикой и масштабами иностранных инвестиций, с одной стороны, и макроэкономической динамикой в конкретном регионе – с другой, модифицируются в зависимости от особенностей структуры экономики, емкости внутреннего рынка, интегрированности региональной системы в межрегиональные и глобальные цепочки. Не менее важной задачей является также оценка эффективности учета в инвестиционной и общеэкономической политике в конкретном регионе комплекса специфичных для него факторов привлечения и функционирования иностранных инвестиций.

Теоретические концепции исследования ПИИ

Исследования динамики, географической и отраслевой структуры, закономерностей размещения, форм и источников финансирования, эффектов прямых иностранных инвестиций опираются на целое семейство теоретических концепций.

Эти концепции опираются как на предположение о том, что прямые иностранные инвестиции осуществляются на рынках с совершенной конкуренцией (наличие большого числа продавцов и покупателей, гомогенность продуктов, свободный доступ к информации и т.п.), так и на допущение о несовершенстве рынков (наличие барьеров во внешней торговле, транзакционных издержек, транспортных затрат и налогов) [11; 12]. И в том и в другом случаях рассматриваются большое количество переменных и различных факторов (макро-, микро- и стратегических).

Макрофакторы включают в себя размеры принимающей ПИИ экономики, ставки процента, заработной платы и доходности. Микрофакторы относятся к характеристикам фирм и отраслей, которые предоставляют определенные преимущества ТНК в отличие от других

фирм. Они включают в себя продуктовую дифференциацию, технологические и рекламные эффекты, жизненный цикл продуктов и размеры фирм. Множество стратегических факторов объединяет обстоятельства, косвенно влияющие на принятие решений о зарубежном инвестировании [13].

Теоретические концепции, описывающие пространственное распределение прямых иностранных инвестиций в соответствии с мотивами инвестирования в условиях рынков совершенной конкуренции, основаны на предположении о том, что решения о размещении ПИИ доминируются сравнительными оценками доходности капитала в различных странах и регионах [14; 15], стремлением к диверсификации бизнеса [12; 16], а также максимизации эффекта масштаба за счет размещения инвестиций в странах и регионах с большой емкостью рынка для соответствующей продукции [12; 17; 18; 19; 20].

Более сложными конструкциями описываются закономерности размещения прямых иностранных инвестиций при введении в условие задачи более реалистичного предположения о несовершенстве рынков. К ним относятся гипотеза промышленной организации [21; 22; 23], гипотеза интернализации [24; 25; 26], гипотеза пространственного размещения [13; 27; 28; 29; 30], эклектическая теория (парадигма) Даннинга [31; 32; 33; 34], гипотеза жизненного цикла продукции [35], гипотеза олигополистической реакции [36] и некоторые другие.

Независимо от типа рынков, на которых функционируют прямые иностранные инвестиции, невозможно объяснить с достаточной достоверностью и полнотой мотивы, причины и эффекты размещения капитала только с точки зрения целеполагания и внутренней эффективности самого капитала. Эти основания вполне достаточны в случае описания мотивов и результатов размещения функционирующего капитала в условиях гомогенной институциональной среды, каковой является национальная экономика.

Однако в случае международного движения предпринимательского капитала существенными условиями, влияющими на принятие решений относительно размещения ПИИ и результаты реализации этих решений, являются столь

же дифференцированные по странам и регионам, сколь и плохо формализуемые сочетания институтов и экономических политик (особенности режимов финансирования, валютных режимов, тарифных и нетарифных барьеров, налоговые политики, стратегические приоритеты и ограничения на вход иностранного капитала на национальные рынки и пр.).

Учесть это многообразие условий невозможно в рамках какой-либо унифицированной системы канонических концепций (теорий). Существенная специфика комбинаций факторов и условий, характерных для конкретных кейсов размещения иностранных инвестиций, обуславливает обязательность формулирования адекватных концепций и гипотез, описывающих динамику и структуру иностранного инвестирования применительно к той или иной стране или периоду. Еще в большей мере это относится к проблеме объяснения регионального размещения ПИИ (особенно в рамках средних и крупных стран), которая в теориях и гипотезах представлена значительно скромнее, нежели для случая национальных экономических систем. Это определяет не только, и не столько, наличие определенной свободы в формулировании гипотез и применении различных теоретических концепций при описании регионального аспекта ПИИ, но и необходимость проверки их адекватности эмпирическим путем, тестирования их соответствия особенностям территориального и отраслевого развития.

Такое тестирование может быть проведено с помощью эконометрических моделей (при наличии адекватной статистической базы), что имеет прецеденты в российской исследовательской практике [37; 38], но не приводит к получению надежных результатов, так как позволяет учесть лишь ограниченную совокупность значимых для инвесторов характеристик регионов [39]. В ряде случаев лучшие результаты дает дескриптивный анализ с использованием авторских баз данных и методы анкетирования.

В России одной из наиболее известных теоретических моделей размещения ПИИ в региональном разрезе является модель иерархически-волновой диффузии [40], основанная на гипотезе о том, что иностранные инвесторы первые свои предприятия создают, как правило, в ключевых экономических центрах или их

пригородах, а затем «осваивают» смежные территории, что выражается со временем в уменьшении территориальной концентрации ПИИ. Однако эта модель значительно больше подходит для описания инвестиционных стратегий отдельных экономических агентов, но не для объяснения сравнительной динамики, тем более структуры и эффектов иностранных инвестиций в регионах. Если количество иностранных инвесторов остается постоянным, то данная модель способна объяснить процессы размещения инвестиций в межрегиональном аспекте. Но при увеличении числа входящих в страну новых прямых инвесторов, которые, как и их предшественники, начинают свою деятельность с крупнейших экономических центров, концентрация ПИИ может сохраняться и даже увеличиваться. Кроме того, есть принципиальные исключения из этой модели, которые касаются как раз принципиальных для условий российской экономики случаев. Во-первых, этой моделью не учитывается ситуация, когда масштаб рынка делает достаточным для инвестора ограничиться ограниченным числом (или даже единичной) инвестиций, эксплуатируя экономию на масштабе (как, например, в случае создания автосборочных производств). Во-вторых, инвестирование в приграничных регионах, а не крупнейших экономических центрах. В-третьих, выпадают ситуации приобретения иностранным инвестором готового предприятия или развития кооперационных связей. Наконец, в-четвертых, и это наиболее принципиально в рамках данной статьи, приведенная модель не подходит для описания ситуации инвестирования в освоение и экспорт природных ресурсов, что исключительно важно для российского Дальнего Востока и аналогичных по экономическому типу регионов.

Поэтому в данной статье в качестве теоретической гипотезы, объясняющей тренд и структуру прямых иностранных инвестиций применительно к Дальневосточному федеральному округу и входящим в его состав субъектам Российской Федерации, как и в случае с другими ресурсноориентированными регионами, принимается гипотеза пространственного размещения ПИИ, в соответствии с которой основанием для их движения и размещения является иммобильность факторов производства

(рабочая сила, источники сырья и пр.). Эта имобильность ведет не только к пространственной дифференциации стоимости факторов производства (что генерирует эффекты сравнительных преимуществ или, в более поздней версии, ХО-эффекты), но и к возникновению ограниченных эффектов абсолютных экономических преимуществ.

Особенности информационного обеспечения анализа прямых иностранных инвестиций в России

До 2014 г. статистический учет иностранных инвестиций в России осуществлялся в соответствии с «Методологическим положением по организации статистического наблюдения за движением иностранных инвестиций в соответствии с руководством по платежному балансу»¹. В Единой межведомственной информационно-статистической системе Госкомстата были собраны квартальные данные о поступлении иностранных инвестиций с 2004 г.

Признаками классификации поступления иностранных инвестиций являлись виды деятельности (по ОКВЭД), страны мира (инвесторы), региональный разрез по федеральным округам и субъектам РФ. Данные были представлены для всех видов иностранных инвестиций (прямые, портфельные и прочие), что позволяло проводить глубокий динамический и структурный анализ поступления иностранных инвестиций в отраслевом и региональном разрезе для выявления тенденций и региональных особенностей. Но с 2014 г. в России осуществлен переход к учету поступления только прямых иностранных инвестиций². Это привело к потере сопоставимости данных об иностранных инвестициях за 2004–2014 гг. и за период с 2015 г.

Со второй половины 2015 г. в России начали публиковать статистику ПИИ, собранную ЦБ РФ по новой методологии, о накопленных

на начало 2015 г. прямых инвестициях по субъектам РФ, включая данные о накопленных в них ПИИ, структуре инвестиций по странам, географических и экономических зонах прямых инвесторов, видах экономической деятельности. Объем накопленных в субъекте РФ ПИИ — адекватный статистический показатель для оценки сложившихся межрегиональных различий по привлечению ПИИ [41]. Однако, по этому показателю невозможно анализировать региональные закономерности, особенности и тенденции притока иностранных инвестиций в региональном разрезе, хотя именно эти проблемы в основном анализировались в научной литературе [42; 43; 44]. Статданные не только о поступивших, но и об изъятых ПИИ Центральный Банк РФ начал публиковать только с 2011 г., тогда как значительный приток иностранных инвестиций пришелся на 1990–2000-е годы. К тому же статистика по притоку ПИИ никогда не детализировалась: отсутствовали открытые данные и по странам происхождения прямых инвесторов (позволявшие оценить роль оффшорных инвестиций и других удобных юрисдикций), и по отраслевой структуре инвестиций.

Эти и ряд других статистических новаций привели к значительным изъянам в аналитических исследованиях по региональным аспектам прямого иностранного инвестирования в России [45; 46]. По некоторым направлениям, например при формулировании и тестировании различных гипотез, в сфере анализа данных по потокам и остаткам ПИИ в субъектах РФ, новая статистика предоставляет определенные возможности, но в целом она имеет существенные недостатки, о которых говорят многие эксперты и иностранные инвесторы³.

Несовершенство учета инвестиций становится проблемой для их объективного анализа и принятия управленческих решений. Объективный анализ динамики инвестиций часто затруднен в связи с неполнотой учета данных по мелким и средним инвестиционным проектам и предприятиям, несовершенством ме-

¹ Постановление Госкомстата России № 204 от 28.10.2002.

² Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж. URL: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/meth-kom-di.pdf; Об утверждении порядка предоставления в Банк России первичных статистических данных о прямых инвестициях: Указание Центрального Банка Российской Федерации (Банк России) от 28 декабря 2014 года № 3519-У.

³ Эксперты: статистика по инвестициям на Дальний Восток противоречива. URL: <https://dv.rbc.ru/dv/29/03/2018/5abd521b9a794732fae0849f?from=main> (дата обращения: 30.03.2018).

тодов исчисления накопленных инвестиций, а также определения страновой принадлежности инвестиций. Официальные статданные по накопленным инвестициям могут в несколько раз отличаться от данных, основанных на учете объемов и структуры капиталовложений отдельных проектов. Так, по данным ЦБ, на конец 2016 года накопленные прямые инвестиции из Китая в Россию составляли 2,27 млрд. долл., а по данным Евразийского банка развития (ЕАБР), они составили 8,23 млрд. долл. Китайские источники также не предоставляют возможности однозначно оценить масштабы инвестиционного сотрудничества. Противоречивы заявления и официальных представителей китайской стороны.

В некоторой степени обойти возникшие проблемы в полноте статистических наблюдений помогло бы использование авторских баз данных по конкретным осуществленным инвестиционным проектам с иностранными инвестициями [47]. Примером может служить база данных ЕАБР и база ИМЭМО РАН.

Ключевое преимущество основанных на подобной информационной основе работ — детальность используемых для последующего анализа данных. Удастся узнать страну происхождения инвестиций (в т.ч. понять, являются ли инвестиции реально иностранными), характер реализуемого проекта (с нуля или готовый бизнес), его отраслевую принадлежность, долю иностранного инвестора в уставном капитале компании (контролирует ли иностранный инвестор предприятие⁴).

Однако формирование базы данных инвестиционных проектов — крайне трудоемкий процесс, и неизбежно приходится ограничиваться сбором информации только об относительно крупных (или доступных) инвестиционных проектах. Кроме того, такие базы данных дают весьма ограниченные возможности для

проведения количественного анализа распределения ПИИ по регионам, поскольку практически невозможно получить информацию по ежегодным объемам инвестиций.

Особенности информационного обеспечения аналитических исследований по проблеме прямых иностранных инвестиций обуславливают ряд ограничений в полноте выводов относительно как общерегионального аспекта их динамики и структуры, так и роли иностранных инвестиций в экономике конкретных регионов, в частности российского Дальнего Востока.

Прямые иностранные инвестиции в экономике России: региональные распределения

С учетом выделенных выше особенностей информации о поступлении и использовании прямых иностранных инвестиций в экономике России, характеризующей в целом движение капитальной стоимости, отраженное в платежном балансе, следует отметить, что распределение инвестиций в разрезе макрорегионов (федеральных округов) отражает именно эти информационные особенности. Основной зоной притяжения прямых иностранных инвестиций являются г. Москва и Северо-Западный федеральный округ (в основном г. Санкт-Петербург), где регистрируется 72% всех поступивших инвестиций в 2012 г. и почти 78% — в 2017 г. (табл. 1).

Это вполне соответствует ранее упомянутой концепции концентрации иностранных инвестиций в зоне мегаполисов, с которыми связаны основные рынки сбыта. Московский регион притягивает инвестиции и самим фактом регистрации в Москве значительной части иностранных и использующих иностранные инвестиции компаний. Существует также еще одна важная причина для подобной экстраординарной концентрации прямых иностранных инвестиций — в их составе большую долю занимают долговые инструменты, а, кроме того, система учета, основанная на платежном балансе, отслеживает финансовые потоки, связанные с инвестициями. Большая часть таких потоков идет именно в Москву и через Москву.

Несколько иначе представляется ситуация с привлечением и использованием прямых иностранных инвестиций, если иметь в виду отток инвестиций. В этом случае заметно меняется

⁴ Прямой инвестор — инвестор, являющийся резидентом одной страны, участие которого в капитале резидента другой страны обеспечивает ему не менее 10% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставной капитал. Прямым иностранным инвестором может быть юридическое или физическое лицо, международная организация или государственный орган.

Таблица 1. Поступление и сальдо прямых иностранных инвестиций по федеральным округам, %, РФ=100%

	2012	2017*
ЦФО	59,2 / 75,8	67,6 / 50,2
СЗФО	12,9 / 13,8	10,2 / -0,1
ЮФО	1,4 / 0,3	1,1 / -3,3
СКФО	0,1 / -0,1	0,4 / 0,3
ПрФО	3,3 / 2,0	2,0 / 1,1
УрФО	14,3 / 12,2	4,7 / 8,1
СФО	2,6 / -7,6	5,8 / 14,5
ДФО	4,7 / 1,1	7,5 / 27,0

* По данным за 9 месяцев.

Примечание. Данные без учета изъятия прямых инвестиций, нераспределенных инвестиций по субъектам и Крымского ФО. Данные и использование знаков соответствуют методологии шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ (РПБ6) в соответствии с принципом активов/пассивов. Знаки операций: «+» – рост активов и рост обязательств; «-» означает снижение активов и снижение обязательств. Знаки сальдо операций по строке «Прямые инвестиции»: «+» – превышение активов над обязательствами; «-» – превышение обязательств над активами. Источник: данные Банка России.

пропорция между примененными инвестициями в зонах преимущественной концентрации производств, ориентированных на внутренний и на внешний рынки. В 2012–2017 гг. доля сальдо инвестиций (приток минус отток) снизилась для Москвы и СЗФО с 88,6 до 50,1%. В то же время доля макрорегионов с преимущественно экспортной ориентацией вложений иностранного капитала увеличилась с 3,5 до 39,6% (см. табл. 1).

Это свидетельствует о замещении в ожиданиях инвесторов эффектов внутреннего рынка внешнеторговыми доходами. Косвенным подтверждением этого тренда является также кардинальное изменение характеристик оттока инвестиций в сравнении с показателями притока. В 2012–2017 гг. отношение выведенных инвестиций к сумме поступивших за соответствующий год, увеличилось с 61% до почти 81% для «столичных регионов», но уменьшилось с 91 до 16% для восточных регионов.

Отмеченный эффект замещения вполне согласуется с вышеуказанной концепцией имобильности факторов производства как основания для решений при размещении прямых иностранных инвестиций. Но с точки зрения эффектов для роста российской экономики эта тенденция крайне негативна. Смещение зоны концентрации прямых иностранных инвестиций в пользу экспортного добывающего сектора означает сужение базы для увеличения внутреннего совокупного спроса в экономике как фактора экономического роста.

Прямые иностранные инвестиции в экономике Дальнего Востока

В целом для Дальнего Востока динамика и поступления, и сальдо прямых иностранных инвестиций носит монотонный характер (рис. 1). В 2012–2017 гг. в экономику региона поступило более 65 млрд. долларов ПИИ, а совокупное сальдо за эти годы составило более 33 млрд. долларов США или (по текущему курсу) более 23% совокупных инвестиций в основной капитал региона за эти годы.

При этом значение прямых иностранных инвестиций в качестве источника накопления в экономике Дальнего Востока увеличивалось высокими темпами, во многом благодаря девальвации рубля в конце 2014 г., но также и в связи с постоянным снижением коэффициента изъятия инвестиций из оборота в дальневосточной экономике, что свидетельствует о долговременности интересов инвесторов, которые преследуются ими в регионе (рис. 2).

Характер этих интересов иллюстрируется внутрирегиональным распределением ПИИ по субъектам Федерации. В 2012–2017 гг. 68,4% всех поступивших субъекты Федерации, по данным Банка России, прямых иностранных инвестиций в ДФО было аккумулировано в Сахалинской области⁵. То есть основным предметом инвестирования является добыча и переработка углеводородного сырья.

⁵ По данным Банка России за 2012–2017 гг.

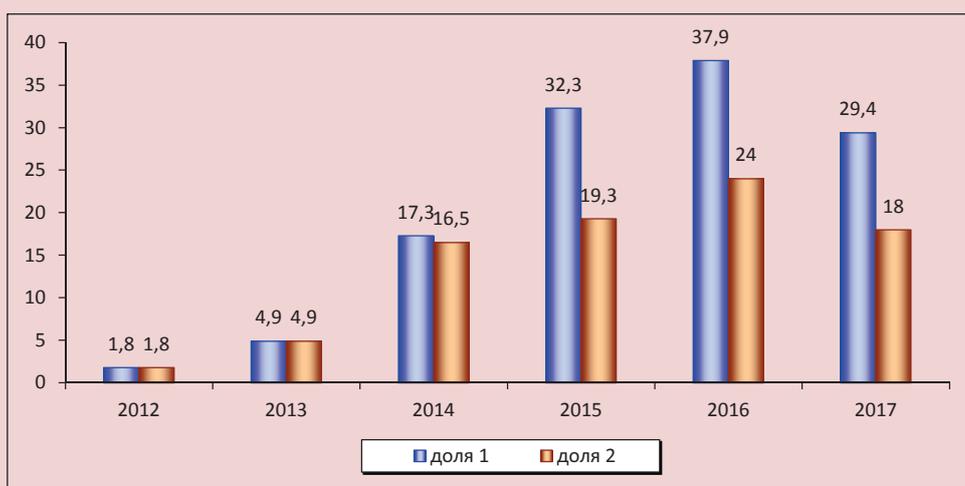
Рис. 1. Динамика ПИИ в экономике Дальнего Востока, млрд. долл. США

Источник: данные Банка России.

Примечание. 2017 год – по данным за 9 месяцев.

Рис. 2. Доля ПИИ в совокупных инвестициях в основной капитал на Дальнем Востоке, %

Источники: данные Банка России; Социально-экономическое положение в Дальневосточном федеральном округе за соответствующие годы.

Примечание. Доля 1 – при фактическом среднегодовом курсе рубля, доля 2 – при условном курсе рубля равном среднему курсу в 2013 г.

В целом к началу 2017 года накопленный объем или остатки прямых иностранных инвестиций в экономике Дальнего Востока составили порядка 62 млрд. долларов, почти 90% которых приходилось на Сахалинскую область.

При этом (в отличие от среднероссийской ситуации) ссудный капитал составлял незначительную часть (около 7% остатков ПИИ), что в значительной степени объясняет и низкую долю оттока иностранного капитала из региона (табл. 2).

Таблица 2. Прямые иностранные инвестиции в ДФО, остатки по субъектам Федерации в разрезе инструментов (на 1.01.2017 г., млн. долл. США)

	Всего	Участие в капитале	Долговые инструменты
ДФО	62245	57942	4303
Республика Саха	1813	779	1034
Камчатский край	216	199	17
Приморский край	2117	1005	1112
Хабаровский край	1023	329	695
Амурская область	984	704	280
Магаданская область	11	1	9
Сахалинская область	55574	54673	901
ЕАО	202	87	115
ЧАО	305	166	139
Источник: данные Банка России.			

Конечно, и в данном случае высокий уровень участия в капитале достигается за счет инвестиций в проекты Сахалинской области (1,6% накопленного капитала в ссудной форме). Для остальных субъектов Федерации, за исключением Камчатского края, прямое иностранное инвестирование в большой степени принимает форму ссуд для финансирования инвестиционных проектов. Однако кредитование инвестиционных проектов не имеет в общем случае параллелей с ранее широко использовавшимся на Дальнем Востоке институтом компенсационных соглашений, в рамках которых оплата долга и процентов по нему осуществлялась в форме гарантированных поставок на экспорт продукции, произведенной на кредитуемых предприятиях. То есть в той части, в которой ПИИ представляют собой ссудный капитал, они фактически являются российскими инвестициями, использующими иностранный капитал в качестве финансового инструмента реализации проекта.

С этой точки зрения российский Дальний Восток имеет существенное преимущество перед другими макрорегионами, в которых значительно большая часть ПИИ относится к ссудному капиталу, то есть реальное влияние производительных иностранных инвестиций более ограничено. Однако в случае Дальнего Востока существует иная проблема в части реального влияния ПИИ на экономику региона – пространственно-отраслевая монополия на их привлечение и использование.

Более 90% накопленных в регионе ПИИ концентрируется в секторе добычи природных ресурсов и геологоразведки (табл. 3), в основном топливно-энергетических полезных ископаемых, что привело к формированию асимметричной отраслевой структуры ПИИ, а следовательно, к подавлению инвестиционно-го мультипликатора.

До 2012 г. основными странами-инвесторами (по месту регистрации инвестирующих компаний) для Дальнего Востока являлись Нидерланды и Япония. Но в 2015–2017 гг. ситуация существенно изменилась. Основными инвестиционными донорами для Дальнего Востока стали оффшорные территории и прочие источники (категория «не распределено по странам»), расшифровать которые весьма проблематично по причине наличия «конфиденциальных данных».

Это связано с переходом к финансированию крупнейших нефтегазовых проектов через специально созданные компании в оффшорных юрисдикциях. Этим объясняется и не столь заметная, как можно было бы ожидать, судя по роли японских компаний в нефтегазовых проектах Сахалина, доля Японии как страны-инвестора. «Новая» статистика ЦБ РФ отразила эту изменившуюся схему зарубежного инвестирования (табл. 4). Статистической «родиной» более чем 92% поступивших в этот период на Дальний Восток ПИИ являются такие оффшорные территории, как Багамы, Бермуды и Кипр, что отражает общую тенденцию к минимизации инвестиционных рисков на развивающихся рынках, в частности на российском.

Таблица 3. Прямые иностранные инвестиции в ДФО, остатки по видам экономической деятельности, млн. долл. США

Виды деятельности	На 01.01.2015	На 01.01.2017
Всего по ДФО	41550	62245
Операции с недвижимым имуществом	61	100
Деятельность профессиональная, научная и техническая	-	-
Финансы и страхование	50	38
Добыча полезных ископаемых	36816	56041
Обрабатывающие производства	0	484
Предоставление прочих услуг	830	1154
Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство	3	10
Строительство	66	187
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	51	120
Транспортировка и хранение	69	-28
Не распределено по видам экономической деятельности	3604	4139
<p>Примечания: 1. Данные соответствуют методологии шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ и представлены в соответствии с принципом активов/пассивов. Определение видов экономической деятельности соответствует основным классификационным категориям четвертого пересмотренного варианта Международной стандартной отраслевой классификации ООН (ISIC4) и ее европейского эквивалента (NACE2). Данные по хозяйствующим субъектам, получающим прямые инвестиции, были изначально сформированы на базе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) по основному виду деятельности и затем перегруппированы по методологии ISIC4. Начиная с данных на 01.04.2017 года используется ОКВЭД2. Основным видом экономической деятельности коммерческой организации является тот вид, который по итогам предыдущего года имеет наибольший удельный вес в общем объеме выпущенной продукции и оказанных услуг.</p> <p>2. Данные включают инвестиции в банки и прочие секторы; в графу «Не распределено по видам экономической деятельности» включены конфиденциальные данные.</p> <p>Источник: данные Банка России.</p>		

Таблица 4. Географическая структура накопленных прямых иностранных инвестиций в ДФО, млн. долл. США

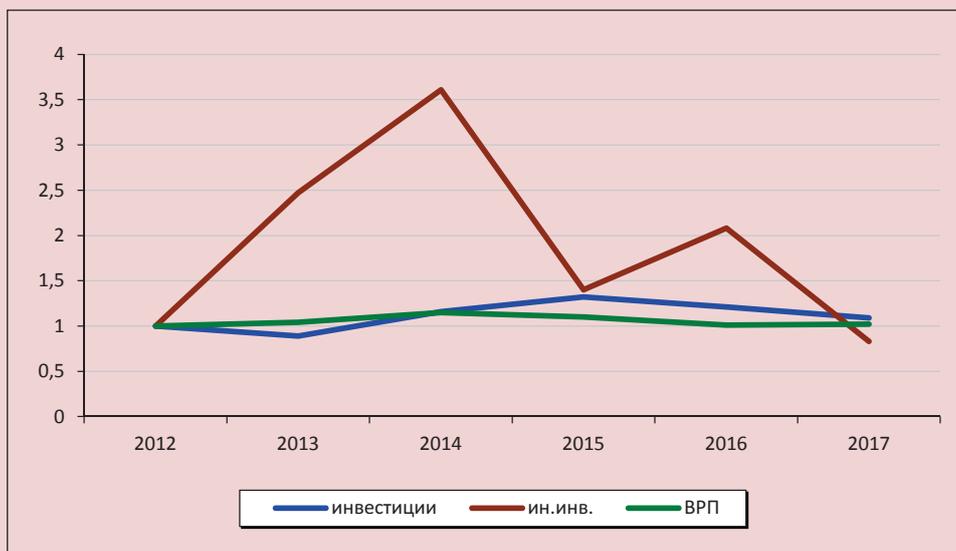
	на 01.01.2015	на 01.01.2016	на 01.01.2017	на 01.10.2017
Всего инвестиций	41550	39431	62245	60952
Багамы	20828	21227	33275	32486
Бермуды	14443	13177	21192	20555
Кипр	2121	1942	2622	3247
Не распределено, в т.ч. конфиденциальные данные	3059	2395	3593	3190
Прочие страны	1099	690	1563	1474
<p>Примечания: 1. Данные разработаны в соответствии с методологией шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (РПБ6) МВФ.</p> <p>2. Включены финансовые и нефинансовые инвестиции.</p> <p>Источник: данные Банка России.</p>				

Реальное влияние прямых иностранных инвестиций на экономику региона проявляется как на макро-, так и на микроуровне. На макроуровне это влияние должно было бы ощущаться через связь приростов сальдового показателя притока ПИИ и приростов валового регионального продукта, а также через реакцию общего объема инвестиций в основной капи-

тал на изменение остатков ПИИ. Однако такой зависимости практически не обнаруживается (рис. 3).

Это связано отчасти с тем, что, как отмечалось выше, ПИИ на Дальнем Востоке преимущественно локализованы в пределах Сахалинской области, а эффекты их применения в очень малой степени локализованы в пре-

Рис. 3. Приросты номинальных значений инвестиций и ВРП (% к предыдущему году)

делах самого Дальнего Востока. Кроме того, инвестиции в проекты Сахалинского шельфа (основные реципиенты ПИИ) находятся в такой стадии, что инвестиционные лаги существенно больше, чем в первые годы после начала экспорта готовой продукции. Соответственно, период 2012–2015 гг. недостаточен для улавливания инвестиционных эффектов.

На микроуровне эффекты иностранного инвестирования проявляются как стимулирование предпринимательской деятельности в экономике, в частности через увеличение общей массы функционирующих экономических агентов. Для некоторых субъектов Федерации

в регионе прямые иностранные инвестиции действительно служат важным фактором наращивания предпринимательской массы (Еврейская автономная область, Амурская область, Сахалинская область). Но в целом предпринимательский эффект иностранных инвестиций весьма ограничен с точки зрения доли предприятий с иностранными инвестициями в общем количестве действующих на территории округа коммерческих предприятий (табл. 5).

При этом, как правило, речь идет о мелких предприятиях, судя по тому, что на территории Сахалинской области, на которую приходится почти 90% иностранных инвестиций, функ-

Таблица 5. Число предприятий с иностранным участием на 01.01.2017 г.

Субъект ДФО	Иностранные	Совместные	Всего с иностранным участием	Доля в общем числе предприятий, %
ДФО	3442	1444	4886	2,5
Республика Саха (Якутия)	207	81	288	1,1
Камчатский край	60	77	137	1,2
Приморский край	1326	571	1897	2,7
Хабаровский край	548	302	850	1,9
Амурская область	570	123	693	4,1
Магаданская область	78	30	108	2,1
Сахалинская область	395	217	612	3,5
Еврейская автономная область	239	36	275	8,2
Чукотский автономный округ	19	7	26	2,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 653.

ционирует только 12,5% всех предприятий с иностранными инвестициями округа. Наибольшее число таких предприятий (70% общего числа) зарегистрировано в Приморском и Хабаровском краях и Амурской области, на которые приходится лишь малая часть накопленных иностранных прямых инвестиций, но которые располагают диверсифицированной экономикой, что предоставляет существенно большие возможности для создания ориентированных на внутренний спрос небольших предприятий.

Институциональный режим и иностранные инвестиции

С 2012 г. на Дальнем Востоке реализуется комплекс институциональных новаций, объединяемый в научной литературе и официальных документах термином «новая восточная политика» [48; 49]. Одним из элементов, положенных в ее основание, является преодоление объективного ограничения, обусловленного узостью внутреннего рынка, за счет создания, в том числе с использованием иностранного капитала, предприятий с экспортным потенциалом. Второй продекларированной целью этой политики выступает расширение инвестиционной базы для развития экономики Дальнего Востока также за счет привлечения иностранного капитала. Основным инструментом решения этой двуединой задачи правительство выбрало создание локализованных преференциальных режимов инвестирования и функционирования предприятий в форме конструирования территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ).

К настоящему времени такие площадки с преференциями для инвесторов реально созданы практически во всех субъектах Федерации на Дальнем Востоке. Из вышеприведенных данных пока нельзя делать выводов о результатах этих институциональных новаций с точки зрения решения задачи расширения внутрирегиональной экспортной базы и увеличения общего инвестиционного ресурса для регионального экономического развития. По-прежнему, как отмечалось выше, иностранные инвестиции направляются почти исключительно в эксплуатацию традиционного экспортно-сырьевого сектора и концентрируются преимущественно в рамках одного, хотя и очень масштабного, инвестиционно-экспортного проекта. Об этом свидетельствует и портфель новых инвестиционных проектов Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций (АПИ), которое предлагает инвесторам в основном проекты в области разработки месторождений и переработки природных ресурсов (3,6 трлн. из 4,6 трлн. руб.).

Определенные надежды на улучшение инвестиционного и делового климата связаны с созданными и создаваемыми в регионе «институциональными гаванями». Согласно отчету министерства по развитию Дальнего Востока ожидаемое инвестирование компаний-нерезидентов РФ в проекты, размещаемые в этих «гаванях», может быть сопоставимо по масштабам с годовым сальдо прямых иностранных инвестиций (4,7 млрд. долл. США), причем 73% этих проектов не связаны с добычей природных ресурсов. Флагманом в этом виртуальном инвестировании является Китай, с компаниями

Таблица 6. Проекты с иностранными инвестициями в «институциональных гаванях» (на конец 2017 г.)

Страна	Инвестиции, млн. рублей	Количество, шт.
Всего	247683	43
Китай	159713	23
Япония	64645	5
Сингапур	2053	2
Р. Корея	3131	5
Австралия	10648	2
Литва	77	1
Вьетнам	6500	1
Нидерланды	46	1
США, Индия, Великобритания	871	3

Источник: данные Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций.

которого связано более 88% стоимости проектов (табл. 6). В какой степени могут оправдаться ожидания того, что иностранные инвестиции в «институциональные гавани» смогут диверсифицировать структуру экономики Дальнего Востока, покажет ближайшее будущее.

Заключение

Анализ территориальной и отраслевой структуры поступления ПИИ на Дальний Восток России позволяет сделать вывод о том, что основной стратегией иностранных инвесторов в регионе является обеспечение доступа и получение возможностей освоения месторождений полезных ископаемых (как углеводородов, так и других ресурсов), т.е. извлечение природной ренты, а также дальнейшая переработка ресурсов с использованием других немобильных факторов производства. Это говорит об адекватности гипотезы пространственного размещения ПИИ, вытекающей из современной теории ПИИ и пространственной экономики, состоятельность которой можно будет проверять по мере накопления объективных статданных о ПИИ и анализа информационных баз об инвестиционных проектах с иностранным участием в макрорегионе и отдельных субъектах ДФО.

Особенностью прямого иностранного инвестирования в экономику Дальнего Востока является его ярко выраженная пространственная и отраслевая локализация. Основная часть инвестиций концентрируется в сахалинских углеводородных проектах. Это определяет ограниченное влияние ПИИ на динамику и структуру экономики региона.

Институциональные новации последних 5 лет пока не в состоянии существенно изменить взаимодействие ПИИ и региональной макро- и микроэкономики. Тем не менее, на уровне ожиданий предполагается как существенное расширение круга стран-инвесторов,

так и повышение уровня структурного разнообразия прямых иностранных инвестиций. Создание «институциональных гаваней» в каждом из субъектов РФ на Дальнем Востоке создаст принципиальную возможность предложить рентабельные проекты в разнообразных секторах практически в каждом дальневосточном регионе.

Исследование, результаты которого отражены в настоящей статье, позволило получить новые данные о системе экономических эффектов привлечения и применения прямых иностранных инвестиций в экономике Дальнего Востока. Показано, что в случае Дальнего Востока пространственная и отраслевая локализация иностранных инвестиций доминируются не сравнительной эффективностью мобильных, но экономической доступностью имущественных факторов производства. Соответственно, наиболее адекватной для описания процесса трансферта прямых иностранных инвестиций теоретической концепцией является гипотеза пространственного размещения, которая получает надежное статистическое подтверждение в случае Дальнего Востока. Широко обсуждаемое в настоящее время в научной литературе значение институциональных оболочек для регионального развития и пространственного распределения факторов производства исследовано в настоящей статье применительно к феномену конструирования «институциональных гаваней» на Дальнем Востоке и их влиянию на процессы иностранного инвестирования. Установлено, что в условиях современного Дальнего Востока масштабы и размещение прямых иностранных инвестиций инвариантны по отношению к институциональным модификациям при максимальной чувствительности к возможностям извлечения природно-ресурсной ренты.

Литература

1. Шлык Н.Л. Внешнеэкономические связи на Дальнем Востоке. М. : Сов. Россия, 1989. 152 с.
2. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М. : Экономика, 2006. 962 с.
3. Минакир П.А. Тихоокеанская Россия: Вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономка. 2005. № 4. С. 5–20.
4. Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. № 2. С. 56–69.

5. Дементьев Н.П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 1. С. 251–255.
6. Федорова Е.А., Федоров Ф.Ю., Николаев А.Э. От какой страны прямые иностранные инвестиции выгоднее для России? // ЭКО. 2017. № 7. С. 112–123.
7. Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль оффшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Том 8. № 6. С. 47–62.
8. Кузнецова О.В. Формальная и реальная роль российских регионов в привлечении иностранных инвестиций (по статистике Центробанка) // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. 2016. С. 235–245.
9. Кузнецова О.В. Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // Международные процессы. 2016. Том 14. № 3. С. 132–142.
10. Кузнецова О. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения / Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ. 2009. № 1. С. 32–39.
11. Lizondo J.S. Foreign Direct Investment” in International Monetary Fund, Determinants and Systematic Consequences of International Capital Flows. *IMF Occasional Papers*, No. 77, Washington DC, 1991. pp. 68–82.
12. Agarwal J.P. Determinants of Foreign Direct Investment: A Survey. *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 116, 1980. Pp. 739–773.
13. Ohlin B., Hesselborn P.O., Wijkman P.M. (eds) *The International Allocation of Economic Activity*. London: Mcmillan, 1977. 572 p.
14. Weintraub R. Studio Empirico Sulle Relazioni di Lungo Andare tra Movimenti di Capitali Rendimenti Differenziali. *Rivista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali*, vol. 14, 1967. pp. 401–405.
15. Bandera V.N., White J.T. American Direct Investment and Domestic markets in Europe. *Economica Internazionale*, vol. 21, 1968. Pp. 117–133.
16. Yang Q. Repartition Geographique de l’Investment Direct Entranger en Chine: l’Impact du Capital Humain. *Revue d’Economie du Development*, vol.3, 1999. Pp. 35–59.
17. Ragazzi G. Theories of the Determinates of Foreign Direct Investment. *IMF Staff Papers*, vol.20, 1973. Pp. 471–498.
18. Balassa B. American Direct Investment in the Common Market. *Banco Nazionale del Lavoro Quarterly Review*, 1966. Pp. 121–146.
19. Jorgenson D.W. Capital Theory and Investment Behavior. *American Economic Review*, vol. 53, 1963. Pp. 247–259.
20. Chenery H.B. Overcapacity and the Acceleration Principle. *Econometrica*, vol.20, 1952. Pp. 1–28
21. Hymer S.H. *The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1976. 253 p.
22. Kindleberger C.P. *American Business Abroad: Six Lectures on Direct Investment*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1969. 225 p.
23. Caves R.E. *Multinational Enterprise and Economic Analysis*. Cambridge, University Press, 1982. 346 p.
24. Buckley P.J., Casson M. *The Future of Multinational Enterprise*. London: Mcmillan, 1976. 112 p.
25. Rugman A.M. Internalization as a General Theory of Foreign Direct Investment: A Re-appraisal of the Literature. *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 116, 1980. Pp. 365–379.
26. Buckley P.J. The Limits of Explanation: Testing the Internalization Theory of the Multinational Enterprises. *Journal of International Business Studies*, vol. 19, 1988. Pp. 181–193.
27. Casson M. *Multinational Corporations*. Chaltenham: Edward Elgar, 1990. 478 p.
28. Schneider F., Frey B.S. Economic and Political Determinants of Foreign Direct Investment, *World Development*, vol.13, 1985. Pp. 161–175.
29. Culem C.G. The Locational Determinants of Direct Investments Among Industrialized Countries, *European Economic Review*, vol. 32, 1988. Pp. 885–904.

30. Nankani G.T. *The Intercountry Distribution of Foreign Direct Investment*. New York: Garland. 1979. 368 p.
31. Dunning J. The Determinants of International Production. *Oxford Economic Papers*, Vol. 25, 1973. Pp. 289–336.
32. Dunning J.H. Explaining Changing Patterns of International Production: In Defense of Eclectic Theory, *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, vol. 41, 1979. Pp. 269–295.
33. Dunning J.H. The Eclectic Paradigm of International Production: A Restatement and Some Possible Extensions, *Journal of International Business Studies*, vol. 19, 1988. Pp. 1–31.
34. Dunning J. *Multinational Enterprises and the Global Economy*. Reading, Addison-Wesley Publ. Co., 1993. 687 p.
35. Vernon R. International investment and International Trade in the Product Cycle. *Quarterly Journal of Economics*, vol.80, 1966. Pp. 190–207.
36. Knickerbocker F.T. *Oligopolistic reaction and Multinational Enterprise*. Boston, Mass.: Division of Research, Harvard University Graduate School of Business Administration, 1973. 236 p.
37. Нестерова Д.В., Мариев О.С. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Экономика региона. 2005. № 4. С. 57–70.
38. Полиди А.А., Сичкар С.В. Эконометрическая оценка факторов и динамики прямых иностранных инвестиций в экономику региона // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9. С. 234–239.
39. Инвестиционный климат России 2012: Опрос существующих и потенциальных инвесторов / Консультативный совет по иностранным инвестициям. М., 2012.
40. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007.
41. Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль оффшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Том 8. № 6. С. 47–62.
42. Кузнецова О. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ. 2009. № 1.С.32–39.
43. Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р. Иностранные инвестиции в регионы России и Китая // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 101–115.
44. Трешевский Ю.И., Круглякова В.М. Анализ динамики иностранных инвестиций в регионы России // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 1–2. С. 151–159.
45. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. М.: КомКнига, 2006.
46. Матраева Л.В. Распределение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации: проблемы анализа и причины дифференциации. М.: Дашков и К, 2013.
47. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2015. / Кузнецов А.В., Квашнин Ю.Д. и др. Доклад № 32. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.
48. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.
49. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029.

Сведения об авторах

Павел Александрович Минакир — доктор экономических наук, научный руководитель, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская 153; e-mail: minakir@ecrin.ru)

Денис Владимирович Суслов — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: suslov@ecrin.ru)

Minakir P.A., Suslov D.V.

Foreign Direct Investment in the Economy of the Russian Far East

Abstract. The article considers the trends and patterns of foreign direct investment in the Russian economy in the context of mega-regions, the features of attracting and spatial distribution of foreign direct investment (FDI) in the regions of the Far East. The purpose for the study is to assess the economic effects generated by foreign investment in the Far East. The hypothesis is the assumption that attracting foreign investment in the region is to a greater extent a tool to maximize the economy of scale, rather than eliminating financial imbalances. The initial data of the study are statistical materials of the Central Bank, as well as macroeconomic indicators published by federal and regional statistical agencies. The methodological framework of the study is the concept of modern general theory of foreign direct investment, in particular the concept of spatial distribution of foreign investment. The article presents the assessment results of spatial performance and modification of the spatial-sectoral structure of foreign investment in the Far East, and the macroeconomic effects of their application. A new scientific result is a study to assess the impact of special institutional regimes formed in the Far East on the performance and structure of foreign investment, showing the possibilities and limitations of the stimulating effect of these regimes. The interval values of scale and structure of attracting foreign investment in the future have been determined. The research substantiates the hypothesis that the main motive for investors' strategic choice is natural rent seeking based on the access to mineral deposits (both hydrocarbons and other resources) and processing of natural resources; and this motive is invariant in relation to political and institutional innovation. The results of the study are applicable in the framework of applied regional analysis and regional economic policy-making. An important area of further research is modeling investment transfers between the countries of North-East Asia and the Russian Far East.

Key words: Far East, foreign direct investment, deployment, regions, investing country, offshore, Northeast Asia, foreign invested enterprises, projects, advanced special economic zone, free port of Vladivostok

Information about the Authors

Pavel A. Minakir – Doctor of Sciences (Economics), Research Advisor, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: minakir@ecrin.ru)

Denis V. Suslov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: suslov@ecrin.ru)

Статья поступила 11.04.2018.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4

УДК 339.565, ББК 65.428.2

© Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А.

Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта

**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: gil@vscc.ac.ru

**Николай Олегович
ЯКУШЕВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: nilrus@yandex.ru

**Евгений Александрович
МАЗИЛОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, 160014, Российская Федерация, ул. Горького, д. 56а
E-mail: Emazilov@mail.ru

Для цитирования: Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4

For citation: Gulin K.A., Yakushev N.O., Mazilov E.A. Promoting economic growth in regions of the Russian Federation by boosting the development of non-resource-based exports. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4

Аннотация. В настоящее время возрастает актуальность задач, связанных с темпами экономического роста, увеличением валового регионального продукта, расширением бюджетных доходов территорий. Одним из важных ресурсов экономического развития регионов является экспортная деятельность. Однако, несмотря на то что экспорт играет одну из важнейших ролей в экономике, доля России во внешнеэкономической деятельности незначительна (1,8%) и имеет тенденцию к снижению. В абсолютных значениях экспорт России ниже, чем Китая, в 10 раз и США – в пять. В сложившихся обстоятельствах принципиально важным становится определение приоритетов экспортной деятельности. В связи с этим цель исследования заключается в определении приоритетов и направлений стимулирования экспортной деятельности как необходимого элемента обеспечения экономического роста территорий и развития национальной экономики. Исходя из цели в статье была исследована эволюция взглядов на роль экспортной деятельности в экономическом росте, разработан научно обоснованный методический подход к оценке реальной доли несырьевого экспорта регионов РФ в общем объеме отгруженной за рубеж продукции, разработан авторский подход к классификации несырьевого экспорта, изучен зарубежный опыт поддержки экспортной деятельности, рассмотрена существующая в России инфраструктура поддержки экспорта; доказана необходимость реализации государственной структурной политики, направленной на обеспечение комплексной системной поддержки предприятий-экспортеров. Для этого требуется системный подход, а также разработка системы инструментов и мер по активизации роста объемов несырьевого экспорта на федеральном и региональном уровне. В заключении статьи еще раз сделан акцент на необходимости развития методических аспектов оценки реальной доли несырьевого экспорта регионов РФ. На дальнейших этапах исследования будет обоснован и разработан механизм управления несырьевым экспортом регионов на основе стимулирования развития несырьевого экспорта в целях обеспечения экономического роста.

Ключевые слова: несырьевой экспорт, экономический рост, проблемы, дифференциация, территории, стимулирование.

Введение

Проблема обеспечения экономического роста, являющаяся одной из ключевых в экономической науке, зависит от многих факторов. Различные интерпретации концепции «экономического роста» предусматривают как количественные (экстенсивные), так и качественные (интенсивные) характеристики роста. Количественная характеристика отражает изменения в количестве произведенных товаров и услуг и динамику этих изменений; качественная характеристика указывает на возможности экономической системы в удовлетворении новых растущих потребностей общества [1]. Экономический рост характеризуется динамикой таких абсолютных макроэкономических показателей, как валовой внутренний продукт (ВВП), валовой национальный продукт, национальный доход и другие. Относительные показатели экономического роста, которые характеризуют его с количественной стороны, представляют собой величину ВВП на душу населения, располагаемый доход населения на душу населения, а также индикаторы потребления, сбережений

и инвестиций, темпы роста промышленного производства в целом и для отдельных видов экономической деятельности.

При этом надо понимать, что только интенсивный экономический рост может обеспечить долгосрочное экономическое развитие государства. В то же время, несмотря на необходимость его обеспечения, Россия отстает по его темпам от ведущих мировых экономик и развивающихся государств (*табл. 1*).

Очевидно, что имеющихся темпов роста (при этом нестабильных год от года) для достижения задач повышения конкурентоспособности на мировом уровне недостаточно. По оценке экспертов Института экономики роста им. П.А. Столыпина, экономика России при инерционном сценарии развития вырастет к 2035 году только в 1,5 раза, в то время как среднемировые значения покажут четырехкратный рост (по сравнению с уровнем 1990 г.) [3]. К 2035 году Россия может опуститься по ВВП по паритету покупательной способности (ППС) с 6-го на 10–15-е место, а по ВВП на душу

Таблица 1. Темпы роста ВВП ряда стран мира, %*

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Китай	109,9	109,5	109,2	108	108,1
Малайзия	107,4	106,4	107,9	106,1	105,6
Республика Корея	104,2	104,6	105,2	103,9	104,2
Сингапур	105,8	106,7	105,4	103	103,3
Великобритания	103,2	103,6	104,9	103,3	103,1
Германия	102,5	102,2	103,4	102,6	103,1
США	104,1	103,3	104,2	103,7	103
Франция	102	102,2	102,4	102,4	102,5
Япония	103,4	103,6	102,1	102,3	102,3
Россия	105,4	102,9	102,5	98,2	101,1

* Составлено на основе [2].

населения по ППС – с 52-го на 65–70-е. Можно ожидать превышения Китаем, Индией, Турцией показателей номинального подушевого ВВП России к 2020 г., а по показателям подушевого ВВП по ППС – на рубеже 2030 г. Таким образом, обеспечение экономического роста является ключевым в вопросе национальной безопасности и международной конкурентоспособности государства.

Одно из направлений обеспечения экономического роста – экспортная деятельность. Она принадлежит к числу приоритетных направлений политики любого государства, т. к. оказывает существенное влияние на внешнеэкономическую конъюнктуру рынка страны и экономическое развитие территорий. Несырьевой экспорт в развитых и развивающихся странах относится к главным точкам экономического роста территорий, составляя наибольшую долю в общем объеме вывозимых товаров и услуг.

При этом в России необходимость расширения экспортной деятельности, и в первую очередь несырьевого экспорта, длительное время не определялась в качестве реального приоритета экономического развития государства. Об этом свидетельствует и тот факт, что основные положения экспортной политики не нашли отражения в «майских указах» Президента РФ 2012 г.

В рамках его Указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 развитие несырьевого экспорта определено одним из источников роста российской экономики. Президент отметил, что необходимо продолжить работу по снятию административных барьеров во внешней торгов-

ле и создать режим наибольшего благоприятствования для экспортно ориентированных компаний. Кроме того, была поставлена задача обеспечить достижение объема экспорта (в стоимостном выражении) несырьевых неэнергетических товаров в размере 250 млрд. долл. США в год, в том числе продукции машиностроения – 50 млрд. долл. США в год и продукции агропромышленного комплекса – 45 млрд. долл. США в год, а также объема экспорта оказываемых услуг в размере 100 млрд. долл. США.

В то же время реализуемые сегодня на федеральном и региональном уровне меры поддержки несырьевого экспорта не всегда носят системный характер, а уровень их эффективности невысок.

В сложившихся обстоятельствах принципиально важным является верное определение приоритетов и наиболее перспективных направлений экспортной деятельности, как источника экономического роста территорий и обеспечения устойчивого развития национальной экономики, причем не только в долгосрочной, но и среднесрочной перспективе.

В связи с этим цель исследования заключается в определении приоритетов и направлений стимулирования экспортной деятельности как необходимого элемента обеспечения экономического роста территорий и развития национальной экономики. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: рассмотреть эволюцию теории международного обмена в экономической науке, провести международное сравнение развития экспортной деятельности, исследовать подходы к классификации аналитических товарных групп в экспорте, рассмотреть зарубежный опыт

поддержки экспортной деятельности, изучить тенденции развития несырьевого экспорта России, проанализировать систему его поддержки на общенациональном и региональном уровне, разработать ключевые инструменты, направленные на развитие несырьевого экспорта в регионах.

Научная новизна работы состоит в разработке научно обоснованного методического подхода к оценке реальной доли несырьевого экспорта регионов РФ в общем объеме отгруженной за рубеж продукции и системы инструментов и мер по активизации роста объемов несырьевого экспорта на федеральном и региональном уровне.

Теоретические аспекты исследования

Существуют четыре точки зрения на проблему взаимосвязи экономического роста и экспортной деятельности. Первая — неоклассическая гипотеза роста, обосновывающая, что экономический рост обусловлен экспортом. Такая точка зрения определена следующими факторами:

- расширение экспорта приводит к увеличению производительности труда [4];
- расширение экспорта порождает к созданию более качественных продуктов из-за необходимости учета международных требований [5];
- экспорт заставляет компании вкладывать значительные средства в новые технологии, что провоцирует к повышению темпов роста капитала и скорости технологических преобразований [6, 7]
- ориентированный на экспорт подход в экономике с избытком рабочей силы определяет расширение занятости и рост реальной заработной платы [5, 8];
- экспорт способствует ослаблению зависимости национальной валюты от курсов валют [9].

Вторая заключается в том, что экспорт зависит от экономического роста. Более высокая производительность вызывает снижение удельных затрат, что способствует росту экспорта [10]. Экономический рост влияет на рост экспорта, если отечественное производство растет быстрее, чем внутренний спрос [11, 12, 13].

Третья точка зрения, которая представляет собой комбинацию первого и второго взглядов,

предполагает, что между экспортом и экономическим ростом может быть двусторонняя причинно-следственная связь [14, 15, 16].

Наконец, четвертая позиция заключается в том, что отрицает наличие причинно-следственной взаимосвязи между экспортом и экономическим ростом как результатом процесса развития и технологических изменений [17].

Всецело разделяя точку зрения на экспорт как один из важнейших факторов экономического роста государства и его территорий, целесообразно говорить о росте именно его несырьевой составляющей.

В работах Портера и других современных теоретиков выдвинута и доказана теория о том, что конкурентоспособность страны в конкретной отрасли зависит от её способности внедрять инновации и модернизироваться [18]. Это предусматривает необходимость организации глубокой переработки сырья и выстраивание производственных цепочек с высокой добавленной стоимостью. Таким образом, согласно теории Портера, конкурентоспособность страны зависит от возможностей развития несырьевого экспорта, как наиболее конкурентоспособной группы товаров.

Кроме того, по мнению Портера, существуют четыре определяющих детерминанты: местные рыночные ресурсы и возможности, местные условия спроса на рынке, местные поставщики и дополнительные отрасли и характеристики местной фирмы.

То есть повышение конкурентоспособности государства обеспечивается развитием несырьевого экспорта на местном (региональном) уровне, что доказывает необходимость сосредоточения усилий региональных властей на поддержке товаропроизводителей.

Методы исследования

Изучение вопросов несырьевого экспорта затрудняется отличием подходов к данной экономической категории в различных странах. Рассматривая зарубежный опыт формирования аналитических товарных классификаций, можно выделить два основных методических подхода.

Первый подход представлен Комиссией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), которая выделяет аналитические товарные группы близкие к товарным группам ВТО (сельскохозяйственные продукты «agricultural

products», топливо и горнодобывающая продукция «fuels and mining products», изделия «manufactures», машиностроение и транспортное оборудование «machinery and transport equipment», текстиль «textiles») [19, 20]. ЮНКТАД предлагает две классификации товаров: производимые товары по степени производства и продукт по технологическим категориям [21]. Основным недостатком данного подхода является соотнесение в товарных категориях высокотехнологичной продукции с простыми изделиями.

Второй подход используется Статистическим бюро Европейского союза в рамках аналитических таблиц и обзоров «International trade» [22]. Так, Федеральное статистическое управление Германии использует классификацию товаров внешней торговли в качестве экономических показателей национальной и региональной статистики [23; 24]. Ключевым в определении товара является трудоёмкость и сложность произведённой продукции. Эти группы продуктов шифруются для автоматической обработки данных следующим образом: пищевая промышленность; индустриальная экономика; возврат/замена поставок (бракованные товары, готовые изделия с дефектами, поставки запасных частей) [23, 24].

В Российской Федерации используется подход, разработанный АО «Российский экспортный центр» совместно со Всероссийской академией внешней торговли и законодательно укреплённый нормой в целях гл. 21 НК РФ, используемых Министерством финансов [25, 26].

Так, под категориями «сырьевой и несырьевой экспорт» согласно параметрам, которые предложены и выработаны АО «Российским экспортным центром» совместно с ВАВТ, понимается следующее [27]:

1. Сырьевой экспорт – это экспорт добытых полезных ископаемых и других природных ресурсов, включая отходы и лом.

2. Несырьевой экспорт – экспорт товаров, не входящих в перечень сырьевых товаров (включающий градацию: энергетический; неэнергетический верхних, средних и нижних переделов).

При данной формулировке реализация задачи, поставленной в рамки государственной

программы «Развитие внешнеэкономической деятельности», – рост несырьевого экспорта на 7% – достижима [28]. Но в то же время с точки зрения экономического развития территорий акцент делается на количественных характеристиках, т.е. объёмах экспорта в целом. При этом качественная составляющая уходит на второй план.

Кроме того, существует подход Министерства финансов РФ, который используется при расчетах НДС на экспортные группы товаров (табл. 2).

При этом мы предлагаем подход к сырьевому и несырьевому экспорту в большей степени близкий к формулировке «сырьевые товары», представленной в целях гл. 21 НК РФ [29]. С нашей точки зрения под сырьевым экспортом следует понимать экспорт добытых полезных ископаемых и других природных ресурсов, произведенных из них материалов, подлежащих дальнейшей переработке (полуфабрикат). В то же время несырьевой экспорт – это не только поставки на зарубежные рынки сложной готовой продукции – энергоблоков, самолетов, автомобилей и других товаров высоких переделов. В первую очередь, это экспорт деталей и комплектующих для восходящих глобальных цепочек добавленной стоимости.

При таком подходе к классификации товаров на основе таможенной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС экспорт делится на сырьевой (полуфабрикат) и несырьевой и включает следующие группы (позиции). К несырьевому экспорту будут относиться категории товаров в виде готовых изделий и продукции: машиностроения; химической промышленности; металлургической промышленности; прочие товарные категории (включая готовую продукцию пищевой, лесной, лёгкой промышленности).

При этом к сырьевому экспорту стоит относить все товары, не входящие в перечень несырьевого товарного экспорта. В данную группу, согласно нашему подходу, входят следующие товарные позиции: сельскохозяйственные товары и сырьё (зерно, маслосемена, технические культуры, овощи, фрукты и т.д.); продукция химической промышленности: компоненты лекарств, удобрения, включая химикаты неорганические: аммиак, серную кислоту,

Таблица 2. Сравнительная характеристика подходов к классификации экспортных товаров

Наименование	АО «РЭЦ»	Министерство финансов РФ	Авторский подход
1. Сырьевой экспорт	Экспорт добытых полезных ископаемых и других природных ресурсов, включая отходы и лом.	Экспорт добытых полезных ископаемых и других природных ресурсов, произведенных из них материалов, подлежащих дальнейшей переработке.	Экспорт добытых полезных ископаемых и других природных ресурсов, произведенных из них материалов, подлежащих дальнейшей переработке (полуфабрикат).
2. Несырьевой экспорт	Экспорт товаров, не входящих в перечень сырьевых товаров.	Конкретной формулировки не приводится.	Это не только поставки на зарубежные рынки сложной готовой продукции – энергоблоков, самолетов, автомобилей и других товаров высоких переделов. В первую очередь, это экспорт деталей и комплектующих для восходящих глобальных цепочек добавленной стоимости.
3. Главный критерий для отнесения товара к сырью или несырью	Степень участия человека в формировании его принципиальных характеристик.	Определяется Правительством РФ в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности. Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС)	Степень возрастающих видов экономической деятельности на мировом экспортном рынке с зеркальными приоритетными направлениями в экспорте страны в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС)
4. Сырьевые категории	Материалы, имеющиеся в природной среде и извлекаемые из нее. Полезные ископаемые, а также древесина и некоторые другие природные материалы. Отходы, образующиеся в производственном процессе: металлолом, макулатура, отходы пластмасс, стекла, древесины и другие	Минеральные продукты, продукция химической промышленности и связанных с ней других отраслей; древесина и изделия из нее, древесный уголь; жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни, драгоценные металлы; не драгоценные металлы и изделия из них	Товары в виде сырья и материалов: сельскохозяйственное сырьё: зерно, маслосемена, технические культуры, овощи, фрукты и т.д.; продукция химической промышленности: компоненты лекарств, удобрения, включая неорганические химикаты: аммиак, серную кислоту, каустическую и кальцинированную соду и т. п., и органические: углеводороды, спирты, эфиры; продукция металлургической промышленности: чугун и сталь и изделия из них, необработанные цветные (основные) и драгоценные металлы; товары топливно-энергетического комплекса: нефть, газ, нефтепродукты, угольный кокс и прочие; продукция ЛПК и изделия из неё: брёвна, необработанный лес, лесоматериалы и др.; отходы, образующиеся в производственном процессе и используемые в дальнейшем как сырьё.
5. Несырьевые категории	Несырьевые энергетические товары – переработанное топливо (нефтепродукты, угольный кокс и прочие) и электроэнергия. Продукция по степени передела: нижнего, среднего, верхнего	Конкретной классификации не приводится	Категории товаров в виде готовых изделий и продукции: машиностроения; химической промышленности; металлургической промышленности; прочие товарные категории (включая готовую продукцию пищевой, лесной, лёгкой промышленности).

каустическую и кальцинированную соду и т. п., и органические: углеводороды, спирты, эфиры; продукция металлургической промышленности: чугун и сталь и изделия из них, необработанные цветные (основные) и драгоценные металлы; продукция топливно-энергетического

комплекса: нефть, газ, нефтепродукты, угольный кокс и прочие; продукция ЛПК и изделия из неё (брёвна, необработанный лес, лесоматериалы и др.); отходы, образующиеся в производственном процессе и используемые в дальнейшем как сырьё.

Результаты исследования

Нами были проведены расчеты, а полученные данные сопоставлены с результатами расчетов по методике расчетов АО РЭЦ. При подходе, используемом Российским экспортным центром, в 2016 г. доля несырьевого экспорта в России составила 55,4% (147,4 млрд. долл. США; табл. 3), из них 17,2% (32,8 млрд. долл. США) – объем энергетических товаров. При авторском же подходе на долю несырьевого экспорта приходится только 29,8 млрд. долл. США, что составляет чуть более 10% от общего объема экспорта. Таким образом, порядка 90% продукции, поставляемой на внешние рынки, является продукцией низкого технологического передела либо сырьем. Это, в свою очередь, говорит о возможности получения только краткосрочной выгоды и не может принести должного экономического эффекта в долгосрочной перспективе.

Рассматривая объем несырьевого экспорта в региональном разрезе, стоит отметить присущую ему неравномерность распределения. Причем это характерно как для расчетов, проведенных в рамках методики РЭЦ, так и согласно авторскому подходу (табл. 4). Наибольшую долю в несырьевом экспорте в целом в России по авторскому подходу составляет продукция машиностроения (58,2%), в то время как согласно методике РЭЦ – нефтепродукты (29,1%). В Сахалинской области наибольшую долю несырьевого экспорта (85,11%) составляет продукция, относящаяся к группе «Суда, лодки и плавучие конструкции».

Таблица 3. Классификация несырьевого экспорта на основе подхода АО «РЭЦ» и авторского подхода

Показатели	АО «Российский экспортный центр»			Авторский подход
	Всего несырьевой экспорт	Неэнергетический экспорт	Энергетический экспорт	
Объем, млрд. долл. США	147,4	109,2	38,2	29,8
Доля в общих объемах экспорта страны, %	55,4	38,2	17,2	10,4

Таблица 4. Несырьевой экспорт регионов РФ и его доля в общероссийском несырьевом экспорте в 2016 г. (20-ка регионов-лидеров)

Регион	Подход АО «РЭЦ»			Регион	Авторский подход		
	На душу нас., долл. США	Доля в объеме несырьевого экспорта, %	Ранг		На душу нас., долл. США	Доля в объеме несырьевого экспорта, %	Ранг
Москва	41023,4	25,9	1	Сахалинская область	1139,9	1,8	1
Санкт-Петербург	11769,9	7,4	2	Москва	684,4	26,8	2
Свердловская область	6926,8	4,4	3	Санкт-Петербург	569,6	9,5	3
Краснодарский край	5536,6	3,5	4	Ленинградская область	504,4	2,9	4
Республика Татарстан	5344,5	3,4	5	Свердловская область	466,7	6,4	5
Ростовская область	5211,2	3,3	6	Нижегородская область	453,8	4,7	6
Московская область	4719,9	3,0	7	Новосибирская область	426,5	3,7	7
Ленинградская область	4645,4	2,9	8	Калужская область	380,4	1,2	8
Красноярский край	4297,1	2,7	9	Московская область	351,7	8,2	9
Пермский край	4172,5	2,6	10	Ярославская область	350,3	1,4	10
Республика Башкортостан	4093,6	2,6	11	Смоленская область	346,0	1	11
Тюменская область	3881,1	2,5	12	Республика Коми	337,7	0,9	12
Челябинская область	3857,2	2,4	13	Архангельская область	284,3	1	13
Иркутская область	3806,8	2,4	14	Республика Карелия	281,8	0,6	14
Самарская область	3619,4	2,3	15	Ульяновская область	224,8	0,9	15
Липецкая область	3017,0	1,9	16	Курганская область	218,8	0,6	16
Тульская область	2852,8	1,8	17	Республика Татарстан	212,7	2,6	17
Вологодская область	2807,6	1,8	18	Калининградская область	212,6	0,7	18
Кемеровская область	2802,5	1,8	19	Костромская область	196,7	0,4	19
Нижегородская область	2779,9	1,8	20	Ростовская область	184,8	2,5	20

Неравномерность распределения экспортной активности привела к тому, что, согласно авторскому подходу, 10 субъектов-лидеров обеспечивают 69,3% всего объема несырьевого экспорта в стране (табл. 5). В то время как на последние 63 субъекта приходится менее одной пятой.

Таким образом, сегодня структуру несырьевого экспорта в России в большей степени формируют товары низких технологических переделов. Причем основная его масса (до 70%) формируется в десяти субъектах РФ. С позиции авторов предлагаемый подход в большей степени отражает сложившуюся структуру не-

сырьевого экспорта, а достижение запланированных показателей при таком раскладе будет стимулировать развитие высокотехнологичного производства и, следовательно, способствовать экономическому росту.

За рубежом поддержка экспорта представляет собой систему взаимодействующих и взаимозавязанных между собой правительственных и неправительственных организаций. В целом оценка международного опыта в области содействия экспортной деятельности показывает, что работа ведется по следующим основным направлениям (табл. 6).

Таблица 5. Распределение регионов по доле в общероссийском несырьевом экспорте

Уровень	Подход РЭЦ		Авторский подход	
	Количество регионов, ед.	Их доля в общем объеме, %	Количество регионов, ед.	Их доля в общем объеме, %
Высокий	15	71,3	10	69,3
Средний	10	14,9	9	11,7
Низкий	57	13,6	63	19,1

Примечание. Высокий – доля выше 2%; средний – от 2 до 1%; низкий – менее 1%.

Таблица 6. Направления поддержки экспортной деятельности за рубежом

Ключевые способы поддержки экспорта/инструменты	Страны/территории
<i>1. Экспортное финансирование</i>	
1.1. Торговое и кредитное финансирование	Страны ЕС; Беларусь, США, Китай, Южная Корея, Япония
1.2. Страхование	Китай, Южная Корея, Япония, Великобритания, Франция, Германия, США
1.3. Инвестиции	Китай, Великобритания, Германия, США, Япония, Малайзия
<i>2. Экспортные субсидии</i>	
2.1. Прямые субсидии	США, Япония, Германия
2.2. Налоговые зачеты/вычеты (при производстве экспортируемой продукции из импортируемых компонентов)	Малайзия, Южная Корея, Германия, США
2.3. Субсидирование процентов по экспортным кредитам	Германия, Италия, Нидерланды, Великобритания, Япония
<i>3. Организации по содействию экспорту</i>	
3.1. Создание благоприятного имиджа страны-экспортера на международных рынках	США, Германия, Италия, Франция, Китай, Южная Корея, Япония
3.2. Продвижение продукции через торгпредства, международные выставки/ярмарки и т.п.	Страны ЕС; США, Южная Корея, Япония, Беларусь
3.3. Информационная и консультационная поддержка экспортеров по выходу на зарубежные рынки	Страны ЕС; США, Беларусь, Китай, Южная Корея, Япония и другие государства
3.4. Маркетинговая поддержка – определение целевых продуктов и рынков сбыта	Индия, Великобритания, Германия, Франция, США, Южная Корея, Малайзия
<i>4. Специальные экономические зоны</i>	
4.1. Налоговые льготы	Страны ЕС; США, Китай, Малайзия
4.2. Упрощенные процедуры импорта компонентов / экспорта продукции	Страны ЕС; Китай, Южная Корея, Япония, Малайзия
4.3. Общая научно-исследовательская и производственная инфраструктура	Великобритания, Германия, Ирландия, США, Китай, Япония

Источник: составлено автором.

Анализ зарубежного опыта поддержки экспортной деятельности (прежде всего в странах ЕС и в США, в ряде стран с развивающейся экономикой — Корея, Индия, Китай) показывает, что в большинстве стран сформирована комплексная система поддержки экспортно-ориентированных компаний. Она предполагает государственное содействие на всех стадиях реализации проекта по созданию экспортного продукта: от НИОКР (например, наличие соответствующей научно-исследовательской и производственной инфраструктуры) до этапа сервисного обслуживания. При этом учитываются потребности компаний как в финансовых, так и нефинансовых инструментах.

В России также формируется система поддержки экспортной деятельности компаний. Так, в 2003 г. была утверждена Концепция развития государственной финансовой (гарантийной) поддержки экспорта промышленной продукции, предусматривающая создание системы государственного гарантирования политических и долгосрочных коммерческих рисков при проведении экспортных операций; расширение долгосрочного экспортного кредитования; создание механизма возмещения части процентных ставок по экспортным кредитам российских кредитных организаций. В 2008 г. утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. В рамках одного из направлений концепции указано на необходимость расширения возможностей реализации сравнительных преимуществ России на внешних рынках и использования возможностей глобализации для привлечения в страну капиталов, технологий и квалифицированных кадров.

В 2014 г. утверждена Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности», в целевых индикаторах и показателях которой предусмотрено достижение определенных значений следующих индикаторов: «Темпы прироста экспорта несырьевых товаров»; «Темпы прироста экспорта несырьевых неэнергетических товаров»; «Доля машин, оборудования и транспортных средств в экспорте товаров». В 2015 г. создано АО «Российский экспортный центр», деятельность которого направлена на работу с

экспортерами в режиме «единого окна» в области финансовых и нефинансовых мер поддержки. В 2016 году произошло формирование Группы РЭЦ, которая оказывает комплексную поддержку всем экспортёрам несырьевой продукции без отраслевых ограничений [28]. Так, АО «Росэксимбанк», входящий в группу «РЭЦ» и являющийся агентом Правительства РФ по обеспечению государственной поддержки экспорта, кредитует компании и выдает по запросу разные виды гарантий от своего имени.

В 2017 г. запущены проекты «Системные меры развития международной кооперации и экспорта», «Международная кооперация и экспорт в промышленности», «Развитие экспорта продукции АПК», которые также подразумевают развитие несырьевого экспорта. Кроме того, были утверждены «Стратегия развития экспорта автомобильной промышленности и производства автокомпонентов в Российской Федерации на период до 2025 года», «Стратегия развития экспорта в отрасли сельскохозяйственного машиностроения на период до 2025 года», «Стратегия развития экспорта железнодорожного машиностроения».

За последние 5–7 лет инфраструктура поддержки несырьевого экспорта в стране формируется достаточно активно (табл. 7). Разработаны и реализуются нефинансовые меры и отдельные элементы системы финансовой поддержки экспорта на федеральном уровне: экспортные кредиты, программа субсидирования процентных ставок, страхование от предпринимательских и политических рисков, государственные гарантии и кредиты.

В то же время при всём существующем в Российской Федерации спектре инструментов финансовой и нефинансовой поддержки эффективность её находится на достаточно невысоком уровне по сравнению с развитыми странами (США, Германия, Япония), что подтверждает в первую очередь сама цепочка выстраивания элементов взаимодействия на всех этапах экспортного цикла. Во-первых, более слабая конкурентоспособность кредитных инструментов, чем в зарубежных странах (в РФ процентные ставки по кредитным продуктам для предприятий-экспортеров значительно выше, чем в других странах, где существует возможность беспроцентной рассрочки выплат,

Таблица 7. Направления поддержки экспорта в Российской Федерации*

Инструменты	Институты
<i>Финансовые меры поддержки экспорта</i>	
1. Кредиты	ГК «Внешэкономбанк»; ЗАО «Росэксимбанк»; ОАО «МСП Банк»
2. Страхование	ОАО «ЭКСПАР».
3. Гарантии	ЗАО «Росэксимбанк».
<i>Нефинансовые меры поддержки экспорта</i>	
1. Информационно-консультационные меры	АО «Российский экспортный центр; торговые представительства Российской Федерации в иностранных государствах.
	Региональные центры поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства.
2. Промоутерско-организационные меры	АО «Российский экспортный центр»; Министерство экономического развития РФ; Министерство промышленности и торговли РФ.
	Торговые представительства РФ в иностранных государствах.
	Региональные центры поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства.
3. Устранение барьеров для экспорта	Министерство экономического развития РФ; АНО «АСИ»; ФТС, ФСТЭК, АО «Российский экспортный центр.

* Составлено по [29].

например в Японии), во-вторых, узко разрозненный круг компаний, которые могут быть получателями поддержки (услугами Росэксимбанка могут пользоваться только крупные компании-экспортеры), в-третьих, недейственным или полным отсутствием финансового компонента на региональном уровне (в России вся финансовая поддержка осуществляется в основном через Росэксимбанк, офис которого расположен только в Москве).

Несмотря на широкий спектр мер поддержки, реализуемых органами власти и управления, даже в регионах-лидерах по несырьевому экспорту нет комплексной и системной работы в данном направлении.

На наш взгляд, необходимо говорить не о поддержке предприятий-экспортеров, а об управлении экспортной деятельностью на всех уровнях, основанной на реализации соответствующей структурной государственной политики.

Предложения и заключение

Главными инструментами при формировании политики органов власти и управления по развитию экспорта и выстраиванию полного цикла от начального (исследования рынка) и до конечного (заключение контракта с зарубежными контрагентами) этапа должны стать следующие:

1. Выстраивание действенной программы поддержки экспортной деятельности полного цикла по типу «регион – федеральный центр –

регион», где бенефициаром выступает экспортер, а прерогатива в получении финансовой поддержки и расширения, нефинансовых мер формируется на региональном уровне при взаимодействии с национальными специализированными организациями и курирующими министерствами.

2. Разработка сегментных форм поддержки с построением целостной системы, направленной на развитие экспортно-ориентированных несырьевых производств, учитывающей лучшие практики зарубежных стран.

3. Определение перспективных территориальных цеховых групп (секторов) для формирования финансовых форм поддержки на региональном уровне, направленных на конкретные организации-экспортеры.

4. Проведение мониторинга (на постоянной основе) состояния международной специализации как на федеральном (по сравнению с развитыми и развивающимися странами), так и на региональном уровне, с целью определения составляющей экспорта (сырьевые и несырьевые товары) для построения прогноза и разработки новых, а также корректировки существующих форм поддержки, направленных на развитие экспорта и формирование экономического роста территорий.

5. Организация проведения индикативной оценки со стороны органов власти и управления на региональном уровне основанной на обратной связи с участниками экспорт-

ной деятельности, с целью анализа эффективности и целесообразности использования действующих мер с соблюдением принципа «транспарентности».

Для активизации роста несырьевого экспорта как в физическом выражении, так и его доли в ВВП необходима реализация государственной структурной политики, по обеспечению комплексной системной поддержки предприятий-экспортеров. В зависимости от жизненного цикла товара требуются различные меры поддержки, и это следует учитывать при формировании государственной поддержки предприятий-экспортеров (рисунок).

Фактически сейчас существует лишь поддержка предприятий на этапе продвижения продукции на рынок (маркетинг и сбыт). В то время как экспортная деятельность заключается не только в сбыте продукции за рубеж, но и в ее разработке и производстве. Поэтому целесообразным видится организация поддержки компаний на всех этапах реализации проектов [30]. Заметим, что ныне полностью отсутствует поддержка на стадии сервиса послепродажного обслуживания и утилизации товаров. Поддержка предприятий-экспортеров на стадии разработки и производства продукции должна осуществляться на региональном уровне.

Хотя экспорт регионов необходимо рассматривать в направлении тактического и стратегического управления, сегодня в большей степени проводится оперативное управление экспортом с акцентом на поддержке с элементами фрагментарной политики, поэтому следует разработать системы методического обеспечения с построением классификации в высокотехнологичном экспорте для формирования статистики и построения прогнозных моделей.

В связи с этим главной задачей для органов власти и управления в экспортной политике должно стать формирование таких условий, при которых субъект бизнеса видел бы в экспорте стратегические горизонты развития компании в долгосрочной и среднесрочной перспективе, а не получение краткосрочной выгоды. Для этого необходим системный подход, включающий в том числе описанный выше комплекс решений, направленный на формирование диверсифицированного экспортного портфеля, который представляет собой как совокупность номенклатуры товаров конкретного предприятия, так и, в частности, общее количество зарегистрированных субъектов бизнеса, осуществляющих производство (изготовление) в регионе и поставку продукции на зарубежные рынки. При

этом главным в предложенном подходе является снижение рисков за счёт создания пакетных условий на всех стадиях экспортного цикла и построения новых элементов инфраструктуры в виде центра координации конъюнктуры и комитета по развитию экспортной экспансии. Расширение номенклатуры поставок и развитие экспорта высоких технологий не только позволит увеличить доходную часть бюджетов всех уровней, но и, главным образом, будет являться долгосрочной инвестицией в экономику страны и регионов [31; 32].

Ещё раз подчеркнем, что именно поставки высокотехнологичной продукции сегмента несырьевого экспорта могут стать главным драйвером экономики российских регионов, который будет способствовать выпуску качественной конкурентоспособной продукции, востребованной на мировых рынках.

Подводя итог, стоит отметить, что настоящее исследование имеет комплексный характер. Его результаты вносят вклад в развитие методических аспектов и оценки реальной доли несырьевого экспорта регионов РФ в общем объеме отгруженной за рубеж продукции, и разработки системы инструментов и мер по активизации роста объемов несырьевого экспорта на федеральном и региональном уровне.

Дальнейшими этапами исследования будет определение групп конкурентных факторов, оказывающих прямое воздействие на ведение экспортной деятельности в несырьевом экспорте регионов в контексте обеспечения экономического роста; а также обоснование и разработка механизма управления несырьевым экспортом регионов на основе стимулирования развития несырьевого экспорта в целях обеспечения экономического роста.

Литература

1. Economic Growth: Types and Factors Mr. Aleksey Poliduts (Chelyabinsk State University, Russia) Assoc. Prof. Dr. Yuner Kapkaev (Chelyabinsk State University, Russia). International conference on Eurasian economies. 2015. p. 62–66.
2. Данные международного валютного фонда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/index.aspx>.
3. Проект Среднесрочной программы социально-экономического развития Российской Федерации до 2025 года «Стратегия Роста» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2017/10/strategiya-rosta-28.02.2017.pdf>.
4. Helpman, E. and Krugman P. (1985) “Market Structure and Foreign Trade”, Cambridge, MA: MIT Press.
5. Krueger, A. (1985) The Experiences and Lesson’s of Asia’s Superexporters, in V. Corbo, A. Krueger, and F. Ossa (eds) Export-oriented Development Strategies: The Success of Five Newly Industrializing Countries, Westview Press, Boulder.
6. Rodrik, D. (1988) “Closing the Technology Gap: Does Trade Liberalization Really Help?” Cambridge NBER Working Paper No 2654.
7. Ghirmay, T., Garbowski, R., & Sharma, S. (2001) “Exports, Investment Efficiency and Economic Growth in LDC: an Empirical Investigation”, Applied Economics, 33, 689–700.
8. Abdulai, A. and Jacquet, P., (2002) “Exports and Economic growth: Cointegration and Causality evidence for Cote d’Ivoire”, African Development Review, 14(1), 1–17.
9. Voivodas, C. (1973) “Exports, Foreign Capital Inflow and Economic Growth”, Journal of International Economics, 3, 337–349.
10. Kaldor, N., (1967) Strategic Factors in Economic Development: Liberalization Attempts and Consequences, Ballinger, Cambridge, M.A.
11. Sharma, S.C., and Dhakal, D., (1994) “Causal Analysis Between Exports and Economic Growth in Developing Countries”, Applied Economics, 26, 1145–1157.
12. Ahmad, J., and Harnhirun, S. (1996) “Cointegration and causality between exports and economic growth: evidence from the ASEAN countries”, Canadian Journal of Economics, 29, 413–416.
13. Shan, J., and Tian, G. (1998) “Causality Between Exports and Economic Growth: The Empirical Evidence From Shanghai”, Australian Economic Papers 37 (2), 195–202.
14. Werenheimer, M., (2000) “Cointegration and Causality in Exports-GDP nexus: the Post-War Evidence for Canada”, Empirical Economics, 1, 111–125.

15. Ramos, F., (2001) “Exports, Imports and Economic Growth in Portugal: evidence from Causality and Cointegration Analysis”, *Economic Modelling*, 18(4), 613–623.
16. Hatemi-J., A., (2002) “Export Performance and Economic Growth Nexus in Japan: a Bootstrap Approach”, *Japan and the World Economy*, 14(1), 25–33.
17. Yagmaian, B., (1994) “An Empirical Investigation of Exports, Development and Growth in Developing Countries: Challenging the Neo-Classical Theory of Exportled Growth”, *World Development*, 22, 1977–1995.
18. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / М. Портер. – М., 2016. 947 с.
19. Composition of geographical and economic groupings [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/WTO_Chapter_08_e.pdf.
20. WTO Statistics Database. Exports and imports of major commodity groups by region and selected economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDDBStatProgramSeries.aspx?Language=E>.
21. Standard international trade classification (SITC) Revision 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unctadstat.unctad.org/EN/Classifications.html>.
22. Euro area 19 trade by SITC product group since 1999 (ext_st_ea19sitc) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitModifiedQuery.do>.
23. Exploring interdependencies in global resource trade [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://resourcetrade.earth/>.
24. Foreign trade – Hamburg. Federal Statistical Office and the statistical Offices of the Länder [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/CountriesRegions/RegionalStatistics/RegionalStatistics.html>.
25. Классификация экспортных товаров [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/.
26. НДС при экспорте товаров в 2017 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.glavbukh.ru/art/91561-nds-eksport-2017>.
27. Несырьевой экспорт и его перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share//direct/217532174>
28. Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depsvod/201404245>.
29. НДС при экспорте: учет, декларация, возмещение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gd.ru/articles/9576-nds-pri-eksporte-uchet-deklaratsiya-vozmeshchenie>
30. Якушев, Н.О. Особенности поддержки российского экспорта / Н.О. Якушев // Региональное развитие. – 2017. – № 3. – № (21).
31. Якушев, Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика [Текст] / Н.О. Якушев // Проблемы развития территории. – 2017. – № 3. – С. 62–77.
32. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий: монография / К.А. Гулин, Т.В. Ускова, О.Н. Калачикова [и др.]. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – 386 с.

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: gil@vscs.ac.ru)

Николай Олегович Якушев – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nilrus@yandex.ru)

Евгений Александрович Мазилев – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Eamazilov@mail.ru)

Gulin K.A., Yakushev N.O., Mazilov E.A.

Promoting Economic Growth in Regions of the Russian Federation by Boosting the Development of Non-Resource-Based Exports

Abstract. At present, the issues related to economic growth rate, increase in gross regional product, and expansion of budget revenues of territories are coming to the fore. Export is an important resource for regional economic development. However, despite the fact that exports play a major role in the economy, Russia's share in foreign economic activity is insignificant (1.8%) and tends to decrease. In absolute values, Russia's export is ten times lower than that of China and five times lower than that of the U.S. Under the circumstances, it is crucial to determine the priorities of export activity. In this regard, the goal of our study is to determine the priorities and directions in boosting export activity as a necessary aspect of economic growth of territories and development of the national economy. In accordance with the goal of the paper, we consider the evolution of the views on the role of export activity in economic growth and develop a scientifically substantiated methodological approach to assessing the real share of non-resource-based export of Russia's regions in the total volume of goods shipped abroad. We also develop our own approach to classifying non-resource-based exports, study foreign experience in providing support to export activities, consider Russia's current infrastructure, and prove that it is necessary to implement governmental policy to provide comprehensive system-wide support to exporter enterprises. This can be done with the help of the system approach; it is also necessary to develop a set of tools and measures to enhance the growth of non-resource-based export at the federal and regional levels. In conclusion, we focus once again on the need to develop methodological aspects of assessing the real share of non-resource-based export of Russia's regions. At the further stages of the study, we will substantiate and develop a mechanism for managing non-resource-based exports of the regions on the basis of stimulating the development of non-resource-based exports in order to promote economic growth.

Key words: non-resource-based export, economic growth, problems, differentiation, territories, promotion.

Information about the Authors

Konstantin A. Gulin – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director, Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: gil@vscc.ac.ru)

Nikolai O. Yakushev – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: nilrus@yandex.ru)

Evgenii A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Eamazilov@mail.ru)

Статья поступила 23.05.2018.

Принципы размещения объектов социальной и транспортной инфраструктуры в региональных документах стратегического планирования

Вадим Николаевич

КАБАНОВ

Национальный исследовательский московский государственный строительный университет

Москва, Российская Федерация, 129337, Ярославское шоссе, д. 26

E-mail: kabanovvn@yandex.ru

Аннотация. Разработка программ стратегического социально-экономического развития регламентируется в России Федеральным законом (№ 172-ФЗ от 28.06.2014), в соответствии с которым долгосрочные идеи развития должны отображаться на схемах территориального развития. При разработке схем территориального планирования основной проблемой является точность прогнозирования численности населения, проживающего в муниципальных образованиях, на временные горизонты, определяемые стратегическими планами. Практическое применение зависимости численности населения от количества создаваемых или сохраняемых рабочих мест может перевести объемы финансовых ресурсов, предусмотренных для реализации программ долгосрочного развития, в количественные показатели, необходимые для вычисления количества и мощности объектов социальной и транспортной инфраструктуры. Цель исследования состоит в доказательстве существования статистической зависимости численности населения от числа рабочих мест в региональной и муниципальной экономике. Для достижения решалась научная задача определения статистической зависимости численности населения в регионах России от количества рабочих мест в экономике (занятого населения). Обсуждение результатов исследования предлагается в виде дискуссии по поводу принципов формирования территориальных планов развития. Не отрицая важности самоидентификации населения, в качестве основополагающего критерия для выбора места жительства обосновывается возможность получать

Для цитирования: Кабанов В.Н. Принципы размещения объектов социальной и транспортной инфраструктуры в региональных документах стратегического планирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 71–83. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.5

For citation: Kabanov V.N. Principles of deploying the objects of social and transport infrastructure in regional strategic planning documents. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 71–83. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.5

средства для удовлетворения потребностей человека. Поскольку наиболее распространенным способом получения таких средств является продажа труда, то в качестве основного количественного показателя, способного аккумулировать в себе наиболее распространенные стратегические идеи социально-экономического развития, обосновывается показатель «количество рабочих мест в экономике территориального образования». Исходя из требований действующих нормативных документов делается вывод о целесообразности применения отношения количества рабочих мест к численности населения, как 1 к 2. Предлагается вывод о том, что такой подход прогнозирования численности населения обеспечивает наиболее достоверную систему обоснований при принятии решений о размещении объектов регионального значения на схеме территориального развития субъектов РФ. Разработка схем территориального планирования в составе документов стратегического планирования обеспечивает конкретизацию долгосрочных идей социально-экономического развития, разрабатываемых и утверждаемых местными органами государственной власти.

Ключевые слова: стратегическое планирование, численность населения, рабочие места, социальная инфраструктура, объекты регионального значения, территория поселений, социально-экономическое развитие, схема территориального планирования.

Введение

Законом о стратегическом планировании в России¹ установлена необходимость разработки стратегии её пространственного развития (ст. 20, № 172-ФЗ). На региональном уровне пространственное развитие определяется схемой территориального развития субъекта РФ (ст. 38, № 172-ФЗ). Требования к региональной схеме территориального развития установлены гл. 3, ст. 9–28 Градостроительного кодекса РФ². Схемы территориального планирования субъектов РФ, в соответствии с п. 3, ст. 14 № 190-ФЗ, содержат информацию о размещении:

«1) транспорта (железнодорожный, водный, воздушный транспорт), автомобильные дороги регионального или межмуниципального значения;

2) предупреждение чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидация их последствий;

3) образование;

4) здравоохранение;

5) физическая культура и спорт;

6) иные области в соответствии с полномочиями субъектов Российской Федерации».

Исходя из приведенных выше положений действующего законодательства, государство, в соответствии с Конституцией РФ (ст. 39–43),

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: ФЗ № 172 от 28.06.2014 (в ред. от 03.07.2016).

² Градостроительный кодекс Российской Федерации: ФЗ № 190 от 29.12.2004 (в ред. от 29.07.2017).

принимает на себя обязательства по созданию, содержанию и развитию социальной инфраструктуры поселений. Не требует доказательства утверждение о том, что обоснование решений о размещении объектов региональной социальной инфраструктуры напрямую зависит от численности населения в поселении (под поселением здесь понимается как крупный мегаполис, так и сельское поселение). Количество и мощность объектов социальной инфраструктуры устанавливаются в соответствии с действующими нормами проектирования³ и зависят от количества жителей городских и сельских поселений. Строительство новых и финансирование деятельности существующих объектов социальной инфраструктуры осуществляется за счет средств бюджетов всех уровней, а объем финансирования зависит от количества обслуживаемого населения⁴. К сожалению, перечисленные нормативные документы не содержат рекомендаций по определению численности населения в поселениях. Поиск иных документов, связанных с определением количества жителей, в существующих справочно-правовых системах не дал положительного результата.

³ П.п. 4.4, 11.2, Приложение Д СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89: утв. Приказом Минстроя России от 30.12.2016 № 1034/пр.

⁴ О требованиях к размещению медицинских организаций государственной системы здравоохранения исходя из потребностей населения: Приказ Министерства здравоохранения РФ № 132н от 27 февраля 2016 г.

В этой связи поиск количественных показателей, описывающих региональные стратегии социально-экономического развития, с одной стороны, и способных обеспечить достоверность прогноза численности населения — с другой, относятся к актуальным проблемам стратегического планирования. Особенно острой остается проблема прогнозирования изменения численности населения в регионах и муниципальных образованиях. Трудно переоценить важность достоверности и точности прогноза изменения численности населения в результате реализации долгосрочных программ и проектов, направленных на социально-экономическое развитие.

Исследование результатов научных исследований, опубликованных в периодической печати и рассматривающих причины изменения численности сельских и городских поселений, позволяет сделать следующие выводы.

Одни зарубежные исследователи рассматривают колебания численности населения как результат территориального развития, которое, в свою очередь, представляется как функция развития бизнеса (предпринимательства):

- в зависимости от объема «экспортной» выручки, то есть объема вывоза товаров и услуг за пределы рассматриваемой территории⁵;

- в зависимости от одного центра, в котором сконцентрирована экономическая активность (модернизация теории И. фон Тюнена⁶), что является условием достижения экономического равновесия при малой численности населения⁷, а в случае совместного рассмотрения с моделью Леша⁸ существует возможность оценивать социально-экономические последствия роста численности населения⁹;

⁵ Pred A.R. The Spatial Dynamics of U.S. Urban-Industrial Growth. PP. 1800-1914. Cambridge: MIT Press., 1966.

⁶ Thünen J.H. Der naturgemäße Arbeitslohn und dessen Verhältniß zum Zinsfuß und zur Landrente. Zweite Abtheilung, hrsg. von Hermann Schumacher. Rostock. Leopold, 1863, 160 с.

⁷ Fujita M., Krugman P. When is the economy monocentric: von Thunen and Chamber-tin unified // Regional Science and Urban Economics, 1995. 254 p.

⁸ Lösch A. Population cycles as a cause of business cycles// The Quarterly Journal of Economics, 1937, 51 (4), pp. 649–662.

⁹ Fujita M., Mori T. Structural stability and evolution of urban systems // Regional Science and Urban Economics, 1996, 27; 4-5.

- в зависимости от производственных мощностей промышленных предприятий, вовлеченных в глобальную технологическую цепочку выпуска товаров массового спроса¹⁰;

- в зависимости от величины транзакционных (в первую очередь транспортных) издержек¹¹.

Другие — считают численность населения функцией, которая зависит от эффективности инфраструктуры:

- обеспечивающей диверсификацию экономики¹²;

- стимулирующей самозанятость домашних хозяйств¹³;

- сокращающей разрыв между сельским и городским поселением¹⁴;

- способствующей росту эффективности товарного обмена¹⁵.

В нашей стране изменение численности городского и сельского населения происходит разнонаправленно (рис. 1). Более высокие темпы сокращения сельского населения (пунктирная линия на рисунке) объясняет более пристальное внимание российских ученых к проблемам социально-экономического развития сельских территорий. Со стороны органов государственного управления изменение динамики численности сельского населения связывается с реализацией соответствующей

¹⁰ Venables A. Equilibrium Locations of vertically linked industries // International Economic Review, 1996.

¹¹ Pugo D. Venables A, The spread of industry spatial agglomeration in economic development. CEPR Working Paper № 1354. 1997.

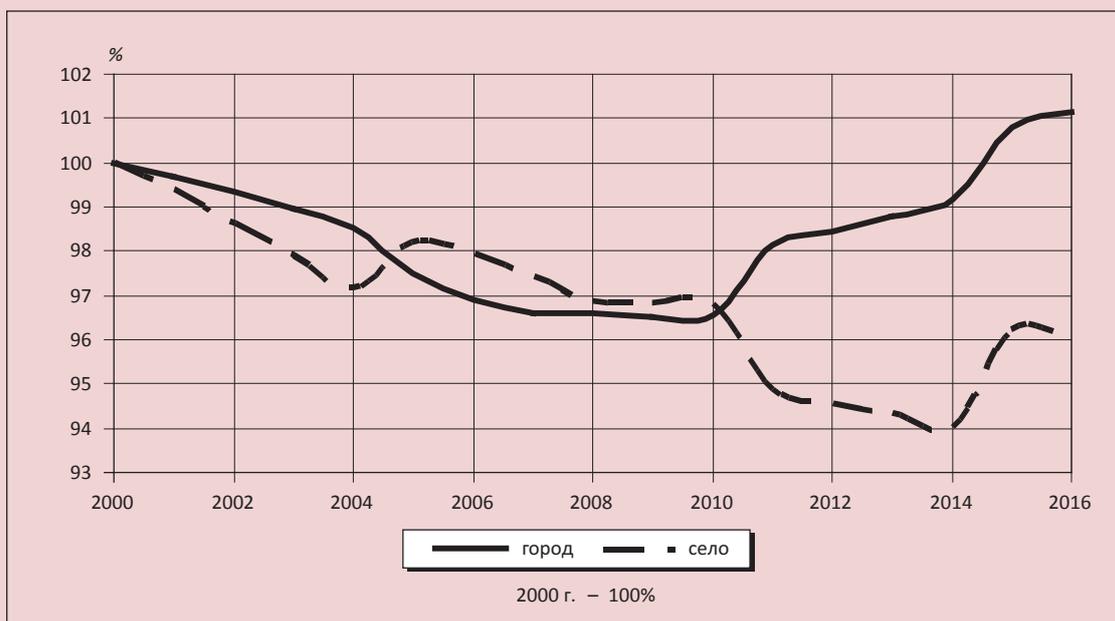
¹² Hemalata C. Dandekar. Rural Planning: General // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Elsevier, 2015. P. 801–806.

¹³ Abdulaziz Shehua, Shaufique F. Sidiqea. A propensity score matching analysis of the impact of participation in non-farm enterprise activities on household wellbeing in rural Nigeria // International Agribusiness Marketing Conference 2013, IAMC 2013, 22–23 October 2013, Kuala Lumpur, Selangor, Malaysia.

¹⁴ Jiang Shijie, Shen Liyin, Zhou Li. Empirical Study on the Contribution of Infrastructure to the Coordinated Development between Urban and Rural Areas: Case Study on Water Supply Projects. 2nd International Conference on Challenges in Environmental Science and Computer Engineering // Procedia Environmental Sciences, Vol. 11, Part C, 2011. P. 1113–1118.

¹⁵ Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. Gottingen, 1975. PP.84.

Рис. 1. Динамика изменения численности городского и сельского населения РФ в 2000–2016 гг.

Источник: Российский статистический ежегодник. 2016. С. 69, табл. 4.2: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 725 с.

федеральной целевой¹⁶ программы¹⁷ и стратегии социально-экономического развития¹⁸.

Важность «комплексного подхода для вывода российского села на траекторию динамического устойчивого развития» трудно переоценить¹⁹. К числу основных направлений, способных обеспечить позитивную динамику социально-экономического развития, российские исследователи предлагают относить:

- «сбережение» трудового потенциала²⁰;

- укрепление демографического потенциала экономическими перспективами, в том числе связанными с возрождением и созданием транспортных²¹ коридоров²²;

- формирование благоприятного инвестиционного климата с целью создания новых и сохранения существующих предприятий²³;

- создание территорий (зон) опережающего развития²⁴;

¹⁶ Михайлова Е.В. Оценка эффективности управления экономикой региона // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 1. С. 101–106.

¹⁷ ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: утв. Постановлением Правительства РФ № 528 от 15.07.2013 г.

¹⁸ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ № 151-р от 02.02.2015 г.

¹⁹ Бондаренко Л.В. Социальное развитие сельских территорий России: проблемы и перспективы // Агропродовольственная политика России. 2017. № 4. С. 13–18.

²⁰ Стратегическое планирование для малых городов России / Е.М. Бухвальд, О.Н. Валентик, О.Н. Кольчугина, А.В. Одинцова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 3. С. 53–70.

²¹ Литовский В.В. Концепция размещения в Арктике производительных сил на базе инфраструктуры второго уровня А.Э. Юницкого и пространственная модель транспортной сети «Полярное кружево» для «мобильных поселений». Вестник Мурманского государственного технического университета, 2016. № 2. С. 431–442.

²² Мостахова Т.С. Географические аспекты развития народонаселения в республике Саха (Якутия): проблемы территориальной концентрации населения // Наука и образование. 2016. № 2. С. 65–71.

²³ Управление процессами местного развития на примере городского сельского поселений Калининградской области. А.Ю. Горохов, Д.А. Горохов, А.Ю. Игнатъев, В.Г. Смирнов // Экономические науки. 2016. № 144. С. 64–70.

²⁴ Кабанов В.Н., Михайлова Е.В. Критерии для формирования зон опережающего развития сельских территорий (на примере Волгоградской области) // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2016. № 4. С. 232–249.

– создание условий для роста конкурентоспособности сельскохозяйственного производства²⁵.

Как показывает краткий обзор зарубежных и российских публикаций, большинство исследователей считают, что численность населения зависит от эффективности экономической деятельности. Эффективная экономическая деятельность обеспечивается трудовыми ресурсами, следовательно, логично предположить, что численность населения в поселениях зависит от количества рабочих мест, размещенных на территории городского или сельского поселений. Таким образом, цель настоящего исследования состоит в доказательстве существования статистической зависимости численности населения от числа рабочих мест в экономике. Для достижения поставленной цели решалась следующая научная задача: выполнить статистический анализ зависимости численности населения в регионах России от количества рабочих мест.

Методы исследования

Основным источником информации о численности населения в регионах РФ является официальная статистика, публикуемая соответствующим государственным органом (Росстат). Логично предположить, что к наиболее эффективным методам исследования такой информации относятся инструменты математической статистики, к числу которых принято относить методы систематизации, а также выявление статистических закономерностей с целью построения вероятностных моделей массовых случайных явлений²⁶. Поскольку предметом изучения выступают социально-экономические процессы (численность населения и рабочие места), которые относятся к экономическим категориям, то не будет ошибкой сузить применяемый инструментарий до аппарата, традиционно используемого эконометрикой. Автор полагает, что построение парной регрессии позволит избежать дискуссии,

начатой Дж. Кейнсом²⁷ и Я. Тинбергеном²⁸, об эффективности корреляционного анализа.

Результаты

Изменение численности населения и рабочих мест в регионах России выполнялось относительно максимального значения. Максимальные характеристики принадлежат Москве. В *табл. 1* отчетливо видны региональные изменения численности населения относительно столицы РФ.

Приведенные распределения изменения численности населения в регионах России обладают некоторыми особенностями, на которые стоит обратить внимание:

- во-первых, максимальное значение выборки постоянное и равно максимальной численности населения в регионе (в приведенных выборках – Москва);
- во-вторых, минимальное значение выборки поступательно уменьшается относительно наибольшего значения (*табл. 1*, колонки 1, 4, 7);
- в-третьих, число регионов в первом интервале неуклонно растет (*табл. 1*, колонки 3, 6, 9).

Характер распределения количества рабочих мест (*табл. 2*), наблюдаемых государственной статистикой РФ, весьма схож с распределением населения (см. *табл. 1*).

Сравнение значений, приведенных в *таблицах 1 и 2*, позволяет сделать вывод о схожести динамики изменения минимальных значений рассматриваемых статистических выборок (колонки 1, 4, 7, в *табл. 1* и колонки 1, 4, 7 в *табл. 2*). К числу заметного отличия следует отнести номер интервала, в котором происходят основные изменения. Если распределение регионов по численности населения показывает основные изменения в первом интервале значений (колонки 3, 6, 9 в *табл. 1*), то распределение субъектов РФ по количеству рабочих мест (занятому населению) показывает основные изменения во втором и третьем интервалах (колонки 3, 6, 9 в *табл. 2*). Графическое представление данных, приведенных в *табл. 1 и 2*, показано на *рис. 2*.

²⁵ Дрокин В.В., Журавлев А.С. Повышение конкурентоспособности аграрного сектора экономики. Теория и практика мировой науки, 2016, № 3, с. 4–11.

²⁶ Вероятность и математическая статистика: энциклопедия / гл. ред. Ю.В. Прохоров. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. 914 с.

²⁷ Keynes J. M. Professor Tinbergen's Method // The Economic Journal. 1939. Vol. 49, No. 195. P. 558–568.

²⁸ Tinbergen J. On a Method of Statistical Business-Cycle Research. A Comment Author(s): J.M. Keynes. The Economic Journal, Vol. 50, No. 197 (Mar., 1940), pp. 154–156.

Таблица 1. Распределение численности населения в регионах РФ относительно значения численности населения в Москве

2005			2010			2015		
Интервал, %		Кол., шт.	Интервал, %		Кол., шт.	Интервал, %		Кол., шт.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
0,47	12,91	45	0,43	12,88	49	0,40	12,85	52
12,91	25,35	20	12,88	25,32	18	12,85	25,30	15
25,35	37,79	8	25,32	37,77	8	25,30	37,75	8
37,79	50,23	4	37,77	50,21	2	37,75	50,20	2
50,23	62,67	1	50,21	62,66	1	50,20	62,64	1
62,67	75,11	0	62,66	75,10	0	62,64	75,09	0
75,11	87,55	0	75,10	87,55	0	75,09	87,54	0
87,55	100,00	1	87,55	100,00	1	87,54	100,00	1

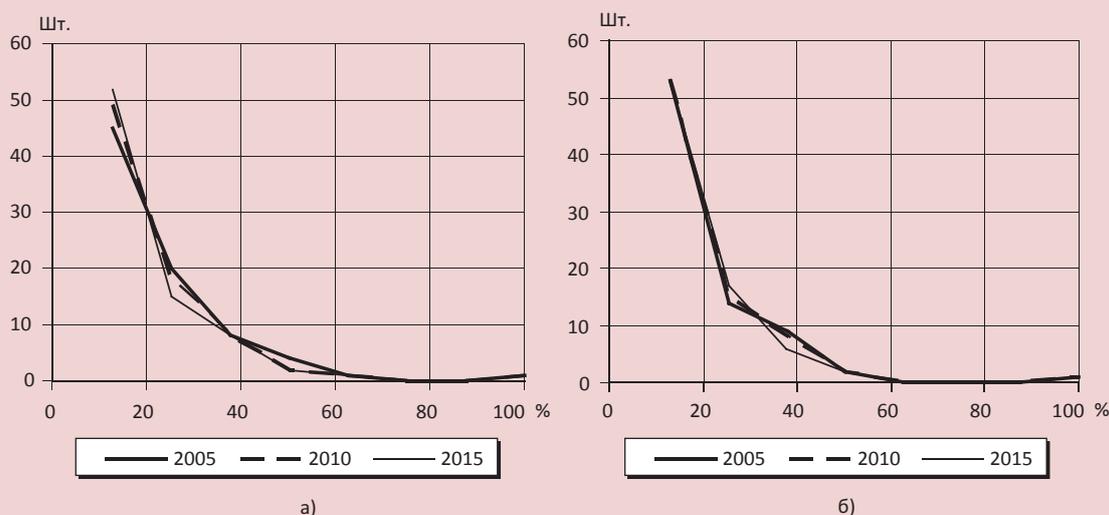
Источник: составлено: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: данные табл. 2.1, с. 37, 38.: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

Таблица 2. Распределение количества рабочих мест в регионах РФ относительно значения числа рабочих мест в Москве

2005			2010			2015		
Интервал, %		Кол., шт.	Интервал, %		Кол., шт.	Интервал, %		Кол., шт.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
0,62	13,04	53	0,55	12,98	53	0,44	12,89	53
13,04	25,46	14	12,98	25,41	15	12,89	25,33	17
25,46	37,88	9	25,41	37,84	8	25,33	37,77	6
37,88	50,30	2	37,84	50,27	2	37,77	50,22	2
50,30	62,72	0	50,27	62,70	0	50,22	62,66	0
62,72	75,15	0	62,70	75,13	0	62,66	75,10	0
75,15	87,57	0	75,13	87,56	0	75,10	87,55	0
87,57	100,00	1	87,56	100,00	1	87,55	100,00	1

Источники: составлено по: Социально-экономические показатели Регионы России. 2016: данные табл. 3.4, с. 108, 109: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

Рис. 2. Распределение субъектов РФ относительно показателей Москвы: а) по численности населения; б) по количеству рабочих мест (численности занятого населения)

Источник: табл. 1 и 2 настоящей работы.

Не вызывает удивления утверждение о том, что численность населения, проживающего на территории, зависит от количества рабочих мест. Однако найти опубликованные результаты исследований, предлагающих оценку степени такой зависимости, автору не удалось. Общеизвестно, что изменения в демографии происходят медленно, например, относительно продолжительности человеческой жизни. С учетом приведенных утверждений рост степени влияния количества рабочих мест на численность населения в субъектах РФ на 2% за последние 15 лет (строка 1 в табл. 3) может оцениваться как значительный. Такой вывод опирается на результаты стандартного статистического исследования двух массивов значений (численность населения в субъектах РФ и количество занятых в субъектах РФ), основные результаты обработки количественных значений приведены в табл. 3.

Статистическая значимость зависимости численности населения от количества занятых в субъектах РФ подтверждается проверкой по стандартным критериям Стьюдента и Фишера. Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании статистической зависимости численности населения от количества рабочих мест в субъектах РФ. Это важное утверждение необходимо при формировании долгосрочных (стратегических) направлений социально-экономического развития, а также может применяться при оценке последствий (как социальных, так и экономических) реализации инвестиционных программ и проектов.

Следует обратить внимание, что попытка исследования динамики изменения численности населения от числа рабочих мест за период с 2000 по 2015 г. не позволяет говорить о существовании значимой зависимости.

Например, для значений, описывающих изменение численности населения в зависимости от числа занятых в экономике за период с 2000 по 2015 г., коэффициент корреляции составил $r = 0,33$. Аналогичные исследования, выполненные для каждого субъекта федерации, показали значительный разброс значений коэффициента корреляции, в том числе и в отрицательной области значений. Исследование ежегодных распределений численности населения и количества рабочих в регионах России дало возможность получить математические выкладки, соответствующие требованиям по статистической значимости (то есть прошедшие проверку по критериям Стьюдента и Фишера).

Описанные результаты исследования свидетельствуют о том, что как со стороны логики функционирования социально-экономической системы, так и со стороны формализации такой логики в статистическую зависимость не выявлено противоречий. На основании этого достаточно убедительным выглядит вывод о том, что при разработке долгосрочных программ развития региональной экономики целесообразно исходить из того, что каждому рабочему месту соответствует не меньше 2-х жителей. Это доказательство приобретает особенную значимость при разработке схем территориального планирования, относящихся к неотъемлемой части системы документов регионального и муниципального стратегического планирования.

Желание автора выстроить систему обоснования к аналогичному выводу применительно к сельским территориям пока не увенчалось успехом. Главные причины такой неудачи кроются в трудности выделения занятого населения, проживающего в сельской местности. Например, если количество занятых в сельском хозяйстве наблюдается органами государственной статисти-

Таблица 3. Статистические характеристики результатов математической обработки статистических значений, описывающих зависимость численности населения в регионах РФ от количества занятых (парная регрессия)

Показатель	Год		
	2005	2010	2015
Степень влияния (тангенс угла наклона прямой к оси абсцисс), k	1,920	1,926	1,953
Коэффициент корреляции, r	0,986	0,987	0,990
Среднеквадратичное отклонение R^2	0,972	0,975	0,979
Источник: составлено автором по результатам исследования парной корреляции массивов значений, приведенных в табл. 2.1 на с. 37, 38, в табл. 3.4 на с. 108, 109 в стат. сб-ке «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016» / Росстат. М., 2016. 1326.			

стики, то разделить рабочие места на городские и сельские в торговле, образовании, здравоохранении, транспорте пока адекватно не удастся. Кроме этого, к городскому населению статистика причисляет жителей не только городских округов, но и городских поселений. При этом инфраструктура городских поселений не всегда соответствует даже минимальному уровню городских округов. Вместе с тем количественная оценка степени влияния количества рабочих мест на численность населения в регионах РФ вряд ли будет ниже на сельских территориях. Такое предположение опирается на динамику изменения численности городского и сельского населения в РФ (см. рис. 1).

Обсуждение и дискуссия

Появление в системе региональных документов стратегического планирования схемы территориального развития конкретизирует положения программ долгосрочного социально-экономического развития до объектов регионального значения. В связи с тем, что федеральным законодательством вопрос о перечне объектов регионального значения не урегулирован, в каждом субъекте РФ формируется своя нормативная база, отражающая взгляд местных органов государственной власти. Кроме этого, схемы территориального развития должны способствовать преодолению «рассогласованности социально-экономических и территориально-пространственных компонентов регионального планирования»²⁹. Трудно не согласиться с тем, что в большинстве регионов программы социально-экономического и территориального развития существуют автономно друг от друга³⁰.

Практический опыт участия автора в работе над разработкой региональных схем территориального планирования свидетельствует о том, что творческие коллективы, создаваемые для формирования документов такого рода, должны включать представителей целого ряда фундаментальных наук: как минимум градостроителей, географов, экономистов, экологов, специалистов МЧС, дорожников, специалистов по строительству и эксплуатации современных городских инженерных систем. Важно отметить, что «необходимость рассмотрения стратегии социально-экономического развития в территориальном аспекте» в течение многих лет подчеркивалась А.Г. Гранбергом³¹. Однако закрепление схемы территориального планирования федеральным законом еще не гарантирует разработку стратегии социально-экономического развития совместно со схемой территориального размещения объектов регионального значения. Причин здесь достаточно много. К числу наиболее существенных следует отнести отсутствие единой точки зрения на процессы, происходящие на территории субъектов РФ³². В качестве примеров приведем несколько точек зрения, которые носят дискуссионный характер.

В периодической печати довольно часто встречаются работы по исследованию региональной идентичности. Трудно не согласиться с мнением авторов о важности роли региональной идентичности населения. Интересным представляется предложение о строительстве «ментальных карт, описывающих представление

²⁹ Юшкова Н.Г. Совершенствование инструментального обеспечения пространственного подхода к региональному планированию: проблемы, особенности, тенденции // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 225–242.

³⁰ Юшкова Н.Г. Стратегическая направленность планирования пространственного развития региональных систем и императивы государственного управления // Регион: экономика и социология. 2014. № 3. С. 94–112.

Она же. Совершенствование инструментального обеспечения пространственного подхода к региональному планированию: проблемы, особенности, тенденции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 225–242. DOI: 10.15838/esc.2014.6.36.17

Она же. Развитие системы пространственно-стратегического планирования: особенности адаптации к императивам инновационной экономики // Вестник УрФУ. 2014. № 4. С. 72–86.

О стратегии развития экономики России / С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов, А.И. Таркин, Р.С. Гринберг, Г.Г. Фетисов, В.А. Цветков, С.А. Батчиков, М.В. Ершов, Д.А. Митяев, Ю.А. Петров // Экономическая наука современной России. 2011. № 3. С. 7–31.

³¹ Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 34–40.

³² Аганбегян А.Г., Михеева Н.Н., Фетисов Г.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. 2012. № 4. С. 7–44.

человека об окружающей территории»³³. Однако построение таких карт как альтернативы физико-географическим и экономическим вряд ли будет способствовать сохранению и тем более росту численности населения. В качестве аргумента следует привести результаты упомянутых исследований, которые доказывают, что место жительства человека в современном обществе зачастую определяется источником дохода (работой), а не тем, как он себя идентифицирует. Поскольку рабочие места являются продуктом инвестиционной деятельности и связаны с размещением производственных мощностей, то следует вывод о том, что не большинство людей, а владельцы капитала вольно или невольно определяют наиболее населенные территории.

Некоторые авторы считают, что ландшафт территории в первую очередь определяет привлекательность для жизни людей³⁴. Однозначно утверждать, что такая точка не верна, нельзя. Длительный промежуток времени, действительно, поселения возникали не только на экономически более выгодных направлениях (возле транспортных коммуникаций), но и на удобных ландшафтах, обеспечивающих возможность производить достаточное количество продуктов питания. Постоянно углубляющееся разделение труда на фоне высоких темпов научно-технического прогресса привело к тому, что человеку нет необходимости лично участвовать в производстве продуктов питания. Следовательно, выбор места жительства зачастую определяется по величине дохода, получаемого за труд. Сказать о том, что существует закономерная или справедливая цена за труд в капиталистическом обществе, значит сильно слухавить.

Заинтересованность инвестора в финансировании проектов по созданию производственных мощностей и, как следствие, обеспечению территории рабочими местами (занятостью) связана со стремлением к получению прибыли. Если рассматривать прибыль как часть добавленной стоимости, создаваемой наемными ра-

ботниками, то неизбежен конфликт между трудом и капиталом³⁵. Уровень такого конфликта принято измерять показателем «социальная напряженность». На снижение подобной напряженности работают государственные институты, с одной стороны, ограничивая стремление к прибыли, а с другой — гарантируя социальную защищенность наемных работников.

Важно подчеркнуть роль органов государственного управления в определении территорий, обеспеченных наиболее благоприятными условиями для развития предпринимательства (размещения производственных мощностей). Под условиями здесь понимается обеспечение производства всеми видами ресурсов, необходимыми для производства товаров или оказания услуг, а также сбыта готовой продукции. В этой связи место для размещения не всегда выбирается по критериям пригодного ландшафта. Зачастую одним из главных критериев считается снижение непроизводственных расходов (издержек). При этом влияние производственных мощностей на рост численности населения трудно недооценить (справедливо и обратное утверждение: сокращение производственных мощностей (рабочих мест) приводит к сокращению численности населения).

Совпадение позиций автор увидел в предложениях, связанных с «необходимостью перехода на уровень территориальных социально-экономических систем (ТСЭС) разных рангов и типов»³⁶. Такой подход отражает сложившиеся процессы «стягивания» населения к наиболее крупным поселениям. К числу особенностей центров притяжения (центров «стягивания») следует отнести наличие свободных рабочих мест в экономике, стоимость труда, качество среды проживания. Представляется особенно актуальным формирование территориальных социально-экономических систем на сельской территории России. С точки зрения автора суть таких систем состоит в объединении нескольких поселений на условиях равноправного партнерства нескольких муниципальных образований. Отличие от современного объединения поселений в муниципальные образования

³³ Шарьгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2. С. 17–25.

³⁴ Панков С.В. Сельские поселения в структуре рурбежной контрастности // Социально-экономическая география. Вестник ассоциаций российских географов-обществоведов. 2017. № 1. С. 137–148.

³⁵ Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: АСТ, 2001. 1697 с. С. 201.

³⁶ Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник ассоциаций российских географов-обществоведов. 2017. № 1. С. 4–12.

состоит в том, что каждое поселение агломерации представляет собой субъект права и на равных принимает участие в решении вопросов местного значения. Данное объединение может называться сельской агломерацией.

Для такого объединения российским законодательством предусмотрены различные формы взаимодействия: на основе заключения многосторонних договоров о совместной деятельности, создание одного юридического лица (например, ассоциации) либо делегирование полномочий единому органу управления (исполнения принятых решений). Разделяя точку зрения о влиянии сельского образа жизни на качество человеческого капитала³⁷, в предлагаемой сельской агломерации можно выделить зоны сельского уклада жизни, но на новом уровне комфортности. Под уровнем комфортности понимается обеспечения жилья водоснабжением, водоотведением, энергоресурсами в объеме достаточном для обогрева в зимний период времени. Под сельским укладом понимается дом на обрабатываемом земельном участке с возможностью заниматься животноводством в объеме, определяемом домашним хозяйством.

Понимая неизбежность сближения качества инфраструктуры города и села, важно предусмотреть на территории сельской агломерации зоны с более высокой степенью урбанизации, состоящие из многоквартирных домов и плотной малоэтажной застройки. В этом случае может быть удовлетворен спрос на жилье любого вида, а также обеспечена такая численность (плотность) населения, которая будет удовлетворять существующим нормативным требованиям по предоставлению государственных услуг в сфере образования и здравоохранения в объеме, гарантированном Конституцией РФ. Важно подчеркнуть, что жилищное строительство традиционно принято относить к локомотивам развития территориальной экономики³⁸.

³⁷ Пациорковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 25–34.

³⁸ Oleinik P.P., Kuzmina T.K., Zenov V. Intensification of the investment process of construction. MATEC Web of Conferences, 2016, Vol. 86, pp. 05019; Lapidus A.A. Integral potential effectiveness of organizational and technological and managerial decisions of building object. Applied mechanics and materials, 2014, Vol. 584–586, pp. 2230–2232.

Выводы

Логические и математические доказательства в отношении очевидного на первый взгляд вывода приведены не случайно. Участие автора в работе по формированию и обоснованию региональных схем территориального планирования показывает, что далеко не все представители научного сообщества и органов государственного управления являются сторонниками тезиса о, пожалуй, исключительной роли показателя «количество рабочих мест в экономике». Продолжающиеся исследования степени влияния числа рабочих мест позволяют утверждать о том, что степень влияния рабочих мест на численность населения зависит от вида экономической деятельности. Уже сегодня можно говорить о том, что величина такого влияния в большей степени зависит вовсе не от количества труда, затраченного на производство единичного объема продукции.

В случае, если одним из основных показателей для формирования стратегии регионального социально-экономического развития применять количество рабочих мест, создаваемых или сохраняемых в территориальной экономике, тогда формализация идей долгосрочного развития на схемах территориального развития приобретает обоснованный, вполне конкретный характер. Применение показателя «количество рабочих мест» не исключает использование показателей, описывающих достижение стратегических задач по росту качества населения региона и страны в целом. Однако изменение потенциала по обеспечению занятости населения при совместном и комплексном социально-экономическом и территориальном планировании способно обеспечить концентрацию усилий органов государственного управления и местного самоуправления на достижении конкретных результатов, что может привести к получению синергетических эффектов, в том числе в человеческом развитии.

Практическое применение зависимости численности населения от количества рабочих мест в экономике региона или муниципального образования позволит обеспечить точность прогнозов социально-экономического развития, следовательно, планировать размещение объектов регионального значения на территориях, способных обеспечить высокую эффек-

тивность бюджетных капитальных вложений. При этом количество рабочих мест может определяться в зависимости от величины инвестиций в основной капитал с учетом особенностей каждого вида экономической деятельности.

Прогнозирование численности населения в муниципальном образовании в зависимости от количества рабочих мест, например, в соотношении 2 : 1 соответственно, значительно упрощает оценку потребности в объектах социально-экономической инфраструктуры. К числу

таких объектов, как правило, относятся объекты образования, здравоохранения, обеспечения безопасности, транспортных коммуникаций. Все перечисленные объекты в большинстве случаев относятся к объектам регионального значения. Таким образом, схема территориального планирования превращается в документ, который фиксирует на карте стратегические идеи развития, принятые местными органами государственной власти в соответствии с действующим в РФ законодательством.

Литература

1. Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник ассоциаций российских географов-обществоведов. 2017. № 1. С. 4–12.
2. Бондаренко Л.В. Социальное развитие сельских территорий России: проблемы и перспективы // Агропродовольственная политика России. 2017. № 4. С. 13–18.
3. Стратегическое планирование для малых городов России / Е.М. Бухвальд, О.Н. Валентик, О.Н. Кольчугина, А.В. Одинцова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 3. С. 53–70.
4. Вероятность и математическая статистика: энциклопедия / гл. ред. Ю.В. Прохоров. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. 914 с.
5. Управление процессами местного развития на примере городского сельского поселения Калининградской области / А.Ю. Горохов, Д.А. Горохов, А.Ю. Игнатъев, В.Г. Смирнов // Экономические науки. 2016. № 144. С. 64–70.
6. Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 34–40.
7. Дрокин В.В., Журавлев А.С. Повышение конкурентоспособности аграрного сектора экономики // Теория и практика мировой науки. 2016. № 3. С. 4–11.
8. Кабанов В.Н., Михайлова Е.В. Критерии для формирования зон опережающего развития сельских территорий (на примере Волгоградской области) // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2016. № 4. С. 232–249.
9. Литовский В.В. Концепция размещения в Арктике производительных сил на базе инфраструктуры второго уровня А.Э. Юницкого и пространственная модель транспортной сети «Полярное кружево» для «мобильных поселений» // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2016. № 2. С. 431–442.
10. Маркс К. Капитал. М.: АСТ, 2001. Т. 1. 1697 с.
11. Михайлова Е.В. Оценка эффективности управления экономикой региона // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 1. С. 101–106.
12. Мостахова Т.С. Географические аспекты развития народонаселения в республике Саха (Якутия): проблемы территориальной концентрации населения // Наука и образование. 2016. № 2. С. 65–71.
13. Панков С.В. Сельские поселения в структуре рубежной контрастности // Социально-экономическая география. Вестник российских географов-обществоведов. 2017. № 1. С. 137–148.
14. Пациорковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 25–34.
15. Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2. С. 17–25.
16. Юшкова Н.Г. Совершенствование инструментального обеспечения пространственного подхода к региональному планированию: проблемы, особенности, тенденции // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 225–242.

17. Abdulaziz Shehua, Shaufique F. Sidiquea. A propensity score matching analysis of the impact of participation in non-farm enterprise activities on household wellbeing in rural Nigeria // *International Agribusiness Marketing Conference 2013*, IAMC 2013, 22–23 October 2013, Kuala Lumpur, Selangor, Malaysia, pp.184–191.
18. Ennen E. *Die europaische Stadt des Mittelalters*. Göttingen, 1975. 84 p.
19. Fujita M., Krugman P. *When is the economy monocentric: von Thunen and Chamber-tin unified* Regional Science and Urban Economics, 1995. 254 p.
20. Fujita M., Mori T. Structural stability and evolution of urban systems. *Regional Science and Urban Economics*, 1996, vol. 27, pp. 4–5.
21. Hemalata C. Dandekar. Rural Planning: General. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Elsevier, 2015. pp. 801–806.
22. Jiang Shijie, Shen Liyin, Zhou Li. Empirical Study on the Contribution of Infrastructure to the Coordinated Development between Urban and Rural Areas: Case Study on Water Supply Projects. *2nd International Conference on Challenges in Environmental Science and Computer Engineering*. Procedia Environmental Sciences, Vol. 11, Part C, 2011, pp. 1113–1118.
23. Keynes J. M. Professor Tinbergen's Method *The Economic Journal*, 1939, Vol. 49, № 195, pp. 558–568.
24. Lapidus A.A. Integral potential effectiveness of organizational and technological and managerial decisions of building object. *Applied mechanics and materials*, 2014, vol. 584–586, pp. 2230–2232.
25. Lösch A. Population cycles as a cause of business cycles *The Quarterly Journal of Economics*, 1937, vol. 51 (4), pp. 649–662.
26. Oleinik P.P., Kuzmina T.K., Zenov V. Intensification of the investment process of construction. *Matec Web of Conferences*, 2016, vol. 86, pp. 5019.
27. Pred A.R. *The Spatial Dynamics of U.S. Urban-Industrial Growth*. Cambridge: MIT Press, 1966, pp. 1800-1914.
28. Pugo D. Venables A, The spread of industry spatial agglomeration in economic development. *CEPR Working Paper*, 1997, № 1354. pp. 808–816.
29. Thünen J.H. *Der naturgemäße Arbeitslohn und dessen Verhältnis zum Zinsfuß und zur Landrente. Zweite Abtheilung*, hrsg. von Hermann Schumacher. Rostock: Leopold, 1863, 160 p.
30. Tinbergen J. On a Method of Statistical Business-Cycle Research. A Comment Author(s): J.M. Keynes. *The Economic Journal*, 1940, vol. 50, № 197, pp. 154–156.
31. Venables A. Equilibrium Locations of vertically linked industries. *International Economic Review*, 1996, pp. 212–220.

Сведения об авторе

Вадим Николаевич Кабанов — доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский московский государственный строительный университет (129337, Российская Федерация, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, учебно-лабораторный корпус, к. 415, 523; e-mail: kabanovvn@yandex.ru)

Kabanov V.N.

Principles of Deploying the Objects of Social and Transport Infrastructure in Regional Strategic Planning Documents

Abstract. In Russia, the development of strategic socio-economic development programs is regulated by Federal Law 172-FZ of June 28, 2014, according to which long-term development ideas should be displayed on the schemes of territorial development. The main problem in the development of territorial planning schemes concerns the accuracy of forecasting the number of population living in municipal entities in relation to the time horizon determined by strategic plans. Practical application of the correlation between the population and the number of jobs created or saved can translate the amount of financial resources provided for the implementation of long-term development programs into quantitative indicators necessary to calculate the number and capacity of social and transport infrastructure facilities.

The goal of our research is to prove the existence of statistical dependence of the number of population on the number of jobs in the regional and municipal economy. To achieve the goal we determined the statistical correlation between the population of Russia's regions and the number of jobs in the economy (employed population). We propose to discuss the findings of the study in the form of a debate on the principles of formation of territorial development plans. Without denying the importance of self-identification of the population, we substantiate the possibility to receive the means to satisfy human needs as a fundamental criterion for choosing the place of residence. Since employment is the most common way of obtaining such means, the indicator "number of jobs in the economy of the territorial entity" is justified as the main quantitative indicator that can accumulate the most common strategic ideas of socio-economic development. Based on the requirements of existing legislation, we conclude that it is advisable to apply the ratio of the number of jobs to the number of population as 1 to 2. We conclude that this approach to forecasting the number of population provides the most reliable system of substantiation when making decisions about deploying the objects of regional significance in the scheme of territorial development of constituent entities of the Russian Federation. The development of territorial planning schemes as part of strategic planning documents ensures concretization of long-term ideas of socio-economic development that are worked out and approved by local authorities.

Key words: strategic planning, population, jobs, social infrastructure, objects of regional significance, territory of settlements, socio-economic development, territorial planning scheme.

Information about the Author

Vadim N. Kabanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (26, Yaroslavskoye highway, Moscow, 129337, Russian Federation, e-mail: kabanovvn@yandex.ru)

Статья поступила 22.11.2017.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.6

УДК 332.1, ББК 65.9 (2 Рос)

© Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А.

Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития

**Олег Александрович
ДОНИЧЕВ**

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Владимир, Российская Федерация, 600000, ул. Горького, д. 87
E-mail: donoa@vlsu.ru

**Денис Юрьевич
ФРАЙМОВИЧ**

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Владимир, Российская Федерация, 600000, ул. Горького, д. 87
E-mail: fdu78@rambler.ru

**Сергей Александрович
ГРАЧЕВ**

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Владимир, Российская Федерация, 600000, ул. Горького, д. 87
E-mail: grachev-sa@yandex.ru

Для цитирования: Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А. Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.6

For citation: Donichev O.A., Fraimovich D.Yu., Grachev S.A. Regional system of economic and social factors in the formation of innovation development resources. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.6

Аннотация. Процессы ускоренной переориентации российской экономики на инновационный путь развития и осуществление в ней задач новой индустриализации и импортозамещения и являются для России важнейшей стратегической проблемой, которая позволит преодолеть отставание в социально-экономическом развитии, устранить последствия экономического кризиса и санкций западных государств. Поэтому целью исследования выступает определение ключевых ресурсных индикаторов, обуславливающих уровень использования инновационного потенциала территориальных систем, и построение на этой основе авторского подхода для анализа и корректировки модернизационного развития регионов. Приемы исследования основаны на использовании экономико-математических методов, факторного и корреляционного анализа. Выделены факторы, оказывающие наибольшее влияние на инновационные показатели, оценена степень их воздействия на инновационное развитие. Выявленный перечень факторов был использован для оценки степени дифференциации регионов Центрального федерального округа по уровню ресурсного обеспечения инноваций. Исходные данные для анализа были подвергнуты нормализации, которая позволила устранить проблему наличия различных единиц измерения. На основе полученных результатов выполнено ранжирование регионов Центрального федерального округа по группам ключевых факторов, оказывающих влияние на инновационные показатели. С помощью построенных диаграмм рассеяния идентифицированы лидирующие территории, а также регионы, в которых ресурсное обеспечение высокотехнологичного развития находится на недостаточном уровне. Предложенная методика на обновленной базе обеспечивает возможность оценки усилий региональных администраций по решению задач модернизации экономики и замещения импортируемых изделий. Проведенные оценки свидетельствуют о том, что ресурсное обеспечение инновационных разработок нуждается в государственной поддержке и регулировании, в том числе на федеральном уровне. Предложенный алгоритм имеет значительные научные перспективы с позиций расширения структуры факторов, оказывающих влияние на формирование условий экономики знаний в субъектах РФ. Разработанный инструментарий и выделенные факторные модели могут быть использованы органами власти и управления регионов для диагностики, прогнозирования и разработки перспективных программ привлечения инвестиций, обеспечивающих процессы инновационного развития территорий.

Ключевые слова: инновационное развитие, ресурсное обеспечение, регион, анализ факторов.

Введение

Преодоление последствий мирового экономического кризиса и обеспечение условий нейтрализации воздействия санкций западных государств выдвигает на первый план задачу организации процессов замещения импорта и, как следствие, развития процессов «реиндустриализации» в важнейших отраслях.

В связи с этим социально-экономическая политика российского государства и его регионов получила направленность на повышение эффективности хозяйственной деятельности и ее динамизацию на основе разработки и внедрения инноваций, новейших достижений науки, освоения передовых технологий и оборудования. Ее цель – активизация функционирования региональных систем, формирующих ресурсные условия инновационного развития для обеспечения высокоэффектив-

ной отдачи от деятельности организаций, роста объемов производства и производительности труда, улучшения уровня и качества жизни населения.

Таким образом, формирование ресурсного потенциала региональной системы становится одним из важнейших направлений ее жизнедеятельности. Между тем нельзя не учитывать и прочие факторы и условия формирования социально-экономического и инновационного пространства территорий.

Целью исследования выступает определение ключевых социально-экономических и ресурсных индикаторов, обуславливающих уровень использования инновационного потенциала территориальных систем, и построение на этой основе авторского подхода для анализа и корректировки модернизационного развития регионов.

Задачами представленной работы являются:

1) исследование методологической научной базы, раскрывающей различные направления ресурсного обеспечения инновационного развития регионов;

2) обоснование авторского методического подхода к выполнению мониторинга индикаторов и выбору на количественной основе ключевых факторов регионального ресурсного потенциала, влияющих на инновационное развитие;

3) интерпретация полученных результатов анализа и определение возможных направлений их использования в деятельности уполномоченных региональных и федеральных органов власти.

Отечественная и зарубежная практика ресурсного обеспечения инновационного развития регионов

Трудами российских и зарубежных ученых сформирована значительная методологическая база, обеспечивающая возможности объективного анализа уровня освоения регионами социально-экономического и инновационного потенциала.

При этом следует заметить, что перспективы и процессы хозяйственного развития страны и регионов рассмотрены и проанализированы многими российскими учеными.

К их числу следует отнести Л.С. Бляхмана, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, В.В. Иванова, Н.И. Иванову, Д.Е. Сорокина, А.Г. Фонотова [1–8]. Среди западных исследователей вопросам инновационного развития большое внимание уделяли М. Армстронг, Г. Беккер, Р. Битти, Я. ван Дейн, Г. Менш, Р. Нельсон, М. Портер, Дж. Сильверберг, Л. Турроу, Р. Форстер, Р. Холт, Й. Шумпетер [9–19].

Однако следует подчеркнуть, что в публикациях перечисленных авторов рассматриваются проблемы формирования, развития и внедрения инноваций в масштабах государства и в меньшей степени – регионов. Вопросы же обеспечения ресурсами инновационных разработок признаются важным фактором инновационного развития, но отдельных исследований, касающихся данных проблем, было значительно меньше. В российской экономической науке и диссертационной деятельности указанным аспектам в последние годы уделялось также недостаточно внимания.

Можно привести ряд примеров защиты диссертаций по проблемам обеспечения ресурсами инновационных разработок. Среди них – докторские диссертации С.В. Юрина (Москва, 2010), О.С. Чечиной (С-Петербург, 2017); кандидатские – Ю.В. Маркиной (Челябинск, 2012), С.С. Калашниковой (Воронеж, 2013), П.А. Сухановой (Пермь, 2015)¹.

Анализируя публикации российских и зарубежных авторов по вопросам ресурсного обеспечения инновационной деятельности, можно выделить некоторые особенности.

Так, например, В.В. Кислицына с коллегами обоснованно отмечает, что функционирование региональной системы должно обеспечивать положительную динамику формирования ее социального, ресурсного, экономического и экологического потенциалов [20, с. 369]. Кукушкин С.Н., в свою очередь, подчеркивает значимость анализа результатов хозяйствования на разных уровнях управления экономическими системами для выявления масштабов и структуры освоения инноваций, обращая внимание на важнейшую проблему их ограниченного использования и недостаточного ресурсного обеспечения этих процессов, нехватки финансовых источников, а также высокого экономического риска [21, с. 109; 115].

Другие авторы, в частности Е.А. Яковлева с коллегами, О.Ю. Патракеева и С.В. Крюков, не опровергая высказанных доводов, утверждают, что в ситуации недостаточности финансовых и материальных ресурсов, обеспечивающих инновационное производство, резко возрастает роль государства через проведение соответствующей налоговой и амортизационной политики, выделение кредитов, субсидий, создание комплексных фондов и подготовку кадров.

¹ Юрин Сергей Владимирович. Ресурсное обеспечение инновационного развития России: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 2010.; Чечина Оксана Сергеевна. Управление человеческим капиталом для инновационного развития региона: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. С.-Петербург, 2017.; Маркина Юлия Валерьевна. Совершенствование ресурсного обеспечения инновационного развития экономики региона. Челябинск, 2012.; Калашникова Светлана Сергеевна. Система управления ресурсным обеспечением инновационного развития региона. Воронеж, 2013.; Суханова Полина Андреевна. Индикативная оценки региональной инновационной системы с учетом кластерного подхода. Пермь, 2015.

И с этим нельзя не согласиться. При этом особо подчеркивается, что социально-экономическое развитие регионов во многом зависит от эффективности действий органов регионального управления. Действия органов власти по привлечению и внедрению на своей территории всех видов ресурсов, в том числе инвестиционных, способствуют расширению использования передовых технологий и современного оборудования, формируя рост объемов производства, поступление налогов и улучшение качества жизни населения [22, 23]. Считаем, что с позиций усиления инновационного развития территорий роль региональных администраций и далее должна возрастать.

Однако, оценивая важность государственной поддержки инновационного развития, В.В. Бельский справедливо отмечает и отрицательную сторону этого явления для регионов, заключающуюся в том, что большинство предприятий, сосредоточенных в руках государства и осуществляющих научно-техническую деятельность, тематически ориентированы на решение задач федерального уровня и оторваны от реальных потребностей регионов и их социальной и экономической среды, поэтому местные властные структуры должны иметь понимание рациональности размещения производительных сил [24, с. 170].

В этой связи группа ученых, включая О.А. Хохлову, А.А. Алхазова, В.А. Столбова, А.Р. Бахтизина с коллегами, подчеркивают тот факт, что регион как владелец местных ресурсов и как их распорядитель заинтересован в удовлетворении потребностей данной территории, критериями которых служат приумножение регионального богатства, улучшение экологической ситуации, создание новых рабочих мест, обеспечение собственной конкурентоспособности, развитие человеческого капитала, сбалансированности традиционных и инновационных предпосылок развития экономики. Исходя из этого обоснованно делается вывод, что совокупность реализуемых и находящихся в разработке перспективных возможностей продуктивного использования ресурсов для инновационного развития территории формирует ресурсный потенциал региона [25–28].

А.Н. Швецов в этом ракурсе уточняет, что задачи обеспечения инновационного развития и создания условий экономического роста име-

ют для России еще и не менее важное территориальное измерение. Потребность в инновационных стимулах повсеместна и огромна, но реально воспользоваться предлагаемыми на федеральном уровне возможностями под силу лишь немногим избранным регионам. Представляется, что такая ситуация трансформируется в отрицательные последствия, поскольку обязательным требованием при выделении федеральных средств на инновационные проекты является необходимое софинансирование со стороны региона, у которого денежные ресурсы в большинстве случаев отсутствуют.

Вот и получается, что средства выделяются не тем, кто в них наиболее нуждается, а тем, кто может их софинансировать, что и усиливает межрегиональные и внутрирегиональные диспропорции [29, с. 41].

О.С. Сухарев, разделяя эти опасения, добавляет другую важную проблему, сдерживающую развитие инновационного уклона экономики, – недостаточную ориентацию финансовой и банковской системы страны на нужды реального сектора экономики и усиление его возможностей по созданию инноваций и коммерциализации [30, с. 135]. Мы считаем, что это одно из важнейших препятствий, тормозящих ресурсное обеспечение инновационного прогресса.

Близкие по содержанию предложения высказывает Е.Б. Ленчук, утверждая, что постиндустриальная экономика – это не та, в которой нет производства, а та, где в реальном секторе преобладают интеллектуальный труд и высокие технологии, опирающиеся на новейшие знания. При этом переход к новой модели экономического роста она связывает с решением задачи «новой индустриализации», которое предполагает возрождение и дальнейшее развитие реального сектора экономики на самой передовой технологической основе [31, с. 22].

Исследование проблем обеспечения ресурсами инновационных процессов и повышение в этой деятельности роли социально-экономических систем обоснованно позволило А.В. Гладышевой с коллегами сделать вывод о том, что, например, человеческие ресурсы в совокупности с инновационными подходами в управлении формируют не только конкурентные преимущества, но и условия для высоких конкурентных позиций самих регионов [32, с. 35].

А управление человеческими ресурсами с позиций формирования экономики знаний или когнитивной экономики, по мнению Е.И. Кудрявцевой, в совокупности с когнитивным менеджментом, в технологиях которого формируется методика управления человеческим капиталом, открывает возможности объединения компетенций сотрудников в направлении ключевой компетенции организации [33, с. 63].

С этих позиций особое значение представляют труды зарубежных авторов, анализирующих процессы инновационного развития регионов и обеспечения этих действий соответствующими ресурсами: например, экономисты Х. де Грут, Дж. Пут, М. Смит считают, что активное использование инновационных ресурсов обеспечивает устойчивость формирования и развития региональной экономической системы [34].

Е. Цимерман полагает, что ресурсы, направляемые на повышение инновационного потенциала, являются условием, поддерживающим развитие этой системы, имеющим особое значение при соответствующем регулировании и управлении [35].

Дж. Хаузер, Г. Теллис, А. Гриффин считают, что инновации могут видоизменять свой облик благодаря разнообразию используемых ресурсов, могут вносить соответствующие видоизменения в присутствующие на различных рынках продукты, при этом заменяя ранее существующие на принципиально новые предложения товаров [36].

Более того, по мнению В. Земличкене, инновационное развитие регионов во многом складывается и зависит от того, насколько входящие в него предприятия используют в своей практике инновации и способствующие ресурсы и получают за счет них принципиально новые рыночные продукты, выделяясь перед своими конкурентами и укрепляя потенциал региона [37].

Инновационные технологии, возникающие в результате проводимых исследований, безусловно, несут в себе ресурс производственного обновления отраслей экономики. Но они не всегда могут принести желаемый результат. В этом отношении, по мнению Т. Бреснахана и М. Трайтенберга, большие возможности представляют так называемые технологии широкого применения. Если они участвуют в процес-

сах регулярного обновления и модернизации с необходимыми усовершенствованиями, то они получают возможность применения с другими технологиями, улучшая их [38].

Х. Годой (Н. Godoe) считает, что развитие технологических инноваций во многом зависит от материального и ресурсного обеспечения научно-исследовательских работ, а также от спроса со стороны рынка. Многие технологические инновации в результате усиления динамики технологических режимов абсолютно рациональны. Однако «радикальные» инновации могут быть результатом интуиций [39].

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной практики ресурсного обеспечения инновационного развития регионов показал, что регион является не только владельцем, но и распорядителем ресурсов для инновационного развития, он же обеспечивает их привлечение и рациональное использование. От того, насколько регион обеспечен ресурсами для этих целей, зависит степень инновационности его экономики и в конечном итоге экономический рост.

Методика исследования и обоснование ее выбора

В ходе исследования мы предполагаем проанализировать влияние совокупной части отобранных нами показателей, влияющих на инновационные характеристики, и определить состояние и значимость их воздействия на уровень инновационного развития.

Вначале этот анализ будет произведен по экономике Российской Федерации в целом, затем – определена степень ресурсного влияния на инновационное развитие регионов Центрального федерального округа, после этого будет выполнено ранжирование регионов ЦФО и определены ведущие регионы с позиций инновационных факторов. Подобный подход выбран нами на том основании, что он позволит, проанализировав состояние ресурсного обеспечения в целом по стране, сопоставить его с ситуацией в федеральном округе и регионе и, тем самым, выделить наиболее слабые направления ресурсного обеспечения инновационной деятельности регионов.

Для определения закономерностей, имеющих место в экономике, и их влияния на формирование экономических, социальных, технологических и иных ресурсов, обеспечивающих формирование условий для инновационного

развития, нами отобраны 13 показателей за 2010–2015 гг. по всей Российской Федерации (табл. 1).

Первоначально данные величины были приведены к сопоставимым ценам через пересчет по показателям индексов дефляторов по экономике страны в целом. По полученным результатам были рассчитаны цепные индексы, которые дают возможность сопоставления произведенных расчетов и определения складывающихся в экономике тенденций.

Из таблицы 1 следует, что валовой внутренний продукт в сопоставимых ценах за 2010–2015 годы рос очень медленно: от 1,2% в 2011 г. до 2% в 2015 г. Еще более существенные колебания испытал суммарный индекс валового регионального продукта, который в 2011 и

в 2014 годах имел отрицательное значение, в 2012 и 2013 годах был на уровне 2,4 и 5,9%, а в 2015 году вырос по сравнению с 2014 годом на 23,7%. В отношении основных фондов в экономике и их ежегодного прироста можно отметить, что эти показатели росли также очень неравномерно. Например, основные фонды в 2011 году увеличились на 11,2%, в 2012-м на 2,8%, в 2013-м на 0,7%, в 2014-м на 2,1%, а в 2015 году рост составил всего 95,8% к предыдущему году. Инвестиции в основной капитал в начале рассматриваемого периода испытывали некоторый рост, а в 2014–2015 годах их падение составило 8,2 и 9% соответственно. Что касается инновационных показателей, характеризующих экономику, то, например, объем отгруженных инновационных товаров, испы-

Таблица 1. Основные социально-экономические показатели по РФ за 2010–2015 гг. (в сопоставимых ценах)

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ВРП, млрд. руб.	18,9	17,9	18,4	19,5	15,9	19,7
Цепной индекс		0,946	1,024	1,059	0,817	1,237
ВВП, млрд. руб.	38687768	39165036	39483822	40595001	41111454	41928474
Цепной индекс		1,012	1,008	1,028	1,013	1,02
Основные фонды в экономике, млрд. руб.	71787,7	79847,4	82049,8	82603,4	84336,5	80804
Цепной индекс		1,112	1,028	1,007	1,021	0,958
Ввод в действие основных фондов, млрд. руб.	144,4	144,5	148,7	155,3	159,5	160,7
Цепной индекс		100,093	1,029	1,045	1,027	1,008
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	9728,9	11788,0	12674,6	12981,3	11780,8	10721,1
Цепной индекс		1,212	1,075	1,024	0,908	0,91
Объем отгруженных инновационных товаров, млрд. руб.	14187,5	14760,4	15430,0	15644,6	15042,7	14555,9
Цепной индекс		1,04	1,045	1,014	0,962	0,968
Затраты на НИИР, млрд. руб.	811,3	816,5	858,0	872,1	917,0	914,7
Цепной индекс		1,006	1,051	1,016	1,051	0,997
Затраты на технологические инновации, млрд. руб.	811,3	816,5	858,0	872,1	917,0	914,7
Цепной индекс		1,006	1,051	1,016	1,051	0,997
Среднедушевые доходы населения, руб.	18958	20780	23221	25928	27766	30474
Цепной индекс		1,096	1,117	1,117	1,071	1,098
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	64493	67644	67968	67901	67813	68389
Цепной индекс		1,049	1,005	0,999	0,999	1,008
Среднемесячная номинальная з/п рабочих организации, руб.	32479,5	31256,6	32656,1	34652,6	35159,6	34030
Цепной индекс		0,962	1,045	1,061	1,015	0,968
Средний размер назначенных пенсий, руб.	11589,2	10971,7	11083,9	11536,1	11670,4	11986
Цепной индекс		0,947	1,01	1,041	1,012	1,027
Оборот розничной торговли, млн. руб.	25596786	25552479	26228835	27550271	28517448	27538371
Цепной индекс		0,998	1,026	1,05	1,035	0,966

Источник: авторская разработка на основании Российского статистического ежегодника, 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 725 с.

тывая в начале периода незначительный рост, к 2014–2015 годам достиг отрицательных значений -3,8% и -3,2%. Соответствующим образом сократились затраты на исследования и разработки, достигнув в 2015 году величины 99,7% от уровня 2014 года. Затраты на технологические инновации росли неустойчивыми темпами, составив в 2015 году те же 99,7% по сравнению с предыдущим годом. Что касается социальных показателей деятельности государства, то их возможности обеспечивать ресурсами инновационное развитие отраслей народного хозяйства также испытывают кризисные воздействия и, по большинству оценок, либо имеют очень незначительный рост, либо находятся в отрицательной зоне. Таким образом, можно отметить, что за последние кризисные годы возможности российской экономики по обеспечению ресурсами инновационного развития в значительной мере сократились.

Полученные результаты

С целью выявления особенностей развития социально-экономических систем различного уровня представляется целесообразным анализ макросистем общестранового, окружного и регионального уровня. Поскольку отдельные показатели не оказывают непосредственно влияния на рост инноваций, а другие являются фактически итоговыми, был сформирован перечень из девяти статистических индикаторов (табл. 2), на основе которых имеется возможность оценить структуру ресурсного обеспечения инновационного развития. Включение в анализ комплекса из 9 индикаторов продиктовано, во-первых, их максимальной информативностью, которая позволяет идентифицировать результаты, достигаемые в социально-

Таблица 2. Таблица индикаторов оценки ресурсного влияния на инновационное развитие

Инвестиции в основной капитал	X1
Организации, выполнявшие научные исследования и разработки	X2
Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ	X3
Инновационная активность организаций	X4
Затраты на технологические инновации	X5
Объем инновационных товаров, работ, услуг	X6
Стоимость основных фондов	X7
Степень износа основных фондов	X8
Среднегодовая численность занятых	X9

экономическом пространстве страны, и объемы ресурсов, направляемых на территориальное развитие. Во-вторых, не возникает сложностей сбора официальных данных по указанной группе индикаторов за внушительный ряд периодов, что обеспечивает возможность формирования качественных выводов как в отношении текущей эффективности, так и по динамике изменения выбранных ключевых параметров.

Многочисленные выводы ученых, приведенные выше, свидетельствуют, что успешная инновационная деятельность положительно влияет на совокупный экономический результат функционирования территорий. Потому в качестве обобщающего критерия его оценки возможно использование величины валового внутреннего продукта для общенационального уровня и величины валового регионального продукта – для уровня отдельно взятого региона. Поэтому те ресурсы, которые коррелируют с итоговым показателем развития, могут быть оценены как влияющие на факторы конкурентоспособности и инновационности.

Оценить уровень влияния факторов на конечный результат становится возможным посредством расчета коэффициентов корреляции указанных в таблице 2 факторов относительно валового внутреннего продукта и валового регионального продукта на уровнях России, федерального округа (Центральный федеральный округ) и региона (Владимирская область) соответственно. Рассчитанные коэффициенты корреляции представлены в таблице 3.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между факторами и итоговым индикатором*

Фактор	Коэффициент корреляции к ВВП (национальный уровень)	Коэффициент корреляции к ВРП (окружной уровень)	Коэффициент корреляции к ВРП (региональный уровень)
X1	0,99	0,99	0,99
X2	-0,68	-0,65	-0,85
X3	-0,24	-0,26	-0,31
X4	0,73	0,44	0,39
X5	-0,84	-0,29	-0,29
X6	0,95	0,91	0,91
X7	0,99	0,99	0,99
X8	0,32	-0,23	0,02
X9	0,83	0,91	-0,92

* Жирным шрифтом выделены значимые факторы.

Анализируя полученные значения, следует отметить, что значения коэффициента корреляции, близкие по модулю к единице, свидетельствуют о сильной связи между величинами. Соответственно, на национальном уровне из определенного ранее перечня показателей следует исключить X3 (внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ) и X8 (степень износа основных фондов), т.к. значения коэффициентов корреляции составляют величины менее 0,5 (по модулю), что свидетельствует о слабом уровне связи.

Следует отметить, что наборы показателей на уровне Центрального федерального округа и Владимирской области идентичны, но по составу отличаются от общероссийского. На окружном и региональном уровнях из первоначального набора следует исключить по причине слабой связи с результирующим показателем индикаторы: X3 (внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ), X4 (инновационная активность организаций), X5 (затраты на технологические инновации), X8 (степень износа основных фондов).

Данные противоречивые оценки, возможно, вызваны различными уровнями управления, контроля и финансирования происходящих процессов. Так, например, степень износа основных средств и, соответственно, вопрос их замены относится скорее к уровню отдельно взятого предприятия (микроуровень). Так же как и вопросы формирования политики повышения общей инновационной активности среди фирм относятся к национальному уровню, обладая слабой связью с величиной результирующего показателя на региональном уровне.

Перечень факторов можно условно разделить на три группы:

- организационный фактор (X2, X4, X9);
- финансово-инвестиционный фактор (X1, X5, X3);
- производственный фактор (X6, X7, X8).

Выделение по группам было произведено путем использования методов факторного анализа, который позволяет решить две важные проблемы исследования: описать объект измерения всесторонне и в то же время – компактно. С помощью данного метода возможно выявление скрытых переменных факторов, отвечающих за наличие линейных статистических корреляций между наблюдаемыми переменными.

Посредством данного вида анализа возможно сократить количество показателей, а также доказать их социально-экономическое единство. Факторный анализ проводился по определенным группам индикаторов на общероссийском уровне. Полученные результаты представлены в *таблице 4*.

Таким образом каждая из сформированных групп показателей представляет собой единое социально-экономическое явление; кроме того, они описывают определенную величину общей изменчивости (доля дисперсии, приходящейся на значимые факторы): 76% – организационный фактор, 84% – финансово-инвестиционный фактор, 75% – производственный фактор.

В итоге конечный перечень показателей был сокращен и представляет собой:

- федеральный уровень – X1, X2, X4, X5, X6, X7, X9;
- региональный уровень – X1, X2, X6, X7, X9.

Таблица 4. Результаты факторного анализа

Организационный фактор		Финансово-инвестиционный фактор		Производственный фактор	
Показатель	Факторная нагрузка	Показатель	Факторная нагрузка	Показатель	Факторная нагрузка
X2	0,85	X1	0,89	X3	0,84
X4	-0,94	X5	0,86	X6	-0,97
X9	-0,82	X8	0,88	X7	-0,94
Prp.Totl	0,76	Prp.Totl	0,84	Prp.Totl	0,75

Таким образом для проведения анализа на уровне отдельных субъектов федерации следует избрать факторную модель не общенационального уровня, а частную окружного уровня, поскольку тенденции его развития совпадают с частным случаем региона.

Выявленный перечень факторов и был использован для оценки дифференциации регионов Центрального федерального округа по уровню ресурсного влияния.

Исходные данные были подвергнуты нормализации, которая позволила решить проблему наличия различных единиц измерения для сравнения и анализа полученных результатов.

Нормализация проводилась путем исчисления отношения фактического значения показателя i -го региона за j год (X_{ij}) к максимальному индикатору за данный период среди выбранных субъектов (X_{max}) (1):

$$X_{норм} = \frac{X_{ij}}{X_{max}} \quad (1)$$

Пример нормализованных таким образом показателей в разрезе субъектов РФ в *таблице 5*. Аналогичным образом были определены остальные расчетные нормализованные показатели.

С целью выделения единого индикатора по блоку (по перечню, приведенному выше) был определен единый показатель исходя из формулы для расчета средней геометрической. Полученные данные приведены в *таблице 6*.

Анализ показал, что постоянным лидером по всем выделенным факторам за весь рассмотренный период являются г. Москва (#18) и Московская область (#10), что вызвано в первую очередь четко выраженным лидерством по исходным данным, которые являются количественными (*рис. 1*). Отдельно следует отметить Воронежскую область (#4), которая также является лидирующим регионом, четко выделяясь на фоне остальных субъектов.

Рис. 1. Диаграмма рассеяния регионов ЦФО, 2015 год

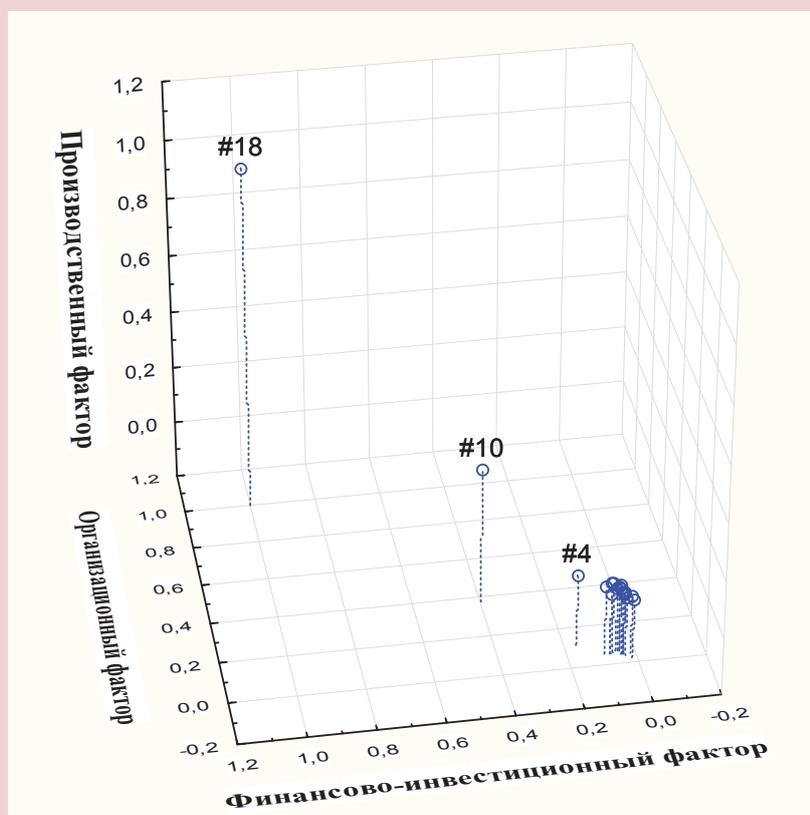

Таблица 5. Нормализация данных по регионам ЦФО (организации, выполнявшие научные исследования и разработки)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Белгородская область	0,029	0,029	0,027	0,032	0,029	0,021	0,022	0,020	0,021	0,023	0,027
Брянская область	0,025	0,025	0,024	0,024	0,029	0,023	0,031	0,030	0,029	0,031	0,023
Владимирская область	0,044	0,044	0,041	0,036	0,038	0,033	0,033	0,032	0,030	0,035	0,038
Воронежская область	0,072	0,072	0,083	0,079	0,076	0,077	0,080	0,080	0,077	0,075	0,078
Ивановская область	0,038	0,038	0,036	0,027	0,027	0,028	0,023	0,028	0,026	0,028	0,028
Калужская область	0,042	0,042	0,042	0,050	0,052	0,049	0,056	0,056	0,056	0,058	0,054
Костромская область	0,010	0,010	0,010	0,011	0,008	0,008	0,008	0,008	0,010	0,010	0,011
Курская область	0,029	0,029	0,024	0,023	0,023	0,020	0,025	0,023	0,022	0,021	0,022
Липецкая область	0,013	0,013	0,011	0,016	0,014	0,013	0,016	0,014	0,017	0,018	0,033
Московская область	0,262	0,262	0,310	0,319	0,332	0,343	0,344	0,339	0,323	0,336	0,309
Орловская область	0,023	0,023	0,027	0,026	0,019	0,019	0,022	0,021	0,019	0,020	0,023
Рязанская область	0,020	0,020	0,020	0,023	0,024	0,021	0,023	0,024	0,026	0,028	0,032
Смоленская область	0,018	0,018	0,017	0,019	0,020	0,023	0,022	0,021	0,026	0,024	0,035
Тамбовская область	0,029	0,029	0,028	0,029	0,030	0,029	0,046	0,048	0,037	0,035	0,037
Тверская область	0,053	0,053	0,055	0,053	0,043	0,037	0,038	0,039	0,040	0,039	0,044
Тульская область	0,028	0,028	0,028	0,030	0,028	0,028	0,029	0,027	0,025	0,028	0,028
Ярославская область	0,033	0,033	0,034	0,039	0,043	0,039	0,044	0,045	0,041	0,042	0,053
г. Москва	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000

Таблица 6. Итоговые индикаторы ресурсного влияния выделенных факторов на инновационное развитие

	Организационный фактор												
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015		
Белгородская область	0,057	0,056	0,053	0,058	0,056	0,048	0,048	0,046	0,047	0,048	0,053		
Брянская область	0,050	0,050	0,048	0,047	0,052	0,045	0,052	0,050	0,049	0,049	0,043		
Владимирская область	0,072	0,071	0,067	0,062	0,065	0,060	0,059	0,059	0,056	0,060	0,063		
Воронежская область	0,111	0,111	0,117	0,113	0,112	0,112	0,114	0,114	0,111	0,108	0,110		
Ивановская область	0,054	0,054	0,053	0,045	0,045	0,046	0,042	0,046	0,044	0,045	0,045		
Калужская область	0,057	0,057	0,056	0,061	0,063	0,061	0,064	0,065	0,064	0,065	0,063		
Костромская область	0,023	0,023	0,023	0,023	0,019	0,020	0,020	0,020	0,021	0,021	0,022		
Курская область	0,053	0,053	0,047	0,045	0,046	0,042	0,047	0,045	0,043	0,042	0,043		
Липецкая область	0,034	0,033	0,031	0,036	0,035	0,034	0,037	0,034	0,037	0,038	0,052		
Московская область	0,341	0,341	0,372	0,378	0,387	0,393	0,394	0,389	0,381	0,388	0,375		
Орловская область	0,039	0,039	0,041	0,040	0,034	0,033	0,036	0,036	0,034	0,034	0,036		
Рязанская область	0,042	0,041	0,041	0,042	0,043	0,041	0,042	0,043	0,044	0,045	0,048		
Смоленская область	0,037	0,037	0,035	0,037	0,039	0,042	0,041	0,040	0,044	0,041	0,050		
Тамбовская область	0,049	0,049	0,047	0,047	0,049	0,048	0,060	0,061	0,053	0,051	0,052		
Тверская область	0,073	0,072	0,072	0,070	0,064	0,058	0,059	0,059	0,059	0,058	0,061		
Тульская область	0,059	0,059	0,059	0,060	0,058	0,058	0,058	0,056	0,053	0,056	0,056		
Ярославская область	0,060	0,059	0,060	0,063	0,067	0,062	0,066	0,066	0,063	0,063	0,070		
г. Москва	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000		
	Финансово-инвестиционный фактор												
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015		
Белгородская область	0,077	0,077	0,088	0,108	0,108	0,131	0,147	0,112	0,092	0,078	0,091		
Брянская область	0,019	0,019	0,021	0,027	0,026	0,057	0,056	0,038	0,043	0,043	0,038		
Владимирская область	0,038	0,038	0,038	0,049	0,047	0,068	0,070	0,050	0,046	0,048	0,050		
Воронежская область	0,063	0,063	0,066	0,084	0,098	0,172	0,181	0,149	0,154	0,156	0,164		
Ивановская область	0,026	0,026	0,025	0,022	0,027	0,041	0,038	0,024	0,024	0,021	0,016		
Калужская область	0,030	0,030	0,031	0,045	0,069	0,102	0,090	0,079	0,069	0,065	0,057		
Костромская область	0,031	0,031	0,020	0,018	0,018	0,021	0,021	0,017	0,016	0,018	0,016		
Курская область	0,039	0,039	0,039	0,043	0,049	0,063	0,068	0,055	0,051	0,048	0,044		

Окончание таблицы 6

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Липецкая область	0,066	0,066	0,076	0,083	0,092	0,139	0,131	0,076	0,072	0,068	0,072
Московская область	0,397	0,397	0,401	0,517	0,500	0,538	0,525	0,424	0,416	0,418	0,397
Орловская область	0,021	0,021	0,022	0,031	0,028	0,029	0,040	0,033	0,031	0,031	0,032
Рязанская область	0,052	0,052	0,044	0,043	0,055	0,055	0,062	0,055	0,053	0,039	0,034
Смоленская область	0,032	0,032	0,027	0,032	0,039	0,067	0,066	0,046	0,040	0,037	0,037
Тамбовская область	0,032	0,032	0,033	0,040	0,044	0,074	0,080	0,068	0,070	0,072	0,076
Тверская область	0,052	0,052	0,041	0,047	0,052	0,113	0,110	0,066	0,057	0,055	0,046
Тульская область	0,046	0,046	0,041	0,047	0,058	0,098	0,091	0,069	0,064	0,062	0,066
Ярославская область	0,093	0,093	0,063	0,057	0,057	0,099	0,094	0,066	0,061	0,057	0,043
г. Москва	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Производственный фактор											
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Белгородская область	0,065	0,055	0,109	0,160	0,105	0,074	0,062	0,042	0,035	0,041	0,038
Брянская область	0,080	0,072	0,073	0,071	0,080	0,038	0,028	0,021	0,014	0,017	0,025
Владимирская область	0,070	0,089	0,065	0,051	0,056	0,043	0,052	0,035	0,028	0,030	0,027
Воронежская область	0,134	0,106	0,137	0,108	0,100	0,096	0,070	0,039	0,029	0,044	0,052
Ивановская область	0,021	0,026	0,033	0,032	0,030	0,027	0,021	0,005	0,004	0,005	0,005
Калужская область	0,060	0,062	0,053	0,046	0,055	0,053	0,050	0,031	0,024	0,025	0,022
Костромская область	0,043	0,026	0,022	0,026	0,032	0,023	0,018	0,010	0,007	0,008	0,006
Курская область	0,049	0,054	0,041	0,028	0,018	0,019	0,027	0,017	0,017	0,024	0,020
Липецкая область	0,122	0,099	0,098	0,114	0,181	0,132	0,091	0,054	0,051	0,063	0,052
Московская область	0,677	0,728	0,717	0,742	0,782	0,589	0,405	0,281	0,269	0,320	0,276
Орловская область	0,035	0,035	0,031	0,038	0,029	0,036	0,022	0,005	0,005	0,005	0,004
Рязанская область	0,058	0,041	0,050	0,052	0,071	0,047	0,035	0,017	0,015	0,019	0,016
Смоленская область	0,025	0,036	0,036	0,039	0,059	0,031	0,020	0,013	0,014	0,022	0,013
Тамбовская область	0,040	0,046	0,050	0,043	0,049	0,029	0,024	0,013	0,009	0,017	0,014
Тверская область	0,085	0,124	0,061	0,112	0,141	0,097	0,069	0,038	0,032	0,017	0,023
Тульская область	0,065	0,062	0,053	0,042	0,054	0,064	0,088	0,055	0,039	0,047	0,048
Ярославская область	0,115	0,119	0,094	0,139	0,127	0,123	0,085	0,054	0,037	0,042	0,028
г. Москва	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000

С целью дифференциации остальных регионов по группам была построена трехмерная диаграмма рассеяния за 2015 г. (конечный период) (рис. 2) при условии, что выявленные лидирующие субъекты были исключены.

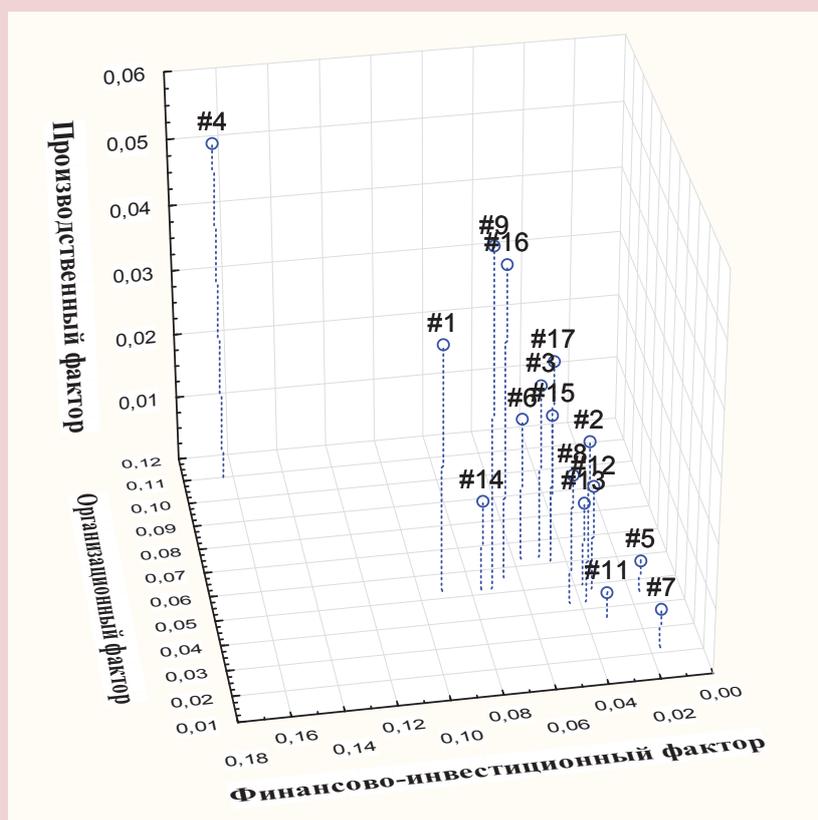
В ходе анализа полученного графика становится возможным выделить лидирующие регионы (показатели которых стремятся к максимуму по всем трем факторам): это Белгородская, Липецкая, Воронежская и Тульская области.

Отстающими можно считать Орловскую, Ивановскую, Костромскую области, показатели развития которых минимальны.

Заключение

Подводя итог данного исследования, следует подчеркнуть, что нами был сформирован инструментарий, посредством которого становится возможным оценить ресурсную составляющую, связанную с обеспечением инновационного развития. Сформированный перечень критериев был скорректирован на основе выявленных различий в факторных моделях развития социально-экономических систем, находящихся на соответствующих уровнях административной подчиненности. Проведенный анализ установил существенные отклонения в

Рис. 2. Диаграмма рассеяния регионов ЦФО с исключением города Москвы и Московской области, 2015 г.

Белгородская область	1	Липецкая область	9
Брянская область	2	Орловская область	11
Владимирская область	3	Рязанская область	12
Воронежская область	4	Смоленская область	13
Ивановская область	5	Тамбовская область	14
Калужская область	6	Тверская область	15
Костромская область	7	Тульская область	16
Курская область	8	Ярославская область	17

перечне факторов, характеризующих особенности их инновационного развития в общенациональном, окружном и региональном показателях. При этом структуры факторов инновационной оценки в федеральном округе и в субъекте федерации оказались одинаковыми.

Итоговый перечень критериев и полученные индексы послужили базой для построения диаграмм рассеяния регионов в трехфакторном пространстве. Графические интерпретации свидетельствуют о безусловном лидерстве двух территорий — г. Москвы и Московской области. Однако следует отметить достаточно силь-

ные позиции Воронежской области, которая по целому ряду критериев сопоставима с вышеуказанными территориями. Среди остальных субъектов ЦФО аутсайдерами можно считать Орловскую, Ивановскую и Костромскую области. Данный инструментарий может быть использован органами власти и управления регионов для оценки, планирования и прогнозирования развития ресурсного обеспечения деятельности субъектов федерации любого федерального округа, поскольку учитывает индивидуальные особенности развития каждой территории.

Литература

1. Бляхман Л.С. Новая индустриализация: сущность, политико-экономические основы, социально-экономические предпосылки и сопровождение // Проблемы современной экономики. 2013. № 5. С. 65–74.
2. Глазьев С.Ю. Актуальные проблемы развития российской экономики СПб.: СПбГУП, 2017. 48 с.
3. Голиченко О.Г. Возможности и альтернативы инновационного развития России // Инновации. 2013. № 5. С. 154–159.
4. Гринберг Р.С. Экономика современной России: итоги рыночных реформ и проблемы реиндустриализации // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 8–24.
5. Иванов В.В. Проблемы научно-технологического развития России в контексте промышленной революции // Инновации. 2016. № 6 (212). С. 3–8.
6. Иванова Н.И. Наука и инновации как факторы мирового развития / Н.И. Иванова, И.В. Данилин // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. — Сер. «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Москва, 2016. С. 324–342.
7. Сорокин Д.Е. Экономика России: концепции и реалии // Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции. — Лондон, 2017. С. 20–25.
8. Фонотов А.Г. Стратегия-2035. Желанное. Возможное. Достижимое // Инновации. 2016. № 6 (212). С. 24–31.
9. Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами: пер. с англ. М.: Инфра-М. 2002. 328 с.
10. Becker G.S. A Theory of Social Interactions, NBER, WP42, 1974. 55 p.
11. Richard W. Beatty, Bernardin, H. John Performance Appraisal: Assessing Human Behavior at Work. Kent Human Resource Management Series. Boston: Kent, 1984. 72 p.
12. Дейн, Я. В какой фазе кондратьевского цикла мы находимся? / Якоб Ван Дейн // Вопросы экономики. 1992. № 10. С. 79–80.
13. Менш Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М., 2001. С. 35.
14. Richard R. Nelson The Sources of Economic Growth, Wiley, Harvard University Press. 2000. 336 p.
15. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and Society: The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // Harvard Business Review, December 2006, pp. 78–92.
16. Silverberg G., Verspagen B. Brewing the Future: Stylized Facts about Innovation and Their Confrontation with a Percolation Model. Paper presented at the EMAEE Conference, Augsburg, 2003. April 10-12.
17. Thurow, L. The Zero-sum Society: distribution and the possibilities for economic change. London, 1981. 199 p.
18. Myrdal G. Challenge to Affluence. N.Y., 1963. 156 p.
19. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
20. Кислицына В.В. Формирование комплексного подхода к оценке социально-экономического развития регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 369.
21. Кукушкин С.Н. Инновационная активность российской экономики: проблемы, особенности, пути решения // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2014. № 6. С. 109–115.

22. Яковлева Е.А. Инновационное развитие экономики (концепция импортозамещения) // Вестник финансового университета. 2016. № 6. С. 54–62.
23. Патракеева О.Ю., Крюков С.В. Системно-динамическая модель экономики региона (на примере Ростовской области) // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3. С. 71–76.
24. Бельский В.В. Региональный рынок научно-технической продукции как элемент региональной инновационной подсистемы // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 1. С. 170–182.
25. Алхазов А.А. Влияние малого и среднего бизнеса на экономический потенциал региона // Вестник финансового университета. 2016. № 5. С. 37–44.
26. Хохлова О.А., Сибирская Е.В., Строева О.А. Инвариантное содержание развития региональных экономических систем // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2014. № 3. С. 65–77.
27. Столбов В.А. Региональный потенциал и региональный капитал: «возможное»–«реальное»–«необходимое» // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 4. С. 1014–1027.
28. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 1. С. 76–91.
29. Швецов А.Н. «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов постстимулирования оживления экономической динамики территорий) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 40–61.
30. Сухарев О.С. Вопросы стратегии развития России // Федерализм. 2016. № 1. С. 133–154.
31. Ленчук Е.Б. Формирование кадрового потенциала для инновационной экономики // Экономическое возрождение России. 2017. № 1. С. 22–26.
32. Гладышева А.В. Человеческие ресурсы и инновации как важнейшие составляющие конкурентных преимущества компании // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11. Т. 9. С. 34–38.
33. Кудрявцева Е.И. Когнитивная экономика и когнитивный менеджмент: новая концепция управления человеческими ресурсами // Управленческое консультирование. 2014. № 4. С. 62–69.
34. De Groot H., Poot J., Smit M. Agglomeration externalities, innovation and regional growth: theoretical perspectives and meta-analysis / Capello R. (Ed), Handbook of Regional Growth and Development Theories. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2009. 529 p.
35. Zimmermann E.W. What We Mean by Resources, Chapter 1 // Texas Looks Ahead / Drummond L. Texas: ed., Austin, 1944. 136 p.
36. Hauser J., Tellis G.J., Griffin A. Research on Innovation: A Review and Agenda for Marketing Science. Marketing Science, 2006, vol. 25, iss. 6, pp. 687–717.
37. Zemlickiene V. Analysis of high-technology product development models. Intellectual Economics, 2011, vol. 5, iss. 2, pp. 283–297.
38. Bresnahan T.F., Trajtenberg M. General Purpose Technologies: “Engines of Growth”? Journal of Econometrics. 1995. Vol. 65. № 1. P. 83–108.
39. Godoe H. Innovation regimes, R&D and radical innovations in telecommunications // Research Policy. Volume 29. Issue 9. December 2000. Pp. 1033–1046.

Сведения об авторах

Олег Александрович Доничев – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: donoa@vlsu.ru)

Денис Юрьевич Фраймович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: fdu78@rambler.ru)

Сергей Александрович Грачев – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: grachev-sa@yandex.ru)

Donichev O.A., Fraimovich D.Yu., Grachev S.A.

Regional System of Economic and Social Factors in the Formation of Innovation Development Resources

Abstract. Accelerated reorientation of the Russian economy on innovation development and the implementation of new industrialization and import substitution tasks are major strategic problems for Russia; finding the solutions to these problems will make it possible to overcome the lag in socio-economic development and eliminate the consequences of the economic crisis and sanctions of Western countries. Therefore, the goal of the study is to identify the key resource indicators that determine the level of use of innovation potential of territorial systems and to build on this basis our own approach in order to analyze and adjust modernization development in regions. Research methods are based on the use of economic and mathematical methods, factor and correlation analysis. We identify factors that have the greatest impact on innovation indicators. We assess the degree of their impact on innovation development. The list of factors we have identified is used to assess the degree of differentiation of regions within the Central Federal District according to the level of resource provision of innovations. The original data for the analysis are normalized, which eliminates the problem of different units of measurement. On the basis of the results obtained, the regions of the Central Federal District are ranked by the groups of key factors influencing the innovation indicators. Using the scatterplots constructed, we identify leader territories and the regions in which the resource provision of high-tech development is at an insufficient level. The technique we propose to use on the updated basis provides an opportunity to assess the efforts of regional administrations to address the problems of economic modernization and import substitution. The assessments show that the resource provision of innovation developments requires state support and regulation, and at the federal level, too. The algorithm we propose has significant scientific prospects from the standpoint of expanding the structure of factors influencing the formation of conditions for the knowledge economy in constituent entities of the Russian Federation. The tools we have developed and the factor models we have highlighted can be used by regional authorities for diagnostics, forecasting and development of promising programs to attract investments that promote innovation development of territories.

Key words: innovation development, resource provision, region, analysis of factors.

Information about the Authors

Oleg A. Donichev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov (87, Gorky Street, Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: donoa@vlsu.ru)

Denis Yu. Fraimovich – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at department, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov (87, Gorky Street, Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: fdu78@rambler.ru)

Sergei A. Grachev – Candidate of Sciences (Economics), associate professor at department, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov (87, Gorky Street, Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: grachev-sa@yandex.ru)

Статья поступила 04.12.2017.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.7

УДК 332.1, ББК 65.049(2)

© Дубровская Ю.В., Кудрявцева М.Р., Козоногова Е.В.

«Умный» бенчмаркинг как основа стратегического планирования регионального развития*

**Юлия Владимировна
ДУБРОВСКАЯ**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Российская Федерация, 614990, Комсомольский пр., 29
E-mail: uliadubrov@mail.ru

**Мария Романовна
КУДРЯВЦЕВА**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Российская Федерация, 614990, Комсомольский пр., 29
E-mail: maria.kudri@gmail.com

**Елена Викторовна
КОЗОНОГОВА**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Российская Федерация, 614990, Комсомольский пр., 29
E-mail: elenaa.semenovaa@gmail.com

* Публикация подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН, тема № 0404-2018-0012 в ИСГЗ ФАНО.

Для цитирования: Дубровская Ю.В., Кудрявцева М.Р., Козоногова Е.В. «Умный» бенчмаркинг как основа стратегического планирования регионального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.7

For citation: Dubrovskaya Yu.V., Kudryavtseva M.R., Kozonogova E.V. “Smart” benchmarking as a basis for strategic planning in regional development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.7

Аннотация. Решение проблемы научного обоснования приоритетов развития региона является актуальной задачей как для исследователей-регионалистов, так и для территориальных управленцев. При этом зачастую при определении направлений развития производится ориентация на успешный опыт территорий-лидеров. Данный метод трансплантации лучших практик с целью совершенствования деятельности анализируемого объекта называется бенчмаркингом. В классическом понимании ключевыми этапами регионального бенчмаркинга выступают выбор региона-лидера для сравнения, выявление различий между ним и анализируемым регионом, анализ ключевых факторов успеха региона-лидера и внедрение успешного опыта в хозяйственную практику исследуемой территории. Вместе с тем отсутствие предварительного анализа причин и предпосылок достижения лидерства лучшими регионами, сравнение территорий, имеющих объективно различные характеристики социально-экономического развития, приводит к несоблюдению важнейшего принципа планирования регионального развития – принципа целеполагания. Решение данной проблемы возможно на основе применения нового типа бенчмаркинга, так называемого «умного бенчмаркинга». Его особенностью является предварительная идентификация структурно схожих территорий – «идентичных регионов». Таким образом, определение приоритетов развития исследуемого объекта производится на основе заимствования успешного опыта регионов, идентичных для него. В настоящей работе обоснована необходимость использования инструментария «умного» бенчмаркинга в России. Авторами раскрыты сущность и преимущества данного подхода, определены интегральные критерии, характеризующие однородность регионов: геодемографическая обстановка, уровень образования, развитость инноваций, отраслевая структура экономики, инвестиционный климат, открытость экономики, общественные ценности. В разрезе указанных критериев сформирована соответствующая база статистических данных, включающая 34 показателя территориального развития. С учетом отечественной специфики региональной экономики разработан алгоритм бенчмаркинговой процедуры и произведена его апробация на субъектах РФ. Систематизация идентичных территорий осуществлена на основе расчёта индексов структурных расстояний и построения матрицы расстояний для регионов России. Более подробно определены и проанализированы особенности социально-экономического положения Пермского края путем сравнения показателей его развития с показателями наиболее схожих по структурным признакам регионов. В работе используются методы математической статистики, метод группировки и обобщения, системный подход, а также приемы визуализации анализируемых данных. На основе результатов выполненного анализа сделан вывод о том, что методика проведения бенчмаркинговой процедуры может применяться государственными органами власти для обоснования эффективных направлений регионального развития.

Ключевые слова: «умный» бенчмаркинг, региональное развитие, стратегическое планирование, матрица расстояний, бенчмаркинговая процедура, идентичные регионы.

Введение

Решение проблемы эффективного функционирования социально-экономических систем любого уровня всегда связано с поиском и идентификацией стратегических приоритетов развития. При этом особое внимание как теоретиков, так и практиков приковано к территориальным единицам мезоуровня – регионам. Это обусловлено тем, что важнейшие элементы инновационного процесса, как правило, географически локализованы, в результате чего формирование конкурентных преимуществ

происходит не на национальном, а на региональном уровне [1, с. 24-25].

Согласно результатам проведенного нами анализа современного состояния исследований, посвященных вопросам регионального развития, большая часть проблем стратегического управления сконцентрирована в области внутренних функций менеджмента, в частности, в области организации и планирования. Так, к числу наиболее проблемных вопросов в сфере формирования эффективных стратегий

развития регионов отечественные ученые относят: отсутствие скоординированности интересов и целей развития субъектов экономики [2, с. 49], трудности достижения целей стратегии инновационного развития [3, с. 250-255], неопределенность в подходах к управлению социально-экономическим развитием региона [4, с. 2393], копирование стратегических документов регионального развития [5, с. 7, 12].

Таким образом, решение проблемы эффективности управления функционированием и развитием субъекта Российской Федерации тесно связано с поиском универсального, прозрачного подхода к планированию деятельности, позволяющего идентифицировать эффективные направления инвестирования и объекты первоочередного бюджетного финансирования. Поэтому можно сделать достаточно объективное заключение о том, что определяющим этапом процедуры стратегирования является процесс определения приоритетов развития региона. Научные труды по данной проблеме можно условно разделить по трем направлениям.

К первому направлению идентификации приоритетов регионального развития относятся исследования, в которых при определении перспективных направлений ученые ориентируются на отраслевые параметры улучшения экономики региона. Так, В. Рохчин и А. Далгатова отмечают, что приоритетное развитие должны получить виды экономической деятельности, производства, обладающие определенными преимуществами перед остальными [6, с. 100]. В работе А. Аvezова и М. Азимовой ставится акцент на определении наиболее перспективных направлений и параметров развития экономики региона, обеспечивающих его устойчивый рост [7, с. 32]. Согласно позиции С. Липиной, к приоритетным должны относиться те отрасли, которые способны генерировать позитивные изменения в экономике территории, давать дальнейшее движение повышению конкурентоспособности и устойчивости экономики [8, с. 18].

Ко второму направлению мы отнесли работы ученых, пропагандирующих исследовательский подход к идентификации приоритетов регионального развития. В рамках данного подхода в качестве главных направлений развития экономики регионов определяются инноваци-

онные, прорывные, основанные на результатах научных исследований и разработках ученых. Так, в работе С. Тихомирова стратегическими приоритетными направлениями развития региона являются основные области исследований и разработок, реализация которых должна обеспечить значительный вклад в социальное, научно-техническое и промышленное развитие страны и в достижение за счет этого национальных социально-экономических целей [9, с. 33]. G. Manicad утверждает, что процесс обоснования приоритетов – это выбор между альтернативными вариантами региональных научных исследований [10, с. 13]. W. Janssen, A. Kassam и A. Janvry определяют региональные приоритеты как иерархический ряд научно-исследовательских работ, расположенных в порядке значимости результатов их реализации, которые позволят улучшить показатели функционирования региона [11, с. 75].

К третьему направлению идентификации приоритетов регионального развития отнесем научные труды, в которых при определении перспективных направлений в развитии экономики региона производится ориентация на опыт территорий-лидеров. Среди отечественных представителей данного направления отметим А. Быкову [12], М. Исламова, Р. Бахитову, Р. Кирееву [13], В. Московкина, И. Крымского [14], С. Растворцеву, М. Ларионову [15], С. Червякова [16], Д. Красносельскую [17]. В качестве представителей данного направления среди западных ученых выделим N. Groenendijk [18], L. Iurcovich [19], С. Koellreuter [20].

Всеми указанными авторами используется метод, базирующийся на выборе «лучших образцов» путем сравнения отдельных критериев социально-экономического и инновационного развития территории (её размер, плотность населения, экономическая структура, уровень инноваций, географическое положение и другие специфические особенности территорий). Данный метод называется бенчмаркингом и изначально методика бенчмаркинговой процедуры была разработана с целью совершенствования бизнес-процессов в различных сферах коммерческой деятельности: маркетинге, ассортиментной политике, управлении персоналом, логистике, ценовой политике и пр. В дальнейшем данный инструмент стал широко использоваться применительно к объектам ме-

зоуровня – территориальным единицам. Под термином «региональный бенчмаркинг» понимаются «межрегиональные сравнения видов деятельности, процессов, практик, политики и использование этой информации для совершенствования регионального развития» [20, с. 14].

Важно отметить, что в большинстве изученных нами отечественных трудов в области исследования регионального бенчмаркинга, анализируемые субъекты РФ сравнивались с теми, которые демонстрировали лучшие показатели социально-экономического развития, независимо от того, имеют ли они сходные характеристики или нет.

Вместе с тем последние разработки зарубежных ученых-регионалистов обозначили объективные недостатки такого подхода, называемого ими «упрощенным бенчмаркингом» [21, 22, 23]. Суть недостатков заключается в отсутствии предварительного анализа причин и предпосылок достижения лидерства лучшими регионами. Действительно, исходные условия развития территорий определяются формальными и неформальными институтами, сложившимися исторически и имеющими существенное значение для нововведений [24]. Проще говоря, по объективным причинам не все показатели развития регионов-лидеров могут быть достигнуты регионами-аутсайдерами на практике в обозримой перспективе. А потому результаты «упрощенного бенчмаркинга» представляют не что иное, как региональные рейтинги, и, следовательно, не могут являться приемлемой основой для разработки эффективной стратегии развития территорий.

Отметим, что преимущества применения другого типа бенчмаркинга, называемого «умным/системным бенчмаркингом», были подробно описаны еще в 2001 году [25]. Смысл применения данного типа бенчмаркинга основывается на предварительном анализе исходных условий развития сравниваемых субъектов. Таким образом, «умный» бенчмаркинг региональных систем предполагает разработку стратегии развития на основе сравнения с территориями, имеющими схожие институциональные условия и показатели развития.

Необходимость корректной адаптации инструментария бенчмаркинга применительно к региональным социально-экономическим си-

стемам, а также недостаточная изученность возможностей и перспектив использования результатов бенчмаркинг-технологии отечественными учеными актуализируют методологические вопросы ее разработки и апробацию на субъектах РФ с целью определения эффективной системы приоритетов развития территорий.

Методика исследования

В качестве методологической основы бенчмаркинг-процедуры нами используется методика, разработанная Баскским институтом конкурентоспособности [26] и адаптированная к российским условиям с учетом особенностей пространственной организации отечественной экономики. Разработка стратегии регионального развития на основе «умного» бенчмаркинга предполагается в рамках проведения двух последовательных этапов. Первый этап является подготовительным и представляет собой сбор, систематизацию и обработку статистических данных. Второй этап предполагает проведение анализа и определение приоритетов развития конкретного региона, выбранного для исследования. Остановимся на содержании данных этапов.

1 этап. Построение общей матрицы расстояний по регионам.

Важность данного этапа обусловлена концептуальной особенностью «умного» бенчмаркинга, предполагающей необходимость сравнения территорий со схожими институциональными условиями. Сравнение происходит на основе сопоставления показателей развития регионов, отраженных в матрице расстояний. Для построения общей матрицы расстояний по регионам производится, во-первых, предварительная подборка и нормировка количественных данных (шаг 1); во-вторых, расчет индексов структурных расстояний (шаг 2).

Шаг 1. Подборка и нормировка количественных данных.

База статистических данных для определения идентичности территорий включает, во-первых, критерии для проведения сравнительного анализа; во-вторых, детализирующие их факторы; в-третьих, количественные статистические показатели. При отборе критериев соблюдаются следующие условия: информативность (т.е. они должны характеризовать объекты сопоставления), количественная оценка (для

объективного сравнения), некоррелируемость (независимость). Каждый критерий включает факторы, его детализирующие. В качестве детализирующих факторов, используемых для сравнения регионов, отбираются такие, которые, во-первых, наилучшим образом раскрывают сильные и слабые стороны территории, а во-вторых, не имеют тенденции изменяться в краткосрочной перспективе. Далее для каждого фактора подбираются соответствующие статистические показатели.

В рамках 1 шага выполняется оценка асимметрии распределения показателей и, если необходимо, их трансформирование (формула 1), а также приведение значений к единой шкале (формула 2).

Значение асимметрии характеризует степень несимметричности распределения статистического показателя относительно среднего значения показателя по стране. Если значение асимметрии больше 0,5, то для сглаживания «выбросов» (экстремальных значений) каждое значение показателя трансформируется по формуле (1):

$$x_{ij} = \sqrt[k]{x_{ij_0}}, \quad (1)$$

где x_{ij} – трансформированное значение j -показателя i -региона;

x_{ij_0} – исходное значение j -показателя i -региона;

k – степень асимметрии (принимает значения от 2 до 4 в зависимости от величины коэффициента асимметрии).

Показатели, выраженные в процентах, остаются без изменений, остальные переводятся в проценты относительно суммы значений переменной соответствующего показателя (2):

$$\overline{x_{ij}} = \frac{x_{ij}}{\sum_j x_{ij}} \cdot 100\%, \quad (2)$$

где $\overline{x_{ij}}$ – нормированное значение j -показателя i -региона.

Шаг 2. Расчет индексов структурных расстояний.

Важность данного шага заключается в определении идентичности (похожести) регионов, характеризуемой значениями индексов структурного расстояния. Регионы, индекс струк-

турного расстояния между которыми меньше порогового значения, считаются идентичными регионами. Для определения порогового значения индекса структурного расстояния нами был проведен предварительный анализ, основанный на предположении о том, что оптимальное количество регионов для сравнения находится в пределах от 7 до 10. Такое количество регионов формируется при индексе структурного расстояния меньше единицы. Поэтому пороговое значение индекса было принято равным 1.

Индекс структурного расстояния, по которому строится матрица расстояний, вычисляется по формуле (3):

$$d(i, i') = \sum_{j=1}^k m_j (\overline{x_{ij}} - \overline{x_{i'j}})^2, \quad (3)$$

где $d(i, i')$ – индекс структурного расстояния i -региона;

$\overline{x_{ij}}$ – значение j -показателя i -исходного региона;

$\overline{x_{i'j}}$ – значение j -показателя i -«другого» региона;

m_j – весовой коэффициент.

При этом весовой коэффициент рассчитывается по формуле (4):

$$m_j = \frac{1}{a} / j, \quad (4)$$

где a – количество критериев для сравнения регионов;

j – количество статистических показателей, характеризующих критерий.

Из формулы 3 видно, что каждому из критериев для сравнения регионов присваивается равный вес, который распределяется одинаковыми долями между входящими в его состав переменными. Данное решение основывается на результатах исследования [22], доказавшего, что применение разных весов не дает значительных изменений в конечных результатах, но при этом существенно увеличивает субъективность метода в целом.

Результат первого этапа – построение матрицы расстояний, элементами которой являются индексы структурного расстояния. В свою очередь, матрица расстояний служит основой для реализации второго этапа разработки стратегии регионального развития на основе «умного» бенчмаркинга.

2 этап. Определение приоритетов регионального развития.

Важность данного этапа заключается в выявлении первостепенных направлений развития региона, выбранного для анализа. Отметим, что согласно методике проведения «умного» бенчмаркинга, разработанной Баскским институтом конкурентоспособности, приоритеты развития определяются путем выявления слабых сторон анализируемого региона в процессе его сравнения с идентичными регионами. При этом в качестве первостепенных направлений развития отбираются показатели анализируемого региона, имеющие низкие значения по сравнению со средними показателями идентичных регионов.

Вместе с тем мы считаем, что данная методика должна быть дополнена сравнением показателей анализируемого региона со средними страновыми значениями. Выбор нами для анализа именно среднестрановых значений связан с нецелесообразностью сравнения показателей анализируемого региона с максимальными значениями регионов-лидеров ввиду специфики субъектов РФ, обусловленной их высокой дифференциацией. В то же время сравнение с усредненными значениями обеспечит выявление слабых сторон исследуемого региона. Эффективность такого анализа подтверждается рядом аналогичных исследований, где среднее значение было использовано в качестве минимально допустимой величины оцениваемого показателя [12, 27].

Кроме того, данное авторское новаторство обусловлено гипотетическим предположением о том, что сравнение анализируемого региона только с идентичными может привести к потере важных приоритетов развития. Так, например, если показатель имеет низкое значение как в анализируемом регионе, так и во всех идентичных ему, он не будет выявлен в процессе анализа по методике Баскского института конкурентоспособности. В результате меры по его улучшению не будут приняты своевременно.

Таким образом, методика проведения «умного» бенчмаркинга, разработанная Баскским институтом конкурентоспособности, была усовершенствована нами в части дополнения процедурой сравнения показателей анализи-

руемого региона со средними страновыми значениями.

Результаты

Апробация процедуры «умного» бенчмаркинга в рамках основных этапов реализации стратегии регионального развития была проведена на базе статистических данных регионов России за 2015 год, опубликованных Федеральной службой государственной статистики. В региональном бенчмаркинге не участвовали Республика Крым и г. Севастополь из-за отсутствия данных для сравнения. Нами была построена полная матрица расстояний для остальных регионов России. Полученная матрица симметрична относительно главной диагонали.

В качестве анализируемого региона нами был выбран Пермский край. Данный регион занимает ведущие позиции по уровню инновационного развития и входит в число регионов-лидеров в области реализации кластерной политики. Так, именно в Пермском крае, помимо двух инновационных территориальных кластеров, функционируют два промышленных, а также стратегически важный межрегиональный кластер, объединивший предприятия и научно-исследовательские учреждения из разных субъектов РФ (Пермский край, Свердловская область и Удмуртия) – кластер волоконно-оптических технологий «Фотоника».

Вместе с тем предлагаемая нами методика проведения бенчмаркинг-процедуры является *универсальной* и может быть применена по отношению к любым территориальным единицам как регионального, так и муниципального уровней.

1 этап. Построение общей матрицы расстояний по регионам.

Исходя из необходимости выбора данных, не имеющих тенденции изменяться в краткосрочном периоде, и принимая во внимание наличие информации из источников Федеральной службы государственной статистики РФ, мы выделили 7 критериев регионального развития: это геодемография, образование, инновации, отраслевая структура, инвестиционный климат, открытость, общественные ценности. Выбранные нами критерии включают 12 детализирующих факторов и 34 статистических количественных показателя (*табл. 1*).

Таблица 1. Система критериев, определяющих идентичность регионов*

Критерий	Фактор	Статистический показатель		Единицы измерения
Геодемография	Размер региона	x1	- площадь территории;	тыс. км ²
		x2	- численность населения	тыс. человек
	Возрастной состав населения	x3	- население моложе трудоспособного возраста;	% от общей численности населения
		x4	- население старше трудоспособного возраста	
Урбанизация	x5	- удельный вес городского населения в общей численности населения;	%	
	x6	- удельный вес сельского населения в общей численности населения		
Транспортная доступность		x7	- число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения;	шт.
		x8	- перевозки пассажиров автобусов;	млн. чел. км путей на 1000 км ² территории
		x9	- плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	
Образование	Уровень образования	x10	- население с образование выше среднего в возрасте 15 лет и старше в расчете на 1000 человек населения, указавших уровень образования	человек
Инновации	Патентные исследования	x11	- выдано патентов на изобретения;	шт.
		x12	- выдано патентов на полезные модели	
	Объем инновационных товаров, работ, услуг	x13	- процент инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	%
Отраслевая структура	Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности	x14 – x26	- сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа, воды; строительство; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; другие виды деятельности	% от общей численности занятых
Инвестиционный климат	Предприятия и организации	x27	- число предприятий и организаций на 1000 человек населения	шт.
Открытость	Внешнеэкономическая деятельность	x28	- экспорт со странами дальнего зарубежья;	млн. долл. США
		x29	- экспорт со странами СНГ, в фактически действовавших ценах	
Общественные ценности	Культура и туризм	x30	- численность зрителей театров на 1000 человек населения;	человек
		x31	- число посетителей музеев на 1000 человек населения;	
		x32	- численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в туры по России, на 1000 человек населения;	
	x33	- численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в зарубежные туры, на 1000 человек населения		
	Уровень преступности	x34	- число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения	шт.

*Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016.

Остановимся более подробно на обосновании выбора критериев, имеющих первостепенное значение при идентификации схожих регионов. В качестве первого критерия нами был выбран геодемографический. При этом основополагающими явились показатели *площади территории региона и численности населения*. От численности населения напрямую зависят процессы концентрации производства. В свою очередь, *доля населения в трудоспособном возрасте* определяет эффективность функционирования региональных экономик. Для идентификации поселенческой структуры региона необходимо определить *степень урбанизации*. Так, регионы с высокой степенью урбанизации отличаются меньшей долей сельскохозяйственных функций и высокой долей промышленных. При этом возрастает число учреждений сферы услуг, повышается разнообразие профессий, усиливается территориальная подвижность населения. Поэтому особое положение в формировании экономического и социального пространства занимает *транспортная доступность территории*. Развитая транспортная инфраструктура обеспечивает и упрощает коммерческую деятельность, приводит к повышению стоимости жилья, является ключевым фактором в интеграции региональных рынков.

В качестве второго критерия мы выбрали *образование*. В последние годы структура факторов, определяющих конкурентоспособность территорий, претерпела определенные изменения. Например, значимость таких факторов, как доступное сырье и дешевая рабочая сила, снизилась, а образовательный фактор усилил свои позиции. Поскольку *уровень образования* является одним из важнейших факторов, определяющих формирование и развитие интеллектуального капитала и его рациональное использование [28, с. 58], данный критерий важно учитывать при идентификации схожих регионов. Вместе с тем отметим, что высокий уровень образованности населения не гарантирует высокого уровня развитости *инноваций* в регионе. Поэтому при сопоставлении уровня инновационного развития сравниваемых регионов необходимо отдельно учитывать такие составляющие, как количество патентных исследований и процент инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг региона.

Следующим аспектом, принципиально обуславливающим различие регионов, является *отраслевая структура региона*, характеризуемая показателем распределения среднегодовой численности занятого населения по видам экономической деятельности. Опора на показатель занятости в целях изучения видов экономической деятельности и отраслей в отечественных условиях представляется наиболее обоснованной, поскольку освобождает от возможных неточностей при использовании других показателей, связанных с отсутствием или несовершенством информации, в частности – несоответствие центра прибыли центру экономической активности. Очевидно, что при разработке региональной экономической политики нерационально сравнивать регионы с разной отраслевой специализацией.

Степень благоприятности региональной политики для развития *бизнеса* характеризуется числом предприятий и организаций в регионе. Этот показатель определяет инвестиционный климат территории – степень эффективности системы поддержки и регулирования предпринимательства, действующей в регионе.

Кроме того, немаловажно учитывать степень *открытости* экономики региона, выраженную через его экспортный потенциал. Активная экспортная деятельность способствует решению таких проблем, как низкая эффективность использования природных ресурсов, высокий уровень безработицы, неконкурентоспособность отраслей АПК, низкий уровень притока инвестиций, дефицит платежного баланса, которое приводит к повышению качества жизни населения [29, с. 42].

В заключение отметим важный с точки зрения идентификации схожих регионов критерий *общественные ценности*. В качестве основных индикаторов данного критерия нами были определены показатели культуры и туризма, а также уровень преступности. Объединение вместе таких несовместимых на первый взгляд показателей основывается на известном «круге отсталости» в развитии территории (термин Д.С. Львова). Здесь подразумевается искаженная система предпочтений и ценностей населения, приводящая к росту заболеваний социального характера и уровня преступности. В дальнейшем все это ведет к оттоку лучшей рабочей силы и к стагнации территории.

Далее, согласно описанной ранее методике исследования, все показатели были проверены на асимметричность распределения и трансформированы. Отметим, что из 34 статистических показателей были трансформированы 25, что объясняется высокой дифференциацией развития регионов. Затем все показатели были приведены к единой шкале. И, наконец, на основе рассчитанных индексов структурного расстояния была построена общая матрица расстояний.

2 этап. Определение приоритетов регионального развития.

Как было сказано выше, в качестве анализируемого региона нами был выбран Пермский край. Поэтому в рамках второго этапа разработки стратегии регионального развития на основе «умного» бенчмаркинга мы провели последовательное сравнение показателей развития Пермского края со значениями идентичных регионов и со средними страновыми значениями.

Для определения идентичных Пермскому краю регионов нами были использованы значения общей матрицы расстояний по регионам России. В таблице 2 представлен фрагмент матрицы, отсортированный по возрастанию индекса структурного расстояния, где в качестве анализируемого региона выступает Пермский край (см. столбец 2 матрицы). Как видно из ма-

трицы, 8 регионов являются идентичными для Пермского края.

Согласно таблице наименьший показатель индекса структурного расстояния наряду с Пермским краем имеет Калужская область.

Вместе с тем все идентичные Пермскому краю регионы имеют ряд схожих характеристик. Во-первых, это высокий уровень урбанизации – удельный вес городского населения в общей численности населения составляет порядка 74%. Во-вторых, ярко выраженная специализация в области обрабатывающих производств, а также в сфере оптовой и розничной торговли (рис. 1).

Далее нами были определены характеристики развития Пермского края, имеющие низкие значения по сравнению со средними показателями идентичных регионов. Во-первых, это показатель транспортной доступности региона. Низкий уровень данного показателя наглядно демонстрирует показатель плотности автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (рис. 2).

Во-вторых, показатель уровня образования в Пермском крае (рис. 3).

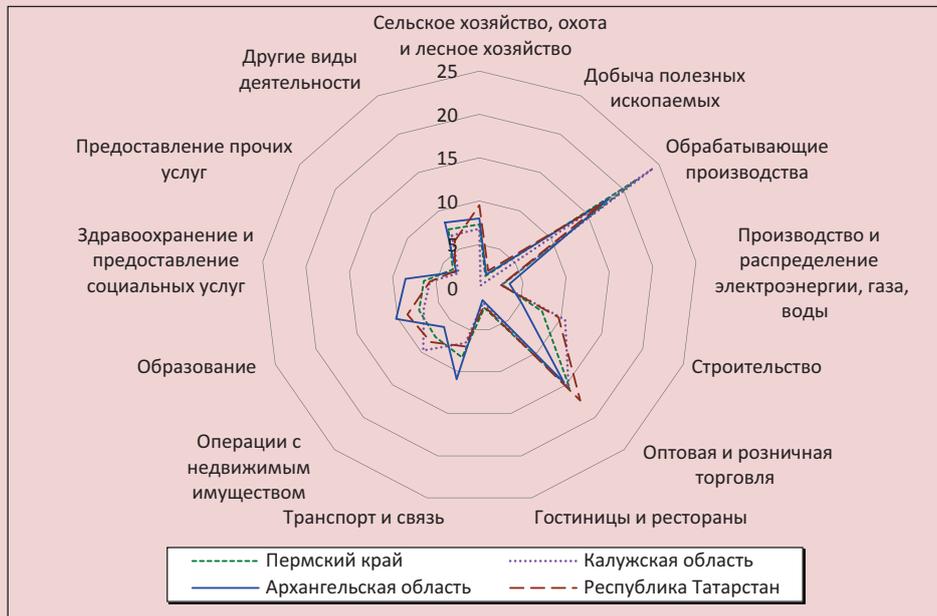
Низкое количество образованных людей в Пермском крае во многом обусловлено оттоком интеллектуального капитала в более привлекательные регионы и за рубеж. Так, по

Таблица 2. Матрица расстояний идентичных регионов для Пермского края

Регион	Пермский край	Калужская область	Архангельская область	Республика Татарстан	Ульяновская область	Кировская область	Вологодская область	Владимирская область	Тверская область
Пермский край		0,436	0,480	0,582	0,634	0,713	0,832	0,868	0,944
Калужская область	0,436		0,657	1,504	0,597	0,658	1,444	0,312	0,852
Архангельская область	0,480	0,657		0,837	0,999	0,517	1,470	1,210	0,630
Республика Татарстан	0,582	1,504	0,837		1,134	0,853	0,911	1,874	0,993
Ульяновская область	0,634	0,597	0,999	1,134		0,621	0,669	0,775	0,688
Кировская область	0,713	0,658	0,517	0,853	0,621		1,022	1,205	0,076
Вологодская область	0,832	1,444	1,470	0,911	0,669	1,022		2,152	1,017
Владимирская область	0,868	0,312	1,210	1,874	0,775	1,205	2,152		1,503
Тверская область	0,944	0,852	0,630	0,993	0,688	0,076	1,017	1,503	

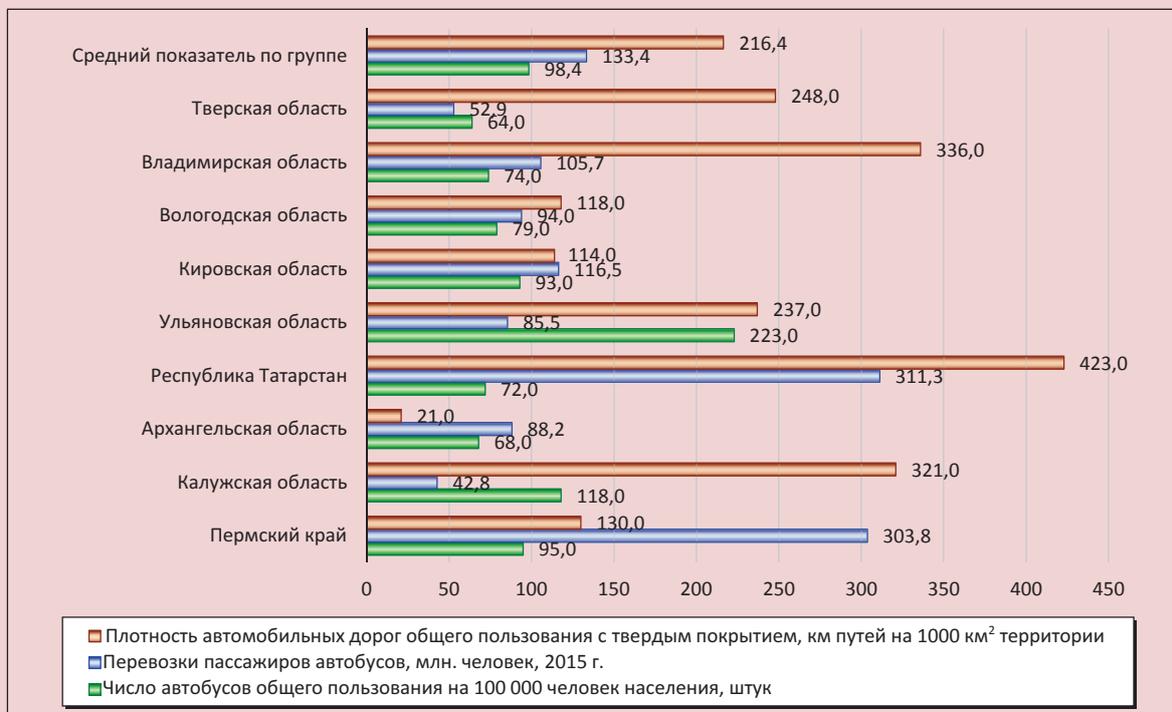
Рассчитано на основе методики, разработанной авторами.

Рис. 1. Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности, 2015 г. в % от общей численности занятых

Источник: составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 140–167.

Рис. 2. Показатели транспортной доступности идентичных регионов, 2015 г.

Источник: составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 849–856.

Рис. 3. Количество людей, имеющих образование выше среднего в возрасте 15 лет и старше (в расчете на 1000 человек населения, указавших уровень образования), 2014 г.

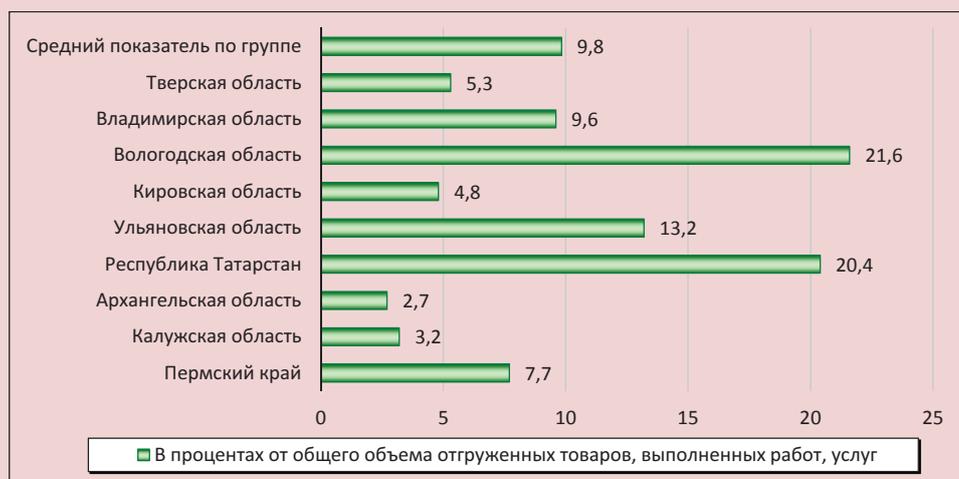
Источник: составлено авторами по: Образование в Российской Федерации: 2014: стат. сб. / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2014. С. 34–35.

данным исследования, проведенного учеными Пермского государственного национального исследовательского университета [30], более 70% молодых людей планируют покинуть территорию Пермского края. Причинами возможной миграции респондентов являются: низкий уровень заработной платы, отсутствие возможностей для трудоустройства, дорогое

жилье и слабо развитая социальная и транспортная инфраструктура.

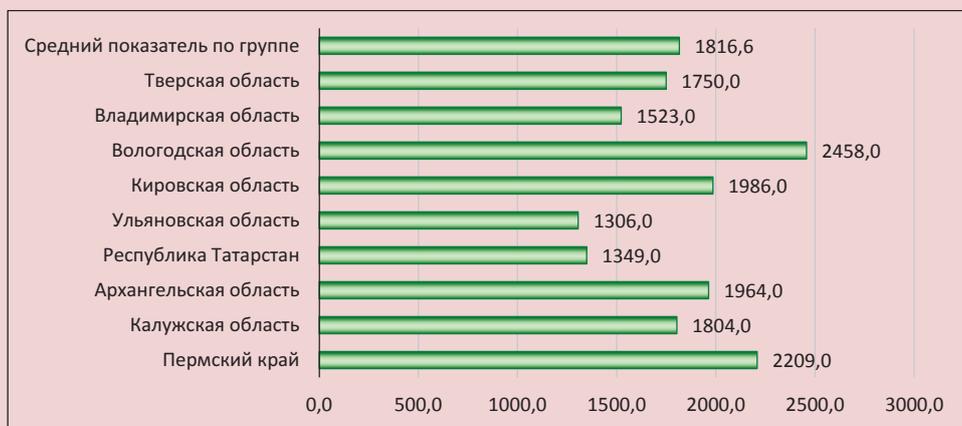
В-третьих, объем инновационных товаров, работ и услуг в Пермском крае. Данный показатель на 2% ниже, чем в среднем по группе идентичных регионов (рис. 4), и почти в 3 раза меньше максимального показателя группы (Вологодская область).

Рис. 4. Объем инновационных товаров, работ, услуг, 2015 г.

Источник: составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 1048–1049.

Рис. 5. Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения в идентичных регионах, 2015 г.

Источник: составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 511–514.

В-четвертых, высокие показатели преступности в Пермском крае. Так, уровень преступности превышает среднее значение по идентичным регионам на 22%, или на 393 зарегистрированных преступления на 100 000 человек населения (рис. 5).

В-пятых, показатели развития в области культуры, где Пермский край остается в аутсайдерах (рис. 6).

Таким образом, выявленные в ходе сравнительного анализа слабые стороны Пермского края позволили определить пять приоритетов его развития: повышение транспортной доступности региона, повышение уровня образования, увеличение объема инновационных товаров, работ и услуг, снижение уровня преступности, повышение уровня культуры и разнообразия досуга.

Рис. 6. Показатели уровня культуры идентичных регионов, 2015 г.

Источник: составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 472–473.

Далее мы провели сравнение статистических показателей развития Пермского края со средними страновыми значениями. В результате анализа нами также были выявлены слабые стороны Пермского края. При этом часть выявленных показателей совпала с теми, которые были определены в ходе сравнения с идентичными регионами (*низкий уровень транспортной доступности, низкий уровень образования, высокий уровень преступности*); вторая часть объединила слабые стороны, не проявившиеся в ходе сравнения с идентичными регионами (*возрастной состав, урбанизация, экспорт со странами СНГ*). Появление второй группы показателей обусловлено тем, что в большинстве идентичных для Пермского края регионов они имеют значения ниже среднего или близкое к среднему по стране. Данный вывод служит эмпирическим доказательством того, что проведение сравнительного анализа исследуемого региона только с идентичными, как это предусмотрено методикой Баскского института, не позволило бы их выявить.

Более того, отдельно отметим такой показатель, как «объем инновационных товаров и услуг». Величина данного показателя у Пермского края выше среднероссийского уровня, но значительно ниже, чем у большинства идентичных регионов. Поэтому в качестве второго вывода, полученного нами в ходе апробации, отметим то, что проведение сравнительного анализа исследуемого региона только с регионами-лидерами страны, как это делается в большинстве исследований отечественных авторов, не позволило бы идентифицировать показатель «объем инновационных товаров, работ и услуг» как приоритетное направление развития Пермского края.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что наша гипотеза относительно необходимости идентификации приоритетов развития территории путем *последовательного двойного сравнения средних общестрановых показателей и показателей идентичных регионов* подтвердилась.

В ходе систематизации приоритетов развития Пермского края нами были отобраны шесть наиболее перспективных с точки зрения успешности и достижимости направлений оптимизации: все пять приоритетов, идентифицированных путем сравнения с показателями

идентичных регионов, и один приоритет из трех, выявленных в процессе анализа среднестрановых показателей. Это показатель «урбанизация», выраженный удельными весами городского и сельского населения в общей численности населения региона.

Система расселения имеет важное значение для развития экономики и социальной сферы. Важнейшей проблемой системы расселения Пермского края является высокая концентрация населения в г. Перми. Доминантный тип распределения отражает индекс первенствования крупнейшего города, равный для Перми 5,8 (для сравнения: для Москвы он равен 2,2) [31, с. 52]. Данное явление обусловлено прежде всего безработицей на периферии, возникающей на фоне постоянного уменьшения числа объектов пенитенциарной системы, обострением экологических проблем в сельских районах, а также падением рентабельности в ряде отраслей региональной экономики в последние годы. Поэтому для решения проблемы оптимизации расселения, обусловленной высоким уровнем урбанизации в Пермском крае, необходимо принятие определенных государственных мер и программ.

Систематизация приоритетов развития Пермского края представлена в *таблице 3*.

Согласно таблице 3, лидером в области транспортного развития является Республика Татарстан, где плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием составляет 423 км путей на 1000 км² территории. Первое место по уровню образования занимает Калужская область. В расчете на 1000 человек населения в возрасте 15 лет и старше, указавших уровень образования, 661 житель Калужской области имеет образование выше среднего. Инновационные товары и услуги в Вологодской области составляют 21,6% от общего объема отгруженных товаров, работ и услуг – это максимальный показатель среди идентичных регионов. В свою очередь лучшие показатели уровня культуры продемонстрировала Владимирская область. Число посещений музеев на 1000 человек населения в данном регионе составляет 1487 человек. Что касается преступности, самый низкий его уровень среди идентичных регионов зарегистрирован в Калужской области (1019 преступлений на 100 000 человек населения). Определению возможно-

Таблица 3. Приоритеты развития Пермского края*

Приоритеты развития	Ориентиры развития, единицы измерения	Статистические показатели				Регионы-лидеры из числа идентичных
		Пермский край	Средний показатель по идентичным регионам	Наилучший показатель по идентичным регионам	Средний показатель по России	
1. Повышение транспортной доступности	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км ² территории	130,0	216,4	423,0	274,6	Республика Татарстан, Владимирская область
2. Повышение уровня образования	Население с образованием выше среднего в возрасте 15 лет и старше в расчете на 1000 человек населения, указавших уровень образования, человек	619,0	620,1	661,0	624,6	Калужская область, Архангельская область
3. Увеличение объема инновационных товаров и услуг	Процент инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	7,7	9,8	21,6	6,0	Вологодская область, Республика Татарстан
4. Повышение уровня культуры	Число посещений музеев на 1000 человек населения, человек	401,0	804,9	1487,0	601,3	Республика Татарстан, Владимирская область
5. Снижение уровня преступности	Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения, шт.	2209,0	1816,6	1019,0	1673,7	Калужская область, Тверская область
6. Оптимизация системы расселения	Удельный вес сельского населения в общей численности населения, %	24,4	24,3	28,0	29,8	Вологодская область, Ульяновская область

* Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016.

стей снижения данного показателя в Пермском крае должно быть уделено особое внимание. Показатель удельного веса сельского населения в общей численности населения Пермского края близок к среднему значению показателя по идентичным регионам и составляет 24,3%. Лидером в области оптимизации системы расселения выступает Вологодская область, где показатель удельного веса сельского населения в общей численности населения составляет 28% от общей численности населения региона.

Успешная реализация определенных нами направлений развития Пермского края требует тщательного изучения государственных программ регионов-лидеров среди идентичных с целью их дальнейшей адаптации в деятельности органов власти и управления края.

Заключение

В заключение сформулируем главные выводы и результаты проведенного исследования.

Во-первых, нами было обосновано, что бенчмаркиговая технология является успеш-

ным решением повышения эффективности деятельности экономических субъектов разных иерархических уровней. Целевое назначение использования концепции бенчмаркинга на уровне территориальных образований заключается в информировании региональных органов власти об основных направлениях, условиях и возможностях дальнейшего развития территории. При этом ключевыми целями бенчмаркинга остаются: выбор региона-лидера для сравнения в определенной области развития, выявление различий между ним и анализируемым регионом, а также анализ ключевых факторов успеха региона-лидера.

Во-вторых, было установлено, что наиболее эффективным типом бенчмаркинга, учитывающим предпосылки и причины достижения лидерства лучшими экономическими субъектами, является «умный» бенчмаркинг. «Умный» бенчмаркинг региональных систем предполагает разработку стратегии развития на основе сравнения с территориями, имеющими схожие

институциональные условия и показатели развития. Этот аспект служит важнейшим условием достижимости целевых индикаторов любых государственных программ развития.

В-третьих, эмпирически было доказано, что идентификация приоритетов территориального развития должна проводиться путем последовательного двойного сравнения анализируемого региона со средними общестрановыми показателями и показателями идентичных регионов. Данный вывод подтвержден результатами, полученными нами в ходе разработки приоритетов развития Пермского края.

Представленная методика проведения бенчмаркинг-процедуры может внести значи-

мый вклад в процесс разработки, реализации и мониторинга инновационных стратегий развития территорий путем выявления недостатков и конкурентных преимуществ региона.

Считаем, что разработка и совершенствование региональной бенчмаркинг-процедуры применительно к субъектам Российской Федерации требует дальнейшего исследования и представляет научный интерес в создании интерактивного инструмента, синтезирующего статистические данные о регионах и позволяющего идентифицировать структурно схожие регионы России в целях становления инновационной национальной экономики.

Литература

1. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? *Word Link*, 1992, no 5, Ju-ly/August, pp. 24-25.
2. Беломестнов В.Г. Актуальные проблемы современной экономики: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. С. 49.
3. Родионов П.В. Возможности и ограничения модернизации российской экономики // Наука и бизнес: пути развития. 2011. № 6. С. 250–255.
4. Асланова С.Х., Топсахалова Ф.М.Г. Стратегическое управление социально-экономическим развитием на региональном уровне // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–11. С. 2393.
5. Лапыгин Д.Ю. Проблемы стратегического управления регионом // Регион: государственное и муниципальное управление. 2015. № 2 (2). С. 7, 12.
6. Рохчин В.Е., Далгатова А.Э. Стратегическое управление развитием экономики в пределах федеральных округов Российской Федерации. Теоретические и методологические аспекты. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. С. 100.
7. Аvezов А. Х., Азимова М. Стратегическое управление устойчивым развитием экономики региона // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2015. № 1 (1). С. 32.
8. Липина С. А. Приоритеты развития республик Северного Кавказа // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 16 (73). С. 18.
9. Тихомиров С.А. Инновационное направление регионального развития // Инновации. 2005. № 7. С. 33.
10. Manicad G. Priority Setting in Agricultural Research: A brief conceptual background. *Biotechnology and Development Monitor*, 1997, no. 31, pp. 13.
11. Janssen W. Regional approach to setting research priorities and implementation: towards satisfying national, regional and global concerns. *Journal of Agricultural & Food Information*, 2004, vol. 5, no 2, pp. 75.
12. Быкова А.А. Исследование условий формирования и функционирования региональных инновационно-промышленных кластеров // Управление кластерами в региональной экономике. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2010. С. 148–168.
13. Исламов М.А., Бахитова Р.Х., Киреева Р.А. Кластерный анализ в основе бенчмаркинга субъектов Российской Федерации // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. Вып. 3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/79EVN314.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).
14. Московкин В.М., Крымский И.А. Региональный бенчмаркинг российской инновационной инфраструктуры // Инновации. 2008. № 5. С.76–83.
15. Растворцева С.Н., Ларионова М.В. Бенчмаркинг региональной инновационной инфраструктуры // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 22 (307). С. 13–27.

16. Червяков С.С. Стратегическое развитие регионов на основе бенчмаркинга и управления конфликтом интересов целевых аудиторий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Владимир: АНО ВПО «Владимирский институт бизнеса», 2012. 24 с.
17. Красносельская Д.Х. Управление накоплением капитала региона на основе применения инструментария пространственного бенчмаркинга: дис. ... д-ра экон. наук. Уфа: Институт социально-экономических исследований, Уфимский научный центр Российской академии наук, 2015. 162 с.
18. Groenendijk N. *EU and OECD Benchmarking and Peer Review Compared. The EU and Federalism: Politics and Policies Compared*. Ashgate, 2010, pp. 181–202.
19. Iurcovich L., Komninos N., Reid A., Heydebreck P., Pierrakis Y. *Mutual Learning Platform: Regional Benchmarking Report: Blueprint for Regional Innovation Benchmarking*. Brussels: European Commission, 2006. 36 p.
20. Koellreuter C. Regional Benchmarking as a tool to improve regional foresight. *European Commission-Research DG -Directorate K*, April 2002, pp. 14.
21. Navarro J., Smart J.P. *Specialisation benchmarking and assessment: pilot study on wind energy*. Available at: http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC106035/2017_03_09_wind_pilot_regions_final.pdf
22. Navarro M., Gibaja J.J., Franco S., Murciego A., Gianelle C., Hegyi F.M. & Kleibrink A. Regional benchmarking in the smart specialisation process: Identification of reference regions based on structural similarity. *S3 Working Paper Series*, 2014, no. 03, pp. 9-10.
23. Navarro M., Gibaja J.J., Franco S., Murciego A. *Territorial benchmarking methodology: The need to identify reference regions*. Available at: http://www.academia.edu/26363206/Territorial_benchmarking_methodology_The_need_to_identify_reference_regions
24. Nauwelaers C., Veugelers R., Van Looy B. *Benchmarking National R&D policies in Europe: Lessons from Belgium*. Available at: <http://www.stis.belspo.be/docs/papers/pdf/Nauwelaers.pdf>
25. Tomlinson M., Lundvall B.-A. *Policy learning through benchmarking national systems of competence building and innovation – learning by comparing*. Available at: http://www.academia.edu/24150494/Policy_learning_through_benchmarking_national_systems_of_competence_building_and_innovation-learning_by_comparing
26. *Smart Specialisation Platform. Finding reference regions based on structural similarities*. Available at: <http://s3platform.jrc.ec.europa.eu/regional-benchmarking>
27. Поздеев Д. Бенчмаркинг финансовых показателей // Финансовый директор. 2005. URL: <https://fd.ru/articles/13660-benchmarking-finansovyh-pokazateley> (дата обращения: 15.11.2017).
28. Альхименко О.Н. Инвестиции в интеллектуальный капитал: роль образования // Экономика образования. 2015. № 1. С. 58.
29. Васютченко И.Н. Система показателей оценки экспортного потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 21. С. 42.
30. Пермская молодежь готова эмигрировать в Канаду и Южную Корею // ПГНИУ. URL: <http://www.psu.ru/news/permskaya-molodezh-gotova-emigrirovat-v-kanadu-i-yuzhnyuyu-koreyu> (дата обращения: 10.11.2017).
31. Лядова А.А. Система расселения населения Пермского края: региональный и логистический анализ // Географический вестник. 2007. № 1–2. С. 52.

Сведения об авторах

Юлия Владимировна Дубровская – кандидат экономических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, корпус Б, к. 307; e-mail: uliadubrov@mail.ru)

Мария Романовна Кудрявцева – аспирант, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, корпус Б, к. 307; e-mail: maria.kudri@gmail.com)

Елена Викторовна Козоногова – аспирант, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, корпус Б, к. 307; e-mail: elena.semenvaa@gmail.com)

Dubrovskaya Yu.V., Kudryavtseva M.R., Kozonogova E.V.

“Smart” Benchmarking as a Basis for Strategic Planning in Regional Development

Abstract. Addressing the problem of scientific substantiation of the region’s development priorities is an urgent issue for both regional researchers and territorial managers. At the same time, when determining the areas of development, the emphasis is often put on successful experience of the leading territories. This method of transplantation of best practices in order to improve the performance of the object under analysis is called benchmarking. In classical understanding, the key stages of regional benchmarking are: selection of the leading region for comparison, identifying the differences between the leading region and the region under analysis, analysis of key success factors of the leading region, and implementing successful experience in the economic practice of the research area. At the same time, the absence of preliminary analysis of reasons and prerequisites for achieving leadership by best regions, comparison of territories with objectively different characteristics of socio-economic development, leads to non-compliance with the most important principle of regional development planning – the principle of goal-setting. The solution to this problem is possible through using a new type of benchmarking, the so-called “smart benchmarking”. Its peculiar feature is preliminary identification of structurally similar territories – “identical regions”. Thus, defining the priorities for the development of the object under study is based on successful experience of the regions identical to it. In this paper, the necessity of using the tools of “smart” benchmarking in Russia is justified. The authors reveal the essence and advantages of this approach, determine integral criteria characterizing the regions’ similarity: the geodemographic environment, the level of education, innovation development, the sectoral structure of the economy, investment climate, economic openness, and social values. In the context of these criteria, a corresponding database of statistical data, including 34 indicators of territorial development, was formed. With due regard for domestic peculiarities of the regional economy the authors developed an algorithm for the benchmarking procedure and tested it in Russian regions. The systematization of identical territories is carried out based on calculation of indices of structural distances and construction of the distance matrix for Russian regions. The features of the social and economic situation of Perm Krai are determined in detail and analyzed by comparing its development indicators with those of the regions most similar in structural terms. The paper applies the methods of mathematical statistics, grouping and generalization, the system approach, as well as methods of visualization of data under analysis. Based on the analysis results it is concluded that the methodology of the benchmarking procedure can be used by public authorities to justify effective areas of regional development.

Key words: “smart” benchmarking, regional development, strategic planning, distance matrix, benchmarking procedure, identical regions.

Information about the Authors

Yuliya V. Dubrovskaya – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomol’skii Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: uliadubrov@mail.ru)

Maria R. Kudryavtseva – Post-graduate Student, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomol’skii Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: maria.kudri@gmail.com)

Elena V. Kozonogova – Post-graduate Student, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomol’skii Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: elenaa.semenovaa@gmail.com)

Статья поступила 27.12.2017.

Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа)*

**Ольга Аркадьевна
БАКУМЕНКО**

Псковский государственный университет
Псков, Российская Федерация, 180000, пл. Ленина, д. 2
E-mail: o.bakumenko@yandex.ru

Аннотация. По мнению ряда исследователей, в последние годы наблюдается тренд роста и преобладания числа стагнирующих регионов в Российской Федерации. Причинами этого являются, в том числе, низкая инновационная активность периферии, деиндустриализация, преобладание доли добывающих отраслей, вывоз капитала, рост социального и имущественного расслоения и другие не менее актуальные причины. Современный экономический и политический кризис в нашей стране представляется как угрозой, так и возможностью и толчком к перестройке региональной экономики. В этих условиях становится крайне необходимым поиск новых точек роста экономики регионов, поддержка наиболее перспективных отраслей, эффективное распределение ресурсов. Межрегиональное взаимодействие является важнейшим направлением региональной политики, обеспечивающим поступательное и сбалансированное социально-экономическое развитие регионов на основе налаживания между ними долгосрочных, равноправных и взаимовыгодных отношений. Значение межрегионального сотрудничества для развития субъектов Российской Федерации в современных условиях определяется тем, что оно позволяет укрепить хозяйственные связи между ними, оптимизировать размещение инфраструктурных объектов на основе кооперации их деятельности, исключить неэффективные финансовые расходы, связанные с созданием в субъектах федерации дублирующих экономических структур и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-410-600004/18 от 09.06.2018.

Для цитирования: Бакуменко О.А. Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 117–131. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8

For citation: Bakumenko O.A. The organizational and economic mechanism of managing inter-regional interaction between Russia's constituent entities (case study of the Northwestern Federal District). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 117–131. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8

неоправданной межрегиональной конкуренцией, объединить экономический потенциал регионов для реализации наиболее масштабных инвестиционных проектов, распространить прогрессивный опыт в области инновационного развития. Реализация перечисленных мер осложняется отсутствием продуманной социально – экономической политики государства в отношении регионов. В связи с этим актуальными становятся такие задачи, как систематизация лучшей отечественной и зарубежной практики межрегионального взаимодействия, исследование и обобщение теоретических концепций, представленных в отечественных и зарубежных изданиях, и разработка на этой основе организационно-экономического механизма управления межрегиональным взаимодействием и методологических аспектов оценки эффективности этого процесса. Разработанные предложения могут применяться субъектами государственного управления для повышения эффективности использования фактора межрегионального взаимодействия в качестве драйвера роста региональной экономики при разработке нормативно-правовых, стратегических и программно-плановых документов регионального уровня.

Ключевые слова: межрегиональное взаимодействие, факторы регионального развития, виды межрегионального взаимодействия, формы межрегионального взаимодействия, организационно-экономический механизм, эффективность межрегионального взаимодействия.

Введение. В современных условиях ограничения экспортно-импортных операций, снижения объемов иностранных инвестиций, уменьшения спроса и усиления конкуренции на привычных рынках внутри страны, сокращения ресурсов для регионального развития в форме государственных программ и субсидий регионы вынуждены иначе взглянуть на драйверы роста и факторы своего развития. Одним из ключевых факторов развития регионов в сложившихся условиях является активизация межрегионального взаимодействия с целью расширения рынков сбыта, привлечения инвестиций и совместного использования ресурсов.

В настоящее время федеральный центр создает благоприятные условия для развития межрегионального взаимодействия, в частности, с целью поддержки импортозамещения и модернизации промышленного производства. Однако региональные власти рассматривают другие субъекты РФ в качестве конкурентов за привлечение ресурсов федерального центра или иностранных инвесторов и зачастую оказываются не готовы администрировать данный процесс. Это выражается в отсутствии согласованных направлений и приоритетов развития с регионами – потенциальными партнерами, а также в дублировании усилий по формированию и модернизации инфраструктуры. В результате фактор межрегионального взаимодействия, роль которого проявляется в повышении конкурентоспособности региональной экономики, поддержке инновационного развития, стиму-

лировании экономического роста, не используется как акселератор развития региональных социально-экономических систем.

Проблемы социально-экономического развития регионов на современном этапе рассмотрены в работе А.В. Бабкина и Е.М. Бухвальда [1]. Авторы пишут, что требуется «последовательный переход от „планирования индикаторов” к планированию институциональных изменений» [1, с. 27]. З.Б. Дугаржапов также считает, что «выравнивание регионов должно начинаться не со сглаживания показателей ВРП, а с изменения и развития институциональной среды» [2, с. 88].

С.В. Дохолян, А.М. Садыкова и А.С. Дохолян определяют устойчивое социально-экономическое развитие региона как его «возможность обеспечивать положительную динамику уровня и качества жизни населения, использовать в этих целях новые факторы и условия» [3, с. 61]. С.В. Кузнецов к противоречивым факторам регионального развития относит глобализацию [4, с. 125], деградацию инновационного потенциала в периферийных районах [4, с. 129], инновационную пассивность отечественных предприятий [4, с. 130], возрастание роли человеческого капитала в социально-экономическом развитии, исчерпание источников экспортно-сырьевого типа развития [4, с. 131]. В.С. Жаров считает, что основная проблема социально-экономического развития регионов заключается в качестве стратегического планирования и выливается в то, что «входы системы

(поступающие в экономику региона ресурсы) оказываются оторванными от выходов (результатов функционирования системы)» [5, с. 100].

Один из основоположников теории межрегионального взаимодействия – Майкл Портер подчеркивал в своих работах [6] тот факт, что уровень конкурентоспособности региона на внешнем рынке определяется, как правило, интенсивностью конкуренции на внутреннем (национальном) рынке. Кроме того, ряд авторов указывает на то, что степень вовлеченности региона в межрегиональные отношения в значительной мере определяет его экономический рост [7, с. 2]. Л.В. Ивановский пишет о том, что «наличие общих потребностей и целей порождает экономические связи, способные объединять совокупность слабосвязанных регионов в единую социально-экономическую систему» [8, с. 140].

В.Г. Беломестнов рассматривает межрегиональное взаимодействие как инструмент долгосрочного развития социально-экономических систем – «процесс создания общей региональной системы, которая образуется на базе объединения социально-экономических подсистем (субъектов хозяйствования) регионов, взаимодействующих между собой в социально-экономической, политической и иных сферах, при которой решаются общие задачи, разрабатывается стратегия и совместные программы развития» [9, с. 123]. Роль межрегионального взаимодействия в развитии региональных социально-экономических систем проявляется:

- в усилении инновационной активности регионов [10, 11, 12];
- повышении эффективности реализации региональной политики [13];
- развитию международных связей региона [13].

Однако, по мнению Т.В. Усковой, «региональные органы власти не уделяют этим процессам должного внимания и недостаточно эффективно используют механизмы воздействия на хозяйствующие субъекты» [14, с. 61].

Актуальность активизации межрегионального взаимодействия в Северо-Западном федеральном округе обоснована в работе С.В. Кузнецова, Н.М. Межевича и С.С. Лачининского [15]. В работе подчеркивается тот факт, что «уменьшение размера экономического про-

странства, вовлеченного в хозяйственную деятельность, ведет к снижению темпов экономического развития страны и является угрозой для территориальной целостности» [15, с. 27].

Л.В. Ивановский обозначает проблему отсутствия системы управления реализацией межрегионального взаимодействия в СЗФО [8, с. 136]. Автор также пишет, что взаимосвязи регионов, входящих в федеральный округ, не развиваются, регионы не имеют общей цели и мотивации «формировать некую целостность» [8, с. 137]. Автор подтверждает свой тезис результатами анализа стратегий социально-экономического развития таких регионов: «В региональных стратегиях не предусматривается межрегиональное взаимодействие для реализации общих потребностей» [8, с. 140].

Несмотря на обширность проводимых исследований межрегионального взаимодействия как фактора развития региональных социально-экономических систем, проблемы методического обеспечения процесса управления межрегиональным взаимодействием остались малоисследованными, что и определило выбор **цели** настоящей статьи: формирование модели организационно-экономического механизма управления межрегиональным взаимодействием на уровне макрорегиона.

Научная новизна исследования заключается в определении сущности и критериев оценки видов межрегионального взаимодействия, классификации форм межрегионального взаимодействия, систематизации инструментов развития межрегионального взаимодействия по задачам такого взаимодействия и уровням управления, разработке методики оценки межрегионального взаимодействия субъектов РФ.

Методика исследования. Методологической основой исследования являются как общенаучные, так и ориентированные на решение конкретных научных проблем методы: контент-анализ нормативных и плановых документов, систематизация, сопоставление и сравнение, логический анализ и синтез, статистическая обработка информации, оценка эффективности. Информационную базу исследования составили нормативно-правовые документы всех уровней государственного управления, документы социально-экономического развития субъектов РФ, интернет-ресурсы, официальные статистиче-

ские материалы, данные экономических исследований, прогнозно-аналитические материалы.

Результаты исследования. В отечественной науке межрегиональное взаимодействие рассматривается в основном через содержание отношений между субъектами федерации [16, с. 128], [17]; в зарубежных подходах акцент сделан на форме реализации таких отношений [10, 13, 18]. Под **межрегиональным взаимодействием** (далее – МРВ) мы предлагаем понимать комплекс обменов потоками ресурсов, осуществляемых в рамках соглашений между органами власти, юридическими и физическими лицами различных регионов, принятых де-юре или де-факто, с целью представления общих интересов в национальном и мировом экономическом пространстве и повышения уровня устойчивого развития данных регионов. Особенностью предложенного определения является учет всех видов взаимодействий (горизонтальные, перекрестные) между целевыми группами (органы власти, бизнес-структуры, бюджетные организации, население) в различных формах (формальных и неформальных).

Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием – это совокупность системы задач межрегионального взаимодействия и системы форм и инструментов реализации поставленных задач. Элементами модели организационно-экономического механизма управления межрегиональным взаимодействием на уровне макрорегиона (рис. 1) выступают: субъекты и объекты управления, факторы внешней и внутренней среды регионального развития, атрибуты стратегического управления социально-экономическим развитием региона.

Одним из наиболее значимых современных российских подходов к формированию механизма управления межрегиональным взаимодействием является подход Т.В. Усковой и Е.В. Лукина, который касается регулирования экономических связей региона [14, с. 68]. Отличительной особенностью предложенного в рамках данного исследования подхода является его комплексность, поскольку в качестве объекта управления рассматриваются все виды межрегионального взаимодействия, а в состав субъекта управления включены наряду с органами власти интегрированные структуры и организации инфраструктуры партнерства.

Субъектами управления МРВ на уровне макрорегиона выступают:

1. *Органы государственной власти:* органы исполнительной власти регионов, аппарат полномочного представителя Президента в федеральном округе.

2. *Организации инфраструктуры партнерства* – совокупность институтов, деятельность которых заключается в формировании партнерских отношений между целевыми группами регионального развития. Примерами являются: Торгово-промышленная палата, центры поддержки развития предпринимательства, Российский экспортный центр и центры поддержки экспорта в регионах, Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия. В СЗФО это прежде всего Стратегическое партнерство «Северо-Запад», созданное в 2012 году. Партнерство призвано обеспечить взаимодействие органов государственной власти, бизнеса и общественных организаций при выработке и реализации социально-экономической политики Северо-Западного федерального округа, сопровождать межрегиональные инвестиционные проекты, реализуемые на основе государственно-частного партнерства. В 2016 году партнерство координировало 45 инвестиционных проектов, подавляющее большинство которых – внутрирегиональные¹. Одной из задач деятельности партнерства выступает развитие межрегионального отраслевого взаимодействия в строительстве, лесопромышленном комплексе, энергетике, ТЭК, горнодобывающей промышленности, что проявляется на практике в обмене опытом, поиске решений общих проблем, организации отраслевых недель.

3. *Межрегиональные интегрированные структуры* – объединения целевых групп регионального развития в двух основных вариантах:

– интегрированные бизнес-структуры (диверсифицированные промышленные группы, интегрированные бизнес-группы, деловые сети), основной целью деятельности которых является повышение своей конкурентоспособности;

¹ Стратегическое партнерство «Северо-Запад». Отчет о работе за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.n-west.ru/wp-content/uploads/2014/03/Отчет-o-deyatelnosti-2016_pechat.pdf

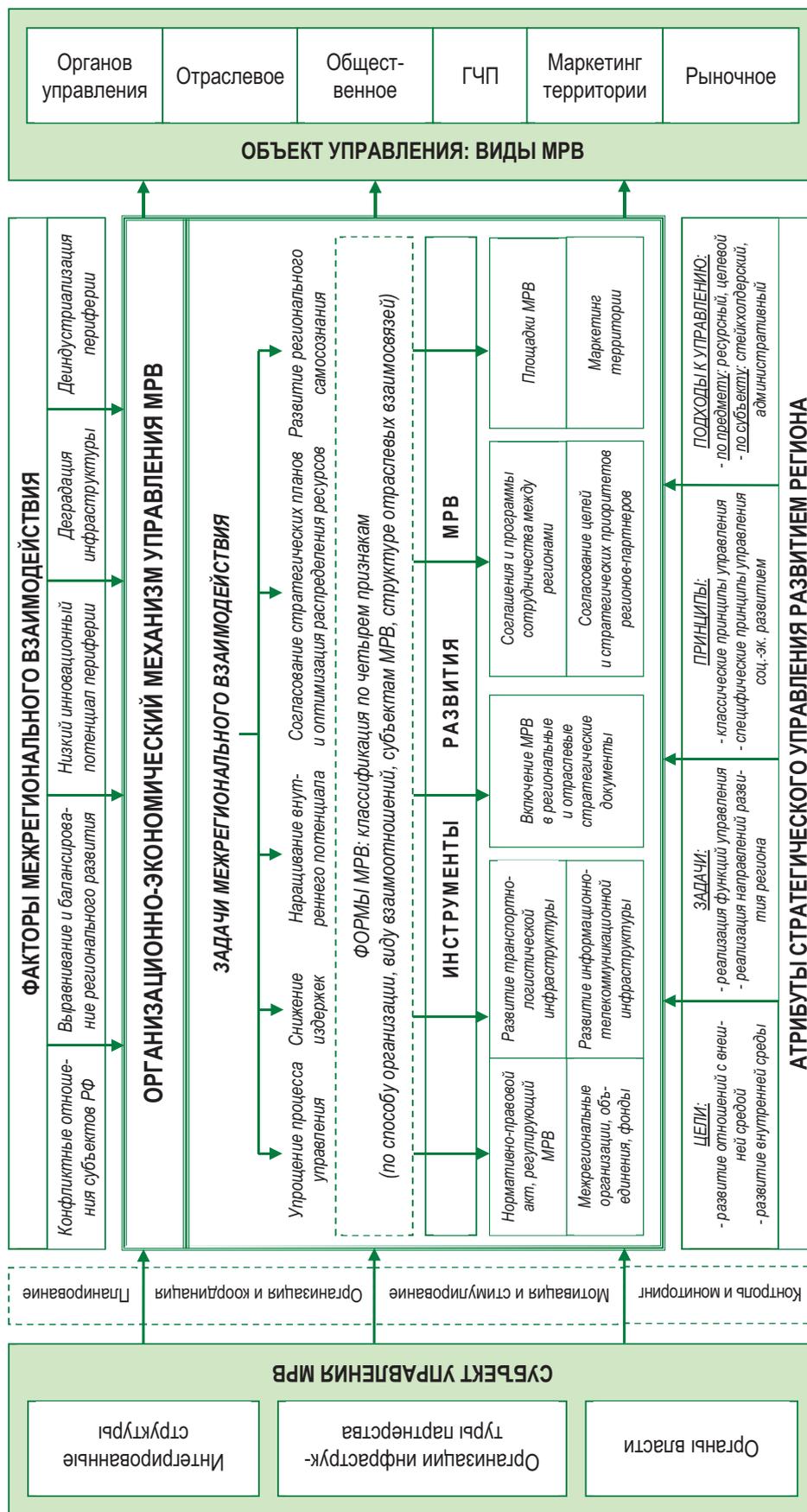

Рис. 1. Модель организационно-экономического механизма управления межрегиональным взаимодействием на уровне макрорегиона

– интегрированные структуры государственно-частного партнерства (технологические платформы, межрегиональные финансово-промышленные группы, промышленные (отраслевые) кластеры), целями деятельности которых является повышение эффективности коммуникаций, развитие инноваций, повышение конкурентоспособности [19].

Объектом управления в рамках разработанного организационно-экономического меха-

низма являются виды межрегионального взаимодействия, сущность и критерии оценки которых представлены в *таблице 1*.

В результате анализа стратегий социально-экономического развития субъектов СЗФО (*приложение*) выявлено, что большая часть регионов используют отраслевое взаимодействие и маркетинг территории (*табл. 2*); взаимодействие органов управления отражается в межрегиональных соглашениях о сотрудничестве.

Таблица 1. Сущность и критерии оценки видов межрегионального взаимодействия [20]

Вид МРВ	Сущность	Критерии оценки
<i>Органов управления</i>	Взаимодействие на основе договорных отношений органов государственной власти регионов по решению общих проблем и развитию инфраструктуры	Количество соглашений и программ сотрудничества между органами государственной власти регионов
<i>Отраслевое</i>	Взаимодействие бизнес-структур регионов по решению общих проблем, созданию производственно-технологических цепочек, кластеров, объединений	Количество соглашений о сотрудничестве, созданных интегрированных структур и стратегических партнерств
<i>Общественное</i>	Взаимодействие организаций бюджетной сферы (образовательных, научных, правоохранительных, культурных и иных учреждений) и НКО в сфере формирования сетевых структур, реализации общих проектов, обмена опытом	Количество заключенных соглашений о сотрудничестве между бюджетными организациями и/или НКО, договоров о реализации отдельных функций гос. управления
<i>Государственно-частное партнерство</i>	Взаимодействие органов государственной власти региона 1 и бизнес-структур региона 2 по созданию благоприятных условий хозяйствования и инвестирования	Количество заключенных соглашений о ГЧП, инвестиционных соглашений между органами власти и бизнес-структурами, отраслевыми соглашениями
<i>Маркетинг территории</i>	Информационное воздействие, направленное на население региона 1, осуществляемое по инициативе органов государственной власти региона 2, по формированию позитивного имиджа региона 2 в регионе 1	Количество информационных сообщений, транслируемых в регионе 1, инициированных органами власти или гос. учреждениями региона 2
<i>Рыночное</i>	Формальное и неформальное взаимодействие бизнес-структур региона 1 и населения и госсектора региона 2 на рынках товаров и услуг, рынке рабочей силы	Межрегиональные потоки товаров и услуг, корреляция изменения ВРП взаимодействующих регионов

Источник: разработано автором.

Таблица 2. Виды МРВ в стратегиях социально-экономического развития субъектов СЗФО

Регион	Вид МРВ					
	Отраслевое	Общественное	ГЧП	Маркетинг территории	Рыночное	Итого
Новгородская обл.	+	-	+	-	-	2
Ленинградская обл.	+	-	-	+	-	2
Вологодская обл.	-	+	-	+	+	3
Псковская обл.	+	-	-	+	-	2
Республика Карелия	-	-	-	-	+	1
Республика Коми	+	+	+	+	+	5
Ненецкий АО	+	+	-	+	+	4
Мурманская обл.	-	-	-	+	-	1
Архангельская обл.	+	-	-	-	-	1
Итого:	6	3	2	6	4	

Источник: разработано автором в результате анализа стратегий социально-экономического развития субъектов Северо-Западного федерального округа (*приложение*).

На процесс управления межрегиональным взаимодействием непосредственно влияют **факторы внешней и внутренней среды регионального развития**.

Ослабление межрегионального взаимодействия субъектов СЗФО после распада СССР обусловлено следующими основными факторами (внутренней среды):

1. *Разрыв связей между предприятиями по поставкам сырья, материалов, готовой продукции, действовавших в плановой экономике, управлявшейся совнархозами.* Так, например, в 50-е годы XX века многие псковские предприятия создавались как филиалы ленинградских предприятий, при этом центр оставлял за собой функции разработки продукции. До перестройки наблюдались сильные экономические связи Ленинградской области с Новгородом, Великими Луками, Псковом [4, с. 125].

2. *Деградация транспортной инфраструктуры.* Лучисто-радиальное строение дорожно-транспортной инфраструктуры РФ с центром в Москве ослабляет возможности взаимодействия периферийных регионов между собой. Например, в настоящее время транзитом через территорию Псковской области проходит всего 5% российского импорта и 10% российского экспорта.

3. *Внешнеэкономическая ориентация экономик округа.* Северо-Западный федеральный округ – крупнейший внешнеэкономический оператор РФ: 93% инвестиционных проектов СЗФО до 2030 года связано с реализацией внешнеэкономической функции [4, с. 127].

4. *Деиндустриализация,* которая проявляется в деградации промышленного потенциала, сокращении производства, замещении промышленных площадок торговыми, офисными площадками и «пятнами» под жилую застройку, деградации инновационного потенциала в периферийных районах.

К факторам **внешней среды**, влияющим на развитие межрегионального взаимодействия субъектов РФ на федеральном уровне, мы отнесли: выравнивание и балансирование регионального развития, усиление экономической дифференциации регионов, ориентацию на импортозамещение, ограничение внешнеэкономической деятельности, отсутствие основополагающего нормативно-правового акта в сфере межрегионального взаимодействия.

Активизация межрегионального взаимодействия субъектов РФ возможна только в случае признания его роли и использования в стратегическом управлении развитием региона. Исследование **атрибутов стратегического управления развитием регионов СЗФО** (цели и задачи социально-экономического развития, принципы и подходы к управлению), представленных в их программных документах (приложение), показало, что цели социально-экономического развития более ориентированы на развитие внутренней среды, чем на развитие отношений с внешней средой; подавляющее большинство регионов ставят задачи экономического, социального развития и развития человеческого капитала, менее половины – задачи интеграции и развития взаимодействия; принципы партнерства и упорядочивания отношений субъектов управления и субъектов влияния регионами не называются; регионы предпочитают административный и целевой подходы к управлению в связи с низким уровнем социальной ответственности бизнеса и недостаточными компетенциями органов власти в области стратегического управления. Таким образом, выявлено, что значительные возможности развития сотрудничества субъектов СЗФО, указанные в Стратегии² развития округа 2020, учтены в недостаточной мере в стратегическом управлении регионами округа.

Ниже приведены некоторые примеры несовпадения видения потенциальных партнеров в стратегических документах субъектов СЗФО:

1. Приоритетными партнерами Вологодской области названы: Архангельская и Ленинградская области, республики Карелия и Коми. Однако Архангельская область и Республика Коми не рассматривают в качестве стратегического партнера Вологодскую область.

2. Новгородская область в качестве основных партнеров рассматривает Псковскую, Ленинградскую и Вологодскую области. Перечисленные регионы не рассматривают Новгородскую область в качестве партнера.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года». Режим доступа: <http://www.n-west.ru/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-szfo-2020/>

3. Ленинградская область и Республика Карелия приоритетным видом МРВ выбирают рыночное (поставки продукции в Москву и Санкт-Петербург).

Что касается причин выявленных противоречий, основную причину мы видим в недостаточной согласованности целей и задач социально-экономического развития субъектов федерации на уровне макрорегиона. Так, единственной стратегической целью Стратегии³ социально-экономического развития СЗФО 2020, требующей консолидации усилий регионов округа, является освоение континентального шельфа в Арктической зоне России. В региональных стратегиях социально-экономического развития СЗФО не предусматривается межрегиональное взаимодействие для реализации общих потребностей.

Примерами общих потребностей для субъектов СЗФО могут быть: потребности в крупных объектах инфраструктуры развития экономики (территориальные коридоры, логистические центры, информационные базы и другие объекты, способствующие движению сырья, товаров, информации и населения) и социальной сферы (крупные объекты коллективного пользования в сфере здравоохранения, образования, культуры и т.д.); проекты, связанные с созданием межрегиональных научно-производственных инновационных кластеров; проекты по освоению богатств Арктической зоны

России; развитие Северного морского пути как транснациональной транспортной коммуникации.

Ядро организационно-экономического механизма управления МРВ составляют формы, задачи и инструменты развития такого взаимодействия.

Предложенная классификация **форм МРВ** (табл. 3) может применяться при планировании развития региона как социально-экономической системы.

С использованием введенного нами признака классификации «по структуре отраслевых взаимосвязей» возможна оценка интенсивности межрегионального взаимодействия субъектов РФ путем сопоставления форм его реализации и отраслевых приоритетов развития. Оценка структуры отраслевых взаимосвязей субъектов СЗФО показала, что для регионов округа целесообразно сотрудничество в различных отраслях (индустрия туризма, лесопромышленный и агропромышленный комплексы, машиностроение и электроэнергетика) между несколькими регионами (за исключением Республики Коми и Ненецкого АО), что объясняется схожестью их стратегических приоритетов.

В *таблице 4* представлена систематизация инструментов развития межрегионального взаимодействия по задачам такого взаимодействия и по уровням государственного управления. На

Таблица 3. Классификация форм межрегионального взаимодействия

Признак	Формы межрегионального взаимодействия
1. По способу организации МРВ [7, с. 4], [21, с.38-39]	1.1. Формальная интеграция (естественно-сложившаяся; искусственно-организованная) 1.2. Неформальные взаимодействия
2. По виду взаимоотношений [2, с. 85]	2.1. Конкурентные (автаркия) 2.2. Кооперационные (сотрудничество; интеграция) 2.3. Конфликтные (сепаратизм)
3. По субъектам МРВ [17]	3.1. Международные и трансграничные 3.2. Макроуровневые (регионы) 3.3. Мезоуровневые (хозяйствующие субъекты) 3.4. Микроуровневые (индивиды)
4. По структуре отраслевых взаимосвязей	4.1. Сотрудничество в рамках 1 отрасли между 2 регионами 4.2. Сотрудничество в различных отраслях между 2 регионами 4.3. Сотрудничество в рамках 1 отрасли между несколькими регионами 4.4. Сотрудничество в различных отраслях между несколькими регионами
Источник: разработано автором на основе обобщения существующих подходов.	

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года». Режим доступа: <http://www.n-west.ru/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-szfo-2020/>

Таблица 4. Систематизация инструментов развития межрегионального взаимодействия по задачам МРВ и уровню управления

Задача МРВ	Уровень	
	Федеральный	Субфедеральный
Упрощение процесса управления	Межрегиональные кластеры	Нормативно-правовой акт, регулирующий отдельные аспекты МРВ
	Сети взаимодействия (сетевые университеты, исследовательские группы и т.п.)	Межрегиональные организации, объединения, фонды
Снижение издержек	Развитие рыночной инфраструктуры	Развитие транспортно-логистической инфраструктуры
		Развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры
Наращивание внутреннего потенциала	Статистическое обеспечение и мониторинг МРВ	Включение МРВ в региональные и отраслевые программные и стратегические документы
Согласование стратегических планов и оптимизация распределения ресурсов	Стратегия МРВ	Соглашения и программы сотрудничества между регионами
		Согласование целей и стратегических приоритетов регионов-партнеров
Развитие регионального самосознания	Реализация межрегиональных проектов	Площадки развития МРВ
		Маркетинг территории
Источник: разработано автором на основе обобщения подходов авторов: [7, 8, 16, 21, 22].		

федеральном уровне управления мы считаем целесообразным создание межрегиональных кластеров, поддержку сетевых структур, развитие межрегиональной инфраструктуры; на субфедеральном – согласование целей и стратегических приоритетов регионов и площадки развития МРВ.

Реализация **функции контроля** в рамках организационно-экономического механизма управления межрегиональным взаимодействием обеспечивается путем оценки отдельных видов межрегионального взаимодействия и степени реализации задач управления таким взаимодействием.

Обобщение результатов российских и зарубежных исследований показало, что **подходы к оценке МРВ** включают в себя: комплексный анализ интенсивности сотрудничества регионов, оценку отдельных форм МРВ, а также эффективности функционирования межрегиональных кластеров (рис. 2). Комплексные подходы к анализу интенсивности сотрудничества регионов в нашей стране разработаны и апробированы для приграничных регионов с внешнеэкономической ориентацией [23, 24]. Оценка межрегионального взаимодействия внутри страны на практике осуществляется либо через анализ практики реализации его отдельных форм (например, межрегиональные потоки товаров и услуг) [25], либо через оценку эффективности функционирования кластеров [26, 27, 28].

В рамках исследования разработан комплексный подход к оценке МРВ путем изучения практики реализации отдельных видов сотрудничества субъектов РФ (табл. 5).

На первом этапе оценивают сильные и слабые стороны социально-экономического развития региона с использованием статистических показателей. Далее проводится факторный анализ условий МРВ с целью определения угроз и возможностей внешней среды. В результате SWOT-анализа выявляются приоритетные виды МРВ и стратегические партнеры. На четвертом этапе оценивается практика реализации отдельных видов сотрудничества регионов. В заключение разрабатываются рекомендации по использованию кумулятивного эффекта межрегионального взаимодействия в социально-экономическом развитии региона. Разработанная методика **апробирована** на примере взаимодействия Псковской области с регионами СЗФО. В результате апробации определены стратегические партнеры и приоритетные виды МРВ: развитие межрегионального рыночного взаимодействия с Вологодской областью и Республикой Карелия; создание производственных и инновационных систем, кластеров с Ленинградской и Новгородской областями; развитие межрегионального отраслевого взаимодействия: с Новгородской областью в туризме и лесопромышленном кластере; с Вологодской областью в сфере строительства; с

Рис. 2. Систематизация подходов к оценке МРВ

Таблица 5. Методика оценки межрегионального взаимодействия субъектов РФ

Этап	Описание этапа	Методы	Данные
1. Анализ внутренней среды	Оценка условий социально-экономического развития региона (цели и задачи развития, принципы и подходы к управлению)	Аналитический (анализ уровня достижения стратегических целей)	Данные Федеральной службы государственной статистики
2. Анализ внешней среды	Анализ влияния фактора МРВ на развитие региональной экономики по направлениям социально-экономического развития	Факторный анализ, метод экспертных оценок	Данные экспертного опроса
3. SWOT-анализ	Выявление приоритетных видов МРВ и стратегических партнеров	Метод экспертных оценок	Результаты этапов 1, 2
4. Оценка выявленных приоритетных видов МРВ	Оценка видов межрегионального взаимодействия по определенным критериям	Аналитический метод (оценка показателей)	Нормативно-правовая и договорная база, статистические данные
5. Разработка рекомендаций по активизации использования фактора МРВ в развитии региона как социально-экономической системы	Разработка рекомендаций: - по развитию приоритетных видов МРВ; - по развитию стратегических партнерств с другими регионами; - по повышению эффективности использования инструментов МРВ	Метод экспертных оценок	Результаты этапов анализа и оценки

Источник: разработано автором.

Ленинградской и Архангельской областями в транспортно-логистическом комплексе; с Ленинградской, Новгородской и Архангельской областями в сфере машиностроения; с Ленинградской и Новгородской областями в электротехнической промышленности.

Применение разработанной методики для оценки межрегионального взаимодействия других субъектов РФ возможно в случае совершенствования информационного обеспечения МРВ, а также методического обеспечения оценки его отдельных видов.

Полемика по поводу результатов исследования. Актуальность применения предложенного организационно-экономического

механизма управления межрегиональным взаимодействием в СЗФО определяется следующими факторами:

- подавляющее большинство межрегиональных взаимодействий в СЗФО происходят между центром (г. Санкт-Петербург) и периферией; в связи с этим актуальной является проблема активизации взаимодействий периферийных регионов между собой;

- периферийные регионы СЗФО имеют небольшой в сравнении со среднероссийским масштаб территориальной системы; по показателям масштаба экономики из всех регионов целевой группы лидируют Ленинградская область и Республика Коми (табл. 6);

– все регионы СЗФО, за исключением Ленинградской области, отличаются низкой (по сравнению со среднероссийским уровнем) численностью занятых в экономике, что обусловлено низкой общей численностью населения таких регионов (табл. 6);

– по показателям эффективности экономики превышают среднероссийские значения 4 региона целевой группы: Республика Коми, Новгородская, Ленинградская и Мурманская области; данные показатели объясняются, на наш взгляд, небольшой численностью занятых в экономике (за исключением Ленинградской области) (табл. 7);

– по доле прибыльных предприятий ни один из регионов целевой группы не превысил среднероссийское значение, что подтверждает тезис о влиянии численности занятых в экономике на общие показатели её эффективности;

– несмотря на достаточно низкий уровень безработицы, регионы целевой группы имеют показатели социальной сферы ниже среднероссийских (включая отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного объема товаров и услуг и ожидаемую продолжительность жизни при рождении) (табл. 8).

Таблица 6. Показатели масштаба экономики периферийных регионов СЗФО в 2015 г. (сопоставление со среднероссийским уровнем), %

Регион	Объем производства товаров и услуг	Объем доходов консолидированного бюджета	Численность занятых в экономике
Новгородская область	0,0005	3,7250	0,4304
Вологодская область	0,0010	7,2259	0,7869
Республика Коми	0,0010	8,3908	0,6132
Архангельская область	0,0005	9,7586	0,7575
Ленинградская область	0,0018	16,4916	1,2682
Псковская область	0,0002	3,3404	0,4307
Мурманская область	0,0006	8,2838	0,5802
Республика Карелия	0,0003	4,3311	0,4129
Ненецкий АО	0,0003	2,2987	0,0291

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/> и ООО «Рейтинговое агентство РИА Рейтинг» http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf

Таблица 7. Показатели эффективности экономики периферийных регионов СЗФО в 2015 г. (сопоставление со среднероссийским уровнем), %

Регион	Объем производства товаров и услуг на 1 жителя	Инвестиции в основной капитал на 1 жителя	Доля прибыльных предприятий
Новгородская область	120,66	119,30	91,52
Вологодская область	124,34	71,36	93,74
Республика Коми	169,40	204,64	92,63
Архангельская область	62,76	44,60	89,71
Ленинградская область	151,74	113,02	99,03
Псковская область	52,35	41,17	89,71
Мурманская область	120,78	132,98	84,84
Республика Карелия	66,34	51,59	79,55
Ненецкий АО	1072,38	2610,48	86,51

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/> и ООО «Рейтинговое агентство РИА Рейтинг» http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf

Таблица 8. Показатели социальной сферы периферийных регионов СЗФО в 2015 г. (сопоставление со среднероссийским уровнем), %

Регион	Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг	Уровень безработицы	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
Новгородская область	93,97	82,14	95,25
Вологодская область	84,05	121,43	98,05
Республика Коми	100,00	125,00	96,65
Архангельская область	92,24	121,43	98,05
Ленинградская область	77,16	91,07	98,05
Псковская область	70,26	123,21	95,25
Мурманская область	97,85	139,29	98,05
Республика Карелия	79,74	157,14	96,65
Ненецкий АО	165,95	141,07	99,45

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/> и ООО «Рейтинговое агентство РИА Рейтинг» http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf

Современные реалии социально-экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа связаны с вынужденной сменой привычных приоритетов развития, основанных на внешнеэкономической открытости, и поиском новых драйверов роста. Одним из способов активизации регионального развития является интенсификация межрегионального взаимодействия как с целью совместного использования ресурсов, так и с целью расширения рынков сбыта. Существующая модель взаимоотношений центра и периферии определяет конкуренцию региональных властей за получение ресурсов федерального центра. Кроме того, регионы оказываются конкурентами и на зарубежном рынке, стремясь привлечь ресурсы иностранных инвесторов. В итоге потенциальный синергетический эффект межрегионального взаимодействия, как ресурсный, так и системный, не используется регионами в качестве драйвера роста и развития.

Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов субъектов Российской Федерации позволяет укрепить их хозяйственные связи, оптимизировать размещение инфраструктуры на основе кооперации их деятельности, исключить неэффективные финансовые расходы, связанные с созданием в регионах дублирующих экономических структур и неоправданной межрегиональной конкуренцией, объединить экономический потенциал субъектов федерации для

решения наиболее масштабных инвестиционных проектов, распространить прогрессивный опыт в области инновационного развития регионов.

Проводимые научные исследования характеризуются отсутствием единой точки зрения в отношении выбора наилучшей модели межрегионального взаимодействия. При этом общий вывод, который можно сделать на основе обобщения имеющихся публикаций по данной научной проблеме, состоит в необходимости перехода от региональных стратегий конкуренции за ресурсы к стратегиям взаимовыгодного сотрудничества субъектов РФ. В связи с этим можно констатировать, что совершенствование научно-методических положений межрегионального взаимодействия как ключевого фактора развития региональных социально-экономических систем является актуальной народнохозяйственной проблемой как в теоретическом, так и в прикладном плане. В результате настоящего исследования усовершенствованы научно-методические положения межрегионального взаимодействия, включая организационно-экономический механизм управления и методику оценки, использование которых в управлении развитием региональных социально-экономических систем позволит использовать кумулятивный эффект от межрегионального взаимодействия субъектов РФ в качестве акселератора развития региональной экономики.

Приложение

Стратегические документы социально-экономического развития
регионов Северо-Западного федерального округа

Регион	Документ	Путь доступа
1. Новгородская область	Закон Новгородской области № 100-ОЗ от 09.07.2012 «О Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2030 года (с изменениями на 04.05.2016)»	http://docs.cntd.ru/document/439047200
2. Вологодская область	Постановление Правительства Вологодской области № 739 от 28.06.2010 «О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года (с изменениями на 14.12.2015)»	http://docs.cntd.ru/document/424083385
3. Республика Коми	Постановление Правительства Республики Коми № 88 от 22.03.2013 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Коми от 27 марта 2006 г. № 45 „О Стратегии экономического и социального развития республики Коми на период до 2020 года”»	http://docs.cntd.ru/document/430606073
4. Архангельская область	Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года (проект)	http://sp.lifftothefuture.ru/uploads/priority/files/b03dde66987b741e5048fd583b7505ce1c1d5ef6.pdf
5. Ленинградская область	Закон Ленинградской области № 76-оз от 08.08.2016 «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и признании утратившим силу областного закона „О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года”»	http://docs.cntd.ru/document/456011417
6. Псковская область	Распоряжение Администрации Псковской области № 193-р от 16.07.2010 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2020 года (с изменениями на 24 декабря 2012 года)»	http://docs.cntd.ru/document/924021554
7. Мурманская область	Постановление Правительства Мурманской области № 768-ПП/20 от 25.12.2013 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года»	http://docs.cntd.ru/document/465602093
8. Республика Карелия	Распоряжение Правительства Республики Карелия № 129р-П от 10.04.2007 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года»	http://docs.cntd.ru/document/919323898
9. Ненецкий АО	Постановление Собрания депутатов Ненецкого автономного округа №134-сд от 22.06.2010 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа на перспективу до 2030 года»	http://docs.cntd.ru/document/441760904

Литература

1. Бабкин А.В., Бухвальд Е.М. Проблемы стратегического планирования в региональном и муниципальном звене управления Российской Федерации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2015. № 4 (223). С. 25–37. DOI: 10.5862/JE/223/2
2. Дугаржапов З.Б. Институциональные особенности как фактор социально-экономических различий регионов // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 85–89.
3. Дохолян С.В., Садыкова А.М., Дохолян А.С. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона как социо-экономико-экологической системы // Апробация. 2015. № 5 (32). С. 60–66.
4. Кузнецов С.В. Национальные приоритеты в стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 123–133.
5. Жаров В.С. Проблемы формирования системы стратегического управления инновационным промышленным развитием экономики регионов севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т. 4. № 41. С. 99а–100.

6. Porter M. Clusters and the new economics of competition. *Harvard business review*, 1998, vol. 76, № 6, pp. 77–90.
7. Лукин Е.В. Межрегиональное взаимодействие в системе экономического развития регионов: теоретические и практические подходы // Вопросы территориального развития. 2013. № 5 (5). С. 1.
8. Ивановский Л.В. Актуализация стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа: взгляд с позиций методологии систем // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 133-146.
9. Беломестнов В.Г. Актуальные проблемы современной экономики. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. 272 с.
10. Fritsch M. Does R&D-cooperation behavior differ between regions? *Industry and Innovation*, 2003, vol. 10, № 1, pp. 25–39.
11. Grotz, R., Braun, B. Territorial or Trans-Territorial Networking: Spatial Aspects of Technology-Oriented Cooperation within the German Mechanical Engineering Industry. *Regional Studies*, 1997, № 31, pp. 545–557.
12. Torre A., Rallet A. Proximity and Localization. *Regional Studies*, 2005, vol. 39.1, pp. 47–59.
13. Rozman G. *Northeast Asia's stunted regionalism – bilateral distrust in the shadow of globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
14. Ускова Т.В., Лукин Е.В. О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). С. 60–81.
15. Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Лачининский С.С. Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 25–38. DOI: 10.17059/2015-3-3
16. Абдулманапов С.Г. Межрегиональная экономическая интеграция: мировой опыт и перспективы развития на Северном Кавказе // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2012. № 47. С. 127–132.
17. Серебрякова С.В. Макрорегион: социологический анализ моделей взаимодействия субъектов РФ (на примере Приволжского федерального округа) // Вестник Башкирского университета. 2009. № 1 (14). С. 256–260.
18. Reiterer M. Interregionalism as a new diplomatic tool: the EU and East Asia. *EFAR*, 2006, № 11, pp. 223–242.
19. Теория и практика модернизации промышленного комплекса региона / М.А. Николаев, Д.П. Малышев, О.А. Бакуменко А.С. Костинбой; Псковский государственный университет. Псков:, 2016. 216 с.
20. Бакуменко О.А. Проблемы и перспективы межрегионального взаимодействия периферийных регионов Северо-Западного федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 3. С. 459-470. DOI: 10.24891/re.15.3.459
21. Полякова А.Г., Симарова И.С. Концептуальная модель управления развитием региона с учетом уровня пространственной связанности // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 32–42.
22. Туркина О.В. Регион как объект управления // Управленческое консультирование. 2014. № 7 (67). С. 98–103.
23. Жук Н.П. Фактор приграничного сотрудничества в социально-экономической политике приграничных субъектов СЗФО РФ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 6. № 1. С. 187-198.
24. Межевич Н.М., Жук Н.П. Методика оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов и результаты пилотной оценки // Балтийский регион. 2013. № 1. С. 38–52.
25. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное сотрудничество: оценка и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5 (146). С. 119-131.
26. Николаев М.А. Оценка инвестиционных проектов // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 4 (169). С. 8–14.
27. Eraydin A., Armatli-Koroğlu B. Innovation, networking and the new industrial clusters: the characteristics of networks and local innovation capabilities in the Turkish industrial clusters. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2005, № 17, pp. 237–266.
28. Titze M., Brachert M., Kubis A. The Identification of Regional Industrial Clusters Using Qualitative Input–Output Analysis (QIOA). *Regional Studies*, 2001, vol. 45.1, pp. 89–102.

Сведения об авторе

Ольга Аркадьевна Бакуменко – к.э.н., старший преподаватель, Псковский государственный университет (180000, Российская Федерация, г. Псков, пл. Ленина, д. 2; e-mail: o.bakumenko@yandex.ru)

Bakumenko O.A.

The Organizational and Economic Mechanism of Managing Inter-Regional Interaction between Russia's Constituent Entities (Case Study of the Northwestern Federal District)

Abstract. According to some researchers, in recent years there has been an upward trend in predominant stagnating regions in Russia. The reasons for this include low innovation activity of the periphery, deindustrialization, predominant extractive industries, capital exports, growing social and property stratification and other equally important reasons. The current economic and political crisis in our country is both a threat, an opportunity and an impetus to restructuring the regional economy. In these conditions it becomes extremely necessary to search for new growth points in the regional economy, support for the most promising industries, and efficient resource allocation. Inter-regional cooperation is the most important area of the regional policy, ensuring progressive balanced socio-economic development of regions based on establishing long-term, equal and mutually beneficial relations between them. The importance of inter-regional cooperation for the development of modern Russia's constituent entities is determined by the fact that it strengthens economic ties between them, optimizes the location of infrastructure facilities based on cooperation of their activities, eliminates inefficient financial costs associated with the creation of duplicate economic structures in Russia's constituent entities and unjustified inter-regional competition, combines the regions' economic potential for implementing the most large-scale investment projects, spreads innovative experience in innovation development. The implementation of these measures is complicated by lack of sound socio-economic regional public policy. In this regard, problems such as systematization of best domestic and foreign practices in interregional cooperation, research and generalization of theoretical concepts presented in domestic and foreign publications, and development of an organizational and economic mechanism of managing inter-regional cooperation and methodological aspects for evaluating the efficiency of this process become relevant. The developed proposals can be used by public administration entities to improve the efficiency of applying the inter-regional cooperation factor as a driver of regional economic growth in the development of legal, strategic and program-planning documents at the regional level.

Key words: inter-regional cooperation, regional development factors, types of inter-regional interaction, forms of inter-regional cooperation, organizational and economic mechanism, inter-regional cooperation efficiency.

Information about the Author

Ol'ga A. Bakumenko – Candidate of Sciences (Economics), Senior Lecturer, Pskov State University (2, Lenin Square, Pskov, 180000, Russian Federation; e-mail: o.bakumenko@yandex.ru)

Статья поступила 09.06.2018.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9

УДК 332.1, ББК 65.04

© Козлова О.А., Макарова М.Н.

Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории*

**Ольга Анатольевна
КОЗЛОВА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: Olga137@mail.ru

**Мария Никитична
МАКАРОВА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: Maria_makarova87@mail.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в обосновании путей развития института межмуниципального сотрудничества в контексте стратегического планирования на местном уровне. Муниципальные образования в своем большинстве не обладают необходимыми ресурсами для разработки и реализации планов и программ социально-экономического развития, направленных на комплексное решение всех вопросов местного значения. В то же время анализ проектов стратегического социально-экономического развития некоторых муниципальных образований Свердловской области показал отсутствие заинтересованности территорий в интеграции ресурсов для реализации проектов развития, позволяющих решать общие проблемы на взаимовы-

* Публикация подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН, тема № 0404-2018-0012 в ИСГЗ ФАНО.

Для цитирования: Козлова О.А., Макарова М.Н. Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9

For citation: Kozlova O.A., Makarova M.N. Inter-municipal cooperation as an institution of strategic development of territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9

годных условиях. Настоящее исследование обусловлено необходимостью поиска механизмов повышения эффективности стратегий социально-экономического развития муниципальных образований в условиях ограниченности имеющихся ресурсов. Предложена методическая основа многокомпонентного анализа факторов стратегического развития на базе секторального и территориального взаимодействия муниципальных образований. Оценка потенциала межмуниципального сотрудничества проводится на примере конкретного муниципального образования Свердловской области на основе учета стратегических проектов соседних территорий не только внутриобластного подчинения, но и территорий, административно подчиненных другим субъектам РФ. Показаны проблемы и возможности интегративного взаимодействия муниципальных образований в контексте стратегирования социально-экономического развития. Результаты, представленные в статье, обеспечивают системную основу теоретических и эмпирических исследований факторов социально-экономического развития муниципальных образований. По результатам исследования сделаны выводы о том, что современный уровень социально-экономического развития определяет необходимость межмуниципального сотрудничества по таким приоритетным направлениям, как территориальное и стратегическое планирование, реализация совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Ключевые слова: межмуниципальное сотрудничество, территориальное развитие, стратегическое планирование, качество жизни населения.

Введение

Сравнительно низкие темпы и негативные тренды в социально-экономическом развитии отдельных муниципальных образований зачастую связаны с ограниченностью ресурсов различного рода, отсутствующих на этих территориях и представленных на других. Одним из решений данной проблемы может стать совместное использование ресурсов несколькими муниципалитетами на договорной основе и учет данного вида взаимодействия при разработке стратегии социально-экономического развития территории.

Несмотря на наличие большого объема литературы по вопросам сотрудничества между муниципальными образованиями, разработка стратегий социально-экономического развития, в которых были бы намечены совместные решения социальных, экономических, экологических проблем развития муниципальных образований на основе добровольного межмуниципального сотрудничества, в российской практике реализуется довольно слабо. Таким образом, цель настоящей статьи состоит в обосновании путей развития института межмуниципального сотрудничества в контексте стратегического планирования на местном уровне.

Теория и методология

Под стратегическим планированием в применении к муниципальным образованиям понимается процесс, с помощью которого мест-

ные сообщества «формируют картину своего будущего и определяют этапы его достижения, исходя из местных ресурсов» [1].

В то же время сама по себе стратегия не гарантирует достижения цели, если не задействованы эффективные механизмы ее реализации. При разработке стратегии развития муниципального образования требуется учитывать множество факторов, в том числе интересы населения, бизнеса, а также действующие или еще формирующиеся взаимосвязи: вертикальные – с региональными, федеральными органами управления, а также горизонтальные – с близлежащими муниципальными образованиями [2]. Таким образом, в целях избегания территориальных разногласий стратегические задачи развития муниципального образования необходимо рассматривать в их соотношении с другими муниципальными планами. Кроме того, многочисленные проблемы повседневной жизни муниципальных образований, в силу возложенных на местные органы власти функций, не могут эффективно решаться в условиях ресурсного дефицита, что объективно свидетельствует о необходимости развития различных видов территориальных взаимодействий. В этом плане межмуниципальное сотрудничество как институт территориального взаимодействия предполагает выстраивание тесной связи пространственной организации и

социально-экономического развития муниципальных образований. В связи с этим важным моментом в разработке стратегии социально-экономического развития, на наш взгляд, становятся анализ и учет двух его аспектов (внутреннего и внешнего окружения; *рис. 1*).

Анализ внутреннего окружения связан с определением факторов формирования стратегических направлений социально-экономического развития территории, напрямую не затрагивающих интересы соседних муниципальных образований. На данном этапе разработки стратегии определяется эффективный тип развития на основе учета имеющихся на территории собственных природных, капитальных, трудовых и других ресурсов.

Анализ внешнего окружения связан с определением объективных факторов кооперации и нахождения форм взаимодействия с соседними территориями, что дает возможность совместного решения задач, представляющих обоюдный интерес и ведущих:

- к развитию всех сфер экономики, повышению качества жизни населения взаимодействующих территорий;
- предотвращению возможных негативных последствий, связанных с ресурсной ограниченностью муниципалитетов;

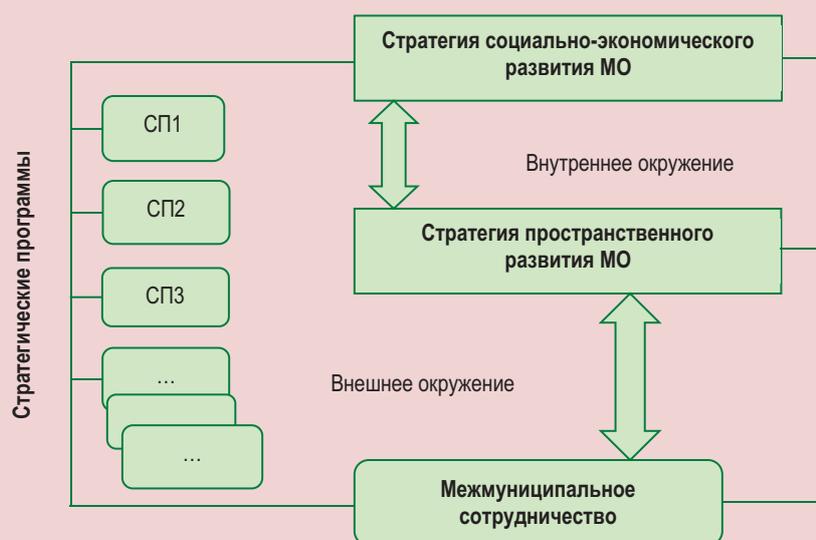
– расширению возможностей нахождения компенсирующих мер по различным направлениям реализации социально-экономической политики.

Многие проблемы повышения эффективности использования института межмуниципального сотрудничества анализируются с точки зрения степени разработанности документов стратегического территориально-пространственного планирования. Данный аспект исследований весьма актуален для отечественной практики территориального планирования, поскольку содержание плана во многом будет зависеть от вовлеченности муниципалитетов в межмуниципальное сотрудничество.

Право местных сообществ на сотрудничество зафиксировано в ст. 10 Европейской хартии местного самоуправления (ратифицирована в России Федеральным законом «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ).

Становление и развитие в России института межмуниципального сотрудничества определены в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ, в котором закреплены его базовые организационные формы (единое общероссийское

Рис. 1. Взаимосвязь межмуниципального сотрудничества со стратегиями развития муниципальных образований

объединение муниципальных образований, совет муниципальных образований субъекта РФ, межмуниципальные организации, некоммерческие организации муниципальных образований), а также установлен правовой статус форм межмуниципального взаимодействия, в том числе таких, как соглашения и договоры, заключение которых предполагается с целью объединения ресурсов для решения вопросов местного значения, что становится весьма актуальным в современных условиях.

Целевая направленность института межмуниципального сотрудничества в России состоит в повышении устойчивости развития территорий на основе решения местных проблем и снижения зависимости от внешних социально-экономических угроз. Среди сложившихся направлений сотрудничества как наиболее эффективные можно отметить передачу опыта муниципального управления; отстаивание интересов местных сообществ на региональном уровне; оптимизацию ресурсов местных сообществ для решения социально-экономических и экологических задач муниципалитетов [3].

В социально-экономическом плане механизмы межмуниципального сотрудничества позволяют получать более выраженный эффект за счет экономии ресурсов, который может достигаться в результате решения социально-экономических проблем сразу нескольких поселений. Однако некоторые российские и зарубежные авторы отмечают, что в процессе развития межмуниципального сотрудничества могут возникать определенные проблемы: повышение транзакционных издержек, неясность в вопросах компетенции и ответственности в решении конкретных проблем; в ряде случаев возможно ограничение свободы действий субъектов, задействованных в кооперации [4].

В территориальном плане межмуниципальное сотрудничество призвано стимулировать совместное решение задач социально-экономического развития на местах, повышение эффективности использования местных ресурсов, в частности земельных ресурсов [5], и оперативность принятия управленческих решений [6]. Появляется возможность более обоснованно отстаивать интересы территории на региональном и национальном уровне [7].

В плане региональных интересов межмуниципальное сотрудничество, с одной стороны, направлено на преодоление фрагментарности местного самоуправления и стимулирование совместного решения отдельных задач на договорных началах, а также развитие среднего, промежуточного звена местного управления, способного предоставлять необходимые услуги мелким территориальным единицам, особенно расположенным в сельской местности. С другой стороны, это инструмент регионального экономического развития и реализации политики федерального правительства на местах с помощью оказания соответствующей организационной и финансовой поддержки [8]. Ключевыми принципами организации межмуниципального сотрудничества являются сохранение самостоятельности муниципалитетов-членов сотрудничества, политическая и социально-экономическая целесообразность, а также добровольность участия (хотя и не всегда¹).

В.Л. Тамбовцев выделяет четыре типа муниципальных взаимодействий: (1) конкуренцию, (2) кооперацию (сотрудничество), (3) коопконкуренцию (совмещение конкуренции и кооперации), а также такую «предельную» форму взаимодействия, как (4) слияние (объединение) муниципалитетов [9]. Анализируя возможные формы муниципального взаимодействия, автор приходит к выводу, что наиболее перспективным направлением межмуниципального сотрудничества может стать коопконкуренция, где муниципалитеты, с одной стороны, тесно сотрудничают по предоставлению услуг местному населению на взаимовыгодных условиях, а с другой — могут конкурировать за гранты региональных и центральных правительств.

В России среди организационных форм межмуниципального сотрудничества преобладают договорные (обеспечение совместного оказания услуг населению и возможность передачи полномочий другому муниципалитету или межмуниципальному объединению) и ассоциативные (выполнение преимущественно представительских, координационных и совещательных функций). Координационным со-

¹ Так, например, в Италии все коммуны, расположенные в горных районах, должны входить в горные сообщества, границы которых устанавливаются властями региона [8].

ветом по содействию созданию региональных советов и единого общероссийского объединения муниципальных образований, образованным в 2005 г., были разработаны модельные документы (учредительный договор, устав) и рекомендации о методах, сроках и формах создания советов муниципальных образований. Таким образом, произошло институциональное оформление системы межмуниципального сотрудничества на государственном уровне [10].

В настоящее время в России действует ряд межмуниципальных ассоциаций, среди которых выделяются Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, Ассоциация муниципальных образований «Города Урала», Ассоциация городов Поволжья и др. Кроме того, в большинстве субъектов Российской Федерации созданы советы муниципальных образований. Казалось бы, развитие данных институтов показывает перспективность межмуниципального сотрудничества по таким направлениям, как территориальное и стратегическое планирование, реализация совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов, обустройство территории и пр., однако в целом их функционирование носит скорее информационно-разъяснительный, чем практический характер [7].

Вместе с тем реальное использование организационно-хозяйственных форм сотрудничества может позволить муниципалитетам реализовывать амбициозные инвестиционно-инфраструктурные проекты, направленные на реализацию стратегий социально-экономического развития кооперирующихся муниципальных образований.

Как отмечается в ряде исследований, развитию межмуниципального хозяйственного сотрудничества в форме хозяйственных обществ в России препятствуют противоречия между положениями законодательства о местном самоуправлении и нормами гражданского законодательства, а также недостаток специальной правовой регламентации форм такого сотрудничества [11; 12]. Кроме того, в качестве одной из причин, затрудняющих становление и развитие организационно-хозяйственных форм межмуниципального сотрудничества, отмечается отсутствие достаточных финансовых средств и опыта муниципальных служащих в данной сфере [9; 13].

В европейских странах институт межмуниципального сотрудничества активно развивается по двум основным направлениям. С одной стороны, развиваются горизонтальные связи (большинство европейских стран), с другой – выстраивается вертикаль сотрудничества между различными уровнями территориального управления (например, Испания, Австралия) [6]. Существуют примеры развития сетевых форм межмуниципального сотрудничества, вовлекающих не только местные власти, региональное и национальное правительство, но и различные общественные структуры. Широко распространена такая форма сотрудничества, как совместная администрация, интегрирующая действия отдельных муниципалитетов в новой организации, которой они совместно управляют [14].

В Германии актуальны публично-правовые и целевые соглашения [15]. Основная сфера их применения – эксплуатация общественных сооружений – объектов культуры, спорта, коммунального хозяйства. В Дании несколько небольших муниципалитетов могут заключать соглашения с одним крупным, что дает им возможность покупать у него необходимые услуги по более выгодной цене. Еще один вид межмуниципальной кооперации представлен в виде компаний (кооперативных обществ, товариществ, фирм с ограниченной ответственностью и пр.). Как и в Германии, кооперация особенно предпочтительна в сфере предоставления коммунальных услуг [16].

Результаты зарубежных исследований межмуниципального сотрудничества, его преимуществ и недостатков показывают, что использование данного института в практике муниципального управления имеет определенные ограничения, обусловленные, во-первых, действием административного ресурса, нежеланием управленческого персонала заниматься вопросами выстраивания отношений сотрудничества, а также отсутствием компетенций в данной сфере [9], во-вторых, областью его применения, характеризующейся, как правило, значительными финансовыми вложениями и попаданием в зону влияния нескольких муниципалитетов. В этом плане наибольшее развитие получили совместные компании, занимающиеся коммунальной и дорожной инфраструктурой, проекты, связанные с развити-

ем туризма, пространственного планирования территорий, а также реализация региональных проектов. Из преимуществ сотрудничества выделяются расширение возможностей получать финансирование от региона, экономия на затратах и совместное представительство муниципальных интересов в вышестоящих органах управления [17]. Наряду с достоинствами, отмечаются и недостатки, связанные с отсутствием эффективных механизмов координации финансирования совместных стратегических проектов, что сдерживается многими факторами (отсутствием достаточной законодательной базы, финансовых стимулов у представителей различных уровней власти, людских ресурсов, времени и идей и т.п.).

Одновременно уделяется значительное внимание поиску путей дальнейшего развития межмуниципального сотрудничества. Например, в некоторых публикациях отмечается, что, несмотря на имеющиеся разработки, касающиеся местной экологической политики и устойчивого развития на региональном уровне, существуют значительные проблемы в организации на добровольной основе межмуниципального сотрудничества по решению экологических вопросов [18]. В этой связи весьма актуальным представляется направление исследований по разработке концептуальных основ анализа факторов, определяющих организацию территориальных взаимодействий, прежде всего, через формирование ориентированных на человека институтов. Другие результаты исследований добровольного формирования межмуниципальных коалиций, проведенного в период с 1995 по 2002 г. по данным 1056 муниципалитетов французской Бретани, позволили авторам прийти к выводу, что принятие муниципалитетом решения о сотрудничестве в предоставлении местных общественных благ зависит от решений, принимаемых его соседями [19].

На наш взгляд, авторами был сделан весьма важный вывод о том, что вероятность развития сотрудничества с соседними муниципалитетами намного выше, если последние уже занимаются предоставлением каких-либо совместных общественных благ на местном уровне. Данный факт может свидетельствовать о том, что функциональное сотрудничество в боль-

шей степени вероятности возникнет из-за так называемой имитирующей мотивации и в то же время будет слабо мотивировано административным выравниванием социально-экономического положения муниципалитетов, т.е. данный вид взаимодействия должен не нагнетаться сверху, а инициироваться самими муниципалитетами.

Методический инструментарий

Для обоснования путей развития института межмуниципального сотрудничества в контексте стратегического планирования на местном уровне использованы тексты стратегий социально-экономического развития ряда муниципальных образований Свердловской области. Оценка потенциала межмуниципального сотрудничества проводится методами многокомпонентного анализа факторов стратегического развития с учетом секторального и территориального взаимодействия муниципальных образований. Для этого использованы методы компаративного анализа, контент-анализа документов социально-экономического развития, методика локализации социально-экономического пространства, а также элементы форсайт-прогнозирования. На примере ГО Красноуфимск Свердловской области обосновываются перспективы формирования института межмуниципального сотрудничества с учетом стратегических проектов соседних территорий не только внутриобластного подчинения, но и территорий, административно подчиненных другим субъектам РФ.

Результаты и обсуждение

В рамках проведения экспертной оценки проектов стратегий социально-экономического и пространственного развития двадцати муниципальных образований Свердловской области, в котором участвовали авторы данной статьи в феврале 2018 г., был выявлен ряд проблем по их разработке. В большинстве случаев проекты стратегических документов свидетельствуют о слабом представлении администрациями муниципальных образований цели и задач пространственного развития. Из 20 муниципальных образований только два (городские округа Красноуфимск и Малышевское) представили видение своего развития в условиях реализации в перспективе транспортных проектов, которые дадут возможность развития

этих территорий. Так, например, в разработке стратегии Красноуфимска учтена перспектива строительства высокоскоростной магистрали Екатеринбург–Казань, в условиях реализации которого планируется формирование социально-экономического пространства Красноуфимска как «транспортно-логистических ворот Свердловской области».

Во многих стратегиях цель не отражает сущности пространственного развития и повторяет цель социально-экономического развития муниципального образования. Но, самое важное, абсолютно все проекты стратегий не учитывают возможностей и угроз, связанных с перспективами развития соседних территорий, с которыми они имеют общий каркас расселения, отсутствует понимание необходимости анализировать нормативно-правовые документы территориального и отраслевого планирования, содержащие информацию о планах развития территорий, о проектах, планируемых к реализации как на уровне близлежащих муниципальных образований, так и на уровне области. Механизмы пространственного развития рас-

крыты формально и не отражают особенностей развития муниципальных образований. Во всех анализируемых проектах стратегий отсутствует такой институт развития, как межмуниципальное сотрудничество.

Для определения методической основы оценки перспектив развития муниципального образования, базирующегося на выстраивании отношений между соседними муниципальными образованиями, нами, в качестве примера, взят городской округ (ГО) Красноуфимск Свердловской области, как имеющий наиболее удачный проект стратегии пространственного развития.

Городской округ имеет общие административные границы не только с внутриобластными муниципальными образованиями, но и расположен в непосредственной близости от территорий других регионов (Пермский край и Республика Башкортостан).

Экономическое пространство ГО Красноуфимск состоит из муниципальных образований, расположенных в пределах возможной ежедневной маятниковой миграции. Их краткая характеристика приведена в *табл. 1*.

Таблица 1. Экономическое пространство городского округа Красноуфимск Свердловской области*

Название МО, центральный населенный пункт, регион	Расстояние до г. Красноуфимск, км	Численность населения МО в 2016 г., тыс. чел.	Отрасли специализации экономики МО
ГО Красноуфимск, г. Красноуфимск, Свердловская область	0	39,3	Социальная сфера, пищевая промышленность, транспорт, обрабатывающая промышленность
МО Красноуфимский округ, Натальинск, Свердловская область	20	26,0	Сельское хозяйство
Ачитский ГО, Ачит, Свердловская область	26	16,0	Сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, торговля
Октябрьский МР, Октябрьский, Пермский край	54	28,1	Строительство, сельское хозяйство
Артинский ГО, Арти, Свердловская область	59	27,9	Сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность
Суксунский МР, Суксун, Пермский край	78	19,6	Обрабатывающая промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство
Мечетлинский МР, Большеустьикинское, Республика Башкортостан	91	23,0	Сельское хозяйство, пищевая промышленность, энергетика
Бисертский ГО, Бисерть, Свердловская область	103	10,0	Сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность
Кунгурский МР, Пермский край	127	42,1	Сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, туризм
ГО г. Кунгур, Пермский край	127	66,2	Пищевая промышленность, производство гипсовых изделий, строительство, транспорт и связь

Окончание таблицы 1

Название МО, центральный населенный пункт, регион	Расстояние до г. Красноуфимск, км	Численность населения МО в 2016 г., тыс. чел.	Отрасли специализации экономики МО
Дуванский МР, Месягутово, Республика Башкортостан	140	30,9	Пищевая промышленность, сельское хозяйство, энергетика, добыча сырой нефти, лесная промышленность
Аскинский МР, Аскино, Республика Башкортостан	149	18,9	Энергетика, пищевая промышленность, строительство, сельское хозяйство
Нижнесергинский МР, Нижние Серьги, Свердловская область	149	40,5	Металлургическое производство, производство машин и оборудования
МО г. Екатеринбург, Свердловская область	202	1455,9	Промышленность; социальная сфера; административно-управленческая сфера; финансы; операции с недвижимостью; торговля, строительство, энергетика
г. Пермь, Пермский край	208	1048,0	Обрабатывающая промышленность, энергетика, транспорт и связь, операции с недвижимостью, строительство, торговля, IT, социальная сфера
г. Уфа, Республика Башкортостан	369	1126,1	Обрабатывающая промышленность, энергетика, транспорт, строительство
* ГО – городской округ, МР – муниципальный район.			

Принятие во внимание возможностей межмуниципального сотрудничества при разработке стратегий развития обусловлено необходимостью сглаживания влияния негативных последствий трудовой маятниковой миграции на социально-экономическое состояние отдельных муниципальных образований.

Уровень маятниковой миграции между территориями в первую очередь определяется таким фактором, как транспортная доступность. При учете затрат времени на перемещение из одного пункта в другой выделяется, как правило, три пояса транспортной доступности [20, с. 63–68]. На основе критерия времени, затрачиваемого на поездку, в экономическом пространстве Красноуфимска можно выделить следующее поясное распределение муниципальных образований.

В первый пояс (30 мин или 50–55 км) вошли три муниципальных образования: МО Красноуфимский округ, Ачитский городской округ Свердловской области и Октябрьский муниципальный район Пермского края. Перечисленные муниципальные образования имеют меньшую по сравнению с Красноуфимском численность населения, более низкий уровень доходов и более высокий уровень регистрируемой безработицы (рис. 2 и 3). В структуре экономики этих территорий преобладает сельское хозяйство. Анализ инвестиционных паспортов

муниципальных образований свидетельствует о том, что на ближайшую перспективу на этих территориях не запланированы какие-либо крупные инвестиционные проекты, предусматривающие создание новых рабочих мест (см. табл. 2). Таким образом, муниципальные образования первого пояса выполняют роль поставщиков трудовых ресурсов для Красноуфимска, а также являются активными потребителями услуг социальной сферы, предоставляемых организациями города.

Второй пояс (1 час или 100–110 км) включает четыре муниципальных образования: Артинский и Бисертский ГО Свердловской области, а также Суксунский муниципальный район Пермского края и Мечетлинский муниципальный район Республики Башкортостан. Эти территории имеют меньшую численность населения, более низкий уровень доходов и более высокий (Артинский ГО, Суксунский МР) или сопоставимый (Мечетлинский МР, Бисертский ГО) уровень регистрируемой безработицы (см. рис. 2 и 3). В экономике этих территорий представлено не только сельское хозяйство, но и отрасли обрабатывающей промышленности, а также курортно-санаторные услуги (Суксунский МР) и энергетика (Мечетлинский МР).

Таким образом, муниципальные образования второго пояса являются поставщиками трудовых ресурсов для Красноуфимска. В то же

Рис. 2. Характеристика рынков труда муниципальных образований, составляющих экономическое пространство городского округа Красноуфимск

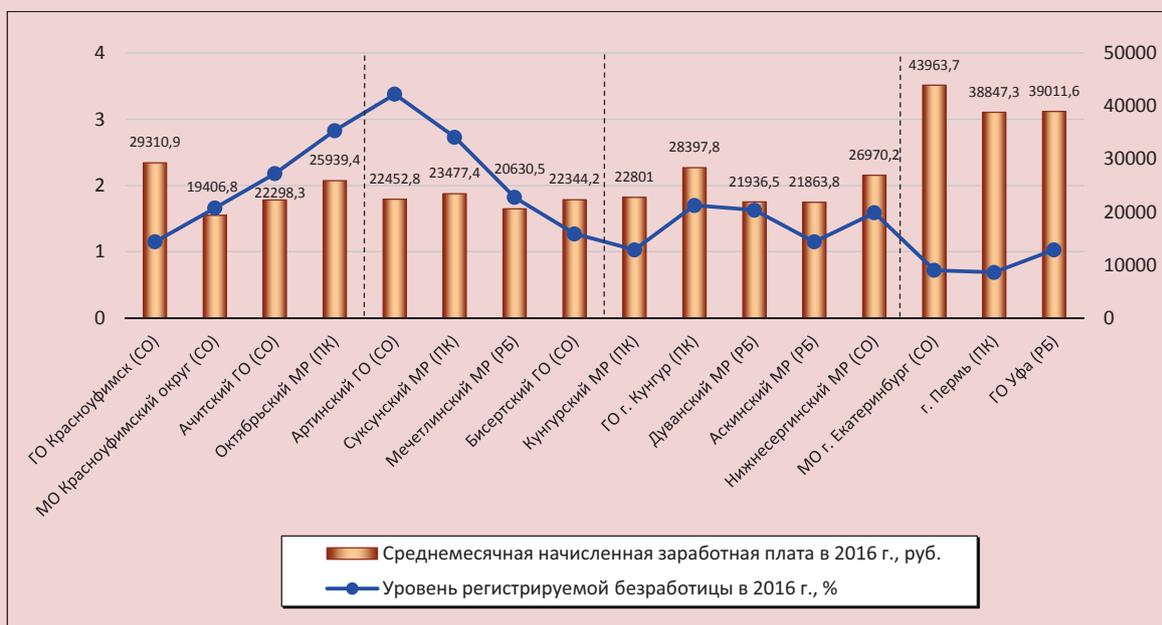

Рис. 3. Характеристика экономического развития муниципальных образований, составляющих экономическое пространство городского округа Красноуфимск

время на территориях данных муниципалитетов предполагается довольно широкий спектр инвестиционных проектов, реализация которых будет демонстрировать возможность создания на

этих территориях новых рабочих мест (табл. 2), что, весьма вероятно, сформирует угрозу оттока рабочей силы из Красноуфимска в активно развивающиеся территории.

Таблица 2. Перспективные инвестиционные проекты в экономическом пространстве городского округа Красноуфимск*

Название МО, регион	Расстояние до г. Красноуфимск, км	Перспективные инвестиционные проекты
Суксунский МР, Пермский край	78	Лечебно-оздоровительный туризм (санаторий «Кача»)
Бисертский ГО, Свердловская область	103	Строительство ФОК, транспортно-логистического центра; кирпичного завода; деревообрабатывающего завода; цеха по переработке с/х продукции; скважины по добыче газа
ГО г. Кунгур, Пермский край	127	Тематический парк «Небесная деревня»; чаеразвесочная фабрика; туристический кластер
Аскинский МР, Республика Башкортостан	149	Создание производства с полным циклом переработки древесины; строительство горнолыжного комплекса на территории Кубиязовского сельсовета
Нижнесергинский МР, Свердловская область	149	Строительство цементного завода; запуск газо-поршневой электростанции; строительство ФОК «Триумф»
г. Екатеринбург, Свердловская область	202	Строительство зоопарка, дворца водных видов спорта, культурно-просветительского центра «Эрмитаж-Урал», центра литья и термообработки; создание мультипрофильного туристско-рекреационного комплекса «Екатеринбург–Европа–Азия»
г. Пермь, Пермский край	208	Проект «Развитие инновационного территориального кластера ракетного двигателестроения «Технополис «Новый Звездный»»; кластер «Фотоника» (разработка и производство отдельных приборов на основе фотонных интегральных микросхем)
г. Уфа, Республика Башкортостан	369	Организация серийного производства вертолетных двигателей типа ВК-2500; спорткомплекс «Белая река», три плавательных комплекса, несколько торговых и деловых центров; завод по производству кабельной продукции; гемодиализный центр; Научно-технологический парк ГУП «Институт нефтехимпереработки Республики Башкортостан» и др.
* СО – Свердловская область, ПК – Пермский край, РБ – Республика Башкортостан, ГО – городской округ, МР – муниципальный район.		

Население муниципальных образований второго пояса – это потенциальный потребитель услуг социальной сферы, представленной в Красноуфимске. Однако областные центры (Екатеринбург и Пермь), расположенные на таком же удалении от перечисленных муниципальных образований, находятся в значительно более выгодном положении, чем Красноуфимск, в плане привлекательности для потребителей по различным видам услуг.

Третий пояс (1,5 часа или 150 км) включает 5 муниципальных образований: Кунгурский муниципальный район, ГО Кунгур, Аскинский муниципальный район (Пермский край), Дуванский муниципальный район (Республика Башкортостан), а также Нижнесергинский муниципальный район (Свердловская область). Три из пяти муниципалитетов имеют сопоставимую численность населения, один муниципалитет значительно уступает по численности населения, еще один значительно превосходит по численности населения ГО Красноуфимск

(см. табл. 1). На всех территориях уровень доходов сопоставим или незначительно ниже, чем в ГО Красноуфимск, а регистрируемая безработица находится примерно на одном уровне (см. рис. 2). Также стоит отметить, что три из пяти муниципалитетов третьего пояса имеют существенно более высокие результаты экономического развития (см. рис. 3).

Экономика этих территорий представлена сельским хозяйством, различными отраслями обрабатывающей промышленности, добывающей промышленностью, энергетикой, транспортом, строительством и туризмом (см. табл. 1). В перспективе здесь предусмотрена реализация нескольких крупных инвестиционных проектов, обеспечивающая создание новых рабочих мест: создание туристического кластера, строительство горнолыжного комплекса, цементного завода и др. (см. табл. 2) Таким образом, третий пояс экономического пространства ГО Красноуфимск обладает значительным потенциалом притягивания трудовых ресурсов из города.

На наш взгляд, для понимания всей картины формирования социально-экономического пространства ГО Красноуфимск целесообразно выделить еще четвертый пояс (свыше 200 км), в котором представлены города-миллионники – центры регионов, на границе которых расположен данный округ (Свердловская область, Пермский край, Республика Башкортостан). За счет существенно более высокого уровня оплаты труда и более емкого рынка труда эти города являются значимыми точками притяжения в экономическом пространстве Красноуфимска как для его трудовых ресурсов, так и для потребителей услуг социальной и торгово-развлекательной сфер. На перспективу такая тенденция сохранится в связи с реализацией большого числа инвестиционных проектов, обеспечивающих активное экономическое и социальное развитие городов-миллионников в четвертом поясе экономического пространства ГО Красноуфимск.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости при разработке муниципальных стратегий учета множества факторов, влияющих на процессы формирования и развития экономического пространства Красноуфимска. Его границы зависят как от временных и транспортных затрат на поездки в близлежащие муниципальные образования, так и от возможной смены функциональной роли Красноуфимска на «реципиента», «конкурента» или «донора»

трудовых ресурсов, инвестиций, социальных или торгово-сервисных услуг (рис. 4).

Учет ролевых функций муниципального образования, выделенных на примере Красноуфимска Свердловской области, позволит, на наш взгляд, разработать более качественный стратегический документ территориального планирования на основе использования института межмуниципального сотрудничества, выгодного всем субъектам социально-экономического пространства.

Уже сегодня в проекте Стратегии социально-экономического развития ГО Красноуфимск заявлена реализация двух проектов пространственного развития. Во-первых, как было сказано выше, это участие в строительстве высокоскоростной магистрали Екатеринбург–Казань, что позволит решить инфраструктурные проблемы территории и сформировать еще одну отрасль специализации – транспортно-логистические услуги. Во-вторых, это формирование Красноуфимской агломерации, обеспечивающей синергетический эффект от совместного решения социально-экономических задач группой муниципальных образований. Однако реализация данных проектов требует тщательной проработки моделей межмуниципального сотрудничества, а также заключения соответствующих договоров и соглашений, которые на сегодняшний день отсутствуют.

Рис. 4. Типология взаимодействий ГО Красноуфимск с муниципальными образованиями, составляющими его экономическое пространство

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что предложенный в статье методический подход к факторному анализу перспектив развития муниципальных образований на основе учета стратегических проектов соседних территорий расширяет возможности их социально-экономического развития, повышения связности социально-экономического и территориального пространства, дает объективную оценку

потенциала межмуниципального сотрудничества. Дальнейшие исследования в области построения эффективных интегративных схем взаимодействия муниципальных образований в контексте социально-экономического и пространственного развития должны занять достойное место в проблематике формирования методологии комплексной системы стратегического планирования муниципального и регионального развития.

Литература

1. Шамарова Г.М. Разработка стратегического плана развития муниципального образования: инструменты, методика, практика // Практика муниципального управления. 2014. № 2. С. 15–25.
2. Антипин И.А., Казакова Н.В. Концептуальные основы разработки стратегии пространственного развития в муниципальном образовании // Российское предпринимательство. 2016. Том 17. № 8. С. 1011–1026. doi: 10.18334/rp.17.8.35119
3. Петроградская А.А. Виды и формы межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации // Вестник Самарского университета. Серия: История. Педагогика. Филология. 2010. № 5 (79). С. 256–262.
4. Власова Н.Ю., Джек Л.Н. Теория и практика межмуниципального сотрудничества в контексте региональной политики Европейского Союза // Известия УрГЭУ. 2010. № 2(28). С. 26–31.
5. Serrano J., Demaziere C. The statute of suburban land in spatial planning: the influence of intermunicipal cooperation // *Revue d'économie régionale et urbaine*. Issue 4. Pp. 737–765. doi: 10.3917/revu.164.0737
6. Курочкин А.В. Сетевые формы регионального и местного управления // *Ars Administrandi*. 2011. № 1. С. 105–112.
7. Победин А.А. Перспективы межмуниципального сотрудничества при развитии городских агломераций: опыт зарубежных стран и России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2013. № 4. С. 43–48.
8. Черкасов А.И. Развитие межмуниципального сотрудничества как альтернатива укрупнению местных сообществ в зарубежных странах // Государство и право. 2016. № 2. С. 71–78.
9. Tambovtsev V.L. Inter-municipal interactions in an economic analysis framework // *Terra economicus*. Vol. 15, Issue 3. Pp. 19–31. doi: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-19-31
10. Коняшкин В.В. Исторические аспекты развития межмуниципального сотрудничества в России // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2 (октябрь). С. 47–52.
11. Серебренникова А.С. Межмуниципальное сотрудничество: проблемы дефиниции и организационно-правовых форм // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 32–34.
12. Штеменко К.С., Маслова В.О. Проблемы экономического развития средних городов и способы их решения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 1 (120). Вып. 21/1. С. 51–55.
13. Гутникова Е.А. Межмуниципальное сотрудничество как фактор активизации экономического и социального развития // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 218–230.
14. Бутова Т.В., Пухова М.М., Шукин И.А. Проблемы и перспективы становления института межмуниципального сотрудничества в России // Управленческие науки. 2013. № 3. С. 4–15.
15. Граф И.В. Межмуниципальное экономическое сотрудничество: опыт правового регулирования в зарубежных странах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 1. С. 150–156.
16. Пиндт Х. Столетний опыт кооперации в Дании // Российская муниципальная практика. 2009. № 8. С. 17–21.
17. Rus P., Nared J., Wojnec S. Forms, areas, and spatial characteristics of intermunicipal cooperation in the Ljubljana urban region // *Acta geographica slovenica-geografski zbornik*. 2018. Vol. 58. Issue 2. Pp. 47–61. doi: 10.3986/AGS.4830
18. Lintz G.A. Conceptual Framework for Analyzing Inter-municipal Cooperation on the Environment // *Regional Studies*. Vol. 50. Issue 6. Pp. 956-970. doi: 10.1080/00343404.2015.1020776

19. Di Porto E., Parenti A., Paty S., Abidi Z. Local government cooperation at work: a control function approach // Journal of economic geography Vol.17. Issue 2. Pp. 435–463. doi: 10.1093/jeg/lbw008
20. Пространственная организация социально-трудовых систем: генезис и проблемы развития: кол. монография / отв. ред. О.А. Козлова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 206 с.

Сведения об авторах

Ольга Анатольевна Козлова – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики Уральского отделения РАН; профессор кафедры, Уральский экономический университет (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Olga137@mail.ru)

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Maria_makarova87@mail.ru)

Kozlova O.A., Makarova M.N.

Inter-Municipal Cooperation as an Institution of Strategic Development of Territories

Abstract. The purpose for the article is to substantiate the ways of developing the institution of inter-municipal cooperation in the context of strategic planning at the local level. Most municipal units do not have the necessary resources to develop and implement plans and programs for social and economic development aimed at the integrated solution of all local issues. At the same time, the analysis of projects on strategic socio-economic development of some municipal units in the Sverdlovsk Oblast demonstrates the territories' disinterest in resource integration for implementing development projects to solve common problems on mutually beneficial terms. The present study is the result of the need to seek mechanisms to increase the efficiency of socio-economic development of municipal units amid limited resources. The authors propose a methodical basis of the multicomponent analysis of strategic development factors based on sectoral and territorial cooperation of municipal units. The assessment of the potential of inter-municipal cooperation is carried out on the example of a specific municipal unit in the Sverdlovsk Oblast taking into account the strategic projects of neighboring territories of both internal subordination and territories administratively subordinated to other constituent entities in Russia. The problems and possibilities of integrative interaction of municipal units in the context of socio-economic development strategy are shown. The presented results provide a systematic framework for theoretical and empirical studies of factors in socio-economic development of municipal units. According to the research results, the current level of socio-economic development determines the need for inter-municipal cooperation in priority areas such as territorial and strategic planning, implementation of joint infrastructures and investment projects.

Key words: inter-municipal cooperation, territorial development, strategic planning, quality of life.

Information about the Authors

Ol'ga A. Kozlova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Socio-Economic Performance Research Center, Institute of Economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Professor at the Department, Ural State University of Economics (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Olga137@mail.ru)

Maria N. Makarova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, the Ural Branch of Russian Academy of Science (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Maria_makarova87@mail.ru)

Статья поступила 10.04.2018.

Построение концептуальной модели развития отрасли и оценка системообразующего эффекта

**Марина Владиславовна
ШАКЛЕИНА**

МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д. 1, корп. 61
E-mail: shakleina.mv@gmail.com

**Константин Игоревич
ШАКЛЕИН**

МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д. 1, корп. 61
E-mail: mrshaklein@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования стратегического видения отрасли кролиководства с учетом государственных приоритетов. Актуальность данной темы вызвана растущим дефицитом потребления населением диетического мяса в России, что приводит к ухудшению качества питания и снижению качества жизни населения. Как показал анализ отечественных исследований по существующей проблематике, основное внимание в них уделяется изучению советского опыта планирования, производственному и ресурсному анализу состояния отрасли, необходимости ее развития. Отсутствие в отечественной науке опыта стратегирования отрасли кролиководства стало причиной уязвимости в период перестройки, в результате чего произошел резкий спад производства. В этой связи возникает необходимость совершенствования механизмов комплексного развития данной отрасли с учетом общей теории стратегирования. Целью ис-

Для цитирования: Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. Построение концептуальной модели развития отрасли и оценка системообразующего эффекта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 145–161. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.10

For citation: Shakleina M.V., Shaklein K.I. Building a conceptual model of sector development and assessment of the system-building effect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 145–161. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.10

следования является разработка модели устойчивого развития отрасли кролиководства с учетом оценки системообразующего эффекта сопутствующих направлений деятельности. Научная новизна исследования заключается в разработке концептуальной модели совершенствования бизнес-процессов в российской отрасли кролиководства, предусматривающей осуществление ресурсно-воспроизводственных процессов и формирование автономной ресурсной обеспеченности для полноценного устойчивого развития отрасли. Модель систематизирует подходы к развитию рынка сопутствующих товаров, обуславливает необходимость становления института фермерства в кролиководстве. В работе проведена оценка системообразующего эффекта развития отрасли. С помощью построения функции импульсных откликов по векторной модели авторегрессии показано, что при развитии отрасли кролиководства также будут развиваться отрасли, определяющие ресурсную базу, и сопутствующие направления деятельности (растениеводство, легкая промышленность). Кроме того, установлена частичная реализация государственных приоритетов в части повышения налоговых поступлений и сокращения оттока населения из сельских территорий в город. В данном исследовании основное внимание уделяется формированию предложения продукции кролиководства. Основным ограничением для изучения спроса на эту продукцию является отсутствие статистической информации об отпускных ценах на неё и объемах розничных продаж. Пути решения отмеченной проблемы видятся в проведении социологических опросов, посвященных изучению потребительских предпочтений в потреблении мясной продукции, что и станет дальнейшим направлением исследования.

Ключевые слова: развитие кролиководства, концептуальная модель, системообразующий эффект, модель векторной авторегрессии, стратегическое развитие отрасли.

Введение. Отрасль кролиководства в России находится на стадии формирования, несмотря на ее активное развитие в европейских странах и Китае. Находясь в числе слаборазвитых отраслей РФ, кролиководство имеет большой потенциал развития. Продукция данной отрасли относится к диетическому мясу, норма потребления которого в России крайне низкая (1,3 кг на человека в год). По данным Всемирной организации здравоохранения, норма потребления диетического мяса равна 4–5 кг в год. В мясном рационе населения ведущих европейских стран доля потребления крольчатины достигает 7–9 кг в год. Кроме того, в условиях сложной геополитической обстановки, обострения экономических и торговых отношений между Россией и большинством европейских стран и США создается угроза продовольственной безопасности РФ. Развитие данной отрасли, как одной из наиболее продуктивных и рентабельных среди прочих отраслей животноводства, может способствовать реализации двух важнейших государственных приоритетов, таких как повышение продовольственной безопасности и качество жизни населения.

Целью данного научного исследования является разработка модели устойчивого развития отрасли кролиководства с учетом оценки систе-

мообразующего эффекта сопутствующих направлений деятельности.

Для достижения данной цели определены следующие задачи:

- 1) выявить особенности стратегирования отрасли кролиководства в развитых и развивающихся странах;
- 2) исследовать исторический опыт развития кролиководства в СССР, определить причины рецессии данной отрасли;
- 3) разработать концептуальную модель устойчивого развития отрасли кролиководства в России с учетом особенностей функционирования агропромышленного комплекса и общей теории стратегирования;
- 4) исследовать прикладные возможности использования модели векторной авторегрессии в оценке влияния развития кролиководства на сопутствующие направления деятельности;
- 5) рассчитать системообразующий эффект развития отрасли с учетом построения функции импульсных откликов.

Научная новизна исследования заключается в разработке концептуальной модели совершенствования бизнес-процессов российской отрасли кролиководства, предусматривающей осуществление ресурсно-воспроизводственных процессов и формирование автономной ресурс-

ной обеспеченности для полноценного устойчивого развития отрасли. Модель систематизирует подходы к развитию рынка сопутствующих товаров, обуславливает необходимость становления института фермерства в кролиководстве.

Потенциальные возможности данной отрасли в обеспечении продовольственной безопасности были замечены свыше четырех десятилетий назад. Во многих программах по борьбе с бедностью населения в развивающихся странах отдается предпочтение кролиководству, как эффективному инструменту, поскольку оно требует незначительных инвестиционных ресурсов и имеет низкий срок окупаемости.

На международных конференциях по кролиководству World Rabbit Science Association (WRSA) в докладах ученых-зоологов были озвучены благоприятные последствия реализации проектов развития кролиководства в отношении:

- 1) борьбы с нищетой [1];
- 2) развития сельскохозяйственных районов [2];
- 3) сокращения миграции из сельских районов в города [3];
- 4) развития предпринимательских навыков у населения [4];
- 5) расширения прав и возможностей женщин за счет активного участия в разведении и выращивании кроликов [1].

Огромная поддержка и содействие развитию кролиководства в развивающихся странах оказывается Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций. Начиная с 1978 года в разных странах Африки (Танзания, Судан, Мозамбик, Того, Гана, Замбия, Камерун, Маврикий) проводятся международные семинары по выращиванию и разведению кроликов.

В течение последних 4-х десятилетий в Африке было зарегистрировано несколько успешных примеров реализации национальных программ по стимулированию развития кролиководства [5].

Аналогичные программы реализовывались в странах Латинской Америки: Бразилии, Аргентине, Уругвае. Стоит отметить, что в Бразилии поддержкой фермеров-кролиководов занимаются с 60-х гг. XX в. Начиная с 2010 года эта отрасль стала демонстрировать значительные успехи: увеличилось поголовье кроликов в

стране, выросла инвестиционная привлекательность, все большую заинтересованность стали проявлять сельские жители районов. В том же году производство кроликов сильно стимулировалось благодаря различным рекламным кампаниям, главным образом, через телевидение. В настоящее время группа фермеров-кролиководов в регионе Бразилиа совместно с федеральным правительством реализует мясо кроликов в школах и детсадах в качестве прекрасного диетического и полезного для детей продукта [6].

Отдельные страны глобального рыночного пространства (ГПП) имеют определенный опыт стратегирования развития и повышения эффективности кролиководства. Изучение международного опыта стратегирования кролиководства представляет собой очень важный этап согласно основным принципам стратегирования [7]. В.Л. Квинт рекомендует использовать опыт успешно реализованных стратегий и анализировать стратегические идеи, которые были весьма выигрышными, но попытки их внедрения оказались безуспешными.

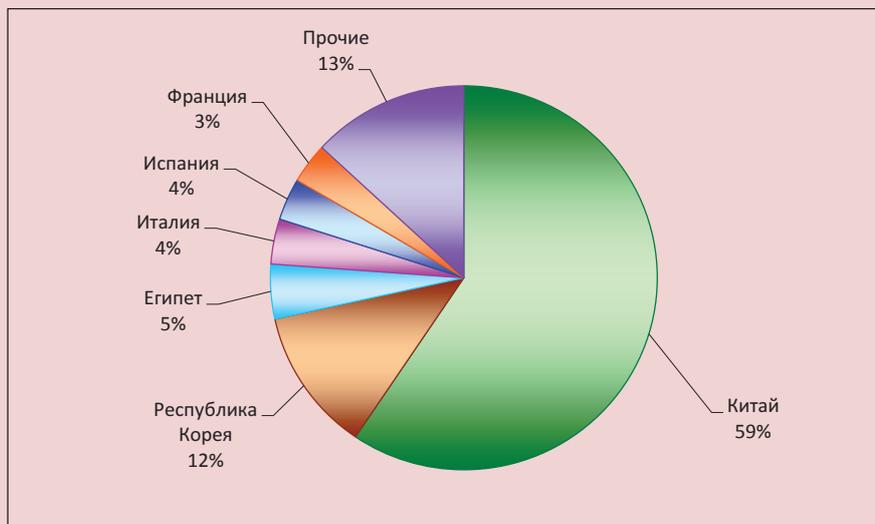
Обзор основных практик и опыта стратегирования кролиководства в развитых и развивающихся странах позволяет прийти к следующим основным выводам.

1. В глобальном масштабе наблюдается зональное развитие кролиководства, что в значительной мере связано с традициями питания, общим экономическим и культурным уровнем стран.

Согласно статистическим данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН мировое производство продукции отрасли кролиководства с 2000 года ежегодно увеличивалось на 3,1% и в 2016 году составило 1 428,1 тыс. тонн. В числе мировых производителей Китай (59%), Республика Корея (12%), Египет (4,5%), при этом доля России в структуре мирового производства в 2016 году составила 1,3% (рис. 1).

2. Стратегии развития отрасли кролиководства в развитых и развивающихся странах существенно отличаются друг от друга вследствие различных стратегических целей [8]. В развивающихся странах (Китай, Аргентина, Мексика, страны Африки) кролиководческая отрасль представлена в виде небольших фермерских хозяйств, которые являются многоцелевыми, организованными для семейного

Рис. 1. Структура мирового производства крольчатины в 2016 году, %

Источник: Продовольственная и сельскохозяйственная организации ООН (<http://www.fao.org/>).

потребления, улучшения качества собственного питания [9; 10]. Национальные программы развития кролиководческого фермерства, реализуемые в развивающихся странах, решают проблемы бедности населения, безработицы, развития сельскохозяйственных районов [11; 12; 13; 14].

Непосредственное участие в развитии отрасли кролиководства, разработке проектов и стратегий в этих странах принимают международные организации. Стоит отметить, что зарождение и развитие кролиководства в развивающихся странах невозможно без участия государственных органов, так как это сопряжено с экономическими и деловыми рисками [15]. Помощь на государственном уровне в разведении кроликов, например, в Китае осуществляется в различных формах: финансовая поддержка (микрофинансирование), предоставление земельных участков для разведения, кооперативный фонд, научно-исследовательские проекты, правовое обеспечение. Однако один из наиболее значимых проектов – обнародование профессиональных правил разведения кроликов для фермеров [15]. Особенностью фермерского кролиководства в развивающихся странах является его мелкомасштабный вид и организация в виде кролиководческих объединений – фермерских кооперативов. В чис-

ле преимуществ мелкотоварного производства, во-первых, маленький размер ферм, а следовательно, меньшая подверженность экономическим и деловым рискам, во-вторых, низкая стоимость управления, более маневренные к изменению экономической конъюнктуры. Однако характерную черту организации и стимулирования развития отрасли в развивающихся странах представляет импульс со стороны государственных органов, то есть толчок для разработки проектов по развитию кролиководства в развивающихся странах исходит сверху вниз.

3. В развитых странах, где исторически сложился высокий спрос на продукцию отрасли кролиководства (Испания, Италия, Франция, Венгрия и др.), основной целью её развития является удовлетворение массового спроса на национальном и международном рынках [16]. В перечисленных странах кролиководство развивается в промышленных масштабах. Инициаторами разработки проектов по развитию кролиководства являются не только органы государственной власти, но и частные инвесторы. В развитых странах строго регламентированы правила ведения кролиководческого фермерского хозяйства. Благодаря этому даже кадры низшего звена высокопрофессиональны, обеспечиваются единые стандарты качества в производстве продукции [17].

4. В России в период командной экономики развитие отрасли кролиководства происходило по пятилетним планам, которые ориентировались на конечные показатели выхода продукции. При этом недостаточное внимание уделялось селекционно-генетическим работам, выведению мясных пород кролика, что делало отрасль кролиководства менее рентабельной [18; 19; 20]. Свыше 90% продукции кролиководства поставляли кролиководческие хозяйства, плохо оборудованные и без каких-либо единых стандартов качества продукции. Отсутствие опыта стратегирования отрасли стало причиной ее уязвимости в период перестройки, в результате чего произошел резкий спад объемов производства.

В России в 2016 году объем производства мяса кроликов составил 18,2 тыс. тонн (рис. 2); с 2010 года средний ежегодный темп роста собственного производства составлял 104%, что выше темпов роста объемов мясного производства в стране в целом.

Собственное производство в 2016 году достигало 91,6% от общего объема рынка, что соответствует нормативным значениям, указанными в Доктрине продовольственной безопасности. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики собственное производство крольчатины

сконцентрировано в Центральном (28%) и Приволжском (22%) федеральных округах, что во многом обусловлено высокой плотностью населения и высокими располагаемыми среднедушевыми доходами (рис. 3).

Кроме отечественных производителей, согласно данным Федеральной таможенной службы, на рынке представлена продукция из Китая (68,9%), Венгрии (28,8%) и Чехии (2,3%) (рис. 4). Общий объем импортной продукции на отечественном рынке в 2016 году составил 8,4%.

В отдельных работах зарубежных исследователей показан положительный эффект отрасли кролиководства в повышении продовольственной обеспеченности, улучшении качества питания и, как следствие, в повышении качества жизни. При этом в исследованиях отечественных ученых отрасль кролиководства представлена в статическом состоянии, характеризующем технологии производства, качество ресурсной базы, особенности развития отрасли в современной рыночной конъюнктуре. В работах отсутствует стратегическое видение будущего этой отрасли с учетом государственных приоритетов. В этой связи возникает необходимость в совершенствовании механизмов комплексного развития отрасли кролиководства с учетом общей теории стратегирования.

Рис. 2. Структура российского рынка мяса кроликов в 2010–2016 гг. в натуральном выражении, тонн

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<http://www.gks.ru/>).

Рис. 3. Производство крольчатины по федеральным округам в 2016 году, %

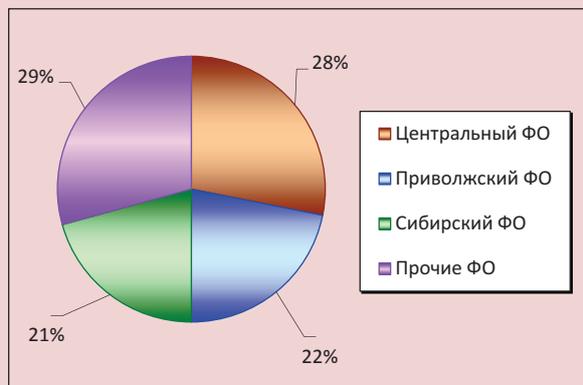
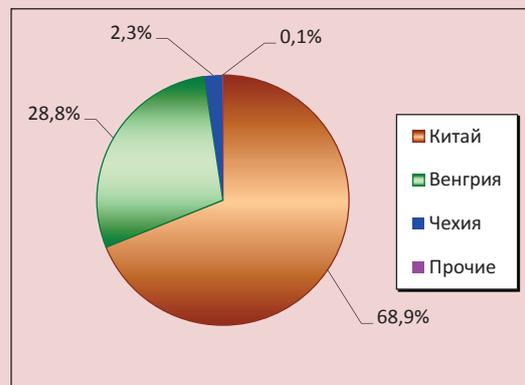

Рис. 4. Структура основных стран-поставщиков в России, %

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

Методология исследования. В основу исследования положена общая теория стратегирования, предложенная профессором В.Л. Квинтом [7]. В современном мире часто не придается большого значения стратегическому мышлению, несмотря на то что оно всегда находило свое применение, прежде всего, в военной практике. Неверно понимается и трактуется сам феномен стратегии. Одни используют термин «стратегирование» как синоним «прогнозирования», другие «стратегирование» отождествляют с «планированием». В силу отсутствия глубоких исследований, посвященных теории стратегии, относительной молодости стратегии как науки остается недооцененной значимость и сила теории и практики стратегирования. Вместе с тем рекомендации, полученные из отраслевого анализа страны сквозь призму стратегической методологии, будут особенно полезны для реализации стратегических приоритетов на национальном рыночном пространстве.

Одним из основных законов общей теории стратегирования является оптимизация имеющихся ограниченных ресурсов, с использованием фактора времени в качестве детерминирующего. Поэтому при формировании концептуальной модели оптимизации и повышения эффективности отрасли необходимо решать оптимизационные задачи.

Разработка концептуальной модели формирования и регулирования развития конкурентной среды осуществлена с помощью системно-

го подхода к совершенствованию бизнес-процесса отрасли и формированию ресурсно-воспроизводственных процессов.

В качестве обоснования системообразующего эффекта отрасли кролиководства представлена эконометрическая модель векторной авторегрессии. В данном исследовании VAR-модель применяется для анализа динамического влияния возмущений со стороны отрасли кролиководства на сопутствующие направления, которые связаны с её развитием. Отличительной особенностью применения векторной модели авторегрессии является получение эмпирических свидетельств реакции экономических и социальных переменных на шоки в развитии отрасли.

Векторная авторегрессия (ВАР, или VAR) – это система одновременных уравнений, которая состоит из одномерных моделей ARMA. Основным преимуществом векторной авторегрессии является экономичность модели за счет меньшего включения лагов (по сравнению с обычной ARMA). В модели не нужно делить переменные на зависимые и независимые. Модель может быть оценена обычным МНК и оценки будут состоятельными. Относительно простой инструмент предоставляет отличную возможность систематически и внутренне согласованно уловить хорошую динамику многомерных временных рядов. В числе недостатков VAR-модели следует отметить большое количество параметров, что может негативно сказываться на качестве модели.

Популяризация данных моделей началась с 80-х гг. XX века с работы К. Симса [21], который позже удостоился Нобелевской премии по экономике (2011 г.). Однако, по утверждению Л. Кристиана, VAR-модели играют важную роль в настоящее время [22]. В большинстве случаев модели подобного вида находят свое применение для моделирования влияния денежно-кредитной политики на макроэкономические переменные [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29]. Однако универсальный характер модели позволяет применять её в других областях науки: на рынке капитала [30], в финансовом анализе предприятий [31], в области государственных финансов [32] и др.

Двумерная модель векторной авторегрессии может выглядеть следующим образом:

$$\begin{cases} Y_{1t} = a_{11} + b_{11}Y_{t-1} + b_{12}X_{t-1} + \varepsilon_{1t}, \\ X_{2t} = a_{21} + b_{21}Y_{t-1} + b_{22}X_{t-1} + \varepsilon_{2t}, \end{cases} \quad (1)$$

где Y_{1t} , X_{2t} – некоторые переменные, a_{11} , a_{21} – константы первого и второго уравнения системы соответственно; b_{11} , b_{12} , b_{21} , b_{22} – коэффициенты в уравнениях системы; ε_{1t} , ε_{2t} – белые шумы, которые могут быть коррелированы.

Каждое уравнение системы представляет собой авторегрессионную модель распределенных лагов. В соответствии со структурой уравнений определяется интерпретация параметров VAR. Например, отличное от нуля значение параметра b_{11} свидетельствует об автокорреляции в ряду Y_{1t} , а ненулевая оценка параметра b_{12} говорит о том, что предшествующие значения X_{t-1} оказывают влияния на состояние текущего процесса Y_{1t} .

В матричном виде двумерная модель векторной авторегрессии будет выглядеть следующим образом. Запишем систему (1) в матричном виде. Пусть

$$\begin{aligned} Y_t &= \begin{pmatrix} Y_{1t} \\ X_{2t} \end{pmatrix}; \alpha = \begin{pmatrix} \alpha_1 \\ \alpha_2 \end{pmatrix}; \\ B &= \begin{pmatrix} b_{11} & b_{12} \\ b_{21} & b_{22} \end{pmatrix}, \quad (2) \\ Y_{t-1} &= \begin{pmatrix} Y_{t-1} \\ X_{t-1} \end{pmatrix}; \varepsilon_t = \begin{pmatrix} \varepsilon_{1t} \\ \varepsilon_{2t} \end{pmatrix} \end{aligned}$$

тогда система (1) примет вид:

$$Y_t = a + B_1 Y_{t-1} + \varepsilon_t. \quad (3)$$

Нередко в данную модель включаются экзогенные переменные с целью повышения общего качества модели. Исследование воздействия экзогенных переменных на эндогенные не включается в цели данного исследования. Алгоритм построения VAR-модели аналогичен ARIMA-модели. На первом этапе происходит тестирование временных рядов на стационарность с помощью, например, расширенного теста Дикки–Фуллера. Информационной базой исследования являются данные Единой межведомственной информационно-аналитической системы (ЕМИСС).

В качестве переменных модели были взяты следующие социально-экономические показатели (*таблица*).

Переменные VAR-модели

Код	Название переменной
PROD	Объем производства крольчатины, тыс. тонн
LA-BOR	Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций в животноводстве
IN-VEST	Инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве, млн. руб.
GDP	Валовой внутренний продукт на душу населения в постоянных ценах 2010 года, млрд. руб.
X_1	Производство комбикорма для кроликов, тыс. тонн
X_2	Миграционный прирост сельского населения, тыс. чел.
X_3	Производство шерсти в животноводстве, тонн
X_4	Внесение органических удобрений под посевы, тыс. тонн
X_5	Численность научных сотрудников в области с/х наук, чел.
X_6	Начисление и поступление налогов в с/х

В результате было получено несколько систем VAR-моделей. Общими переменными во всех моделях являются: инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве, объем производства крольчатины, среднесписочная численность работников по полному кругу организаций в животноводстве, валовой внутренний продукт на душу населения в постоянных ценах 2010 года. В процессе моделирования тестируется гипотеза о влиянии кролиководства в России на сопутствующие направления социально-экономического развития. В этой связи построенные системы VAR-моделей различаются одним фактором, характеризующим развитие сопутствующих

видов деятельности или социально-экономических направлений. Представим все оцениваемые системы векторных авторегрессий:

$$\begin{pmatrix} PROD_t \\ LABOR_t \\ INVEST_t \\ X_{i_t} \end{pmatrix} = A \times \begin{pmatrix} PROD_{t-1} \\ LABOR_{t-1} \\ INVEST_{t-1} \\ X_{i_{t-1}} \end{pmatrix} + c \times GDP_t + \varepsilon_t, \quad (4)$$

где $i \in [1; 6]$.

Отметим, что в качестве экзогенного фактора модели выступает ВВП на душу населения, который аккумулирует совокупность макрофакторов, влияющих на развитие кролиководства в России.

Основные этапы VAR-моделирования.

1. Проверка на стационарность временных рядов исследуемых переменных. Для удобства интерпретации и приближения временного ряда к стационарному виду исходные временные ряды были взяты не в уровнях, а в темпах прироста. К примеру, для моделирования берется не показатель объема производства крольчатин (Y), который измеряется в тыс. тонн, а его приросты, которые измеряются в процентах:

$$T_{\text{прироста}} = \left(\frac{Y_t}{Y_{t-1}} - 1 \right) \times 100\% . \quad (5)$$

Проверка на стационарность временных рядов осуществляется с помощью расширенного теста Дикки–Фулера. Нулевая гипотеза теста – временной ряд является нестационарным процессом. По результатам проведенного теста на 5% уровне значимости мы должны отвергнуть гипотезу о нестационарности отдельно взятого временного ряда.

2. Определение порядка VAR-модели. Для нахождения оптимального лага модели на практике обычно используются информационные критерии Акайка и Шварца. Однако в силу коротких временных рядов бессмысленно ставить величину лага больше 2. В этой связи величину лага в исследовании мы возьмем не больше одного.

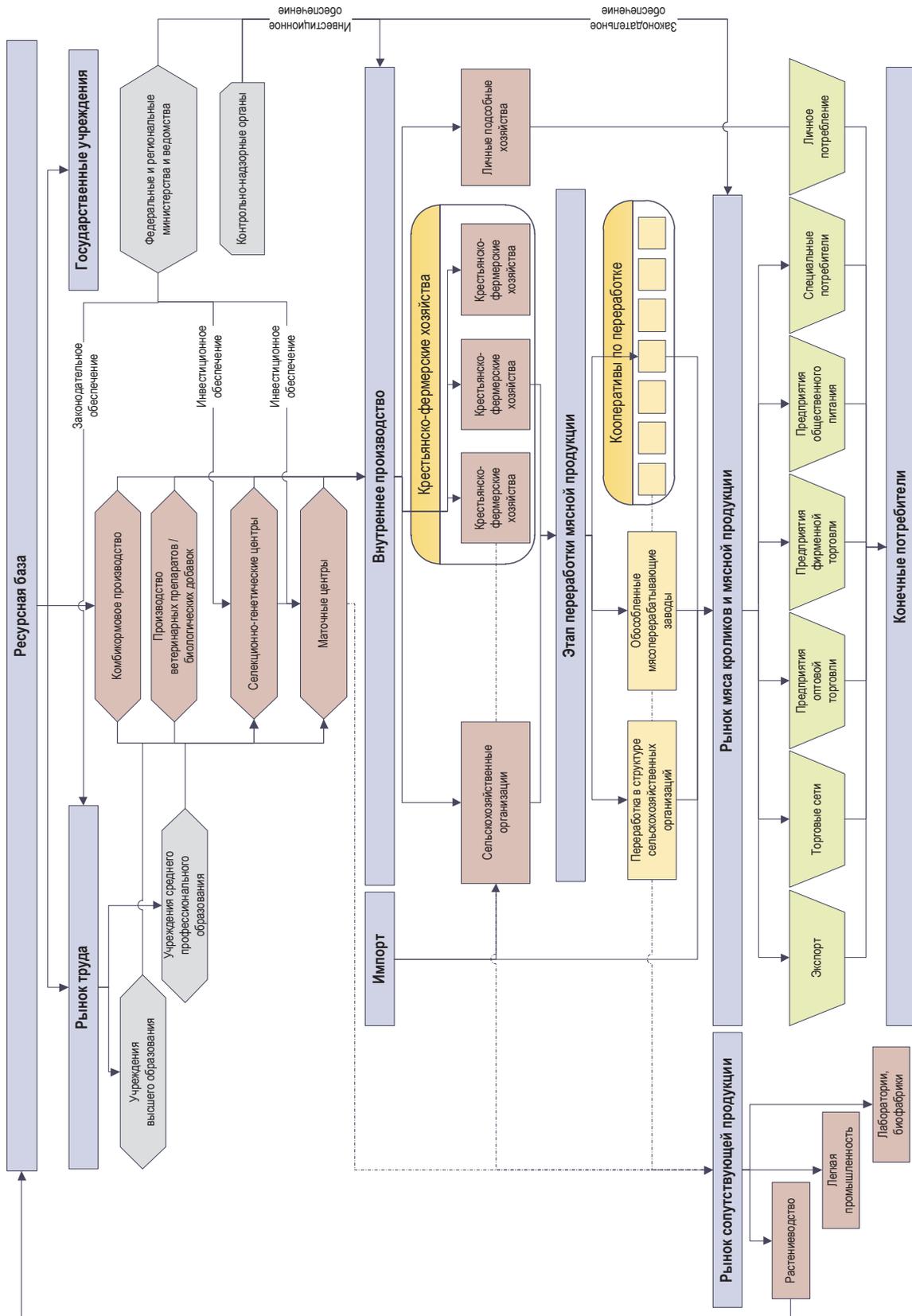
3. Проверка корней модели на стабильность. Задачей является определить, не лежат ли корни соответствующего характеристического уравнения за пределами единичной окружности. Используемый тест показал, что построенная модель стабильна.

4. Проверка остатков модели. Тест множителей Лагранжа позволяет проверить, являются ли остатки белым шумом. Тест показал, что нулевая гипотеза об отсутствии серийной корреляции не отклоняется на 5%-м уровне значимости, следовательно, регрессионные остатки в модели – белый шум. Кроме того, было проведено оценивание остатков на подчинение нормальному закону распределения. Отметим, что в данной модели не удалось добиться, чтобы остатки подчинялись нормальному закону.

Коэффициенты полученных моделей не подвергаются интерпретации, поэтому строятся функции импульсных откликов. Импульс – это однократное возмущение, которое придается одному из параметров [33]. Функция импульсного отклика представляет собой реакцию динамического ряда в ответ на однократное возмущение (шок) со стороны i -й переменной. В результате функция импульсного отклика демонстрирует время возвращения эндогенной переменной в равновесное состояние при единичном возмущении другой переменной [34]. Отклик эндогенной переменной на единичное возмущение экзогенной переменной часто называют мультипликатором. В нашем случае под откликом (мультипликатором) понимается отклик сопутствующего направления деятельности на импульс, выраженный в увеличении темпов прироста со стороны показателя «производство крольчатин».

Результаты исследования. Подробный стратегический анализ внешней и внутренней среды, OTSW-анализ, процесс формирования генеральной цели отрасли и основных стратегических приоритетов с учетом конкурентных преимуществ представлены в предыдущих работах автора [35; 36], поэтому данное исследование проводится на основе результатов, уже представленных научному сообществу. Одним из путей реализации стратегических приоритетов является совершенствование неэффективных бизнес-процессов рассматриваемой отрасли, поэтому сформируем концептуальную модель оптимизации кролиководства в России (рис. 5).

Рис. 5. Концептуальная модель оптимизации кролиководства в Российской Федерации

Источник: составлено автором.

Одной из проблем отраслевого развития является недостаточная оценка ресурсной базы. Разрабатываемые меры государственной экономической политики в сельском хозяйстве ориентированы на увеличение основного производства, а поддержка ресурсообразующего сектора отрасли очень низкая. Тем самым предполагается, что предоставление финансовых и законодательных ресурсов в определенном объеме должно сформировать устойчивое развитие отрасли. Однако данный подход видится ошибочным, т.к. при ограниченном количестве ресурсной базы отрасль функционировать в полном объеме не может. В этой связи концептуальная модель оптимизации и повышения эффективности отрасли начинается с развития ресурсной базы.

Основными статьями затрат в производстве крольчатины являются: потребление комбикорма, закупка селекционных образцов для формирования маточного поголовья, ветеринарные препараты, трудовые ресурсы [19].

В текущий момент, в силу отсутствия собственных селекционно-генетических и маточных центров, сельскохозяйственные организации вынуждены импортировать маточное поголовье из Франции. Обновление маточного поголовья происходит один раз в три года. Таким образом, периодические поставки импортного поголовья для отечественного производства формируют определенные валютные риски, которые вследствие волатильности валютного курса влияют на ценовую политику производителей. Кроме того, существует риск увеличения падежа поголовья в адаптивный период, что также оказывает непосредственное влияние на уровень рентабельности производства. Следствием этого является низкая доля крестьянско-фермерских хозяйств (далее – КФХ) на рынке, т.к. при существующем бизнес-процессе рентабельность производства КФХ становится отрицательной.

В рамках предлагаемой модели государству необходимо с учетом финансовых ресурсов, предусмотренных Стратегией развития мясного животноводства, создать на территории Российской Федерации отечественные селекционно-генетические центры. Инвестиционная привлекательность на начальном этапе данных организаций низкая, поэтому вся инвестиционная нагрузка должна распределиться на фе-

деральный и региональные бюджеты. Основная задача селекционно-генетических центров заключается в проведении селекционно-племенной работы по совершенствованию пород кроликов с применением научно обоснованного селекционного и биологического инструментария.

Формирование данных центров позволит повысить эффективность и конкурентоспособность отечественного кролиководства за счет повышения продуктивных качеств, удовлетворить потребности сельскохозяйственных организаций в получении потомства с заданными характеристиками.

В этой связи создается новый сегмент рынка – рынок племенного стада, который был утрачен после социальных и экономических преобразований в конце XX века. Успешный опыт внедрения селекционно-генетических центров в кролиководстве в последующем может быть ретранслирован на другие виды мясного животноводства.

Следующим этапом увеличения добавленной стоимости является формирование маточного поголовья из уже полученного селекционным путем высокопродуктивного племенного стада. Для этого государству в рамках финансовых ресурсов, предусмотренных Стратегией развития мясного животноводства, необходимо построить маточные центры. Главной задачей маточных центров должно стать формирование откормочного поголовья, а также его коммерческая реализация на следующие этапы производства. Кроме того, стоит предусмотреть подсобные виды коммерческой деятельности:

- 1) формирование рецептуры кормления откормочного поголовья;
- 2) проведение ветеринарного и фитосанитарного надзора и консультирования производителей;
- 3) поставки образцов кроликов на рынок сопутствующих товаров в лаборатории и биофабрики.

Одним из основных выводов, полученных при анализе трудовых ресурсов, является вывод о наличии тенденции, характеризующей профессиональную переориентацию специалистов между направлениями животноводства. Данный подход носит исключительно кратковременный эффект, т.к. при профессиональной переориентации специалистов возникает дефицит

трудовых ресурсов в отдельных направлениях животноводства. В этой связи при ориентации на долгосрочное устойчивое развитие отрасли необходимо формировать собственный научный и трудовой потенциал для обеспечения отрасли в полном объеме квалифицированными трудовыми ресурсами. Обеспечение трудовыми ресурсами селекционно-генетических и маточных центров необходимо осуществлять за счет учреждений высшего и среднего профессионального образования. Кроме того, переподготовку и повышение квалификации целесообразно проводить в уже сформированных селекционно-генетических и маточных центрах. Однако в квалифицированных специалистах заинтересованы не только ресурсные центры, но и сельскохозяйственные организации.

Следующий этап формирования добавленной стоимости продукции кролиководства – внутреннее производство и импорт продукции. Всё внутреннее производство можно условно разделить на три формы: сельскохозяйственные организации, крестьянско-фермерские хозяйства и личные подсобные хозяйства.

В части сельскохозяйственных организаций существующие бизнес-процессы остаются неизменными, за исключением отдельных аспектов. В частности, сельскохозяйственные организации из-за отсутствия отечественного племенного поголовья вынуждены его импортировать. Основными импортерами по данному направлению выступают Франция и Китай.

Периодическое обновление поголовья сельскохозяйственными организациями повышает риск, который связан с курсовыми разницеми между закупочными и отпускными ценами и который принимает на себя производитель.

Кроме того, в силу отдельных обстоятельств, например роста падежа поголовья, сельскохозяйственные организации сталкиваются с производственным риском, когда производители не могут обеспечить равномерность поставок своей продукции на товарные полки. Таким образом, в случае дефицита продукции на товарных полках производитель оплачивает штрафные пени, а в случае избытка товарной продукции на складах несет убытки от снижения отпускной цены. Также из-за неравномерности распределения загруженности производственных мощностей происходит рост прямых издержек производства.

Таким образом, все перечисленные факторы снижают рентабельность производства сельскохозяйственных организаций и в дальнейшем – инвестиционную привлекательность данного направления животноводства. Если сельскохозяйственные организации, обладающие большими финансовыми ресурсами, чем крестьянско-фермерские хозяйства, могут принять определенные риски и допустить снижение уровня рентабельности, то крестьянско-фермерским хозяйствам сделать это будет затруднительно. Создание отечественных селекционно-генетических и маточных центров будет способствовать снижению данных рисков и повышению конкурентных преимуществ продукции отечественной отрасли перед импортной продукцией, а также перед отдельными видами отечественной мясной продукции. Как следствие – снизится и риск неравномерного производственного процесса производителей.

Категория «сельскохозяйственная организация» является агрегированной и может быть представлена производителями, объем производства которых отличается более чем в 10 раз. Как правило, сельскохозяйственные организации обладают собственным маточным поголовьем и закупают только племенное поголовье, а также обладают собственным управлением, осуществляющим ветеринарный и фитосанитарный контроль. В предлагаемом подходе к оптимизации бизнес-процессов управление по ветеринарному и фитосанитарному контролю средних и мелких сельскохозяйственных организаций предлагается перевести на аутсорсинг в маточные центры, что в последующем обеспечит оптимизацию расходов, снизит уровень риска для всех участников производственного процесса, а следовательно, появится возможность развития крестьянско-фермерских хозяйств.

В текущий момент доминирующая часть объема рынка формируется в сельскохозяйственных организациях, а институт крестьянско-фермерского хозяйства развит слабо. При оптимизации ресурсной базы отрасли в соответствии с концептуальной моделью формируются возможности для развития института крестьянско-фермерского хозяйства. Предполагается, что закупку маточного поголовья КФХ будут осуществлять в отечественных

маточных центрах, а не импортировать из Франции или Китая. Кроме того, консультационные услуги по кормлению, выращиванию кроликов и ветеринарному и фитосанитарному надзору снизят объем прямых расходов крестьянско-фермерских хозяйств и переведут их в переменные затраты. Таким образом, собственникам КФХ необходимо только сформировать производственную площадку для кормления и выращивания кроликов. Основной продукцией на данном этапе будут кролики в живом весе и натуральные удобрения.

Следующим этапом производства является убой и мясопереработка. В сельскохозяйственных организациях мясопереработка увеличивает себестоимость продукции на 30%, а в КФХ – 50-70%. КФХ не выдерживают ценовой конкуренции, поэтому вынуждены направлять всю свою продукцию в живом весе в сельскохозяйственные организации, тем самым не принимая участия в формировании добавленной стоимости продукции.

При этом на данном этапе можно определить следующие направления мясопереработки:

- 1) мясопереработка в структуре сельскохозяйственной организации;
- 2) обособленная мясопереработка;
- 3) кооперативы по мясопереработке.

Мясопереработка в структуре сельскохозяйственной организации в первую очередь ориентирована на мясопереработку продукции собственного производства, что позволит максимизировать собственную добавленную стоимость. Если же собственный объем производства меньше, чем производственные мощности в мясопереработке, то предоставляется возможность осуществить скупку кроликов в живом весе у КФХ для переработки. Однако если объем производства у сельскохозяйственных организаций больше производственных мощностей в переработке, то производители вынуждены направлять свою продукцию в обособленные мясоперерабатывающие заводы.

Предлагается усовершенствовать существующие бизнес-процессы путем создания кооперативов по мясопереработке в рамках государственных финансовых ресурсов, предусмотренных Стратегией развития мясного животноводства, а также с привлечением инве-

стиционных средств крестьянско-фермерских хозяйств в равных долях. Данная форма собственности представляет собой государственно-частное партнерство, при этом частное партнерство формируется из нескольких собственников КФХ. Текущее взаимодействие позволит снизить уровень себестоимости путем равномерного распределения постоянных расходов в мясопереработке на всех участников кооператива и тем самым обеспечит ценовую конкуренцию с крупными сельскохозяйственными организациями.

Вся продукция этапа мясопереработки представляется в виде основной и сопутствующей продукции. Основная продукция – охлажденные и замороженные мясные изделия – через основные каналы сбыта направляется конечным потребителям. Сопутствующая продукция – шкурки кроликов и натуральные удобрения – направляется на рынок сопутствующих продуктов производителям продукции легкой промышленности и растениеводства. При этом продукция растениеводства, произведенная с применением натуральных удобрений, обладает высокими производственными характеристиками и участвует на следующих этапах в производстве комбикорма для кролиководства. Таким образом, обеспечивается итерационный производственный процесс, т.е. процесс замкнутого цикла, что обеспечивает конкурентными преимуществами участников производственного процесса данной отрасли.

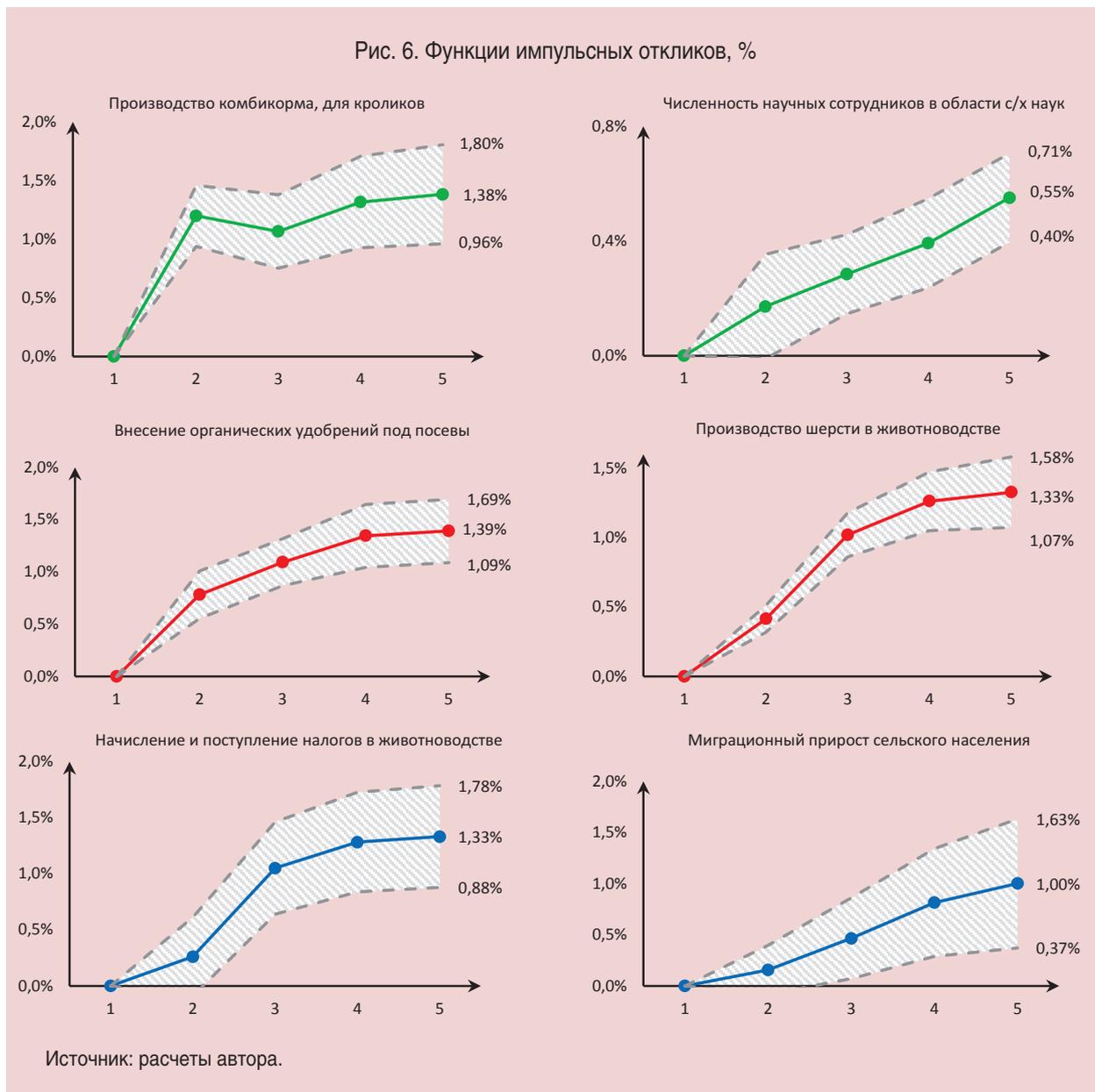
Такая концептуальная модель позволяет обеспечить реализацию государственных интересов:

- 1) в части обеспечения продовольственной безопасности и повышения уровня продовольственного обеспечения населения страны диетическими мясными изделиями;
- 2) снижения уровня безработицы;
- 3) снижения уровня миграции из села в город;
- 4) роста уровня оплаты труда в животноводстве;
- 5) увеличения объемов производства сопутствующих отраслей;
- 6) поставок сопутствующей продукции на рынок легкой промышленности и растениеводства.

Для подтверждения данного тезиса осуществлен расчет мультипликативного эффекта развития отрасли кролиководства по всем VAR-переменным (см. таблицу), в соответствии с представленной методологией. На *рисунке 6* представлены функции импульсных откликов, где по вертикальной оси отражено изменение соответствующей переменной в %, а по горизонтальной оси – период времени (год), по истечении которого, через определенное время, будут наблюдаться статистически значимые изменения.

Функции импульсных откликов представлены в виде кумулятивного (накопленного) эффекта сопутствующих направлений деятельности в ответ на изменение объемов производства крольчатины (увеличение на один процентный пункт темпа прироста отрасли). Можно отметить значимый положительный эффект со стороны развития комбикормовой базы для кроликов, который будет наблюдаться спустя два года. В отношении развития трудовых ресурсов также наблюдается статистически значимый положительный эффект, он имеет более долго-

Рис. 6. Функции импульсных откликов, %

срочный характер. Спустя пять лет ожидаемая численность научных сотрудников в случае оптимистичного сценария увеличится до 0,71%. Привлечение научных кадров в область сельскохозяйственных наук требует времени на подготовку и переподготовку кадров в части зооинженерии, генетики и пр. Научные сотрудники способны также проводить подготовку и переподготовку кадров в условиях кадрового голода [35], что необходимо для формирования интенсивного инновационного производства.

В числе сопутствующих направлений деятельности будет развиваться производство органических удобрений, которое за пять лет может вырасти на 1,39%. В работе J.I. Mcnitt [16, p. 287] отмечается высокое содержание азота, фосфора и калия в органических продуктах деятельности кролиководства, которые впоследствии могут в экономных количествах использоваться для обогащения почвы под посевы.

В кролиководстве возможны два направления развития отрасли – мясное и пушное [18]. На начальных этапах развития кролиководства уместным является разведение кроликов не только для удовлетворения потребности в диетическом мясе, но и для использования шкурок в целях развития отдельных направлений легкой промышленности. Результаты моделирования свидетельствуют о значимом импульсном отклике уже на третий год (+1%) со стороны вида деятельности «производство шерсти в животноводстве».

Однако импульсный отклик в миграционном приросте в сельских территориях и в объеме налоговых поступлений носит долгосрочный характер. В течение первых лет импульсный отклик данных показателей незначителен. Это свидетельствует о том, что в краткосрочной перспективе развитие фермерства в сельских территориях не решит проблему миграции из села в город. Для эффективного сокращения оттока сельского населения в город и формирования устойчивого развития сельских территорий необходимо разрабатывать комплексную концепцию и программу развития села. Но развитие отрасли кролиководства предлагаемым путем уже будет способствовать сокращению миграции из села в город. В течение 5 лет миграционный прирост из села в город сократится до 1,63% при оптимистичном сценарии.

Таким образом, на основе эконометрических методов был доказан и установлен системообразующий эффект развития отрасли кролиководства.

Полемика и выводы. Проведенный нами анализ опыта стратегирования кролиководства в разных странах показал, что процесс стратегирования в развитых и развивающихся странах существенно отличается вследствие различных стратегических интересов. Установлено, что для каждого этапа развития отрасли кролиководства характерен свой определенный уровень развития технологий. Для стран, которые только вовлекаются в процесс развития отрасли, необходимы минимальные технологии в области содержания, развития кроликов, вакцинации и т.д. Это связано с тем, что многие инновационные технологии предъявляют высокие требования к трудовым и финансовым ресурсам.

В течение последних 30 лет отрасль кролиководства является одной из наименее развитых отраслей животноводства в России, но в то же время обладает уникальными конкурентными преимуществами и огромным потенциалом для развития. Кроме того, в исследованиях отечественных ученых уделяется слабое внимание формированию концепции долгосрочно устойчивого развития отрасли и стратегического видения будущего кролиководства.

В связи с этим в данном исследовании предложена концептуальная модель совершенствования бизнес-процессов отрасли кролиководства в России, предусматривающая осуществление ресурсно-воспроизводственных процессов и формирование автономной ресурсной обеспеченности для полноценного устойчивого развития отрасли. Модель систематизирует подходы к развитию рынка сопутствующих товаров, обуславливает необходимость становления института фермерства в кролиководстве. Предлагаемое совершенствование бизнес-процессов отрасли позволит оптимизировать уровень постоянных затрат у крестьянско-фермерских хозяйств и тем самым снизит уровень себестоимости продукции, обеспечит ценовую конкуренцию с крупными сельскохозяйственными организациями.

При анализе работ зарубежных исследователей отмечается положительное влияние развития кролиководства на сопутствующие на-

правления деятельности. Для проверки данного тезиса на примере отечественной отрасли, а также в качестве обоснования системообразующего эффекта кролиководства представлена эконометрическая модель векторной авторегрессии. Как показывают результаты моделирования, при развитии отрасли кролиководства будут развиваться отрасли, определяющие ресурсную базу. В среднесрочной перспективе при оптимистичном сценарии наблюдается увеличение производства комбикорма для кроликов до 1,8%, увеличение численности научных сотрудников в области сельскохозяйственных наук на 0,71%. Помимо ресурсных отраслей оказывается влияние на развитие рынка сопутствующих товаров (растениеводство – 1,69%, легкая промышленность – 1,58%), на налоговые поступления (1,78%) и миграционный прирост сельского населения (1,63%).

Теоретическая значимость исследования заключается в построении концептуальной моде-

ли отрасли кролиководства на основе положений общей теории стратегирования посредством реализации стратегических приоритетов, в том числе через совершенствование неэффективных бизнес-процессов данной отрасли.

Практическая значимость исследования состоит в использовании предложенных подходов к развитию кролиководства при формировании государственных программ повышения эффективности отечественных производителей и при последующей актуализации Стратегии развития мясного животноводства. Разработанная концептуальная модель позволяет систематизировать организационно-экономические механизмы эффективного функционирования отрасли кролиководства. Её развитие будет способствовать повышению продовольственного обеспечения населения качественными диетическими мясными продуктами, что приведет к улучшению качества жизни.

Литература

1. Lukefahr S.D. et al. Present status of the Heifer Project International-Cameroon rabbit program: Back to the future. – 2000.
2. Owen E. et al. Livestock and wealth creation: improving the husbandry of animals kept by resource-poor people in developing countries. – Nottingham University Press, 2005.
3. Kamel L., Lukefahr S.D. A note on the social impact of village scale rabbit project development in rural Egypt // *J. Applied Rabbit Res.* – 1990. – Т. 12. – С. 259–262.
4. Kaplan-Pasternak M., Lukefahr S.D. WRSA project: Rabbit project development in response to the earthquake disaster in Haiti. Interim Report to the World Rabbit Science Association. Available at: <http://world-rabbit-science.com>. 2011.
5. Oseni S.O., Lukefahr S.D. Rabbit production in low-input systems in Africa: situation, knowledge and perspectives—A review // *World Rabbit Science.* – 2014. – Т. 22. – № 2. – С. 147–160.
6. Machado L.C., Ferreira W.M. Organization and strategies of Brazilian rabbit production // V congreso Americano de cunicultura, Mexico, 2014. Available at: <https://world-rabbit-science.com/Other-Proceedings/America-2014-5th-Congress/Paper-pdf/024a-Machado-English.pdf>
7. Kvint V.L. *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications.* – Routledge, 2015.
8. Francois LEBAS Strategy of lifting up small or medium scale rabbit farming into an industrial type enterprise, with a special reference to developing countries // First Jilin Rabbit Fair and Conference on Asian Rabbit Production Development, Changchun (China), September 2009. P. 8–10.
9. Jatib M.I., Muncha D.C., Bentivegna M. Differentiation strategy of agrifood with impact on economic and social development of vulnerable populations case study of collective trademark // *European scientific journal, esj.* – 2015. – Т. 11. – № 3.
10. Yinghe Qin: Structures and Marketing Strategies of China Rabbit Farming Cooperatives // *WARTAZOA Vol. 20. No. 4. Th.* 2010.
11. Ling W.T., Xiang W.G., Ying H.W. Basic judgments for 2008 Chinese rabbit industry. *Chinese J. Rabbit Farming* 3. 2008. P. 5.
12. Long C.L. A cooperative model for normal rabbit breeders. *China Anim. Husbandry Bull.* 2008. P. 52–57.
13. Tao X.H. Development of chinese characteristics grain saving husbandry, the relationship with rabbit breeding industry. *Chinese j. Rabbit farming.* 2008. P. 3– 6.

14. Zilin G. et al. Review about rabbit breeding in China //proc.: 9th World Rabbit Congress. – 2008. – С. 10–13.
15. Xing Z.M., Lai P.Y., Xian Z.J. Review of 30 years development of Chinese rabbit industry and a look into the future. Chinese j. Rabbit farming. 2009. P. 4–6.
16. McNitt J.I. Rabbit production. – CABI, 2013. – №. Ed. 9.
17. Eady S.J. Rural Industries Research and Development Corporation (Australia). Technology Advances and Innovation in the Meat Rabbit Industry in Europe. – Rural Industries Research and Development Corporation, 2008.
18. Балакирев Н.А., Нигматуллин Р.М. Из истории развития кролиководства // Кролиководство и звероводство. 2012. № 6. С. 19–21.
19. Комлацкий В.И. Эффективное кролиководство: учебное пособие. Краснодар, 2013.
20. Титарев Л.А. Состояние кролиководства в СССР и за рубежом [Текст] : (Обзор) / Молд. науч.-исслед. ин-т науч.-техн. информации и техн.-экон. исследований Госплана МССР. Кишинев : [б. и.], 1971. 45 с.
21. Sims C.A. Macroeconomics and reality //Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1980. – С. 1–48.
22. Christiano L.J. Christopher A. Sims and Vector Autoregressions. The Scandinavian Journal of Economics, 2012, vol. 114, iss. 4, pp. 1082–1104.
23. Baumeister C., Liu P., Mumtaz H. Changes in the transmission of monetary policy: Evidence from a time-varying factor-augmented VAR. – 2010.
24. Bernanke B., Blinder A. The Federal Funds Rate and the Channels of Monetary Transmission. American Economic Review, 1992, no. 82, pp. 901–921.
25. Leeper E.M. et al. What does monetary policy do? //Brookings papers on economic activity. – 1996. – Т. 1996. – № 2. – С. 1–78.
26. Дерюгина Е., Пономаренко А. Большая байесовская векторная авторегрессионная модель для российской экономики // Серия докладов об экономических исследованиях в Банке России. 2015. № 1.
27. Пестова А.А., Мамонов М.Е. Обзор методов макроэкономического прогнозирования: в поисках перспективных направлений для России //Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 45–75.
28. Полбин А.В. Эконометрическая оценка структурной макроэкономической модели российской экономики // Прикладная эконометрика. 2014. № 1 (33).
29. Скроботов А., Турунцева М. Прогнозные свойства VAR-моделей: приложение к российским данным // Научный вестник ИЭП им. Гайдара. ру. 2015. № 8. С. 39–43.
30. Арженковский С.В. Прогнозирование динамики цены и оценка риска инвестиций в золото // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 20 (419).
31. Мицель А.А., Соболева М.А. Анализ финансовой устойчивости предприятий сотовой связи России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 6 (240).
32. Громов А.Д. Влияние государственных расходов на экономический рост // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 4. С. 62–71.
33. Банников В.А. Векторные модели авторегрессии и коррекции регрессионных остатков (EViews). // Прикладная эконометрика. 2006, № 3.
34. Артамонов Н.В., Артамонов Д.В., Артамонов В.А. Кредитные циклы: эконометрический анализ и выводы для России // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 2 (35).
35. Шаклеин К.И. Влияние факторов внешней и внутренней среды на развитие отрасли кролиководства в России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1–1. С. 1018–1023.
36. Шаклеин К.И., Шаклеина М.В. Стратегические приоритеты развития отрасли кролиководства в России до 2030 г. // Экономические стратегии. 2017. Т. 19. № 5. С. 226–240.

Сведения об авторах

Марина Владиславовна Шаклеина – канд. экон. наук, доцент кафедры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корп. 61; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Константин Игоревич Шаклеин – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корп. 61; e-mail: mrshaklein@gmail.com)

Shakleina M.V., Shaklein K.I.

Building a Conceptual Model of Sector Development and Assessment of the System-Building Effect

Abstract. The article is devoted to forming a strategic vision of rabbit breeding sector taking into account the state priorities. The relevance of the topic is caused by the growing shortage of dietary meat consumption in Russia, which leads to deteriorating quality of food and reduces the quality of life. According to analysis of domestic research on the current problem, more attention is paid to studying the Soviet experience of planning, production and resource analysis of the sector and the need for its development. Lack of experience in strategic planning in rabbit breeding in domestic science has become the cause of vulnerability during the perestroika (reformation) period, resulting in a dramatic decline in production. In this regard, there is a need to improve the mechanisms of integrated development of the sector taking into account the general theory of strategizing. The purpose for the study is to develop a model of sustainable development of the rabbit breeding sector taking into account the assessment of the system-building effect of related activities. The research novelty of the study lies in building a conceptual model for improving business processes in the Russian rabbit breeding sector, providing for the implementation of resource-reproduction processes and the formation of autonomous resource security for fully sustainable development of the sector. The model systematizes approaches to the development of the market of related products and necessitates the establishment of the farming institution in rabbit breeding. The paper evaluates the system-building effect of the sector development. With the help of plotting the impulse response function using the vector autoregression model it is shown that with the development of rabbit breeding the sectors determining the resource base and related activities (crop production, consumer industry) will also develop. Moreover, partial implementation of state priorities in terms of increasing tax revenues and reducing population outflow from rural to urban areas has been established. In this study, attention is paid to developing the demand for rabbit breeding products. The main constraint of studying the demand for these products is lack of statistics on their retail prices and retail sales. To address the mentioned problem it is necessary to conduct sociological surveys devoted to studying consumer preferences in consumption of meat products, which will be the further research area.

Key words: rabbit breeding development, conceptual model, system-building effect, vector autoregression model, strategic development of industry.

Information about the Authors

Marina V. Shakleina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskiye Gory, Build 61, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Konstantin I. Shaklein – Post-Graduate Student, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskiye Gory, Build 61, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mrshaklein@gmail.com)

Статья поступила 09.04.2018.

Экологическая оценка экономического роста северного региона

**Татьяна Вячеславовна
ТИХОНОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru

Аннотация. Основой проведенного анализа стала модель зеленого роста П. Виктора. С точки зрения концептуальной применимости (для диагностики экологичности экономического развития) и доступности инструментального аппарата она наиболее проста, наглядна и универсальна в спектре показателей. Ключевыми параметрами представленной модели исследования являются удельные показатели негативного воздействия на природные системы в расчете на единицу экономического результата. Новизна заключается в учете экономических и экологических показателей для оценки качества жизни и степени экологичности экономического развития территории северного региона. Результаты оценки в Республике Коми выявили в целом низкий уровень экологического качества развития экономики региона за период 2007–2016 гг. Некоторые подвижки в зону «зеленого» роста наблюдались по состоянию сбросов загрязненных сточных вод в водные поверхностные объекты; стабильное положение экономики в зоне «коричневого» роста характерно по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу, признаки «черного» роста экономического результата обусловили объемы образования и размещения токсичных отходов промышленных предприятий. Для уменьшения негативного воздействия на окружающую среду необходимы внедрение наилучших доступных технологий на самих производствах продукции и для переработки отходов; обеспечение переработки отходов на уровне не менее 40%. Модель также применена для исследования процессов негативного воздействия на окружающую среду в разрезе типичных регионов Северо-Западного федерального округа. Результаты исследования представили значительную дифференциацию экономической эффективности и экоин-

Для цитирования: Тихонова Т.В. Экологическая оценка экономического роста северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 162–178. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.11

For citation: Tikhonova T.V. Environmental assessment of economic growth in the northern region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 162–178. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.11

тенсивности в ресурсодобывающих северных регионах Северо-Западного федерального округа. Проведенный анализ показал, что значительная часть регионов, имеющих высокие показатели бюджетной и экономической эффективности, обладают также и лучшими перспективами в контексте «зеленого» роста. Перспективой исследований является рассмотрение ситуации с точки зрения эффективности природоохранной деятельности северных регионов по показателям ущерба окружающей среде, инвестиционной активности в отношении охраны окружающей среды.

Ключевые слова: зеленая экономика, экологические индикаторы качества жизни, экоинтенсивность, загрязнение окружающей среды.

Введение

Обеспечение экономического роста сегодня зачастую связано с ростом загрязнения и деградации окружающей среды, истощением природных ресурсов, что ограничивает возможности устойчивого развития. Это означает, что повышение качества жизни не может быть достигнуто традиционными подходами [1–5]. Смена парадигмы развития на глобальном уровне была осознана на рубеже третьего тысячелетия как задача построения посткризисной экономики [6]. В настоящее время зарубежный опыт является основным источником для изучения специфики направлений, индикаторов и мер реализации стратегий зеленого роста [1, 2, 4, 5, 7, 8]. Россия, сталкивающаяся с проблемами грязного экономического роста, встраивается в зеленый курс развития экономики [3, 6, 9, 10, 11]. Так, к теме зеленой экономики обращается Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации, в Министерстве экономики обсужден опыт ОЭСР и российской статистики по измерению зеленого роста [12]. МИД и Минприроды России участвовали в разработке Рамочной стратегии развития зеленой экономики в общеевропейском регионе на конференции «Окружающая среда для Европы» 8–10 июля 2016 г. (г. Батуми). Порядка тысячи научных публикаций посвящены вопросам реализации зеленого курса экономического развития России. Разработка оценки зеленого роста экономики регионов Урала и Сибири проявляется в фокусе методов и подходов [13–17].

Цель исследования заключается в выявлении наиболее приемлемых для оценки индикаторов качества жизни, а также основных позиций зеленой экономики в северном регионе

как способа перехода к ресурсоэффективному обществу. Новизна заключается в оценке современных направлений исследования северных территорий с применением модели по схеме П. Виктора. Основным инструментарием являются удельные показатели негативного воздействия на природные системы в расчете на единицу экономического результата. Значимость данного исследования заключается в определении методов и алгоритма измерения; расчетов уровней экологизации с целью обоснования перспективных направлений экологической модернизации и улучшения качества жизни населения.

Обоснование выбора методики

По определению, данному в докладах ЮНЕП, зеленая экономика способствует повышению благосостояния людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижая риски для окружающей среды [2]. Важными чертами такой экономики являются: эффективное использование природных ресурсов; сохранение и увеличение природного капитала; уменьшение загрязнения; минимизация углеродных выбросов; предотвращение утраты экосистемных услуг и биоразнообразия; рост доходов и занятости [6]. В силу того что зеленая экономика во многом согласуется с принципами устойчивого развития, с начала 90-х годов прошлого столетия было разработано множество механизмов оценки этого развития. По своей структуре они разделяются на три категории: показатели/индикаторы; интегральные/агрегированные показатели; субъективные измерения благосостояния. Для первой категории выделяются несколько видов наборов показателей отражающих экологический фактор качества жизни (*табл. 1*).

Таблица 1. Показатели оценки и их функции

Показатели	Функции
Базовые	Проведение анализа экологической политики
Ключевые (объемные, удельные и стоимостные показатели)*	Информирование общественности; ориентир для принятия управленческих решений
Отраслевые	Оценка интеграции экологических процессов в отраслевые стратегии, отражающие отраслевые тренды и взаимодействие с окружающей средой
Экологический учет	Оценка природоохранных затрат; учет природного капитала в национальных счетах
* Объемы выбросов от передвижных и стационарных источников, сбросов в поверхностные водные объекты, токсичных отходов; удельные объемы выбросов, сбросов и отходов, отнесенные к численности населения; объемы платежей за негативное воздействие на атмосферный воздух, водные объекты и землю в пределах нормативных значений и платежи за негативное воздействие в пределах сверхнормативных значений (общий).	

Простое снижение загрязнения природной среды не гарантирует движения в направлении зеленой экономики и не является индикатором «зеленого» роста. Показатели демонстрируют динамику, где граница допустимых или предельных величин невидима. Их достоинство заключается в доступности и простоте, они наиболее распространены в разнообразных отчетах и документах (госдоклады, индикаторы для программ и стратегий развития и т.д.), а также при принятии управленческих решений в области природопользования. Важным моментом является попытка учета ущерба от загрязнения среды и истощения природных ресурсов на макроэкономическом уровне, экологической корректировки основных экономических показателей развития. Среди недостатков можно отметить их неоднородность и эклектичность, а в большинстве случаев отсутствие явных причинно-следственных связей с устойчивостью [17]. К тому же эти показатели не признаны за рубежом и не достаточны для сравнения экологичности развития экономических процессов или качества жизни.

Следующий методологический подход касается агрегированных показателей, причем основная сложность заключается в определении весов исходных показателей. Данные группы разделяются на социально-экономические; эколого-экономические; социально-экологические; эколого-социо-экономические. Практически все они основаны на корректировке ВВП путем вычитания ущерба окружающей среде, социальных издержек; учета вклада в благосостояние граждан. Более подробно анализ этих показателей проведен Э.М. Зоной в аналитическом обзоре [17]. Достоинством агрегированных показателей является возмож-

ность комплексной оценки динамики и уровня развития общества, обеспечение методологического единства частных индикаторов и переменных, образующих информационную основу для расчетов [18–20]. Показатели многочисленны и характеризуют «перекося» или корректировки экономического результата по отношению к социальному или экологическому процессу, используются в основном для характеристики ситуации, но не являются «пограничной» величиной. К ограничениям использования и недостаткам можно отнести тот факт, что продолжающийся динамичный рост ВВП не всегда отражает улучшение благосостояния населения; при оценке эколого-экономических характеристик происходит смешивание оценок текущего благосостояния и долговременной устойчивости, которые необходимо измерять отдельно, а также субъективный характер финансовой оценки различных видов экономической деятельности. Такие агрегированные показатели зачастую в силу средней достоверности оценок служат лишь доказательством негативной ситуации и стимулом к внедрению щадящих видов природопользования. Все это также относится к методологии по оценке экосистемных услуг для учета общего благосостояния; оценке рекреационных услуг, услуг водно-болотных угодий и бореальных лесов; мониторингу состояния на основе этих оценок благ и разработке учета благ, предоставляемых экосистемами в планировании хозяйственной деятельности [21–23]. Несмотря на попытку экономического учета благ природной среды или экологического ущерба, многие компоненты невозможно вывести на рынок, а, значит, общая ценность лишь гипотетически отражает ситуацию качества жизни населения.

Процессы экономического развития невозможны без какой-либо динамики, мониторинга и оценки. Вследствие этого практически одновременно с зеленой экономикой возникло понятие «зеленый рост». Первый набор показателей зеленого роста был предложен в книге «Курс на зеленый рост: мониторинг прогресса. Показатели ОЭСР» [3], а более детальный набор показателей представлен в «Показателях зеленого роста. 2014» [8]. Методология измерений основана на взаимодействии экономики, природных активов и инструментов политики. Она позволила выделить пять групп и порядка 30-ти показателей, детализирующих индикаторы. В группе «экологические аспекты качества жизни» индикаторами являются факторы риска здоровья (как правило, параметры загрязненности окружающей среды) и доступ к экологическим благам (чистая питьевая вода, качество воздуха, сохранение экосистемных услуг/биоразнообразия). Наиболее прогрессивным из стран СНГ с точки зрения внедрения индикаторов измерения «зеленого роста» экономики стал опыт Кыргызстана. В конце 2013 г. был сформирован финальный проект пакета материалов зеленого роста, включавший: матрицу индикаторов зеленого роста; дорожную карту по мониторингу и оценке индикаторов зеленого роста; руководство по национальным индикаторам мониторинга и оценки зеленого роста. Матрица национальных индикаторов зеленого роста состоит из 65 показателей, которые сгруппированы в пять блоков (по аналогии с предложенными группами модели ОЭСР). Сбором, обработкой, хранением и распространением значительной части показателей матрицы национальных индикаторов зеленого роста занимается Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, который выпускает сборники [24]. На момент 2015 г. существует анализ ситуации с 2010–2014 гг. по выработанным индикаторам. Блок «экологическое качество жизни» включает в себя совокупность 12 индикаторов: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников (в расчете на одного жителя); болезни органов дыхания; доля населения, имеющего устойчивый доступ к питьевой воде и канализации; заболеваемость острыми кишечными

инфекциями; организованный сбор твердых коммунальных отходов в городской и сельской местности; площадь зеленых насаждений (на душу населения); доли среднестатистических расходов на электроэнергию, теплоэнергию, природный газ и твердое топливо. Также необходимо отметить, что индикаторы представлены на национальном, региональном (областной) и местном (районном) уровнях [25].

Семнадцать целей ЦУР охватывают три составляющие устойчивого развития: социальную, экономическую и экологическую, а также институциональные аспекты. По мнению Бобылева С.Н. и Соловьевой С.В., с учетом российских реалий и интересов можно выделить семь целей, имеющих наибольшую экологическую направленность: ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», ЦУР 7 «Доступная и чистая энергия», ЦУР 11 «Устойчивые города», ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство», ЦУР 13 «Изменение климата», ЦУР 14 «Сохранение океанов», ЦУР 15 «Сохранение биоразнообразия» [9]. Индикаторы были адаптированы к российским условиям, однако их реальное использование для оценки зеленого курса экономического развития не всегда возможно из-за их отсутствия в статистике (табл. 2).

Среди специалистов по экологической экономике существует мнение, что в странах ОЭСР задача роста не является первоочередной. В зарубежной эколого-экономической литературе активно обсуждается концепция нулевого роста (degrowth), предполагающая необязательность экономического роста и даже в ряде случаев желательность отрицательного роста – экономического спада. Считается, что в этих странах уже достигнут высокий уровень производства материальных благ и для повышения качества жизни людей основной акцент сосредоточивается на сохранении природных активов [26, 27]. Для России путь к «зеленой экономике» можно назвать «зеленым» ростом только в случае растущей экономики [15]. С точки зрения концептуальной применимости (для диагностики экологичности экономического развития) и доступности инструментального аппарата наиболее проста и наглядна схема кривых по Виктору. Эти кривые демонстрируют положение экономического развития с точки зрения степени воздействия на окружающую среду.

Таблица 2. Показатели качества жизни

Цели устойчивого развития	Адаптированные для России индикаторы
ЦУР 6 «Чистая вода и санитария»	Удельный вес жилищного фонда, обеспеченного водопроводом (город, село), %
	Удельный вес жилищного фонда, обеспеченного канализацией (город, село), %
	Забор свежей воды в % к возобновляемым водным ресурсам – индекс эксплуатации водных ресурсов
ЦУР 7 «Доступная и чистая энергия»	Доля возобновляемых источников энергии в балансе энергоресурсов, %
	Энергоемкость ВВП, т у.т. / руб.
ЦУР 11 «Устойчивые города»	Доля ветхого и аварийного жилищного фонда, %
	Вывоз отходов с территории городских поселений
	Среднегодовая концентрация взвешенных веществ (включая РМ2.5) на территориях городских поселений, мг/м3
	Численность населения, проживающего в особо загрязненных городах, %
ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство»	Образование отходов производства и потребления, в том числе опасных
	Использование и обезвреживание опасных отходов производства и потребления
	Использование и обезвреживание отходов производства и потребления
ЦУР 13 «Изменение климата»	Введение программы экологической безопасности, предотвращения катастроф и стихийных бедствий
	Введение стратегии/плана адаптации к неблагоприятным последствиям изменения климата и развития потенциала противодействия климатическим изменениям и снижения выбросов парниковых газов
	Выбросы парниковых газов
ЦУР 14 «Сохранение океанов»	Освоение квот вылова, %
	Морские и прибрежные ООПТ, млн га
ЦУР 15 «Сохранение биоразнообразия»	Особо охраняемые природные территории, млн га
	Площадь земель, подвергшихся опустыниванию, тыс. га
	Площадь нарушенных земель, тыс. га
	Площадь обработанных земель, тыс. га
	Площадь рекультивированных земель, тыс. га

Методика исследования

Несмотря на то, что для России «зеленая экономика» остается более желанным, нежели реальным направлением развития, сам путь к достижению пусть незначительных, но важных результатов можно назвать зеленым ростом [15]. Учитывая уже существующее избыточное влияние экономики на биосферу отметим, что экономика с растущим ВВП может стать более зеленой только в том случае если такой рост влечет за собой безусловное уменьшение количества факторов (на один или более), оказывающих воздействие на окружающую среду. Это может касаться сокращения эмиссии парниковых газов на единицу ВВП (интенсивность эмиссии парниковых газов) или иных загрязнений. Однако если сокращение эмиссии парниковых газов внутри страны/региона на единицу ВВП/ВРП достигнуто посредством изменений в экономической деятельности таким образом,

что эмиссия будет происходить в другой стране, такой рост не является зеленым. Эти тезисы отражают концепцию П. Виктора, согласно которой зеленый рост может быть определен как экономический рост более медленный, чем темп ослабления интенсивности загрязнения, потому как только в этом случае воздействие на окружающую среду, безусловно, уменьшится. *Зеленый рост* не может быть достаточно зеленым в случае лишь снижения негативного воздействия на окружающую среду и даже не предполагает в качестве цели сокращение (выбросов), но, как минимум, представляет собой движение в правильном направлении. Более того, когда темп экономического роста превышает темп ослабления интенсивности загрязнения, то происходит *коричневый рост*, а когда одновременно увеличиваются и масштаб, и интенсивность загрязнения, то имеет место *черный рост* [28].

Диагностируя динамику «зеленого» роста, П. Виктор исходил из соотношения темпов роста валового продукта и интенсивности загрязнения. Предложенная им графическая схема обозначает эколого-экономические зоны роста двух процессов через соотношение кривых взаимозависимости экономики и ее воздействия на окружающую среду [28].

Для оценки влияния экономического роста на загрязнение среды использованы два удельных показателя экологической интенсивности – стоимостной, на рубль валового регионального продукта (ЭИврп) и натуральный, на душу населения (ЭИчн):

$$\text{ЭИврп} = \text{ЭН} / \text{ВРП}, \quad (1)$$

где ЭН представляет экологическую нагрузку трех видов (объемы сбросов сточных вод в водные объекты; выбросы загрязняющих веществ от стационарных и передвижных источников в атмосферу; объем токсичных промышленных отходов с учетом показателей их очистки), ВРП – валовой региональный продукт, характеризующий результат экономического развития.

$$\text{ЭИчн} = \text{ЭН} / \text{ЧН}, \quad (2)$$

где ЭН – соответствующая экологическая нагрузка; ЧН – численность населения региона.

Идея построения графиков основана на сопоставлении показателей негативного антропогенного воздействия и достижения экономического результата. Причем уровень негативной нагрузки на окружающую среду для расчетов приводится с учетом фактической ее очистки (например, для сточных вод – объем загрязненных сточных вод). В координатах основных осей откладываются значения ВРП (вертикаль) и ЭИврп (горизонталь) за период исследования (2007–2016 гг.) в виде точек на графиках. Для определения вектора развития экономики (зеленого, коричневого или черного роста/спада) используются дополнительные оси, обозначающие стартовые величины показателей ВРП и экологической интенсивности. В нашем случае дополнительная горизонтальная ось соответствует уровню экологической интенсивности на 2007 г. (ЭИврп 2007 г.), на дополнительной вертикальной оси показан

экономический результат – ВРП 2007 г., пересечение осей обозначает начальное соотношение между экологической интенсивностью и экономическим результатом.

Для выявления ситуации строится кривая, при построении которой выполняется условие: $\text{ЭИврп} \times \text{ВРП} = \text{const}$ (т.е. $\text{ЭН} = \text{const.}$, например, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу для стационарных источников с учетом их улавливания на момент 2007 г.). Назначение данной кривой заключается в том, что при росте/спаде ВРП уровень загрязнения не увеличивается, а, значит, она делит пространство таким образом, что те значения, которые лежат в области «зеленого» роста, являются позитивным моментом развития экономики в регионе, и наоборот. Таким образом, дополнительные оси (ЭИврп 2007 г. и ВРП 2007 г.) и кривая делят наше пространство на зоны зеленого, коричневого и черного роста/спада. Часть, расположенная левее от кривой, является зоной зеленого роста, при этом значения, попадающие в эту зону, фиксируют позитивные процессы в экономическом развитии с точки зрения ее экологичности. Пространство, ограниченное кривой и дополнительной вертикальной осью (ЭИврп 2007 г.), является коричневой зоной экономического развития, где экономический рост сопровождается и ростом негативного воздействия на окружающую среду. Зона черного экономического роста находится за дополнительной вертикальной осью ЭИврп 2007 г. и характеризует крайне негативные процессы экономического развития при росте всех показателей экологической интенсивности.

ВРП характеризует экономическое развитие. Для адекватной оценки темпов роста/спада валового продукта используется индекс физического объема ВРП в % к предыдущему году (для всего периода исследования), благодаря которому значения приводятся к уровню цен 2007 года [29, 30]. Экологичность развития экономики в регионе или качество экономического роста определяют векторы изменения экологической интенсивности. Натуральные показатели интенсивности загрязнения на душу населения позволяют скорректировать оценку характера экономического роста. В случае, когда происходит уменьшение

Таблица 3. Эколо-экономические зоны в концепции «зеленого роста»

Динамика ВРП	Динамика экологической интенсивности	Качество экономического роста
<i>Рост экономического развития</i>		
Рост	Одновременное снижение стоимостного и натурального показателей	Зеленый
Рост	Снижение только одного из показателей	Коричневый
Рост	Одновременный рост стоимостного и натурального показателей	Черный
<i>Спад экономического развития</i>		
Спад	Одновременное снижение стоимостного и натурального показателей	Абсолютно зеленый
Спад	Снижение только одного из показателей	Зеленый
Спад	Одновременный рост стоимостного и натурального показателей	Черный

величины ВРП корр. к его начальному значению за период исследования, ситуация характеризуется спадом экономического развития. Условия принадлежности кривых к той или иной зоне экономического развития представлены в *таблице 3*.

Аналогичные исследования были выполнены в сфере использования лесных ресурсов и охраны окружающей среды для территории Сибири [15, 16]. Результаты нашей оценки характеризуют негативное воздействие на атмосферный воздух (выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников с учетом их объемов улавливания); на водные объекты (сбросы загрязненных сточных вод) и на земли (образование токсичных отходов производства с учетом объемов их использования) при росте и спаде ВРП (с учетом индекса дефляции) за период 2007–2016 гг.

Результаты исследования

Анализ представлен для северного региона – Республики Коми. *Рисунки 1, 3, 4* демонстрируют интенсивность загрязнения атмосферы, водных объектов и земли. При этом значения, которые попадают в область за пределами пунктирной кривой с правой стороны, характеризуют негативные моменты решения задач природоохранного значения. За период 2007–2016 гг. наблюдается рост ВРП корр. до 2012 года и дальнейший спад к 2016 году. В случае если точки оказываются в левой части от пунктирной линии, можно фиксировать позитивный характер природопользования. Цветом точек показана причастность к зонам экономического роста.

Натуральные показатели интенсивности загрязнения на душу населения – объемов сбросов загрязненных сточных вод в водные объекты; выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников в атмосферу (с уче-

том их улавливания); образования токсичных промышленных отходов (с учетом объемов использования) на душу населения – корректируют оценку вектора экономического роста. Изменения этих показателей даны относительно оси нулевого ряда: положительные значения показывают рост негативного воздействия на окружающую среду, а отрицательные – снижение антропогенной нагрузки (*рис. 2*).

Данные загрязнения атмосферного воздуха показали, что на протяжении ряда лет наблюдается разнонаправленная динамика относительно ЭИврп (*рис. 1*).

Начальная фаза периода исследования (экономического роста ВРП корр. за период 2007–2010 гг.) сопровождается решением проблем в области охраны воздуха от загрязнения: применением новых технологий очистки выбросов загрязняющих веществ, повышением эффективности действующих очистных установок и ликвидацией источников загрязнения на ряде крупных предприятий (ОАО «Монди СЛПК», ОАО «Воркутауголь», Воркутинский цементный завод). Далее происходит спад ВРП корр. и одновременно рост объемных характеристик выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, который демонстрирует на рисунке 1 попадание в зоны коричневого и черного роста экономического развития (2011–2014 гг.). Увеличение негативного воздействия происходит за счет роста выбросов диоксида серы, углеводородов и оксида углерода на предприятиях ООО «Лукойл-Коми», ООО «РН-Северная нефть», ООО «Газпром переработка», «Печорская ГРЭС». В период 2015–2016 гг., несмотря на спад ВРП корр., за счет природоохранных мероприятий (использования попутного нефтяного газа более 95%) в ООО «Лукойл-Коми», ООО «Енисей», ООО «РН-Северная нефть»,

Рис. 1. Стоимостная экологическая интенсивность загрязнения атмосферы

ЗАО «Печоранефтегаз», ООО «Нобель ОЙЛ» и на других промышленных объектах в регионе ситуация вновь улучшается с точки зрения экологичности своего экономического развития, приобретая «зеленый» вектор.

Динамика натурального показателя ЭИчн (рис. 2) также неоднозначна и тем не менее сви-

детельствует о спаде негативного воздействия. Совокупность двух графиков показателей стоимостной и натуральной экологической интенсивностей позволяет утверждать, что развитие экономики по характеру воздействия на атмосферный воздух соответствует вектору «коричневого» роста.

Рис. 2. Изменение натуральных показателей экологической интенсивности

Рис. 3. Стоимостная экологическая интенсивность сброса сточных вод

Динамика интенсивности сбросов загрязненных сточных вод ЭИврп (рис. 3) демонстрирует практически полное попадание в зону «зеленого» роста (исключая 2011 год), как и значения натуральных показателей загрязнения ЭИчн, которые имеют отрицательные значения, а следовательно, показывают спад негативного воздействия (рис. 2). Это позволяет утверждать, что ситуация с очисткой сточных вод достаточно стабильная и положительная.

Обращение с токсичными отходами с учетом их использования/переработки в период исследования представляет пульсирующую кривую (практически ежегодного роста и спада) в отличие от динамики ВРПкорр., которая до 2012 г. растет, демонстрируя рост экономики, а в период 2012–2016 гг. наблюдается спад экономического развития. В силу отсутствия четкой тенденции роста и уменьшения негативного воздействия на окружающую среду со стороны образования токсичных отходов, выделяются лишь три года, когда идет сокращение объемов их образования. Причем резкое уменьшение объемов не имеет какой-либо тенденции проведения мероприятий, внедрения новых технологий и т.д. (рис. 4.).

Наименьшая переработка отходов (0,8% от объема образования) происходит на предприятиях добывающей отрасли промышленности,

которые и производят в свою очередь максимальный объем токсичных отходов (77,6% от общего объема производственных отходов региона). В связи с этим даже позитивные результаты 2012–2016 г. с переработкой отходов в лесной отрасли (изготовление брикетов и пеллет – 13 предприятий), использование древесных отходов в качестве источника тепла (ООО «СевЛесПил», ООО «Лузалес», ООО «ОАО Монди СЛПК», ООО «СФЗ») не повлияли на ситуацию. Рисунок 4 показывает, что, несмотря на снижение нагрузки ситуация с обращением токсичных отходов находится в состоянии вектора развития «черного роста» экономики. Хотя за период исследования наблюдались краткосрочные улучшения ситуации обращения с отходами, тем не менее доминирует положение резко негативного воздействия на окружающую среду. По сравнению с воздействием на атмосферу и воду ситуация обращения с отходами является наиболее неблагоприятной в регионе. Результаты оценки выявили в целом низкий уровень экологического качества развития экономики Республики Коми за период 2007–2016 гг.:

– по состоянию сбросов загрязненных сточных вод в водные поверхностные объекты наблюдалось снижение удельных показателей экологической интенсивности, что позволяет говорить о «зеленом» росте экономики;

Рис. 4. Стоимостная экологическая интенсивность обращения с отходами

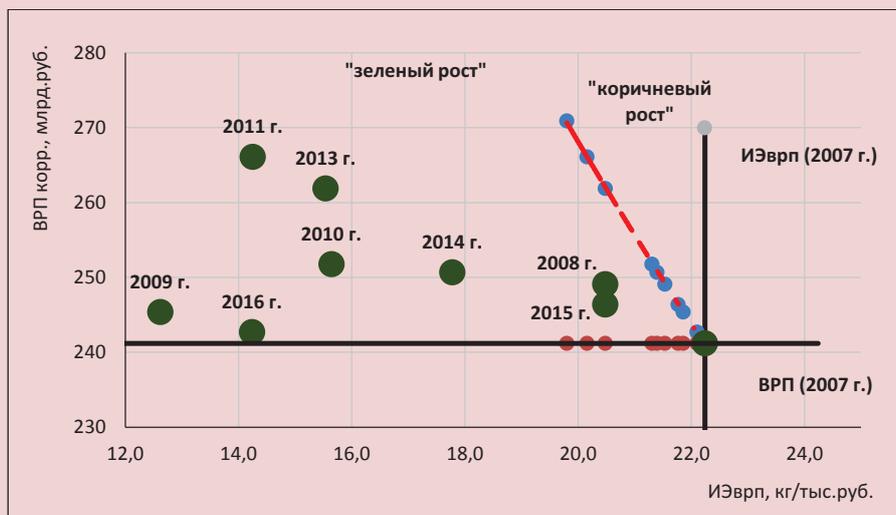

- динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников демонстрировала разнонаправленность стоимостных и натуральных показателей экоинтенсивности, что позволяющую утверждать, что экономика находилась в зоне «коричневого» роста;
- объемы образования и размещения токсичных отходов промышленными предприятиями вызвали рост удельных показателей экоинтенсивности — это признак «черного» роста экономического результата.

Анализ результатов

В настоящее время объемы использования токсичных отходов в Республике Коми чрезвычайно низки (18–24% за исследуемый период) и в существующем объеме не дают кардинальных улучшений. Анализ зависимости ситуации от уровня утилизации отходов выявил пороговое значение 40% (рис. 5). Его превышение переводит ситуацию в зону экологического улучшения экономического развития по отношению к охране окружающей среды.

Рис. 5. Экологическая интенсивность образования отходов с учетом их использования в размере 40%

Анализ «Прогноза социально-экономического развития региона на период до 2020 года» показал, что в период 2007–2020 гг., несмотря на фактический рост ВРП согласно индексу физического объема ВРП к предыдущему году (%), наблюдается спад экономического развития [31]. Несмотря на плановые показатели использования отходов в период 2015–2020 гг. согласно Госпрограмме Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы по Республике Коми (25–30% объема образования), вектор экономического развития региона демонстрирует его «абсолютно зеленый спад» [32]. Таким образом даже в ближайший период (2020 г.) при росте доли использования токсичных отходов (до 30%) ситуация кардинально с точки зрения зеленого курса экономического развития не изменится (рис. 6). А значит, улучшения ситуации лишь со стороны природоохранных мероприятий не достаточно для осуществления экологичного курса развития экономики в регионе.

В итоге проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. С точки зрения концептуальной применимости (для диагностики экологичности экономического развития) и доступности инструментального аппарата наиболее проста и наглядна схема кривых по П. Виктору. Эти кривые демонстрируют положение экономическо-

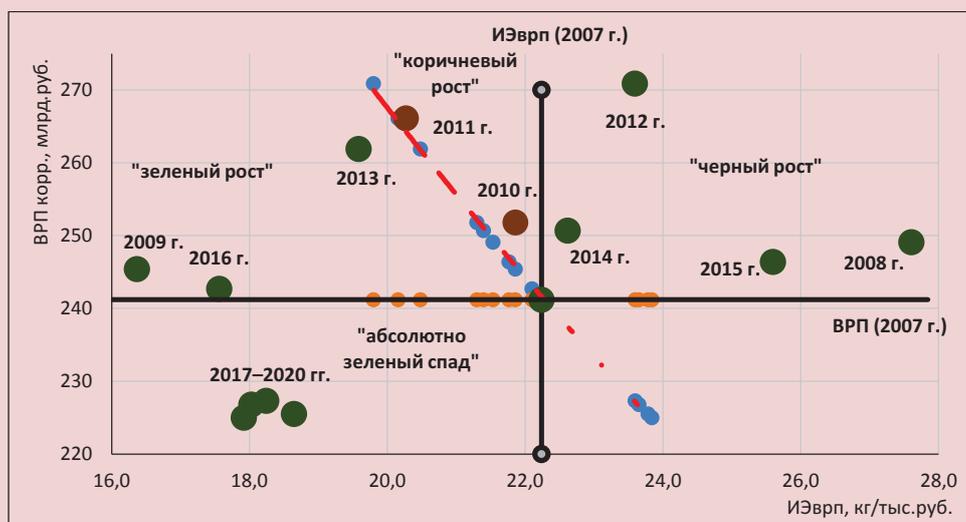
го развития с точки зрения степени воздействия на окружающую среду. Результаты оценки выявили в целом низкий уровень экологического качества развития экономики Республики Коми за период 2007–2016 гг. Ситуация обращения с отходами является наиболее неблагоприятной в регионе.

2. Для уменьшения негативного воздействия на окружающую среду возможны следующие мероприятия по решению существующих проблем: внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) на самих производствах и для переработки отходов; обеспечение переработки отходов на уровне не менее 40%. Наиболее нуждающимся во вторичном использовании отходов производством является добыча полезных ископаемых.

Полемика по результатам (дискуссия)

Предложенную модель также можно использовать при оценке относительного состояния с точки зрения целей «зеленого» роста для отдельных регионов. Нами были выбраны регионы Северо-Западного федерального округа, на территории которых доминирующими являются добыча и переработка лесных и минерально-сырьевых (минеральных и углеводородных) ресурсов. Наша задача – показать фактическую ситуацию и определить, какие регионы можно отнести к «зеленым» зонам по отношению к среднему показателю экономи-

Рис. 6. Экологическая интенсивность образования отходов (прогноз социально-экономического развития РК на период до 2020 года)

ческой эффективности. Для этого в качестве показателей нагрузки на окружающую среду были взяты выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников с учетом их улавливания. Экономический показатель представлен ВРП корр.; период исследования – 2005–2015 гг. [33, 34]. Все представленные регионы не группируются по своему экономическому развитию с точки зрения экологичности. Так, в Карелии наблюдается средняя степень улавливания загрязняющих веществ выбросов (38–53% от общего количества отходящих веществ) и рост ВРПкорр. (т.е. незначительный рост индекса физического объема ВРП), за счет которых ситуация

характеризуется положительно с точки зрения экологичности экономического развития (рис. 7). Однако в конце периода исследования ситуация ухудшается за счет спада доли улавливания выбросов и малого роста ВРП, что и объясняет попадание в зону «черного роста» экономического развития.

Территорию Архангельской области отличает высокая степень очистки выбросов загрязняющих веществ (56–73% от общего объема), а также рост ВРП с учетом корректировки по его индексу. Поэтому на графике демонстрируется ситуация динамичного улучшения с точки зрения экологичности экономического развития (рис. 8).

Рис. 7. Экологическая интенсивность загрязнения атмосферы в Республике Карелия

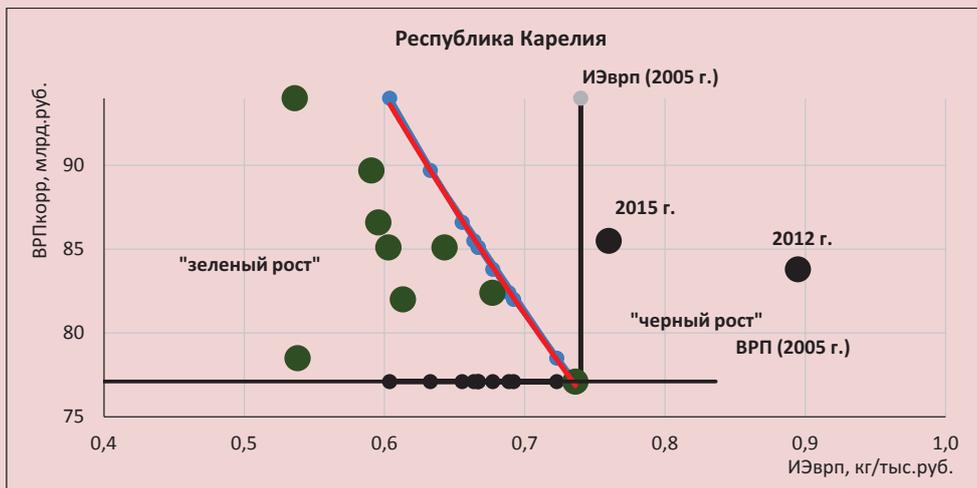
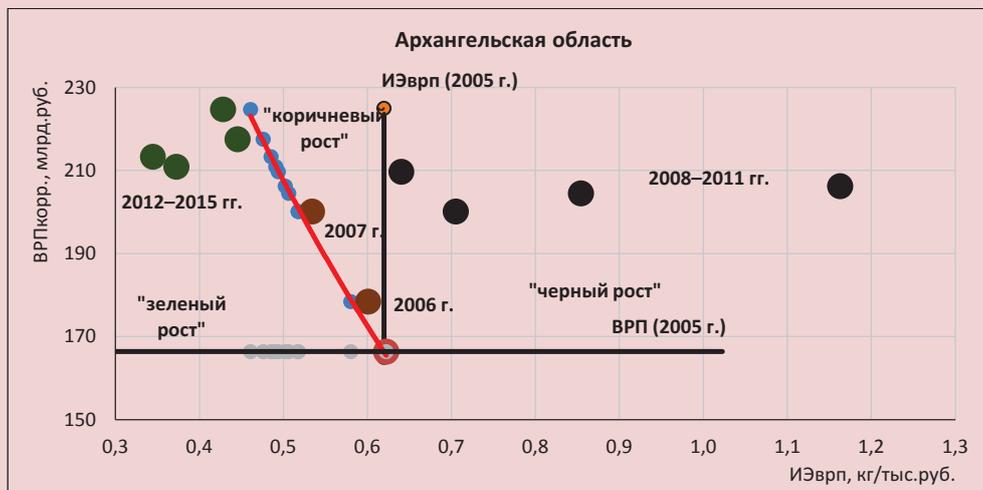

Рис. 8. Экологическая интенсивность загрязнения атмосферы в Архангельской области

Диаметрально противоположная картина наблюдается на территории Ненецкого автономного округа (НАО), где степень утилизации выбросов нулевая, с высоким ростом ВРПкорр. (индекс физического объема ВРП по отношению к предыдущему году составляет за период 87–123%), что объясняет попадание вектора развития экономики в зону «черного роста» (рис. 9).

В Мурманской области наблюдается тенденция улучшения степени экологичности и

спада экономического роста. Здесь самая высокая и стабильная степень улавливания загрязняющих веществ выбросов в атмосферу (85–89%). Это ситуация, когда происходит снижение негативного воздействия большей интенсивности, нежели рост ВРП с учетом индекса дефляции (рис. 10).

Сравнение регионов по показателю средней экономической эффективности (ВРПкорр. ср.) в 2015 г. показало, что наиболее «грязное» экономическое развитие в Республике Коми (рис. 11).

Рис. 9. Экологическая интенсивность загрязнения атмосферы в НАО

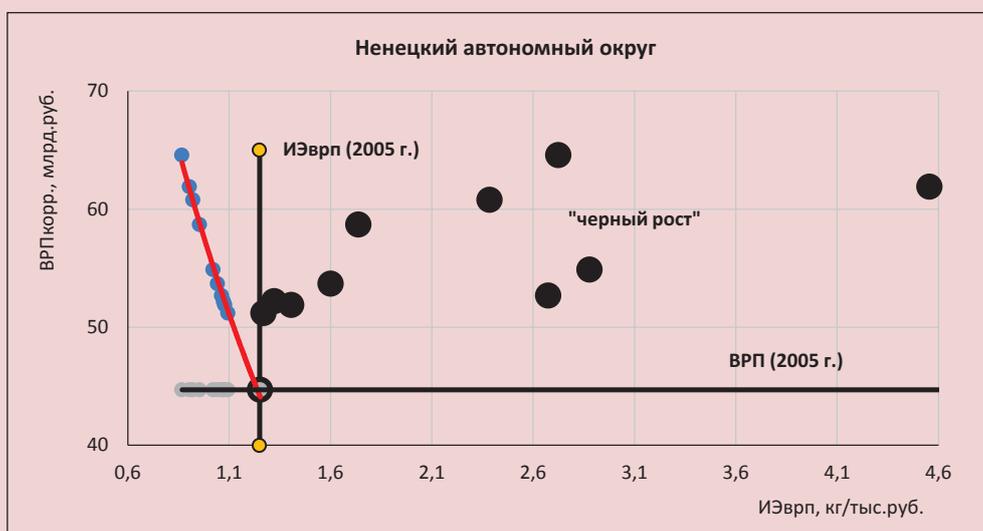

Рис. 10. Экологическая интенсивность загрязнения атмосферы в Мурманской области

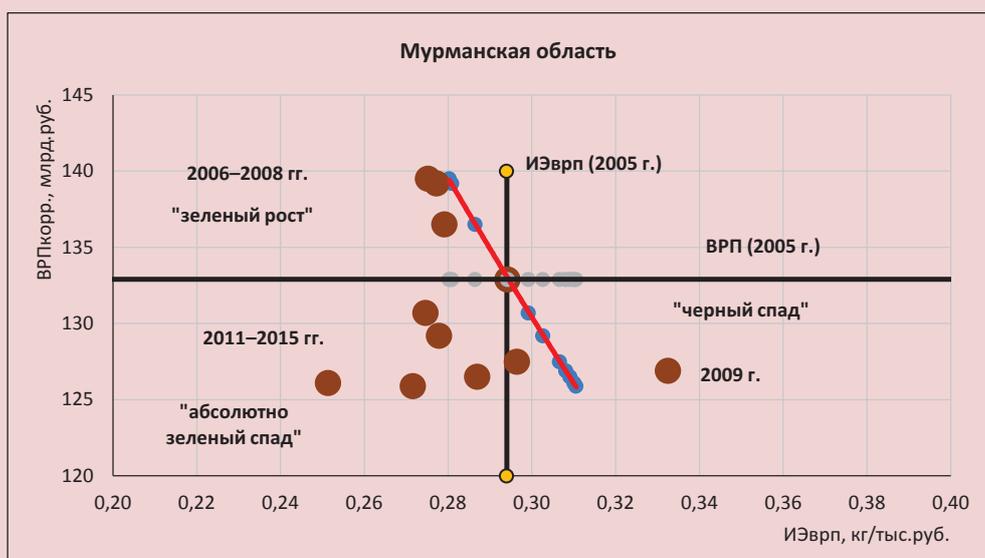
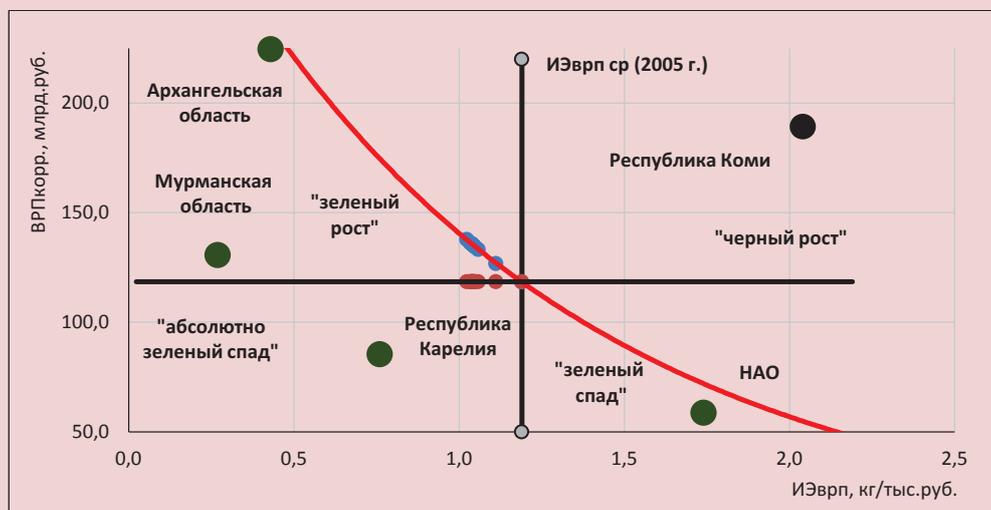

Рис. 11. Распределение регионов по зонам экономического развития в 2015 г. относительно интенсивности загрязнения атмосферы

Наиболее позитивная ситуация наблюдается в Архангельской и Мурманской областях (что совершенно согласуется со степенью утилизации выбросов и уровнем/положительной динамикой ВРПкорр.). Несмотря на отсутствие какой-либо природоохранной деятельности (очистки выбросов загрязняющих веществ) за счет незначительных объемов антропогенной нагрузки относительно средних по исследуемым регионам, НАО демонстрирует вектор «зеленого спада» своего экономического развития.

Результаты данного исследования показали значительную дифференциацию экономической эффективности и экоинтенсивности в ресурсодобывающих регионах Северо-Западного федерального округа. Регионы с эффективными показателями очистки загрязнений обладают также и лучшими перспективами в контексте «зеленого» роста при одновременном росте социально-экономических показателей.

Заключение

Для России назрела необходимость разработки концепции перехода к «зеленой» экономике и соответствующего плана действий к нему, который бы предполагал создание новых рычагов экономического роста для повышения качества жизни населения. «Зеленый» рост представляет собой стратегию преобразования экономической системы, где инвестиции в

экологические ресурсы и экоуслуги становятся движущей силой экономического развития. Одним из ключевых мероприятий могли бы стать преобразования в налоговой системе, при которой налоговая база смещается от традиционных налогов, основанных на налогообложении труда, в сторону налогов, имеющих экологическую значимость. Также назрела необходимость совершенствования экологического статистического учета, повышения полноты и качества учета природоохранных инвестиций и иных издержек на микро- и макроуровнях, развития, дополнения и корректировки федеральных и ведомственных статистических наблюдений.

Диагностика, основанная на использовании модели кривых П. Виктора оценки степени экологичности экономического развития, может позволить принимать более адекватные управленческие решения в сфере природопользования. Для повышения экологической результативности целесообразно:

- проводить оценку экологической результативности с использованием кривых П. Виктора, что по сравнению с традиционными методами более корректно, поскольку учитывает взаимосвязи экономической активности региона и нагрузки на окружающую среду и позволяет обоснованно судить об уровне благополучия экологической ситуации;

– признать, что снижение натуральных показателей воздействия на окружающую среду, воспринимаемое как улучшение экологической ситуации в регионе, не совсем соответствует действительности: кривые по схеме П. Виктора демонстрируют положение экономического развития с точки зрения степени воздействия на окружающую среду.

Результатом авторской оценки стало признание низкого уровня экологического качества развития экономики Республики Коми за период 2007–2016 гг. Ситуация обращения с отходами является наиболее неблагоприятной в регионе. Для уменьшения негативного воздействия на окружающую среду необходимы внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) на самих производствах и для переработки отходов, а также обеспечение переработки отходов на уровне не менее 40%.

Реальное сокращение негативного воздействия на окружающую среду обеспечит экологическая модернизация производства (начиная с ресурсоемких отраслей) на основе принципов НДТ: рациональное потребление, высокая энергоэффективность, малоотходные процессы, снижение эмиссий и др., которые гармонично встраиваются в направления устойчивого развития и «зеленого» роста. Для полномасштабного перехода к наилучшим доступным технологиям необходимо обеспечить подготовку кадров для осуществления деятельности на региональном уровне, создать постоянно действующую структуру для консультирования при подготовке заявок на комплексное экологическое разрешение и других мероприятий, что поспособствует повышению инновационной активности организаций и ускорению экологической модернизации.

Литература

1. Pearce, David. «Green economics». *Environmental Values* 1, no. 1 (1992): 3-13. URL: <http://www.environmentandsociety.org/node/5454> (дата обращения 10.04.2016).
2. Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. ЮНЕП, 2011 г. 738 с.
3. Курс на зеленый рост. Резюме для лиц, принимающих решения. Май 2011. 26 с. URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf>. (дата обращения 24.05.2016).
4. Hallegatte S. Heal G., Fay M., Treguer D. From Growth to Green Growth – A Framework // The World Bank Sustainable Development Network Office of the Chief Economist. – Washington, D.C.: The World Bank, 2011. – 37 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w17841> (дата обращения 21.07.2015)
5. Measuring Inclusive Green Growth at the Country Level. Taking Stock of Measurement Approaches and Indicators. / GGKP Research Committee on Measurement & Indicators. U. Narloch, T. Kozluk, A. Lloyd February 2016. URL: http://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/Measuring_Inclusive_Green_Growth_at_the_Country_Level.pdf (дата обращения 3.06.2016).
6. Бобылев С.Н. Экономическая неустойчивость: шанс для «зеленой» экономики? : Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год. М.: Аналит. центр при Правительстве РФ, 2014. 204 с.
7. Atlas of Sustainable Development Goals 2017: From World Development Indicators. World Bank Group. 2017. 131 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/26306> (дата обращения 12.12.2017).
8. OECD (2016). Green Growth Indicators 2014: (Russian version), OECD Publishing, Paris. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/environment/green-growth-indicators-2014_9789264256767-ru#page1 (дата обращения: 23.05.2016).
9. Цели устойчивого развития ООН и Россия: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. 292 с.
10. Шварц Е. Национальная модель зеленой экономики // Ведомости. 2016. 27 июля г. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/28/650827-natsionalnaya-model-zelenoi-ekonomiki> (дата обращения 18.04.2017).
11. Российская национальная модель «зеленой» экономики и добровольные механизмы экологической ответственности / Е.А. Шварц, М.В. Бабенко, П. Боев, А.С. Мартынов, А.Ю. Книжников, Л.Е. Аме-

- тистова, А.П. Пахалов // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год. Экологические приоритеты для России. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. С. 189–211.
12. Показатели «зеленого роста» ОЭСР Итоги семинара 7 июля 2015 г. Министерство экономики Российской Федерации, 2015.
 13. Черешнев В.А., Куклин А.А., Боярских А.И. Оценка «зеленого» потенциала территорий // Управленец. 2015. № 6 (58). С. 57–65.
 14. Симарова И.С., Гурьева М.А. Методический подход к оценке развития «зеленой» экономики в экономическом пространстве // Наука и бизнес: пути развития. М.: ТМБпринт. 2016. № 10 (64). С. 90–103.
 15. Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Яковлева К.А. Социально-экономическая эффективность и зеленый рост регионального лесопользования // География и природные ресурсы. 2015. № 4. С. 17–25.
 16. Забелина И.А. Эколого-экономические аспекты развития приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока: перспективы движения к «зеленой» экономике // Восточный вектор России: шанс для «зеленой» экономики в природно-ресурсных регионах: Матер. науч. семинара. Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. С. 231–240.
 17. Зомонова Э.М. Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы. Аналитический обзор. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. 283 с. (Сер. Экология. Вып. 104).
 18. Cobb J., Daly H. For the common good, Redirecting the Economy Toward Community, the Environment, and a Sustainable Future. Boston: Beacon Press. 1989. 492 p.
 19. Talberth J., Cobb C., Slattery N. The Genuine Progress Indicator 2006: a tool for sustainable development. Oakland CA: Redefining Progress, 2007. 31 p.
 20. Wackernagel M, Riss W. Our Ecological Footprint: Reducing Human Impact in the Earth. Canada, Gabriola Island, BC: New Society Publishers, 1996. 176 p.
 21. Ценность лесов. Плата за экосистемные услуги в условиях «зеленой» экономики. ООН. Женева, 2014. 94 с.
 22. Бобылев С.Н., Перелет Р.А., Соловьева С.В. Оценка и внедрение системы платежей за экосистемные услуги на особо охраняемых природных территориях: методические рекомендации. 2012. 176 с.
 23. Рекомендации по денежной оценке ресурсов и объектов окружающей среды: адаптация к условиям России методов эколого-экономического учета ООН / Госкомэкологии России. Ярославль: НПП Кадастр, 2000. 76 с.
 24. Окружающая среда в Кыргызской Республике. НацстатКырг. Респ., 2015. 82 с.
 25. Индикаторы зеленого роста в Кыргызстане, 2015. 12с.
 26. Victor P. Growth, degrowth and climate change // Ecological Economics. 2012. Vol. 84. P. 206–212.
 27. O'Neill D. W. Measuring progress in the degrowth to a steady-state economy // Ecological Economics. 2012. Vol. 84. P. 221–231.
 28. Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey // Ecological Economics. 2015. V. 109. P. 93-100. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/journal/09218009/109> (дата обращения 13.05.2016)
 29. Статистический ежегодник Республики Коми. 2010: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар. 2010. 502 с.
 30. Статистический ежегодник Республики Коми. 2017: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2017. 395 с.
 31. Прогноз социально-экономического развития Республики Коми на 2018 год и на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Республики Коми от 14 декабря 2017 года № 565-р. URL: <http://econom.rkomi.ru/page/9307/> (дата обращения 13.01.2018).
 32. Территориальная схема обращения с отходами Республики Коми на период до 2027 года: утверждена Приказом Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми от 11 октября 2016 г. № 1687.
 33. Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2017. 183 с.
 34. Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2007. 182 с.

Сведения об авторе

Татьяна Вячеславовна Тихонова — кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru)

Tikhonova T.V.

Environmental Assessment of Economic Growth in the Northern Region

Abstract. The analysis is based on P. Victor model of green growth. From the point of view of conceptual applicability (to diagnose environmental sustainability of economic development) and availability of tools, it is the simplest, most illustrative and universal in the range of indicators. The key parameters of the presented research model are relative indicators of negative impacts on natural systems per unit of economic result. The research novelty lies in taking into account economic and environmental indicators to assess the quality of life and the degree of environmental economic development of Northern regions. Assessment results in the Komi Republic reveal a generally low level of environmental quality of the region's economic development for 2007–2016. Some progress towards “green” growth was observed in terms of discharge of contaminated wastewater into water surface bodies; stable economic situation in the “brown” growth zone is typical for atmospheric pollutant emissions, the features of “black” growth of economic results determined the volume of formation and disposal of toxic waste of industrial enterprises. To reduce the negative impacts on the environment it is necessary to introduce the best technology available for production facilities and waste processing; as well as ensure waste processing at the level of 40% of higher. The model is also used to study the processes of negative impacts on the environment in the context of typical regions of the Northwestern federal district. The research results presented significant differentiation of economic efficiency and eco-intensity in the resource-producing Northern regions of the Northwestern federal district. Analysis shows that a significant part of regions with high indicators of budget and economic efficiency also have better prospects in the context of “green” growth. The research prospect is to consider the situation from the point of view of the efficiency of environmental activities in the Northern regions in terms of environmental damage, investment activity related to environmental protection.

Key words: green economy, environmental indicators of quality of life, eco-intensity, environmental pollution.

Information about the Author

Tat'yana V. Tikhonova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 22.01.2018.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.12

УДК 001.92, ББК 73

© Третьякова О.В.

Импакт-рейтинг экономических журналов академического сектора: критерии и методика построения

**Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: olga.tretyakova@yandex.ru

Аннотация. Быстрый рост числа выпускаемых научных журналов актуализировал проблему выбора среди них ведущих. В настоящей работе обобщены методологические подходы к оценке научных журналов, которые сложились к настоящему времени, и обоснована применимость библиометрических показателей для характеристики значимости и востребованности изданий в научных кругах. Результаты сравнительной оценки экономических журналов, аффилированных с организациями РАН, представлены в виде импакт-рейтинга, построенного на анализе библиометрических данных Российского индекса научного цитирования и отражающего уровень влияния входящих в него изданий. Обоснован состав показателей, которые позволяют комплексно подойти к оценке журналов и являются доступными для проверки полученных результатов. Доказано, что состав критериев и способ их агрегирования пригодны для ранжирования научных журналов, что подтверждается корреляцией полученных результатов с данными других рейтингов. Ранжирование журналов осуществлено по методике многомерного сравнительного анализа, основанной на методе расстояний. Выделено ядро из десяти ведущих научных журналов по экономике, аффилированных с организациями академического сектора. Показано, что это хорошо известные в научном сообществе издания, оказывающие воздействие на развитие экономической науки в стране. Перспективы проведенного исследования видятся в применении описанной методики к ранжированию всех экономических журналов. Результаты могут учитываться научными организациями с целью определения стратегических приоритетов развития периодических изданий.

Ключевые слова: импакт-рейтинг научных журналов, экономический журнал, Российская академия наук, библиометрический показатель, импакт-фактор журнала, уровень влияния журнала, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Для цитирования: Третьякова О.В. Импакт-рейтинг экономических журналов академического сектора: критерии и методика построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 179–194. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.12

For citation: Tretyakova O.V. The impact rating of academic journals in economics: ranking criteria and methodology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 179–194. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.12

Введение

Вопрос о качестве научных журналов и выборе среди них ведущих набирает остроту в связи со стремительным ростом числа выпускаемых изданий¹. Новый виток актуальности эта проблема получила в январе 2018 года, когда президент РАН Александр Сергеев сообщил на своей пресс-конференции, что госзадания академических институтов на 2018 год скорректируют в сторону увеличения, но при определении объема дополнительных публикаций будет приветствоваться не столько их количество, сколько качество и востребованность публикуемых работ². В последовавших за этим рекомендациях по корректировке планов научно-исследовательских работ и государственных заданий на 2018 год предложено учитывать требование к квартилям журналов в отношении дополнительных публикаций. Таким образом, можно говорить о том, что приоритеты публикационной политики, которой должны придерживаться научные организации, скорректированы в пользу качественных показателей.

Ученых ориентируют на публикации в высокорейтинговых журналах. И если в случае с зарубежными изданиями понятно, что речь идет о тех из них, которые индексируются в международных наукометрических базах данных и ранжируются в них по квартилям в зависимости от значений импакт-фактора, то ситуация с отечественными изданиями представляется менее ясной. Очевидно, что результаты всех исследований российских ученых не могут быть опубликованы только в зарубежных журналах. Для обеспечения конкурентоспособности нашей страны в мире необходимо формировать ядро российских научных журналов, способных наравне с лидерами международной научной периодики оказывать влияние на развитие всех научных направлений.

На сегодняшний день нет официальных списков ведущих изданий по отраслям. К сожалению, в российских реалиях так и не сло-

жилась национальная база данных, индексирующая ведущие научные журналы. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), определенно, не решает эту задачу, поскольку включает журналы по заявительному принципу, не устанавливая для них жестких критериев, позволяющих отобрать только качественные издания. Таким образом, проблема оценки научных журналов и выбора критериев для выявления лучших из них легла на плечи научного сообщества. Эксперты пытаются решить эти вопросы путем ранжирования журналов по различным параметрам. Появившиеся в последнее время рейтинги журналов по экономике стали предметом широкого обсуждения в научном сообществе. Критическому осмыслению подверглись не только критерии, которые выбираются для оценки изданий в разных рейтингах, но и сама идея о ранжировании журналов и возможность подойти к оценке их качества. Острые споры вызывал вопрос о том, что должно лежать в основе ранжирования — библиометрические показатели или экспертные оценки.

В предыдущем выпуске журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в рубрике «Дискуссионная площадка» была опубликована статья Е.В. Балацкого и Н.А. Екимовой «Возможности консолидации рейтинговых продуктов в Интернет-среде». Описывая опыт реализации проекта по консолидации рейтинговых продуктов на едином информационно-аналитическом портале, авторы пришли к выводу, что «в настоящее время наблюдается определенное противостояние рейтингового движения и экспертного сообщества, которое распространяется и на противостояние количественных и качественных рейтингов» [1]. Эксперты, отмечая слабые стороны радикального проявления обоих подходов, полагают, что притирка данных направлений будет продолжаться долго, но при этом «расширяющаяся практика составления рейтингов и диалог ранкеров с широкой экспертной общественностью будут способствовать росту качества как первых, так и вторых» [1].

Что касается нас, то мы, отдавая должное возможностям экспертной оценки, все же разделяем точку зрения о том, что в методике оценки востребованности и научной значимости журналов количественные факторы могут

¹ В Научной электронной библиотеке зарегистрировано более 1000 журналов по тематике «Экономика и экономические науки», из которых 495 индексируются в РИНЦ (данные НЭБ на апрель 2018 г.).

² Госзадание для ученых изменится: о чем договорились ФАНО и РАН // Официальный сайт Российской академии наук. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=9420b33d-fb71-45b3-a997-88f2a7d79a64>

иметь преимущество [2]. Использование количественных показателей позволяет провести сопоставления в большой выборке изданий, что крайне затруднительно при проведении экспертного анализа. Более того, несмотря на то, что количественные показатели оценивают не содержательные аспекты журнала, а скорее формальные, существует перечень формальных требований, соответствие которому в научном сообществе считается обязательным для журнала с высоким качеством.

Ранее мы уже предпринимали попытку составить рейтинг экономических научных журналов институтов РАН, основанный на анализе библиометрических показателей [3]. Тогда мы получили пригодные для ранжирования результаты, вполне сопоставимые с данными других рейтингов. Тем не менее топовый список журналов содержал так называемые выбросы, т.е. издания, которые попали в верхнюю часть рейтинга только на основании одного показателя, оказавшегося лучшим в референтной группе.

Продолжив в дальнейшем работу по изучению отдельных критериев ранжирования, мы пришли к выводу, что для оценки уровня влияния научных журналов необходимо учитывать такой важный показатель, как число высокоцитируемых статей. Этим мы определяем не только значимость журналов, но и выявляем среди них те, которые публикуют прорывные результаты исследований.

Таким образом, цель данной работы состоит в установлении и обосновании критериев, позволяющих выявлять журналы с высоким уровнем влияния в научной среде, и применении этих критериев для ранжирования. Результаты исследования представлены в виде рейтинга экономических журналов, аффилированных с организациями Российской академии наук.

Чтобы обеспечить условия для правильного использования и корректной интерпретации полученных результатов ранжирования, мы назвали получившийся список **импакт-рейтингом** (от англ. *impact*³), который определили как тип рейтинга научных журналов, основанный на анализе библиометрических показателей и от-

³ *Impact* – иметь важный или заметный эффект для кого-л. или чего-л. (Longman Dictionary of Contemporary English); сильный эффект или влияние, которое что-либо оказывает на ситуацию или человека (Cambridge Dictionary).

ражающий уровень влияния входящих в него научных журналов. Под влиянием такого рода мы понимаем воздействие журнала на научное направление, способность аккумулировать результаты прорывных исследований, а также то, как сами ученые воспринимают научный авторитет и престиж данного издания.

Отдельно стоит пояснить, что, сопоставляя журналы по библиометрическим параметрам, мы не имеем в виду превалирующий характер такой оценки и вполне допускаем, что она часто требует наложения на полученные результаты экспертного мнения. Но в этом случае прежде всего возникает вопрос о селекции экспертов и исключении субъективных факторов оценки. Поскольку сами ученые-экономисты отмечают, что в ситуации снижения индекса академической этики в современном российском экспертном сообществе оно не способно объективно оценивать своих коллег [1], мы полагаем, что для прозрачности конечных данных составлением экспертных рейтингов должны заниматься независимые организации, не аффилированные с оцениваемыми журналами.

Полученные нами результаты могут использоваться не только для выявления престижных в своем направлении журналов, публикующих влиятельные статьи, но и учитываться научными организациями с целью определения стратегических приоритетов публикационной деятельности. Редколлегии могут скорректировать программы развития своих журналов, ориентируясь на показатели, которые могут быть улучшены за счет повышения требований к уровню публикаций и качеству их рецензирования, ужесточения контроля самоцитирования, расширения географии авторов.

Теоретические основы ранжирования научных журналов

В связи с увеличением количества издаваемых научных журналов остро стоит вопрос об их дифференциации и выборе среди них ведущих.

В зарубежной практике довольно сильны библиометрические традиции в ранжировании экономических журналов [4], хотя один из самых ранних рейтингов, разработанный Р. Хоккинсом, Л. Риттером и И. Уолтером, был основан на анализе мнений экспертов и не учитывал количественные данные [5]. Наукометрический подход развивался параллельно и был связан с

появлением рейтингов журналов, разработанных на основе анализа цитирования [6; 7]. И если более ранние рейтинги были основаны на использовании простых методов, например на расчете соотношения цитирований и количества печатных символов, опубликованных за определенный период [8], то с развитием направления исследователи предприняли попытки ввести более сложные методы анализа цитирования с целью исправить методологические ограничения импакт-фактора, который применялся как основной библиометрический параметр [4; 9]. В современных исследованиях также появились новые подходы к измерению потенциального воздействия журналов не только в профессиональной научной среде, но и в более широком сообществе. Так, например, было сформировано ядро экономических журналов по их цитируемости в основных экономических учебниках [10]. Следует отдельно отметить, что зарубежные ученые, используя данные анализа цитирования в процессе ранжирования, рассматривают цитаты как показатель качества, который отражает, по крайней мере, воздействие [11], и применяют эти данные для получения индекса качества научных журналов [6]. Говоря о предназначении методик анализа цитирования в целом, зарубежные эксперты полагают, что они применимы прежде всего для оценки значимости и эффективности отдельных журналов, их роли и положения в системе научной коммуникации, а также для понимания того, как сами ученые воспринимают качество и престиж данных изданий [12].

Первые попытки выделить ведущие экономические журналы в России, относящиеся к началу 2000-х годов, основывались на учете экспертных мнений. Таким способом был определен состав перечня передовых экономических журналов, сравнительный анализ которых представлен в статье С. Аукуционека и Г. Чуркиной, опубликованной в 2002 году в журнале «Вопросы экономики» [13]. Следует заметить, в публикациях этого периода, использующих сведения о ведущих научных журналах, эксперты не заостряли внимание на критериях и процедуре их отбора. Так, например, И.Г. Дежина и В.В. Дашкеев ограничились только упоминанием о том, что состав перечня из 12 экономических журналов, который использовался авторами как источник для выявления ведущих

экономистов, определен экспертным путем из числа наиболее известных [14].

На сегодняшний день сформировались несколько методологических подходов к оценке научного журнала (*табл. 1*): 1) **библиометрический**, основанный на анализе наукометрических показателей (рейтинг Муравьева, 2013 г. [15]; рейтинг Третьяковой, 2015 г. [3]); 2) **экспертный**, построенный на социологических измерениях мнений научного сообщества (проект НИУ ВШЭ, 2015 г. [16]; рейтинг Рубинштейна, 2017 г. [17]); 3) **экспертно-библиометрический**, сочетающий библиометрический анализ с оценками экспертов (рейтинг Балацкого—Екимовой, с 2013 г. [18]); 4) **сетевой**, основанный на выявлении системно-значимых научных журналов в сетях, возникающих в результате перекрестного цитирования (Алескеров и др., 2016 г. [19]); 5) **агрегирование** существующих рейтинговых продуктов (рейтинг Субочева, 2016 [20]; консенсусный рейтинг Балацкого—Екимовой, 2017 г. [21]).

По мнению научно-экспертного сообщества, ни один из этих подходов не лишен недостатков. В качестве уязвимых мест рейтингов указываются относительно произвольный выбор библиометрических индикаторов и их слабая корреляция с научным авторитетом журналов, недостаточно обоснованная процедура агрегирования используемых показателей или экспертных оценок, а также нерепрезентативность опросов экспертов [22]. Эксперты считают, что свидетельством ненадежности является существование различных рейтингов российских журналов, опирающихся на одни и те же показатели, но дающих разные результаты ранжирования [23].

Активизировавшееся рейтинговое движение по оценке ведущих экономических журналов России породило в научных кругах дискуссию по поводу выбора методологических подходов к составлению рейтингов, правомерности использования в них библиометрических показателей, сопоставимости полученных результатов. Мнения относительно различных рейтинговых продуктов разделились вплоть до абсолютно полярных. В сложившейся ситуации создание в 2016 году информационно-аналитического портала «Рейтинги» на сайте журнала «Неэргодическая экономика» стало попыткой кон-

Таблица 1. Основные методологические подходы к ранжированию российских экономических журналов

Методологический подход	Рейтинговый продукт	Дата выпуска	Разработчик	Организация
Библиометрический	Рейтинг журналов по экономике и смежным дисциплинам	2013	А.А. Муравьев	СПбГУ; НИУ ВШЭ (Москва)
	Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН	2015	О.В. Третьякова	Вологодский научный центр РАН
Экспертный	Рейтинг российских научных журналов ВШЭ (Экономика)	2015	Управление академической экспертизы НИУ ВШЭ	НИУ ВШЭ (Москва)
	«Кластерный» рейтинг российских экономических журналов	2017	Рубинштейн и др.	Институт экономики РАН; НИУ ВШЭ (Москва)
Экспертно-библиометрический	Рейтинг ведущих экономических журналов России	2013–2016	Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова	Финансовый университет при Правительстве РФ
Сетевой	Ранжирование экономических журналов на основе анализа перекрестного цитирования	2016	Ф.Т. Алескеров и др.	НИУ ВШЭ (Москва)
Агрегирование	Агрегированный рейтинг научных журналов по экономике и менеджменту	2016	А.Н. Субочев	НИУ ВШЭ (Москва)
	Консенсусный рейтинг ведущих экономических журналов России	2017	Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова	Финансовый университет при Правительстве РФ

солидировать рейтинговые продукты и наладить диалог ранкеров с широкой экспертной общественностью, чтобы сгладить противоречия между количественными и качественными оценками, а также выработать правильное отношение к рейтингам, предотвратив ошибки, связанные с данными инструментами оценки [1].

Разработанный нами импакт-рейтинг, отражающий уровень влияния научных журналов, основан на анализе показателей цитирования. Традиционное представление о цитировании как о показателе влияния и инструменте оценки научного вклада вытекает из теоретических работ Р. Мертона, который считал, что если работа ученого остается незамеченной и не используется другими членами научного сообщества, то возникают сомнения в ее ценности [24]. Подходя к трактовке роли цитирования с разных сторон, исследователи отмечают, что оно так или иначе является показателем «полезности и важности работы» (Garfield [25]), «авторитетности цитируемого труда», поскольку авторы обычно цитируют важные статьи, избегая упоминания «тривиальных» и «нерелевантных» (Gilbert [26]). Под важностью в данном случае понимается «потенциальное влияние публикации на деятельность, осуществляемую

вокруг этого исследования»; влияние определяется как реальное воздействие (Martin, Irvine [27]). Отвечая на вопрос, что именно делает высокоцитируемые работы важными и авторитетными, некоторые исследователи говорят о «признании коллегами когнитивной ценности источников, ставших влиятельными благодаря высокой степени цитирования», и характеризуют цитирование как «критерий интеллектуального влияния» (Zuckerman [28]).

Разделяя мнение экспертов, что цитирование может быть использовано как инструмент для измерения влияния, которое работа оказывает на сообщество в целом (S. Cole, J.R. Cole [29]; Moed [30]), и принимая за меру полезности публикаций их цитируемость, мы провели анализ экономических журналов, аффилированных с организациями Российской академии наук, и составили импакт-рейтинг этих журналов.

Методология построения рейтинга

Инструментом оценки уровня влияния и значимости экономических журналов академического сектора послужил Российский индекс научного цитирования. В основе их ранжирования лежит методика многомерного сравнительного анализа, основанная на методе рассто-

яний, широко используемая в экономических исследованиях для комплексной сравнительной оценки результатов хозяйствования предприятий. Применительно к научным журналам данный метод позволяет учитывать не только абсолютные величины библиометрических показателей каждого журнала, но и степень их отклонений от эталона.

Для составления импакт-рейтинга, характеризующего востребованность и значимость журналов в научной среде, мы скорректировали состав критериев. Были использованы четыре показателя:

1. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования (IF_2).
2. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования (IF_5).
3. Индекс Херфиндаля по цитирующим журналам (HI_1).
4. Количество высокоцитируемых статей (НР).

По нашему мнению, эти показатели, с одной стороны, позволяют с высокой степенью объективности подойти к оценке уровня востребованности и значимости издания в научных кругах, а с другой стороны, что немаловажно, являются прозрачными и доступными для проверки полученных результатов.

Импакт-фактор, предложенный американским учёным Ю. Гарфилдом в качестве инструмента измерения ценности журналов путём расчета среднего числа цитирований на статью за определённый промежуток времени [31], традиционно используется как показатель, отражающий научный престиж [32] и степень влияния журнала [34], уровень его воздействия на научное направление [35]. По мнению Хоффела, широкое распространение импакт-фактора как индикатора полезности и влиятельности обусловлено тем, что он хорошо коррелирует с мнением, которое сложилось у ученых о лучших журналах в их дисциплинах [36].

Выделение в качестве критериев ранжирования журналов сразу двух показателей импакт-фактора (двухлетнего и пятилетнего) обусловлено, во-первых, стремлением выявить издания, которые публикуют самые цитируемые с момента выхода в свет статьи, оказавшие наибольшее влияние в своей области, а во-вторых, необходимостью сгладить выбросы от отдельных статей с аномальной цитируемостью

за счет учета влияния опубликованных исследований на протяжении более длительного периода времени, что позволяет не занижать рейтинг журналов, на статьи в которых следует существенная, но более медленная реакция научного сообщества. Чтобы нивелировать эффект от самоцитирования, высокий уровень которого, по заключению Р. Руссо, свидетельствует о малой известности журнала [37], для оценки используются значения импакт-фактора, учитывающие лишь ссылки из других журналов. Для журналов, имеющих англоязычные выпуски, берутся значения импакт-фактора с учетом переводной версии без самоцитирования.

Для того чтобы при ранжировании принимать во внимание не только объем цитирования, но и его масштабность, т.е. выделить журналы хорошо известные в научном сообществе и, наоборот, понизить рейтинг журналов, которые цитируются в узком круге других изданий и практикуют взаимное цитирование для искусственного повышения показателей, используется нормировка с учетом индекса Херфиндаля по цитирующим журналам. Его значение определяется как сумма квадратов процентных долей журналов, цитирующих данный, в общем количестве цитирований. Чем больше количество цитирующих журналов и чем равномернее распределены по ним ссылки на данный журнал, тем меньше величина этого показателя. Максимальное значение равно 1000 достигается, когда все ссылки сделаны из одного журнала. Высокие значения этого индекса указывают на то, что журнал востребован и оценен только небольшим числом журналов, а это, по мнению экспертов, несовместимо с общероссийским статусом издания [15].

На наш взгляд, при выявлении самых востребованных в разных тематических областях научных журналов должны учитываться сведения о количестве публикуемых в них высокоцитируемых статей. Полагаем, что помимо значимости данный показатель будет определять научный уровень журнала, способность аккумулировать прорывные результаты исследований. И если значения двухлетнего и пятилетнего импакт-факторов, а также индекс Херфиндаля по цитирующим журналам были установлены по уже вычисленным в РИНЦ величинам, то количество высокоцитируемых статей мы рассчитали самостоятельно.

Для определения высокоцитируемых публикаций использовались основные принципы методики международной базы Essential Science Indicators⁴, по терминологии которой высокоцитируемыми (Highly Cited Papers) считаются публикации, относящиеся к 1% наиболее цитируемых в мире среди вышедших в том же году и той же научной области. Эксперты традиционно рассматривают такие статьи как самые высококачественные работы с точки зрения международного признания научных результатов исследователей определенной страны (Aksnes, Sivertsen [38]; Garfield [39]; Glänzel, Schubert [40]; Tijssen, Visser, Leeuwen [41]; Коцемир [42]), подчеркивая их значимость для науки высокого уровня (Писляков [43]).

Мы полагаем, что основные принципы методики определения высокоцитируемых публикаций могут применяться не только к данным Web of Science, но и к показателям цитирования, полученным из других аналитических систем. Так, для оценки результатов научных исследований, принадлежащих российским экономистам, слабо представленным в международных базах, более полные публикационные данные могут быть получены из Российского индекса научного цитирования. Конечно, в этом случае мы не говорим о международном признании результатов, отраженных в выделенных публикациях, и их важности для мировой науки в целом, но делаем вывод об их значимости для российского сегмента.

Чтобы определить количество высокоцитируемых публикаций, необходимо сравнить статьи, представленные в рассматриваемом и других журналах. Таким образом, выбор таких публикаций будет обосновываться не только качеством собственных статей журнала и их цитируемостью, но и тем, как он выглядит на фоне других журналов по этой же тематике. Поскольку работы разных лет сравнивать некорректно, по причине того что некоторые из них могли получить большее количество ссылок в

силу своего «возраста», сопоставление проводится в подмножестве публикаций, объединенных одним годом выпуска.

Анализ выполнялся на большой выборке статей, которые опубликованы в 2016 году в журналах, индексируемых в РИНЦ по тематике «Экономика. Экономические науки». Все публикации были упорядочены по мере убывания цитируемости, после чего определен верхний срез в 1% от общего числа. Одновременно по количеству ссылок последней статьи, вошедшей в верхний срез, установлено пороговое значение числа цитирований, которое должна получить публикация в журнале, чтобы попасть в число высокоцитируемых. Далее для каждого журнала из референтной группы был сформирован перечень статей, имеющих такое количество ссылок, которое удовлетворяет пороговому значению. После этого была проведена оценка качества цитирования каждой статьи. Для нашей цели мы исключили самоцитирование, а также те ссылки, которые мы условно назвали «кластерным» цитированием. Речь идет о случаях, когда одна статья множественно цитируется разными авторами в каком-то одном сборнике или журнале. Очевидно, что такое цитирование не указывает на наличие прорывных результатов и не может быть учтено при выявлении самых востребованных публикаций. После «очистки» работ от самоцитирования и «кластерных» ссылок мы установили для каждого журнала число публикаций, количество ссылок на которые осталось не ниже порогового значения, и определили их как высокоцитируемые для журналов данной референтной группы.

Как уже упоминалось выше, общее ранжирование журналов осуществлялось по методике многомерного сравнительного анализа, основанной на методе расстояний. В каждом столбце матрицы исходных данных определен максимальный элемент ($\max a_i$), который принят за единицу. Матрица стандартизированных коэффициентов (x_{ij}) создана из значений, полученных путем деления каждого исходного показателя в столбце (a_{ij}) на максимальный (оптимальный) элемент эталонного журнала ($\max a_i$):

$$x_{ij} = \frac{a_{ij}}{\max a_i}.$$

⁴ Essential Science Indicators – один из аналитических инструментов компании Clarivate Analytics, позволяющий раскрывать новые тенденции в науке, определять влиятельные научные организации, выявлять самые востребованные публикации и журналы в различных исследовательских областях, ранжировать лучших исследователей; основывается на данных Web of Science.

Для показателя, отражающего индекс Херфиндаля по цитирующим журналам, в котором лучшим считается наименьшее значение, осуществлено «обратное» нормирование.

На следующем этапе все элементы матрицы стандартизированных коэффициентов возведены в квадрат. Из суммы квадратов показателей, выбранных для оценки журналов, извлечен квадратный корень для получения интегрального показателя обобщающей рейтинговой оценки (R_j). Алгоритм расчета:

$$R_j = \sqrt{x_{i1}^2 + x_{i2}^2 + x_{i3}^2 + x_{i4}^2}.$$

Итоговый рейтинг журналов составлен на основе ранжирования интегральных показателей (R_j), определено место каждого журнала по уровню его воздействия и значимости для научного сообщества: первое место занимает журнал, которому соответствует наибольшее из полученных значений интегрального показателя; второе место — журнал, имеющий следующий результат и т. д.

Результаты ранжирования экономических научных журналов академического сектора по библиометрическим параметрам

Мы проанализировали библиометрические показатели экономических журналов, которые аффилированы с организациями академического сектора науки, входившими до реформы Российской академии наук в Секцию экономики ООН РАН и представлявшими единую референтную группу, и осуществили ранжирование этих журналов на основе анализа интегрального показателя, полученного методом многомерного сравнительного анализа библиометрических данных. Для анализа мы отобрали 16 журналов, которые включены в Российский индекс научного цитирования по тематике «Экономика и экономические науки». Как нам представляется, результаты нашего анализа могут быть полезны для других научных изданий, которые поставили перед собой задачу развития и продвижения в международных информационных системах. Кроме того, они могут быть учтены организациями, издающими рассматриваемые журналы, для разработки стратегий развития изданий. Исходные данные и результаты ранжирования журналов представлены в *таблице 2*.

Большинство из этих журналов достаточно авторитетны в российских научных кругах, о чем косвенно свидетельствует распределение значений импакт-факторов.

В указанной референтной группе мы сопоставили значения двухлетнего и пятилетнего импакт-факторов РИНЦ без самоцитирования за 2016 год с их медианными значениями в группе журналов по тематике «Экономика. Экономические науки» (данные РИНЦ на апрель 2018 г.). Выявлено, что 410 изданий имеют значение двухлетнего импакт-фактора больше 0. Медиана распределения двухлетних импакт-факторов равна 0,293. Это значит, что половина журналов имеет импакт-фактор выше 0,293, а половина — ниже. Медиана значений пятилетних импакт-факторов составила 0,260.

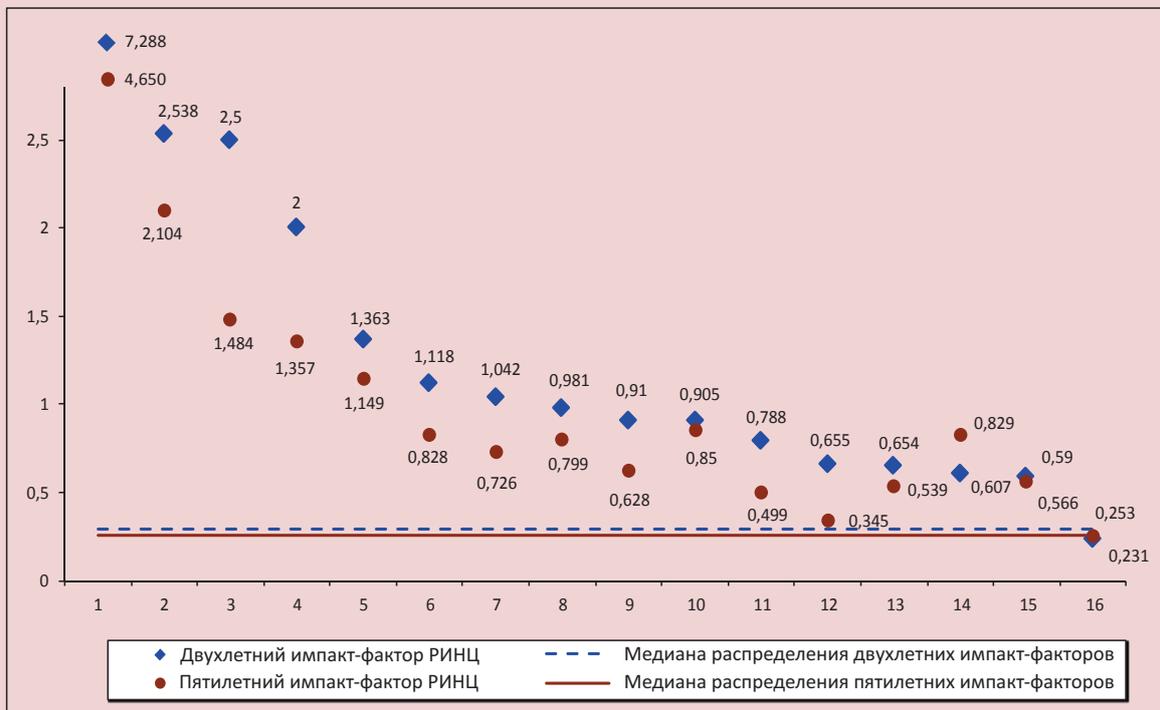
У 15 журналов из анализируемой референтной группы значения импакт-факторов существенно превысили медианный показатель, что говорит о достаточно высоком уровне их цитируемости, а следовательно, востребованности в научных кругах и значимости для научной дисциплины (*рис. 1*).

Что касается индекса Херфиндаля по цитирующим журналам, то он имеет низкие значения (менее 1 тыс.) у 14 журналов. Из этого следует, что они в целом достаточно известны в научном сообществе.

Более детально изложим результаты расчета показателя числа высокоцитируемых статей, отсутствующего в РИНЦ и выполненного нами самостоятельно. Анализ проводился на большом публикационном массиве экономических журналов за 2016 год. Выборку составили 606 журналов с количеством статей 52 220 ед. Применение описанной выше методики международной базы Essential Science Indicators позволило выделить 547 высокоцитируемых статей, опубликованных в российских экономических журналах в 2016 году (по данным РИНЦ на январь 2018 года).

Пороговое значение числа цитирований, которое должна была получить работа, вышедшая в течение указанного года, чтобы попасть в 1% высокоцитируемых, — 11. Общее число ссылок на публикации, вошедшие в верхний срез самых цитируемых трудов, превысило 10 тыс. Таким образом, на долю 1% всех публикаций российских экономических журналов в РИНЦ

Рис. 1. Распределение экономических журналов, издаваемых институтами РАН, по значению двухлетнего импакт-фактора РИНЦ без самоцитирования за 2016 г. (данные РИНЦ на апрель 2018 г.)

Цифрами на графике обозначены следующие журналы:

1 – Вопросы экономики	9 – ЭКО
2 – Проблемы прогнозирования	10 – Регион: экономика и социология
3 – Экономика региона	11 – Вестник Института экономики Российской академии наук
4 – Пространственная экономика	12 – Региональные агросистемы: экономика и социология
5 – Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	13 – Экономика и математические методы
6 – Журнал новой экономической ассоциации	14 – Экономическая наука современной России
7 – Проблемы развития территории	15 – Журнал экономической теории
8 – Прикладная эконометрика	16 – Региональные проблемы преобразования экономики

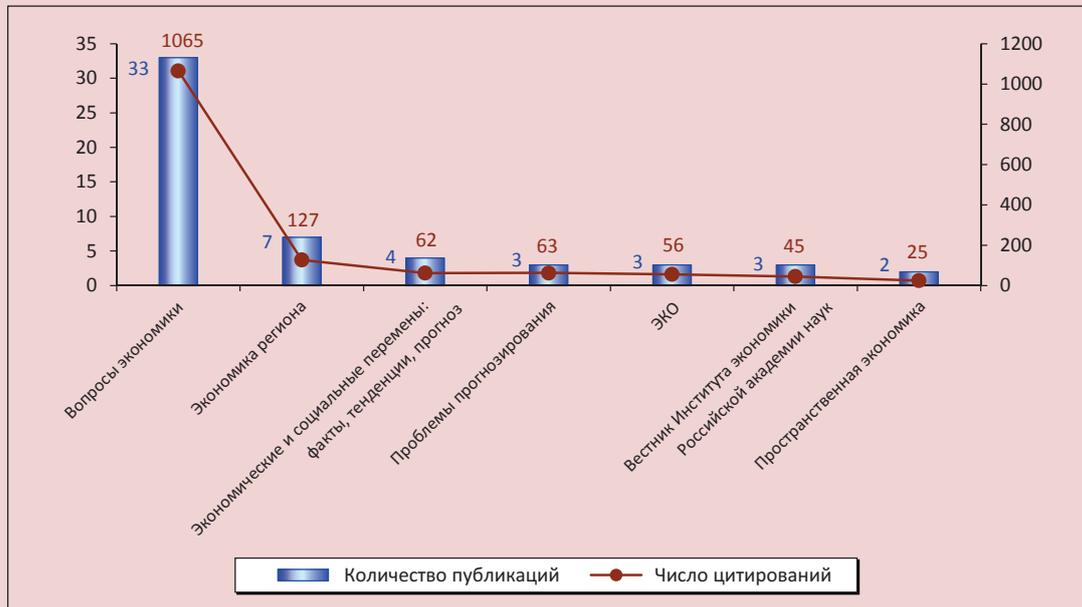
приходится 8% общего объема цитирований, т.е. каждая двенадцатая ссылка приходится на высокоцитируемую статью.

Данные о количестве высокоцитируемых статей в экономических журналах академического сектора представлены на рис. 2.

Анализ относительных индикаторов, показывающих долю статей, которые опубликованы в журнале и которые можно считать высокоцитируемыми, позволил установить, что наибольший удельный вес высокоцитируемых публикаций в общем числе всех статей имеет журнал «Вопросы экономики». Можно сделать вывод, что в 2016 году каждая третья публикация из этого журнала вошла в категорию высокоцитируемых.

Ранжирование журналов на основе интегрального показателя, полученного методом многомерного сравнительного анализа библиометрических показателей журналов по заявленным параметрам, дало возможность выделить ядро из десяти ведущих экономических журналов, аффилированных с научными организациями РАН (табл. 2). Судя по результатам, в топ рейтинга вошли хорошо известные в научном сообществе издания, оказывающие воздействие на развитие экономической науки в стране. Это можно заключить по высоким показателям цитирования, косвенно отражающим научный престиж журналов. Их широкая известность в России подтверждается значительным числом цитирующих научных

Рис. 2. Количество высокоцитируемых статей в экономических журналах академического сектора, 2016 г. (данные РИНЦ на январь 2018 г.)

журналов, о чем свидетельствуют низкие значения их индекса Хефиндала. Все это позволяет отнести издания, вошедшие в ядро перечня, к ведущим российским журналам по экономике и определить их статус как общероссийский.

Уровень воздействия журналов, вошедших в первую пятерку, мы характеризуем как высокий. На сегодняшний день они пользуются авторитетом не только среди российских экономистов, но и в международном научном сообществе, т.к. включены в главные международные наукометрические базы данных: «Вопросы экономики» (WoS : ESCI, Scopus), «Экономика региона» (WoS : ESCI, Scopus), «Журнал Новой экономической ассоциации» (WoS : ESCI, Scopus), «Проблемы прогнозирования» (Scopus), «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (WoS: ESCI). Как можно отметить, традиционно сюда отбираются наиболее влиятельные в разных научных направлениях журналы, которые продвигают передовые идеи и соответствуют высоким стандартам качества научного контента. До принятия решения о включении в эти базы данных журналы проходят осуществляемый группой экспертов отбор не только по

формальным, но и качественным критериям. То есть можно говорить о подтверждении научного авторитета рассматриваемых изданий не только библиометрическими показателями, но и независимым экспертным мнением.

С целью верификации итоговых результатов сравним их с данными других рейтингов, близких по временному периоду (табл. 3). В первую очередь, нас интересует Рейтинг ведущих экономических журналов России–2016, разработанный директором Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ Евгением Всеволодовичем Балацким и его коллегой Натальей Александровной Екимовой⁵. Результаты сопоставления двух перечней показывают, что в алмазном списке Балацкого–Екимовой представлены девять журналов из 10-ти, образующих ядро нашего рейтинга. При этом ранги первой пятерки изданий из нашего списка совпадают с порядком следования журналов, аффилированных с организациями РАН, в рейтинге Балацкого.

⁵ Рейтинг ведущих экономических журналов России – 2016 // Неэргодическая экономика. <http://nonerg-econ.ru/rdata/91/>

Таблица 2. Результаты сравнительной рейтинговой оценки экономических научных журналов, издаваемых организациями академического сектора

№ (i)	Журнал	Матрица исходных данных						Матрица стандартизированных коэффициентов				Результаты сравнительной рейтинговой оценки						
		Показатели (a _{ij})		Коэффициенты (x _{ij})				Квадрат показателя				Сумма	Инт. показатель (R)	Место				
		IF ₂	IF ₅	H _{Ij}	HP	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₁ ²	X ₂ ²				X ₃ ²	X ₄ ²		
1	Вопросы экономики	7,288	4,650	81	33	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	4,000	2,000	1
2	Экономика региона	2,500	1,484	146	7	0,343	0,319	0,555	0,212	0,118	0,102	0,308	0,045	0,572	0,757	2		
3	Журнал Новой экономической ассоциации	1,118	0,828	117	0	0,153	0,178	0,692	0,000	0,024	0,032	0,479	0,000	0,535	0,731	3		
4	Проблемы прогнозирования	2,538	2,104	206	3	0,348	0,452	0,393	0,091	0,121	0,205	0,155	0,008	0,489	0,699	4		
5	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	1,363	1,149	176	4	0,187	0,247	0,460	0,121	0,035	0,061	0,212	0,015	0,323	0,568	5		
6	Вестник Института экономики Российской академии наук	0,788	0,499	155	3	0,108	0,107	0,523	0,091	0,012	0,012	0,273	0,008	0,305	0,552	6		
7	ЭКО	0,910	0,628	161	3	0,125	0,135	0,503	0,091	0,016	0,018	0,253	0,008	0,295	0,543	7		
8	Пространственная экономика	2,000	1,357	304	2	0,274	0,292	0,266	0,061	0,075	0,085	0,071	0,004	0,235	0,485	8		
9	Прикладная эконометрика	0,981	0,799	230	0	0,135	0,172	0,352	0,000	0,018	0,030	0,124	0,000	0,172	0,414	9		
10	Экономическая наука современной России	0,607	0,829	224	0	0,083	0,178	0,362	0,000	0,007	0,032	0,131	0,000	0,169	0,412	10		
11	Регион: экономика и социология	0,905	0,850	241	0	0,124	0,183	0,336	0,000	0,015	0,033	0,113	0,000	0,162	0,402	11		
12	Экономика и математические методы	0,654	0,539	237	0	0,090	0,116	0,342	0,000	0,008	0,013	0,117	0,000	0,138	0,372	12		
13	Проблемы развития территории	1,042	0,726	272	0	0,143	0,156	0,298	0,000	0,020	0,024	0,089	0,000	0,133	0,365	13		
14	Журнал экономической теории	0,590	0,566	270	0	0,081	0,122	0,300	0,000	0,007	0,015	0,090	0,000	0,111	0,334	14		
15	Региональные агросистемы: экономика и социология	0,655	0,345	1104	0	0,090	0,074	0,073	0,000	0,008	0,006	0,005	0,000	0,019	0,138	15		
16	Региональные проблемы преобразования экономики	0,231	0,253	2230	0	0,032	0,054	0,036	0,000	0,001	0,003	0,001	0,000	0,005	0,073	16		

Примечания:

IF₂ – двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования (с учетом переводной версии) – число ссылок в текущем году из других журналов на статьи в данном журнале, опубликованные за предыдущие два года, поделенное на число этих статей.

IF₅ – пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования – число ссылок в текущем году из других журналов на статьи в данном журнале, опубликованные за предыдущие пять лет, поделенное на число этих статей.

H_{Ij} – пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам. Рассчитывается как сумма квадратов процентных долей журналов, цитирующих данный, в общем количестве цитирований. При расчете учитываются ссылки из текущего года на статьи за предыдущие 5 лет, в том числе самоцитирование. Чем больше количество цитирующих журналов и чем равномернее распределены по ним ссылки на данный журнал, тем меньше величина этого показателя. Максимальное значение равно 10000 и достигается, когда все ссылки сделаны из одного журнала.

HP – количество высокоцитируемых статей (hot papers).

Таблица 3. Сопоставление результатов импакт-рейтинга журналов академического сектора с данными других рейтингов российских экономических журналов

Журнал	Импакт-рейтинг, 2016	Рейтинг Балацкого–Екимовой, 2016 Ранг / порядок следования журналов РАН	Консенсусный рейтинг Балацкого–Екимовой, 2017 Градация / ранг	Рейтинг Рубинштейна, 2017 Категория / ранг
Вопросы экономики	1	1/1	A / 2	A1 / 2
Экономика региона	2	3/2	D/27	-
Журнал новой экономической ассоциации	3	5/3	A/3	A1 / 1
Проблемы прогнозирования	4	6/4	B/10	A3 / 8
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	5	10/5	E/46	-
Вестник Института экономики Российской академии наук	6	-	D/ 21	B1 / 14
ЭКО	7	39/9	D / 19	-
Пространственная экономика	8	20/7	B/9	A3 / 11
Прикладная эконометрика	9	12/6	A/5	A2 / 4
Экономическая наука современной России	10	21/8	B/11	B1 / 15

Более слабая степень корреляции прослеживается при сопоставлении полученных нами результатов ранжирования с данными Консенсусного рейтинга ведущих экономических журналов России [21]. Хотя в нем представлены все десять журналов, образующих ядро нашего рейтинга, их положение относительно друг друга значительно разнится. Полагаем, что это обусловлено разными критериями ранжирования и временным разрывом между нашим списком и частными рейтинговыми продуктами, результаты которых обобщены в Консенсусном рейтинге.

Самая низкая корреляция прослеживается при сравнении результатов нашего ранжирования с рейтингом, который разработан под руководством А.Я. Рубинштейна и в котором учитываются только данные экспертных опросов [17]. На наш взгляд, это обусловлено не столько отсутствием значимых связей между библиометрическими показателями и мнением экспертного сообщества, основанным на интуитивных представлениях экономистов о научном авторитете журналов, сколько составом исход-

ной выборки журналов. Как указали разработчики рейтинга, список анализируемых журналов сформирован на основе перечня изданий, включенных в RSCI, принципы построения которого вызвали много вопросов у экспертного сообщества, обсуждавшихся на страницах научных изданий [44]. Учитывая известные недостатки этого перечня, авторы сделали попытку скорректировать выборку изданий. Тем не менее мы видим, что в нее не попали даже те журналы, которые включены в глобальные индексы цитирования и у которых качество и уровень влияния подтверждены независимым экспертным мнением на международном уровне. Мы полагаем, что в случае расширения выборки и, возможно, «географии» экспертов результаты рейтинга, основанного на данных социологических опросов, были бы иными и степень их корреляции с результатами нашего рейтинга стала бы выше.

Исходя из высокой степени корреляции с рейтингом Балацкого–Екимовой, основанным на сочетании библиометрических и экспертных оценок, можно предположить, что выбранные

нами состав критериев и способ их агрегирования могут быть пригодны для ранжирования не только изданий академического сектора, но и всех российских экономических журналов. Некоторые сложности, связанные с применением данного способа к ранжированию широкого круга журналов, видятся в процедуре расчета количества высокоцитируемых публикаций, в частности, в необходимости дополнительной качественной оценки ссылок, которые получила каждая такая статья.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что полученные результаты позволяют подойти к вопросу о выборе критериев, в частности библиометрических, для оценки научных журналов. Предложенный нами состав критериев скорректирован по сравнению с набором критериев, использованных в предыдущем рейтинге [3]. Введение показателя числа высокоцитируемых публикаций дало нам возможность углубить анализ цитирования и опираться в оценке научного авторитета журнала на характеристику его способности аккумулировать «прорывные» статьи. Результаты исследования представлены в виде импакт-рейтинга экономических журналов, который отражает уровень их влияния в научном направлении, важность и полезность изданий, их научный авторитет. Степень корреляции итогового списка с другими рейтингами экономических журналов подтверждает то, что предложенные нами состав критериев и способ их агрегирования позволяют сформировать достаточно объективные данные, пригодные для ранжирования научных журналов.

В целом можно сказать, что интегральные показатели, полученные методом многомерного сравнительного анализа нескольких значимых библиометрических показателей изданий,

основанных на данных РИНЦ за 2016 год, позволили ранжировать и выделить среди них ядро из десяти ведущих научных журналов по экономике, аффилированных с организациями академического сектора. Это хорошо известные в научном сообществе издания, оказывающие воздействие на развитие экономической науки в стране.

Очевидно, что представленная в данном исследовании методика построения импакт-рейтинга может применяться к ранжированию широкого круга научных изданий. В этом случае упростить процедуру расчета некоторых показателей, в частности числа высокоцитируемых публикаций, могло бы расширение возможностей РИНЦ за счет введения индикаторов, отражающих так называемое «экстремальное» цитирование. Хорошим решением проблемы сбора объективных данных могло бы стать введение инструментов, позволяющих автоматически исключать ссылки, появившиеся в результате манипулирования. Очевидно, что совершенствование систем, аккумулирующих исходные данные, которые используются для составления рейтингов, окажет положительный эффект на результаты ранжирований.

В заключение отметим, что рейтинги могут использоваться как дополнительная информация для анализа эффектов и факторов, сдерживающих успех академических изданий, а также как своеобразные ориентиры, достижение которых способно в перспективе повысить качество не только конкретных журналов, но и всей российской экономической науки. Выявленные же недостатки существующих в настоящее время рейтингов могут быть преодолены в процессе дальнейшего изучения вопроса о выборе критериев для ранжирования изданий и совершенствования методики их анализа.

Литература

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Возможности консолидации рейтинговых продуктов в Интернет-среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 37–51. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.3
2. Котляров И.Д. Принципы оценки качества научных журналов // Образование и наука. 2010. № 8 (76). С. 4–19.
3. Третьякова О.В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5 (41). С. 159–172. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.11

4. Liner G. H., Amin M. Methods of ranking economics journals. *Atlantic Economic Journal*, 2004, vol. 32, iss. 2, pp. 140–149. DOI: 10.1007/BF02298831
5. Hawkins R. G., Ritter L. S., Walter I. What economists think of their journals. *The Journal of Political Economy*, 1973, vol. 81, iss. 4, pp. 1017–1032.
6. Bush W.C., Hamelman P.W., Staaf R.J. A quality index for economics journals. *The Review of Economics and Statistics*, 1974, vol. 51, iss. 1, pp. 123–125.
7. Liebowitz S.J., Palmer J.P. Assessing the relative impacts of economics journals. *Journal of Economic Literature*, 1984, iss. 32, pp. 77–88.
8. Laband D., Piette M. The relative impacts of economics journals: 1970–1990. *Journal of Economic Literature*, 1994, iss. 32, pp. 640–666.
9. Stigler G.J., Stigler S.M., Friedland C. The journals of economics. *Journal of Political Economy*, 1995, vol. 103, iss. 2, pp. 331–359.
10. Liner G. H. Core journals in economics. *Economic Inquiry*, 2002, vol. 40, iss. 1, pp. 138–145.
11. Bornmann L., Haunschild R. Plots for visualizing paper impact and journal. *Scientometrics*, 2018, vol. 115, iss. 1, pp. 385–394. DOI: 10.1007/s11192-018-2658-1
12. Glänzel W., Moed H. F. Journal impact measures in bibliometric research. *Scientometrics*, 2002, vol. 53, iss. 2, pp. 171–193. DOI: 10.1023/A:1014848323806
13. Аукуционек С., Чуркина Г. Экономические журналы в период рыночных реформ // Вопросы экономики. 2002. № 2. С. 130–145.
14. Дежина И. Г., Дашкеев В. В. Есть ли в России ведущие экономисты и кто они? М.: ИЭПП, 2008. 21 с.
15. Муравьев А.А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 130–151.
16. Проект НИУ ВШЭ по экспертному ранжированию российских научных журналов [Электронный ресурс]. М.: Управление академической экспертизы НИУ ВШЭ. 2015. Доступно в: <http://www.hse.ru/academexpert/journals>.
17. Рубинштейн А.Я. Российские экономические журналы: табель о рангах // Экономическая наука современной России. 2018. № 1. С. 108–130.
18. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Опыт составления рейтинга российских экономических журналов // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 99–115.
19. Значимость основных российских и международных экономических журналов: сетевой анализ / Ф.Т.Алескеров, Д.Н. Бадгаева, В.В.Писляков, И.А. Стрерлигов, С.В. Швыдун // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 193–205.
20. Субочев А.Н. Насколько различны существующие рейтинги российских научных журналов по экономике и менеджменту и как их объединить // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 181–192.
21. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Консенсусный рейтинг российских экономических журналов: идеология и опыт составления // *Journal of Institutional Studies*. 2018. Т. 10. № 1. С. 93–106. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.1.093-106
22. Рубинштейн А.Я. Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифры»? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 162–175.
23. Гумеров Р.Р. Вновь о научной значимости российских экономических журналов, или Что стоит за попытками их ранжирования // ЭКО. 2017. № 7. С. 146–161.
24. Merton R. K. The sociology of science: An episodic memoir. *The sociology of science in Europe*. Carbondale: Southern Illinois Univ. Press, 1977, pp. 3–141.
25. Garfield E. *Citation indexing – Its Theory and Application in Science, Technology and Humanities*. New York: Wiley, 1979. 274 p.
26. Gilbert G. N. Referencing as persuasion. *Social Studies of Science*, 1977, vol. 7, iss. 1, pp. 113–122.
27. Martin B.R., Irvine J. Assessing basic research: some partial indicators of scientific progress in radio astronomy. *Research policy*, 1983, vol. 12, iss. 2, pp. 61–90.

28. Zuckerman H. Citation analysis and the complex problem of intellectual influence. *Scientometrics*, 1987, vol. 12, iss. 5–6, pp. 329–338.
29. Cole S., Cole J. R. Scientific output and recognition. A study in the operation of the reward system in science. *American Sociological Review*, 1967, vol. 32, pp. 377–390.
30. Moed H.F. Citation Analysis in Recourse Evaluation // Information Science and Knowledge Management. Springer. 2005. V. 9. 346 p.
31. Garfield E., Sher I. H. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature Through Citation Indexing . *American Documentation*, 1963, vol. 14, iss. 3, pp. 195–201.
32. Bornmann L., Marx W., Gasparyan A. Y., Kitas G. D. Diversity, value and limitations of the journal impact factor and alternative metrics. *Rheumatology International*, 2012, vol. 32, iss. 7, pp. 1861–1867.
33. Bornmann, L. Scientific peer review. *Annual Review of Information Science and Technology*, 2011, vol. 45, iss. 1, pp. 199–245. DOI: 10.1002/aris.2011.1440450112
34. Garfield E. Citation indexes to science: a new dimension in documentation through association of ideas. *Science*, 1955, vol. 122, pp. 108–111.
35. Bornmann L., Haunschild R. Plots for visualizing paper impact and journal impact of single researchers in a single graph // *Scientometrics*, 2018, vol. 115, iss. 1, pp. 385–394. doi: 10.1007/s11192-018-2658-1
36. Hoeffel C. Journal impact factors (letter). *Allergy*, 1998, vol. 53, iss. 12, p. 1225.
37. Rousseau R.L. Journal Evaluation: Technical and Practical Issues. *Library Trends*, 2002, vol. 50, iss. 3, pp. 418–439.
38. Aksnes D.W., Sivertsen G. The effect of highly cited papers on national citation indicators. *Scientometrics*, 2004, vol. 59, iss. 2, pp. 213–224.
39. Garfield E. The 100 most-cited papers ever and how we select citation classics. *Current Contents*, 1984, iss. 27, pp. 3–9.
40. Glänzel W., Schubert A. Some facts and figures on highly cited papers in the sciences, 1981–1985. *Scientometrics*, 1992, vol. 25, iss. 3, pp. 373–380. DOI: 10.1007/BF02016926
41. Tijssen R.J.W., Visser M.S., van Leeuwen T.N. Benchmarking international scientific excellence: Are highly cited research papers an appropriate frame of reference? *Scientometrics*, 2002, vol. 54, iss. 3, pp. 381–397. DOI: 10.1023/A:1016082432660
42. Коцемир М.Н. Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций // Форсайт. 2012. Т. 6. № 1. С. 38–59.
43. Писляков В.В. Библиометрические индикаторы в ресурсах Tomson Reuters // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. Екатеринбург, 2014. С. 75–109.
44. Третьякова О.В. Экономический журнал в России: проблемы оценки качества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 211–224. DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.13

Сведения об авторе

Ольга Валентиновна Третьякова – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: olga.tretyackova@yandex.ru)

Tret'yakova O.V.

The Impact Rating of Academic Journals in Economics: Ranking Criteria and Methodology

Abstract. The rapid growth of the number of academic journals has brought to the fore the issue of choosing the leading ones among them. In this paper, we summarize current methodological approaches to the evaluation of scientific journals and substantiate the applicability of bibliometric indicators for assessing the impact of publications in the scientific community. The results of comparative assessment of economic journals affiliated with RAS institutions are presented in the form of impact rating based on the analysis of bibliometric data of the Russian Science Citation Index (RSCI) and reflecting the level of impact of publications included in the RSCI. We substantiate the composition of indicators that enable us to make a comprehensive assessment of journals and that are available to be used to verify the results. We prove that the composition of the criteria and the method of their aggregation are suitable for ranking scientific journals; this is confirmed by the fact that the results correlate with the data of other ratings. We rank the journals using multidimensional comparative analysis based on the distance method. We identify the core of ten leading scientific journals in economics that are affiliated with academic organizations. We prove that they are the scientific publications well-known among the academia and they have an impact on the development of economic science in the country. The prospects of the study are seen in the application of the described technique to the ranking of all economic journals. The results can be used by scientific organizations for determining strategic priorities in the development of scientific journals.

Key words: impact rating of scientific journals, economic journal, Russian Academy of Sciences, bibliometric index, journal impact factor, authority of the journal, Russian Science Citation Index (RSCI).

Information about the Author

Ol'ga V. Tret'yakova – Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: olga.tretyackova@yandex.ru)

Статья поступила 29.03.2018.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.13

УДК 332.025, ББК 65.239.719

© Петров М.Б., Курушина Е.В., Дружинина И.В.

Институциональный отклик региональных социально-экономических систем на инвестирование в приращение человеческого капитала: методика оценки*

Михаил Борисович

ПЕТРОВ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, 29

E-mail: michpetrov@mail.ru

Елена Викторовна

КУРУШИНА

Тюменский индустриальный университет

Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, 38

E-mail: kurushina.tsogu@yandex.ru

Ирина Васильевна

ДРУЖИНИНА

Тюменский индустриальный университет

Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, 38

E-mail: 030370div@gmail.com

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2018 г.

Для цитирования: Петров М.Б., Курушина Е.В., Дружинина И.В. Институциональный отклик региональных социально-экономических систем на инвестирование в приращение человеческого капитала: методика оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 195–214. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.13

For citation: Petrov M.B., Kurushina E.V., Druzhinina I.V. Institutional response of regional socio-economic systems to investing in human capital increment: assessment technique. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 195–214. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.13

Аннотация. В современных теориях человеческий капитал рассматривается в качестве главного источника экономического роста. Управление концентрацией человеческого капитала для формирования новых центров роста, предусмотренное Концепцией стратегии пространственного развития России, требует применения эффективных институтов. Разработанная авторами методика исследования степени реакций социально-экономических систем на изменение институциональных условий приращения человеческого капитала позволяет определить рейтинг влияния материальных и институциональных факторов на основе применения методического инструментария регрессионного анализа с использованием фиктивных переменных. Кроме того, проведение исследования на основе предложенной методики дает возможность учесть гетерогенность социально-экономического пространства российских регионов в контексте человекоориентированной парадигмы развития в оценке действенности институтов на основе сравнительного анализа стандартизованных коэффициентов институциональных переменных в регрессионных моделях управляемых характеристик человеческого капитала по региональным кластерам. Апробация методики на примере институционального воздействия на репродуктивный прирост количественной составляющей человеческого капитала в регионах России за 2005–2015 годы позволила выявить высокую значимость институционального фактора, занимающего второе место в рейтинге влияния всех независимых переменных. Оценка неоднородности социально-экономического пространства российских регионов проведена с использованием методов факторного анализа двенадцати показателей-факторов привлекательности территорий для населения, позволивших сформировать семь кластеров. Характеристика кластеров дана с использованием авторской методики трехкомпонентного вектора социально-экономического развития территорий. Проведенное исследование позволило выявить прямое влияние социоприродной компоненты развития кластеров регионов на степень институционального отклика социально-экономических систем и обратное – экономической и инклюзивной компонент. Полученные результаты могут быть использованы в качестве аналитических материалов для обоснования институциональных мер по концентрации человеческого капитала в планируемых центрах экономического роста и прогнозов потребности в развитии объектов социальной инфраструктуры регионов. Применение разработанного методического подхода может быть распространено на исследование влияния других институтов на социально-экономические процессы.

Ключевые слова: институциональные условия, реакции социально-экономических систем, человеческий капитал, кластерный анализ регионов.

Введение

В современных концепциях и теориях экономического роста человеческий капитал выступает в качестве одного из главных факторов развития, что обуславливает актуальность исследований по управлению им. Изучая модели экономического роста, Р. Дж. Барро и Х. Салаи-Мартин сделали вывод о том, что «рост зависит положительно от начального количества человеческого капитала, измеряемого уровнем образования и здоровья» [1, с. 24]. В *теории эндогенного экономического роста* благодаря человеческому капиталу и его способности к самообучению (воздействию опыта на производительность. — *Прим. авторов*) появля-

ются возможности, обеспечивающие неограниченный рост. В моделях эндогенного роста М. Франкеля (1962) [2], З. Грилихеса (1979) [3] и П. Ромера (1986) [4] особая роль человеческого капитала в экономическом развитии определяется эффектами распространения знаний и опыта. В известной работе Р. Лукаса «On the Mechanics of Economic Development» (1988) [5] модель развития строится на том, что человеческий капитал является источником производства и передачи знания.

Об «исключительной значимости человеческого капитала» для России сегодня говорят многие эксперты [6, с. 12]. Так, в числе приори-

тетных инициатив государства В. Полтерович (2015) видит «наращивание человеческого капитала» [7]. Осознание роли человеческого капитала в экономическом развитии вызвало волну интереса к определению его содержания, воспроизводства и использования. Ссылаясь на концепцию человеческого капитала Т. Шульца [8] и Г. Беккера [9], А. Шабунова и Г. Леонидова (2011) определяют его содержание как совокупность качеств, влияющих на производительность труда, включая «природные способности, знания, умения, навыки... творческие способности, а также... мотивы деятельности, обеспечивающие возможность приносить доход» [10, с. 102]. Под человеческим капиталом В. Ионцев и А. Магомедова (2015) понимают «не только совокупность знаний, образовательных и профессиональных характеристик», но и присущие населению, каждому человеку «духовные, психофизические и демографические качества» [11, с. 89–90], указывая тем самым на неразрывную связь воспроизводства человеческого капитала с воспроизводством населения. Поскольку этот процесс является достаточно длительным и требующим значительных инвестиций, то Г. Гагарина (2012) обращает внимание на то, что основные вложения в человеческий капитал «под силу только государству» [12, с. 10].

Формирование и использование в управлении программно-целевого подхода¹, начиная с середины 90-х годов, было направлено на повышение эффективности реформирования российской экономики. Большинство из федеральных целевых программ (далее – ФЦП), принятых в начале 2000-х годов, были прямо или косвенно направлены на инвестирование в человеческий капитал и улучшение условий его формирования за счет бюджетных средств. Среди них ФЦП «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера», «Электронная Россия», «Дети России» и

¹ Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация: Постановление Правительства РФ № 594 от 26 июня 1995 г. // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=287235&fld=134&dst=100042,0&rnd=0.16337567839718226#0> (дата обращения: 15.01.2018).

другие программы. В период с 2006 года был принят большой пакет целевых программ (которые с 2014 года вошли в состав государственных программ), знаменующий новую волну социально-экономических реформ. Используя наиболее распространенную классификацию видов² человеческого капитала [13], отметим, что программы, принятые с середины 2000-х годов, были направлены на прирост следующих его составляющих.

1. *Капитал здоровья:*

1.1. Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы (с пролонгацией на 2016–2020 годы).

1.2. Социальная поддержка инвалидов (2006–2010 годы).

1.3. Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах (с пролонгацией на 2013–2020 годы).

1.4. Чистая вода (2011–2017 годы).

2. *Трудовой капитал:*

2.1. ФЦП развития образования на 2006–2010 годы (с пролонгацией на 2011–2015 годы и на 2016–2020 годы).

2.2. Экономическое и социальное возрождение коренных малочисленных народов Севера до 2011 года.

2.3. Социальное развитие села до 2012 года (Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года).

3. *Интеллектуальный капитал:*

3.1. Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы (с пролонгацией на 2014–2020 годы).

3.2. Развитие инфраструктуры нанотехнологий в Российской Федерации на 2008–2010 годы.

3.3. Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 годы с пролонгацией на 2014–2020 годы).

4. *Культурно-нравственный капитал:*

4.1. Культура России (2006–2010 и 2012–2020 годы).

4.2. Развитие судебной системы России (2007–2012 годы).

² Управление человеческим капиталом: учебное пособие / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, Ф.Б. Власов, И.В. Скоблякова. Орел: Орел ГТУ, 2005. 276 с.

Следует отметить, что федеральные целевые и государственные программы являются не единственным источником инвестиций в формирование человеческого капитала. Например, для развития *организационно-предпринимательского капитала* с 2005 года Минэкономразвития реализует программу по поддержке малого и среднего предпринимательства на региональном уровне в виде субсидий³. Кроме того, образовано большое количество фондов и центров, оказывающих помощь предпринимателям и способствующих формированию у них предпринимательских навыков [14].

В моделях экономического роста меры государственной поддержки и регулирования выступают в качестве институциональных переменных⁴. Так, модели П. Ромера (1990) [15], Ж. Гроссмана и Е. Хэлпмана (1991) [16], Ф. Агхиона и П. Хоуитта (1992) [17] построены на зависимости долгосрочных темпов экономического роста от «действий правительства, таких как налогообложение, поддержка закона... защита прав на интеллектуальную собственность» [1, с. 31], а также от регулирования других социально-экономических процессов. На основе анализа большого числа исследований современных традиционных и новых институционалистов В. Вольчик⁵ выделяет «три типа влияния институтов на экономическое поведение» индивидов. Помимо ограничительной и информационно-познавательной функций, третий тип влияния реализуется через телеологическую функцию⁶, предполага-

ющую формирование мотивации. В представленном исследовании авторы исходят из того, что изменение институциональных условий в совокупности с факторами материального пространства оказывает влияние (в виде соответствующих мотиваций) на экономическое поведение индивидов, направленное на воспроизводство человеческого капитала по всему спектру его характеристик.

Актуальность исследования вызвана необходимостью усиления действенности и адресности государственного управления социально-экономическим развитием регионов с учетом их существенных различий. Выявление степени институционального отклика социально-экономических систем, формирующих региональное пространство России, на реализацию правительственных мер по приращению человеческого капитала актуально с позиций не только оценки эффективности бюджетных инвестиций, но и прогрессивности направлений и механизмов реализации проводимой социально-экономической политики. Учитывая гетерогенность развития российских территорий, авторы определили **цель исследования** как разработку методики оценки реакций социально-экономических типов региональных систем на изменение институциональных условий приращения человеческого капитала. Для ее достижения были поставлены следующие **задачи**.

1. Формирование концептуальной основы исследования.
2. Разработка алгоритма исследования, позволяющего синтезировать авторские методики по оценке привлекательности территорий для населения, типологизации регионов по компонентам человекоориентированного развития и инструментарий регрессионного анализа для построения моделей приращения человеческого капитала по региональным кластерам, включающих факторы институциональных условий.
3. Апробация методики на примере введения одного из институтов (федерального уровня) регулирования процесса воспроизводства человеческого капитала в регионах.

³ О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства: Постановление Правительства РФ от 30.01.2014 № 1605 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420244200> (дата обращения: 15.01.2018)

⁴ Под институциональными переменными в данном исследовании понимаются независимые факторы, отражающие регулирующие воздействия управляющей системы (например, действия Правительства).

⁵ Вольчик В.В. Институциональная и эволюционная экономика: учебное пособие. Ростов н/Д: ЮФУ, 2011. С. 11–12.

⁶ Телеологический подход опирается на положение о целесообразности поведения людей, действий и явлений.

4. Выделение кластера регионов⁷ путем иерархической кластеризации субъектов РФ по характеристикам привлекательности территорий.

5. Характеристика кластеров, выступающих в качестве типов региональных социально-экономических систем⁸, с позиций трехкомпонентной оценки развития территорий.

6. Проведение сравнительного анализа реакций типов региональных социально-экономических систем на изменение институциональных условий воспроизводства человеческого капитала.

7. Интерпретация полученных результатов для формирования массива аналитических материалов по реакциям региональных социально-экономических систем на изменение институциональных условий.

Концепции и методика исследования

В основе *концепции новой региональной политики*, сформулированной А. Татаркиным (2012), лежит «*человекоориентированная парадигма* институционального развития», предполагающая «форсирование всего спектра инвестиций в развитие человеческого потенциала» [18, с. 29].

В *Концепции стратегии пространственного развития России до 2030 года*⁹ (далее – КСПР) перспективы повышения эффективности использования пространственного фактора относительно человеческого ресурса рассматриваются в двух направлениях. В модели рыночной организации пространства, сфор-

мированной на основе *концепции поляризации пространства*, одним из ключевых факторов экономического развития выступает концентрация ресурсов, предполагающая переселение населения в наиболее динамичные регионы. В модели государственного сохранения (удержания) пространства важнейшим ключевым фактором развития согласно *концепции эндогенного роста* выступает человеческий капитал, роль которого в обеспечении устойчивого развития состоит: 1) в формировании новых центров роста путем концентрации населения в регионах; 2) поиске путей экономически эффективного поддержания жизнедеятельности уже освоенных территорий.

Реализация указанных моделей пространственного развития Российской Федерации требует разработки и совершенствования механизмов управления приращением человеческого капитала в прогнозируемых центрах экономического роста. В соответствии с авторской *концептуальной моделью функциональных трансформаций региональной системы* [19] этот процесс может быть обеспечен на основе следующих альтернативных механизмов: 1) *репродуктивного*, предполагающего процесс расширенного самовоспроизводства человеческого капитала в регионах; 2) *интеграционного*, связанного с функцией метаболизма системы, обуславливающей приток человеческого капитала из других регионов.

Авторы исходят из мотивационного подхода и свободы принятия каждым индивидом решений, влияющих на изменение человеческого капитала в регионах. Первый тип решений распространяется на репродуктивное поведение населения (в широком смысле слова) в контексте расширенного воспроизводства человеческого капитала. Оно включает процессы не только рождаемости и роста жизненного потенциала, но и обучения, получения опыта, интеллектуального и культурного развития, нравственного совершенствования. Второй тип решений связан с пространственным перемещением индивида, обладающего определенными характеристиками человеческого капитала. Как отмечает Р. Флорида (2008), «кластеризация и концентрация талантливых и продуктивных людей» составляют подлинный источник

⁷ Под кластером регионов в данной работе понимается совокупность субъектов РФ, полученная в результате группировки субъектов по 12-ти социально-экономическим характеристикам привлекательности территорий на основе процедуры классификации в пакете IBM SPSS Statistics с графическим представлением в виде дендрограммы.

⁸ Под типами региональных социально-экономических систем понимаются полученные в результате типологизации совокупности субъектов РФ, социально-экономические особенности которых охарактеризованы с позиций 3-х компонент ценностно-ориентированного развития (экономической, социоприродной и инклюзивной).

⁹ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2016. С. 21–25. URL: http://карьеру-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

экономического роста [20], поэтому регионы с более благоприятными для жизнедеятельности условиями приобретают больший потенциал конкурентоспособности.

Разработанная авторами *методика* предполагает проведение исследования на основе *алгоритма*, включающего следующие этапы работ:

1) выбор количественных и качественных характеристик оценки человеческого капитала;

2) определение функции (репродуктивной или метаболической) его приращения;

3) выбор управляемого параметра человеческого капитала (уровня образования, жизненного потенциала, доли трудоспособного населения, коэффициента рождаемости, коэффициента миграционного прироста и т.д.);

4) выбор института, влияющего на управляемый параметр (реализация федеральной целевой или государственной программы, введение института материнского капитала, изменение миграционного законодательства и пр.);

5) формирование массива данных по фиктивной переменной, принимающей значение «0» до введения соответствующего института и значение «1» после его введения, если временной лаг с момента введения института до проявления результата составляет меньше года (в противном случае учет «отложенного результата» производится на основе экспертной оценки временного лага);

6) обоснование системы показателей для оценки привлекательности регионов на основе парадигмы человекоориентированного развития;

7) формирование массива данных региональной статистики за горизонт исследования, охватывающего период времени «до» и «после» введения исследуемого института;

8) кластеризация регионов России по показателям привлекательности территорий с применением методов многомерного статистического анализа;

9) характеристика социально-экономических типов регионов с позиций ценностных ориентаций человекоориентированного развития;

10) регрессионный анализ управляемого параметра человеческого капитала по региональным кластерам и по всем субъектам РФ с оценкой статистической значимости моделей;

11) формирование рейтинга факторного влияния на управляемый параметр на основе стандартизованных коэффициентов регрессии;

12) сравнительный анализ реакций кластеров регионов на введение института, влияющего на управляемый параметр человеческого капитала;

13) интерпретация полученных результатов для формирования единого массива аналитических материалов по оценке влияния изменения институциональных условий на развитие региональных социально-экономических систем.

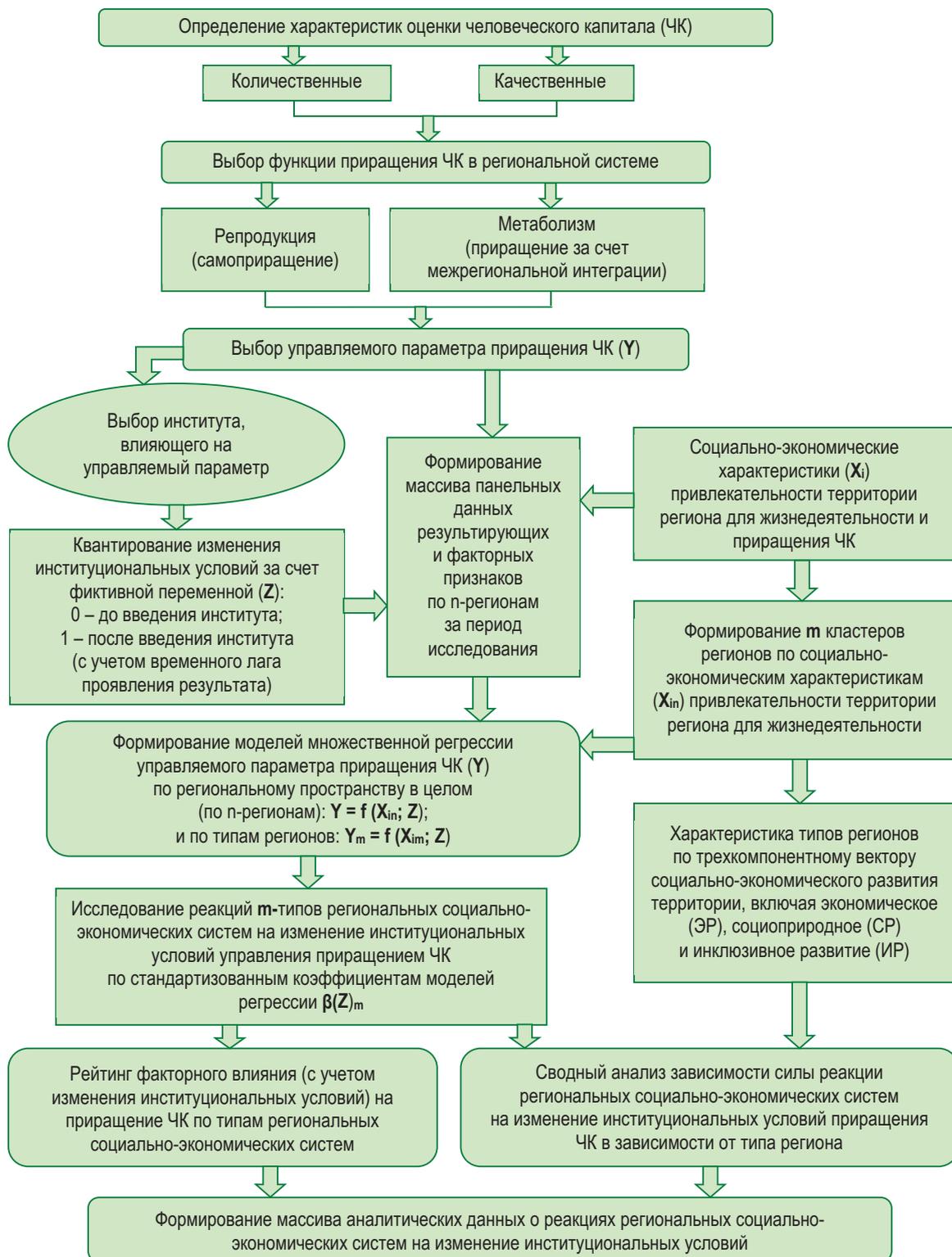
Последовательность работ по определению реакций региональных социально-экономических систем на изменение институциональных условий управления человеческим капиталом представлена на *рис. 1*.

В соответствии с представленным алгоритмом методика исследования включает следующие составляющие.

1. *Авторская методика оценки привлекательности территории как среды жизнедеятельности* (среды обитания) [21, с. 25]. Привлекательность территории оценивается двенадцатью показателями-факторами, сформированными с позиций мотивационного подхода на основе системы потребностей и свободного выбора. Это физиологические потребности в пище (показатель реальной заработной платы), жилье (показатель обеспеченности новым жильем), а также в благоприятном для жизнедеятельности климате и экологической обстановке¹⁰. Кроме того, в систему первичных потребностей населения включены потребности в физической (показатель уровня преступности) и социальной безопасности (показатели безработицы и реального уровня пенсий) среды обитания. Возможности удовлетворения потребностей в общении оцениваются по демографической плотности территории (показатель плотности населения) и по ее инфраструктурному оснащению, обеспечивающему транспортную (показатель плотности автодорог) и коммуникационную связность (показатель объема услуг связи, приходящихся на одного жителя) регионального пространства. Рассматривая «качество среды» как составную часть «качества жизни»

¹⁰ Возможность удовлетворения физиологических потребностей в благоприятной экологической ситуации и природно-климатических условиях оценена по показателю ожидаемой продолжительности жизни в регионе.

Рис. 1. Алгоритм исследования реакций социально-экономических систем на изменение институциональных условий приращению человеческого капитала в регионах

Источник: составлено авторами.

населения, О. Козлова и др. (2015) отмечают, что при ее оценке необходимо учитывать «степень удовлетворения потребностей в творчестве, саморазвитии и самореализации человеком своих способностей» [22, с. 183–184]. В предлагаемой методике привлекательность территории с позиции возможности достижения успеха оценена по степени инновационной активности среды (показатель доли инновационно-активных предприятий в общем количестве предприятий), благоприятности предпринимательского климата (показатель доли работников малых предприятий в общей численности работающих) и уровня конкурентоспособности экономики (мерилом которой, по М. Портеру (1993), выступает экспорт продукции [23]). Данная методика не претендует на наиболее полный охват параметров оценки качества жизни в регионах¹¹. Авторы видят ее достоинства в следующем:

1) *научная обоснованность* совокупности показателей, базирующаяся на системе потребностей в соответствии с содержательными теориями мотивации (А. Маслоу (1954) [24], Д. МакКлелланда (1970) [25], К. Альдельфера (1972) [26]);

2) *доступность данных* для оценки территорий на основе использования официальной статистической информации Росстата¹²;

3) *ориентированность на современную систему ценностных ориентаций* общества, включающих ценности устойчивого роста (экономические, социальные, экологические) и инновационного развития;

4) *гибкость системы* показателей, позволяющая их интерпретировать как с позиций системы потребностей населения, так и с позиций потенциалов территории (внешнеэкономического, социального, инновационного, институционального, инфраструктурного, играющего

особую роль в повышении комфортности жизни населения северных территорий [27, с. 56]);

5) *многофункциональность показателей*, дающая возможность формировать из них компоненты социально-экономического развития территории и успешно интерпретировать их на основе человекоориентированной парадигмы, как показано на *рис. 2*.

2. *Авторская методика оценки территории по трехкомпонентному вектору социально-экономического развития с позиций человекоориентированной парадигмы*. Большинство методик по оценке качества и уровня жизни, как и любых методик по комплексному измерению социально-экономического развития территорий, включают два этапа: 1) этап анализа, предполагающий выделение спектра составляющих развития, оцениваемых по частным показателям; 2) этап синтеза, на котором происходит формирование обобщенной оценки, чаще всего на основе средневзвешенных величин. В предлагаемой методике веса двенадцати частных показателей (в виде нагрузок на главную компоненту) получены в результате факторного анализа панельных данных по регионам России с использованием методов многомерного статистического анализа в пакете IBM SPSS Statistics. Полученные модели главных компонент были интерпретированы с позиций компонент ценностно-ориентированного развития, включая инклюзивную¹³, социоприродную¹⁴ и экономическую¹⁵ составляющие [21, с. 26–30].

¹³ В авторской методике оценки социально-экономического развития территории на основе человекоориентированной парадигмы инклюзивная компонента характеризует развитие с позиций качества трудовой жизни населения, включая ее инновационный и предпринимательский аспекты.

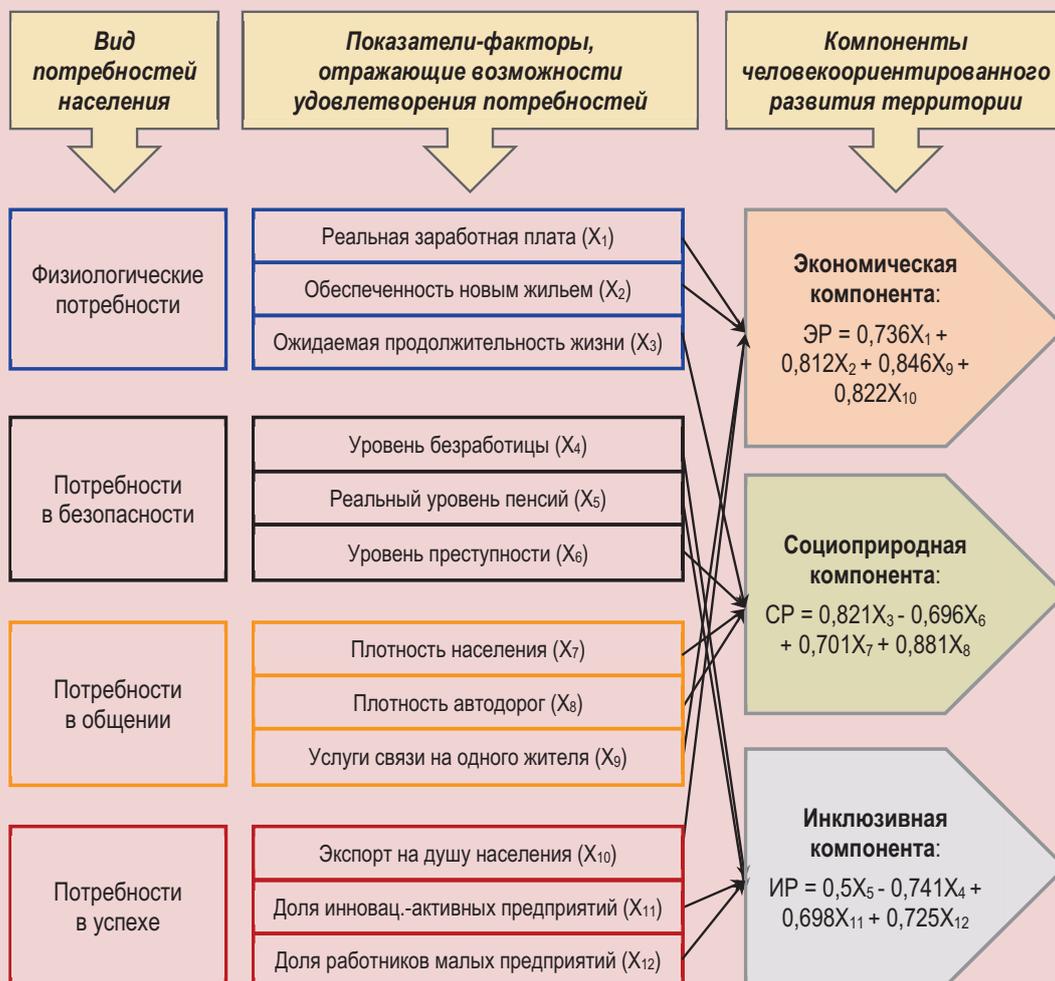
¹⁴ Социальная составляющая в социоприродной компоненте характеризует состояние регионального пространства с позиций «нетрудовых» аспектов жизни общества (уровня преступности, развития социума, транспортной доступности). Природная составляющая оценивается в контексте экологических ценностей и устойчивого развития через ожидаемую продолжительность жизни населения.

¹⁵ Экономическая составляющая человекоориентированного развития территории оценивается с позиций уровня жизни населения (по показателям реальной заработной платы и обеспеченности новым жильем), степени «сервисизации» экономики (проявляющейся, например, в увеличении объемов услуг связи) и повышения ее конкурентоспособности (измеряемой экспортом).

¹¹ Наиболее полно различные аспекты качества жизни нашли отражение в методике Рейтингового агентства «РИА Рейтинг», которая включает более семидесяти индикаторов, используемых при формировании рейтинга российских регионов. Ограничение в предлагаемой методике числа характеристик привлекательности территории до двенадцати показателей-факторов снижает комплексность оценки, но ее результаты близки к оценкам упомянутого агентства.

¹² Официальная статистика / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 15.01.2018).

Рис. 2. Система показателей-факторов для оценки привлекательности территории как среды жизнедеятельности на основе мотивационного подхода и парадигмы человекоориентированного развития*

* Парадигма человекоориентированного развития получила свое развитие после кризиса 2008–2009 годов, когда обострились социальные противоречия в обществе. В документе «Европа 2020. Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста» из триады ценностей устойчивого развития были выделены в отдельную составляющую ценности инклюзивного развития, связанные с занятостью населения, равенством возможностей, доступностью социальных благ, условиями самореализации личности.

Источник: составлено авторами.

3. *Методический инструментарий регрессионного анализа с использованием фиктивных переменных.* В качестве результирующего признака (управляемого параметра) выступает коэффициент прироста человеческого капитала с i -ой характеристикой по n -ому региону. Для исследования влияния институционального отклика в систему показателей-факторов кроме 12-ти характеристик привлекательности

территорий включена до дополнительно (в качестве 13-й независимой переменной) фиктивная переменная, отражающая введение института, направленного на приращение человеческого капитала.

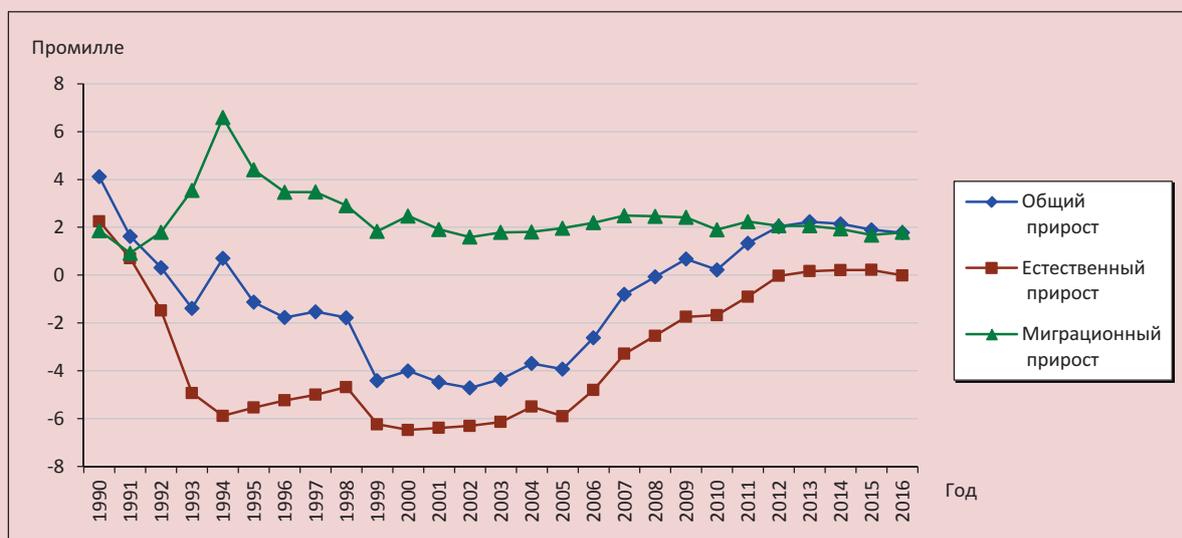
Большинство исследований, связанных с изучением реакцией экономических агентов на изменение институциональных условий (например, при влиянии институциональной сре-

ды на инвестиционное поведение [28]), ограничивается прогнозом «выгод», позволяющих моделировать варианты поведения, или констатацией изменений результирующих показателей. Разработанная методика исследования позволяет оценить «институциональный отклик» на основе эмпирических данных (де-факто), характеризующих изменение социально-экономического поведения населения (измеряемого результирующим факторным признаком в уравнениях регрессии) и степень влияния институциональной переменной на это поведение через стандартизованный коэффициент регрессии фиктивной переменной. Использование инструментария регрессионного анализа повышает уровень объективности и информативности результатов, получаемых при использовании разработанной методики. Информационную базу исследования составляют панельные данные о социально-экономическом развитии 83-х субъектов РФ за 2005–2015 годы.

Результаты исследования

Апробация разработанной методики, алгоритм расчета по которой приведен на рис. 1, произведена на основе показателя репродуктивного прироста количественных характеристик человеческого капитала (коэффициента рождаемости населения). Введенный с 1 января 2007 года институт материнского капитала¹⁶ направлен на улучшение условий воспроизводства человеческого капитала за счет средств федерального бюджета, включая: 1) улучшение жилищных условий; 2) оплату образовательных услуг; 3) компенсацию затрат на социальную адаптацию детей-инвалидов; 4) формирование пенсионных накоплений матери. Изменение институциональных условий репродуктивного прироста количественной составляющей человеческого капитала послужило импульсом для формирования положительного тренда не только естественного, но и общего прироста населения России (рис. 3).

Рис. 3. Динамика коэффициентов прироста количественной составляющей человеческого капитала

Источники: Демографический ежегодник России, 2002–2017 / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>; Россия в цифрах, 2003–2017 / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.01.2018).

¹⁶ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 15.01.2018).

Рис. 4. Рейтинг факторов, влияющих на коэффициент репродуктивного прироста количественной составляющей человеческого капитала всех регионов России, по стандартизованным коэффициентам регрессии

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2016 гг. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.01.2018).

Эффективность институциональных мер по использованию механизма стимулирования репродуктивного прироста через материнский капитал позволила преодолеть тенденции сокращения демографической составляющей человеческого капитала России. В конце 2017 года Президентом России был подписан закон о продлении программы материнского капитала еще на 2018–2021 годы¹⁷, что подтверждает актуальность выбора института.

Использование разработанной авторами методики исследования позволило сформировать модели репродуктивного прироста количественной составляющей человеческого капитала за 2005–2015 годы. В регрессионной модели репродуктивного прироста человеческого капитала по всей совокупности регионов России влияние изменения институциональных условий (связанное с введением института материнского капитала) в рейтинге факторов занимает второе место (при стандартизованном коэффициенте 0,385) (рис. 4).

Судя по значениям стандартизованных коэффициентов¹⁸, наибольшее положительное влияние на показатель репродуктивного прироста оказывает фактор уровня безработицы (0,595). Вместе с факторами, характеризующими состояние предпринимательской среды (-0,246) и инновационной активности регионов (-0,048), имеющими обратное влияние на коэффициент рождаемости, эти три независимые переменные характеризуют инклюзивную составляющую развития территорий. На третьем месте по степени влияния на зависимую переменную находится фактор реальной заработной платы (0,173), который вместе с фактором обеспеченности населения новым жильем (0,124) характеризует экономическую компоненту развития регионов.

С учетом того, что региональное пространство России по социально-экономическим характеристикам привлекательности территорий имеет большую дифференциацию, была

¹⁷ Федеральный закон от 28.12.2017 № 432-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286465/ (дата обращения: 15.01.2018).

¹⁸ Стандартизованный коэффициент регрессии позволяет определить направление и силу влияния на зависимую переменную (коэффициент репродуктивного прироста) каждого фактора, включенного в модель.

поставлена задача формирования моделей репродуктивного прироста человеческого капитала по кластерам субъектов в пределах РФ. Использование методов иерархической кластеризации по характеристикам привлекательности территорий регионов как среды обитания для населения¹⁹, предусмотренных авторской

методикой [21], позволило сформировать четыре основных кластера, включая Серединный, Северный, Агломерационный и Южный. Исходя из многочисленности состава Серединного кластера, включающего 57 субъектов РФ, он был подразделен на 3 подкластера на более низком уровне агрегирования (табл. 1).

Таблица 1. Кластеры субъектов РФ по 12-ти характеристикам развития социально-экономического регионального пространства как среды обитания

Все регионы России (83 субъекта)	1. Серединный кластер (57 субъектов)	1.1. Серединный экономический кластер (20 субъектов)	Алтайский край Архангельская область Астраханская область Вологодская область Иркутская область Кемеровская область Красноярский край Курганская область Ленинградская область Магаданская область	Новосибирская область Омская область Оренбургская область Пермский край Республика Башкортостан Республика Карелия Республика Коми Республика Хакасия Свердловская область Томская область
		1.2. Серединный развитый кластер (5 субъектов)	Белгородская область Липецкая область Московская область	Республика Татарстан Чувашская Республика
		1.3. Серединный сбалансированный кластер (32 субъекта)	Брянская область Владимирская область Волгоградская область Воронежская область Ивановская область Калининградская область Калужская область Кировская область Костромская область Краснодарский край Курская область Нижегородская область Новгородская область Орловская область Пензенская область Псковская область	Республика Адыгея Республика Марий Эл Республика Мордовия Ростовская область Рязанская область Самарская область Саратовская область Смоленская область Ставропольский край Тамбовская область Тверская область Тульская область Удмуртская Республика Ульяновская область Челябинская область Ярославская область
	2. Северный кластер (17 субъектов)	Амурская область Еврейская автономная область Забайкальский край Камчатский край Мурманская область Ненецкий АО Приморский край Республика Алтай	Республика Бурятия Республика Саха (Якутия) Республика Тыва Сахалинская область Тюменская область Хабаровский край ХМАО - Югра Чукотский АО ЯНАО	
	3. Агломерационный кластер (2 субъекта)	г. Москва г. Санкт-Петербург		
4. Южный кластер (7 субъектов)	Кабардино-Балкарская Республика Карачаево-Черкесская Республика Республика Дагестан	Республика Ингушетия Республика Калмыкия Республика Северная Осетия-Алания Чеченская Республика		
Источник: составлено авторами.				

¹⁹ Кластеризация проведена на основе массива панельных данных по 12-ти характеристикам привлекательности территорий 83-х регионов РФ за 2005–2015 годы.

Названия кластерам и подкластерам в пределах Серединного даны авторами исходя из их экономико-географического положения и особенностей социально-экономического развития. Средние нормированные значения показателей-факторов приведены в *табл. 2*.

Для выявления характерных особенностей развития региональных кластеров (образующих типы социально-экономических систем) двенадцать показателей-факторов в соответствии с авторской методикой оценки были сгруппированы с использованием метода главных компонент по трем составляющим, включая экономическую, социоприродную и инклюзивную компоненты. Результаты формирования трехкомпонентного вектора социально-экономического развития по региональным кластерам, полученные путем нормирования показателей по отношению к средним значениям по всем субъектам, приведены на *рис. 5*.

Кластеризация субъектов РФ позволяет выявить особенности развития территорий по трехкомпонентному вектору человекоориентированного развития. Эти особенности заключаются в следующем.

1. Наблюдается *значительная дифференциация в общем уровне социально-экономического развития*. «Отрыв» Агломерационного кластера по уровню развития от других кластеров (от 4-х

раз по сравнению с Серединным развитым кластером до 14-ти раз по сравнению с Южным кластером). Эта амплитуда обеспечена социоприродной компонентой, которая оценивает фактор «столичности» через социальную составляющую. Для российского пространства неравномерность его освоения, проявляющаяся в «столичности», «периферийности» и «окраинности» территорий, является наиболее характерным признаком.

2. Гетерогенность пространства проявляется также в *различной степени сбалансированности компонент*. Для территорий нового промышленного освоения (регионы Северного кластера) характерен дисбаланс составляющих социально-экономического развития в пользу экономической компоненты. На территориях, находящихся на более поздних стадиях регионального развития (субъектов, образующих Серединный кластер), наблюдается более гармоничное развитие пространства.

3. *Отсталость отдельных регионов наиболее рельефно проявляется по инклюзивной составляющей развития*. Низкий уровень человекоориентированного развития территорий Южного кластера проявляется в том, что показатели, определяющие качество трудовой жизни на этих территориях, намного ниже среднероссийского уровня.

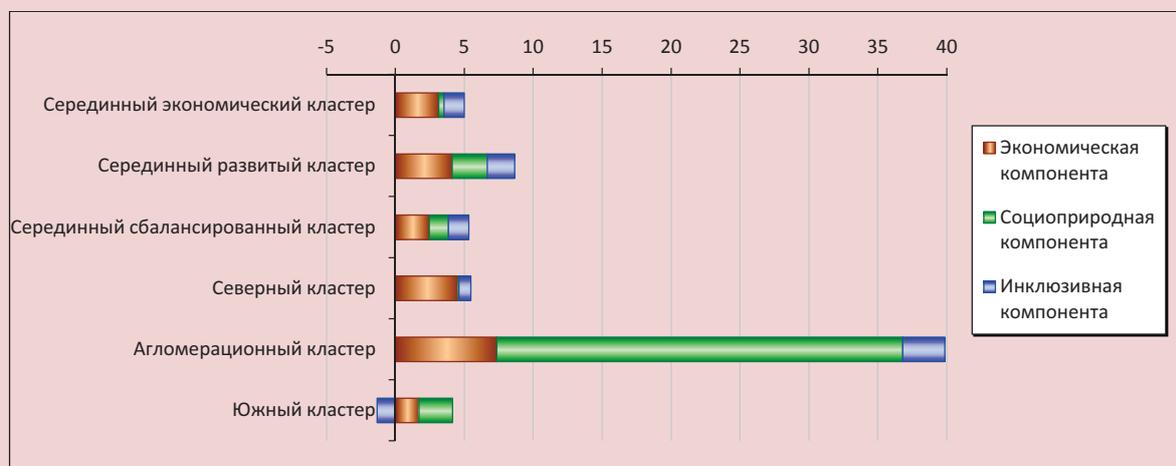
Таблица 2. Средние нормированные* значения показателей-факторов привлекательности территорий по региональным кластерам за 2005–2015 гг.

Показатели-факторы	Подкластеры Серединного кластера			Северный кластер	Агломерационный кластер	Южный кластер
	экономический	развитый	сбалансированный			
Реальная заработная плата	1,037	1,078	0,904	1,137	1,388	0,834
Обеспеченность новым жильем	0,938	2,023	0,995	0,897	1,164	0,671
Ожидаемая продолжительность жизни	0,989	1,023	1,001	0,966	1,072	1,074
Уровень безработицы	0,822	0,563	0,713	1,020	0,146	3,328
Реальный уровень пенсий	1,029	1,116	1,036	0,864	1,001	0,998
Уровень преступности	1,213	0,779	0,892	1,227	1,259	0,418
Плотность населения	0,100	0,638	0,296	0,026	32,045	0,540
Плотность автодорог	0,389	2,040	1,113	0,112	7,931	1,661
Услуги связи на одного жителя	0,985	1,062	0,853	1,249	2,519	0,634
Экспорт на душу населения	0,965	0,970	0,332	2,359	3,971	0,029
Доля инновационно-активных предприятий	1,125	1,431	0,999	0,865	1,738	0,455
Доля работников малых предприятий	1,074	1,172	1,088	0,803	1,993	0,455

* За единицу приняты средние значения показателей по всем субъектам РФ.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2016 гг. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.01.2018)

Рис. 5. Характеристика региональных кластеров с позиций трехкомпонентной оценки социально-экономического развития территорий

Источник: составлено авторами.

Выявленные особенности социально-экономического развития кластеров оказывают влияние на экономическое поведение населения, включающее процессы репродуктивного приращения количественной составляющей человеческого капитала.

На следующем этапе исследования была поставлена задача определения реакций региональных кластеров на изменение институциональных условий воспроизводства человеческого капитала. По результатам регрессионного анализа коэффициентов репродуктивного прироста количественной составляющей человеческого капитала были получены коэффициенты

регрессии фиктивной переменной (отражающей введение института материнского капитала) по кластерам, приведенные в *табл. 3*.

Полученные значения стандартизованных коэффициентов фиктивной переменной по кластерам позволяют выдвинуть гипотезу о влиянии особенностей развития территорий на реакции региональных систем при введении института материнского капитала. Для проверки этой гипотезы были изучены зависимости стандартизованного коэффициента фиктивной переменной от уровня социально-экономического развития кластеров, измеряемого трехкомпонентным вектором (*рис. 6*).

Таблица 3. Коэффициенты регрессии фиктивной (институциональной) переменной в моделях репродуктивного прироста количественной составляющей человеческого капитала по региональным кластерам

Региональный кластер	Нестандартизованный коэффициент	Стандартизованный коэффициент (β)
1. Серединный кластер	1,253	0,276
1.1. Серединный экономический кластер	1,639	0,377
1.2. Серединный развитый кластер	1,078	0,264
1.3. Серединный сбалансированный	0,928	0,253
2. Северный кластер	0,901	0,100
3. Агломерационный кластер	0,000	0,000
4. Южный кластер	6,445	0,487

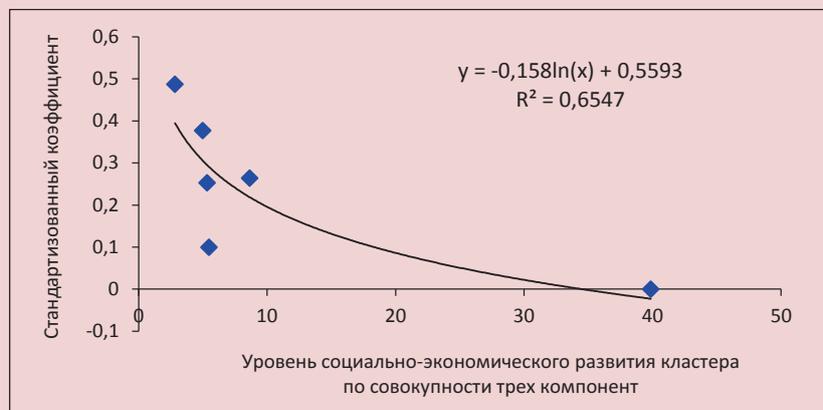
Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2016 гг. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.01.2018)

Результаты свидетельствуют о том, что существует обратная логарифмическая зависимость между уровнем развития и влиянием институциональной переменной на рождаемость населения в кластерах.

Дополнительно были изучены зависимости характера реакции региональных кластеров на изменение институциональных условий репродуктивного приращения человеческого капитала от каждой из трех компонент вектора социально-экономического развития территорий.

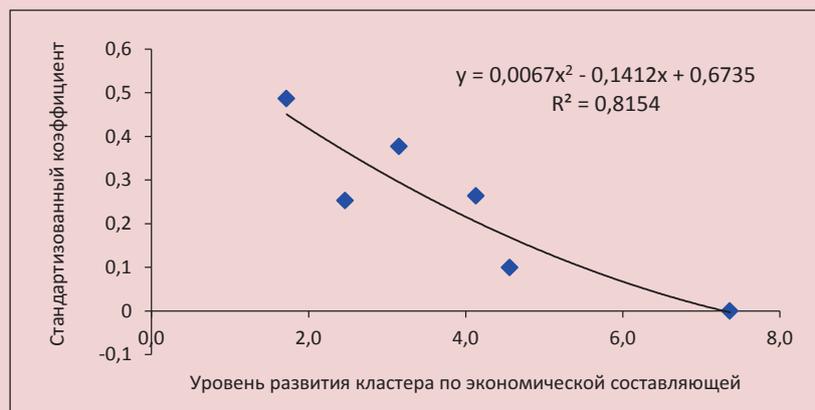
Полученная полиномиальная зависимость второй степени с высокой степенью достоверности аппроксимации свидетельствует о том, что наиболее сильное отрицательное влияние оказывает экономическая составляющая, как видно по рис. 7. Чем выше уровень экономического развития территорий кластера, отражающийся, в частности, на уровне реальной заработной платы, обеспеченности населения новым жильем, тем меньше степень влияния институционального фактора на репродуктивные процессы.

Рис. 6. Зависимость стандартизованного коэффициента регрессии институциональной переменной от уровня социально-экономического развития региональных кластеров

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2016 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.01.2018).

Рис. 7. Зависимость стандартизованного коэффициента регрессии институциональной переменной от экономической компоненты социально-экономического развития региональных кластеров

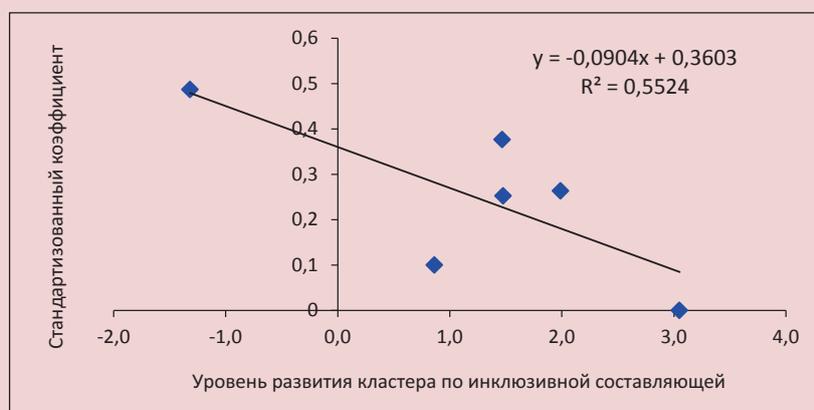
Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2016 гг. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.01.2018).

Уровень социально-экономического развития кластеров по инклюзивной составляющей, так же как и по экономической, оказывает отрицательное влияние на значимость институциональных условий для репродуктивного приращения количественной составляющей человеческого капитала, судя по результатам, приведенным на рис. 8. Чем меньше возможностей для населения открывается на территориальном рынке труда, для предпринимательской и инновационной деятельности, тем выше степень влияния института,

выполняющего стимулирующую функцию по повышению рождаемости населения.

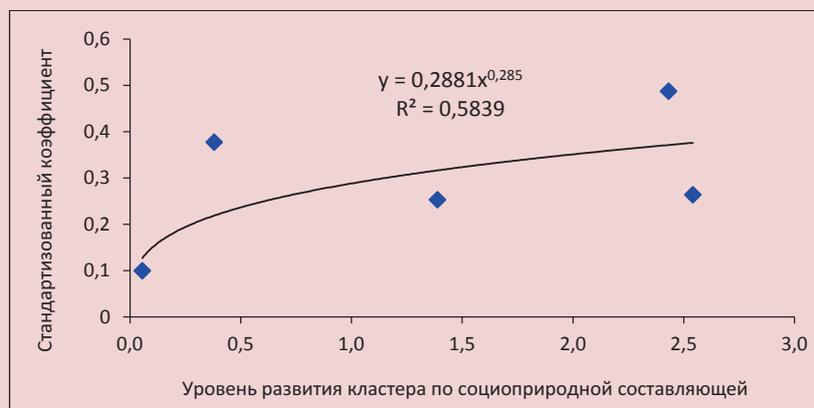
Исследование зависимости фиктивной (институциональной) переменной от социоприродной компоненты, характеризующей устойчивость развития территорий, не позволяет сделать однозначных выводов ввиду большой дифференциации кластеров по уровню ее развития. Только при исключении из совокупности исследуемых объектов Агломерационного кластера с аномально высокой социоприродной

Рис. 8. Зависимость стандартизованного коэффициента регрессии институциональной переменной от инклюзивной компоненты социально-экономического развития региональных кластеров

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2016 гг. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.01.2018).

Рис. 9. Зависимость стандартизованного коэффициента регрессии институциональной переменной от социоприродной компоненты социально-экономического развития региональных кластеров (без Агломерационного кластера)

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006–2016 гг. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.01.2018).

составляющей (в основном за счет факторов социального развития) можно наблюдать (рис. 9) степенную зависимость силы влияния института материнского капитала на рождаемость в зависимости от благоприятности социоприродных условий в региональных кластерах. Одним из наиболее важных показателей этой компоненты служит ожидаемая продолжительность жизни при рождении, являющаяся обобщенной характеристикой состояния экологической ситуации регионального пространства и климатических особенностей жизнедеятельности в территориальной зоне. Чем более благоприятны эти условия в региональном кластере, тем значительнее институциональный отклик социально-экономической системы на введение института, стимулирующего репродуктивный прирост количественной составляющей человеческого капитала.

Полученные зависимости подтверждают гипотезу об обратной зависимости силы реакции территориальных социально-экономических систем на изменение институциональных условий приращения количественной составляющей человеческого капитала от степени экономического и инклюзивного развития региональных кластеров. Мотивационная функция института материнского капитала снижается в регионах, принадлежащих к типу кластеров с высокой экономической активностью. Особенно это проявляется в субъектах Агломерационного кластера.

Обсуждение и заключение

Исследование реакций территориальных социально-экономических систем на изменение институциональных условий репродуктивного приращения количественной составляющей человеческого капитала в регионах России позволило сделать следующие выводы.

1. Введение института материнского капитала в целом было эффективным, так как в рейтинге влияния исследуемых 13-ти показателей-факторов, характеризующих условия жизнедеятельности населения, на коэффициент рождаемости институциональная переменная стоит на 2-м месте.

2. Условия жизнедеятельности и репродукции человеческого капитала в региональных социально-экономических системах России имеют значительную дифференциацию

как по уровню развития, так и по степени сбалансированности выделенных в исследовании компонент (экономическая, социоприродная и инклюзивная составляющие). Эти компоненты оказывают разнонаправленное влияние на прирост количественной составляющей человеческого капитала. Степень реакций территориальных социально-экономических систем на изменение исследуемых институциональных условий снижается при повышении уровня экономической составляющей жизнедеятельности и расширении возможностей успешной трудовой деятельности (инклюзивной составляющей) в регионах. Стимулирующая функция института материнского капитала повышается в региональных кластерах с более благоприятными социоприродными условиями жизнедеятельности для населения.

Полученные в результате исследования данные позволяют сформировать массив аналитических материалов по реакциям региональных социально-экономических систем на изменение институциональных условий приращения количественной составляющей человеческого капитала. Они могут быть использованы для обоснования прогнозов пространственного развития в части системы расселения, а также при формировании стратегий социально-экономического развития регионов, что позволит повысить «качество правительственного планирования и регулирования продвижения регионального экономического развития» [29].

3. Разработанный методический подход может быть использован для исследования влияния других институтов, связанных с регулированием экономического поведения населения через мотивирующую функцию и направленных на развитие региональных социально-экономических систем, в целях определения их сравнительной эффективности.

Использование полученных результатов в практике управления даст возможность реализовать провозглашенные в КСПР принципы региональной политики, заключающиеся в *повышении управляемости* пространственного развития, использовании *дифференцированного подхода* и *гармонизации* социально-экономического пространства.

Литература

1. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 824 с.
2. Frankel, Maryin. The Production Function in Allocation and Growth: A Synthesis. *American Economic Review*, 1962, vol. 52, Desember, pp. 995–1022.
3. Griliches, Zvi. Issues in Assessing the Contribution of Research and Development to Productivity Growth. *Bell Journal of Economics*, 1979, vol. 10 (1), pp. 92–116.
4. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, October, pp. 1002–1037.
5. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, vol. 22, pp. 3–42.
6. Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают все!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 3 (51). С. 9–31. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.1
7. Полтерович В.М. «Вопроса о системе, порождающей рост, не обойти» (интервью журналу «Эксперт Юг») / Сайт Московской школы экономики МГУ от 24.02.2015. URL: <http://mse-msu.ru/v-m-polterovich-voprosa-o-sisteme-porozhdayushhej-rost-ne-obohti-intervyu-zhurnalu-ekspert-yug/> (дата обращения: 15.01.2018).
8. Schultz T. P. Human Capital, Family Planning, and Their Effects on Population Growth. *AEA Papers and Proceedings*, 1994, vol. 84, pp. 255–260.
9. Becker, G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 412 p.
10. Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5 (17). С. 101–115.
11. Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. 2015. № 3. С. 89–102. DOI: 10.17059/2015-3-8
12. Гагарина Г.Ю. Человеческий капитал и его роль в обеспечении конкурентоспособности российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 23 (254). С. 9–14.
13. Киселева Л.С. Политическая экономия ресурса здоровья. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. 104 с.
14. Федеральные программы поддержки малого и среднего предпринимательства // Федеральный портал малого и среднего предпринимательства / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://smb.gov.ru/measuresupport/programs/celved/> (дата обращения: 15.01.2018)ж.э
15. Romer P.M. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*, 1990, vol. 98, October, part II, pp. 71–102.
16. Grossman G., Helpman, E. *Innovation and Growth in the Global Economy*. Cambridge: MA: MIT Press, 1991. 359 p.
17. Aghion P., Howitt P. A Model of Growth Through Creative Destruction. *Econometrica*, 1992, vol. 60, March, pp. 323–351.
18. Татаркин А.И. Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации // Образование и наука. 2012. № 1 (90). С. 26–45.
19. Курушина Е.В. Показатели системно-функциональных пространственных трансформаций // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 68–70.
20. Florida R. *Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. Publisher: Basic Books, 2008. 384 p.
21. Курушина Е.В., Дружинина И.В. Человекоориентированное развитие российских регионов. Тюмень: ТИУ, 2016. 158 с.
22. Методический подход к измерению качества жизни населения региона / О.А. Козлова, Т.В. Гладкова, Е.Х. Макарова, Е.Х. Тухтарова // Экономика региона. 2015. № 2 (42). С. 182–193. DOI: 10.17059/2015-2-15
23. Портер М. Международная конкуренция. М.: Междунар. отношения, 1993. 896 с.

24. Maslow A. *Motivation and Personality*. New York: Harper, 1954. 411 p.
25. McClelland D.C. The Two Faces of Power. *Journal of International Affairs*, 1970, Vol. 24, pp. 30–41.
26. Alderfer C. P. *Existence, Relatedness and Growth: Human Needs in Organizational Settings*. New York: Free Press, 1972. 198 p.
27. Петров М.Б. Некоторые проблемы территориального освоения и транспортного развития Северного Урала и Западной Сибири // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2010. № 4. С. 55–62.
28. Экономика регионов. Хабаровский край / под ред. акад. РАН П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 400 с.
29. Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая / под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, К.А. Гулина, Д. Мао. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 402 с.

Сведения об авторах

Михаил Борисович Петров – д.т.н., к.э.н., доцент, зам. директора по научной работе, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: michpetrov@mail.ru)

Елена Викторовна Курушина – к.э.н., доцент, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; e-mail: kurushina.tsogu@yandex.ru)

Ирина Васильевна Дружинина – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; e-mail: 030370div@gmail.com)

Petrov M.B., Kurushina E.V., Druzhinina I.V.

Institutional Response of Regional Socio-Economic Systems to Investing in Human Capital Increment: Assessment Technique

Abstract. Modern theories view human capital as the main source of economic growth. Managing the concentration of human capital to form new growth centers, provided by the Concept of the strategy of Russia's spatial development, requires the use of effective institutions. The authors' method of studying the responses of socio-economic systems to changes in the institutional conditions of human capital increment helps determine the ranking of the impact of material and institutional factors applying the methodological tools of regression analysis using dummy variables. Moreover, the study based on the proposed method makes it possible to take into account the heterogeneous nature of the socio-economic space of Russian regions in the context of human-oriented development paradigm in assessing the effectiveness of institutions based on comparative analysis of standardized coefficients of institutional variables in the regression models of the managed characteristics of human capital by regional clusters. The testing of the methodology on the example of institutional impact on the reproductive increment of the quantitative component of human capital in Russian regions for 2005–2015 has revealed the great importance of the institutional factor which ranks second by the influence of all independent variables. The estimation of heterogeneity of the socio-economic space of Russian regions was carried out using the methods of factor analysis of twelve factor-indicators of territories' attractiveness for the population, which helps form seven clusters. The characteristic of clusters is provided with the use of the author's method of a three-component vector of socio-economic territorial development. The study revealed the direct impact of the socio-natural component of regional clusters on the institutional response of socio-economic systems and the reverse impact – of the economic and inclusive component. The results can be used as analytical materials to justify the institutional measures for concentrating human capital in the

planned centers of economic growth and forecasts of the need for developing the social infrastructure in the regions. The application of the developed methodological approach can be extended to the study of the impact of other institutions on the socio-economic processes.

Key words: institutional conditions, responses of socio-economic systems, human capital, cluster analysis of regions.

Information about the Authors

Mikhail B. Petrov – Doctor of Sciences (Engineering), Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Head for Science, Institute of Economics, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: michpetrov@mail.ru)

Elena V. Kurushina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Industrial University of Tyumen (38, Volodarskii Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: kurushina.tsogu@yandex.ru)

Irina V. Druzhinina – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Industrial University of Tyumen (38, Volodarskii Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: 030370div@gmail.com)

Статья поступила 30.01.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14

УДК 316.342.6, ББК 60.54

© Головчин М.А., Мкоян Г.С.

Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении)

**Максим Александрович
ГОЛОВЧИН**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: mag82@mail.ru

**Гоар Сергеевна
МКОЯН**

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
Ереван, Армения, пр. Тиграна Меца, д. 17
E-mail: Goharmkoyansoc85@gmail.com

Аннотация. Ценностные ориентации представителей старшего поколения (старше 55 лет) уже окончательно сформированы, и, как правило, на них оказывают влияние те мировоззренческие установки, которые сложились в советское время. Жизненные представления молодёжи, относящиеся к различным проявлениям общественной реальности, напротив, находятся в фазе активного формирования. В этой связи в ценностной сфере поколений наблюдаются определенные отличия. Их изучение интересно и важно потому, что молодые воспринимают свой нынешний статус и имеющиеся возможности как абсолютно естественное состояние, тогда как для их родителей многое из того, что выглядит нормальным и обычным сейчас, было совершенно недоступно в годы их молодости. В статье исследуются ценностные ориентации молодёжи на постсоветском пространстве на основании выделения схожих черт и различий с приоритетами

Для цитирования: Головчин М.А., Мкоян Г.С. Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14

For citation: Golovchin M.A., Mkoyan G.S. Youth in former Soviet republics in conditions of value transformation of society (case study of Russia and Armenia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14

старшего поколения. Авторы особенно интересуют взгляды на жизнь и образ мыслей молодёжи как поколения, ориентированного на модернизационные изменения в обществе. В работе предпринята попытка на базе исследовательских данных ответить на вопрос о том, что является определяющим вектором духовного развития представителей молодого населения. Исследование построено на анализе вторичных данных социологических опросов, проведенных в Российской Федерации и Республике Армения. Объектом сравнения в опросах выступают полярные возрастные группы населения – молодёжь и старшее поколение. В ходе исследования были не только выявлены общие черты в ценностном сознании двух поколений в России и Армении, но и обоснованы характер и значение влияния социокультурных факторов на жизненно важные ценности молодёжи. Установлено, что межпоколенные различия в социокультурных детерминантах затрагивают отношение к личностным перспективам в жизни и семье, доходам, образованию и т.д. Результаты исследования позволили определить направленность изменений ценностных ориентаций молодёжи. Тенденции её культурного и духовного развития в обеих сравниваемых странах отражают межпоколенческий сдвиг с акцента на экономической и физической защищенности к возрастающей роли самовыражения, субъективного благополучия и качества жизни, что неоднозначно влияет на социальное самочувствие. В частности, корреляционный анализ установил обратную зависимость показателей интернет-активности и уверенности личности в будущем. Это говорит о том, что характерный для молодёжи уход «с головой» в интернет-пространство чреват проявлениями социальной апатии. В заключение авторы представили свои размышления о необходимости активизации межкультурного диалога стран на постсоветском пространстве о совместном участии в решении проблем молодёжной политики.

Ключевые слова: жизненные ценности, поколение, молодёжь, образование, цифровой ретризм, модернизация, опрос, корреляция.

Введение. В странах бывшего СССР происходят глубокие структурные трансформации на фоне схожих по сути экономических, социальных проблем и противоречий [1, с. 15-24]. Данные процессы напрямую связаны с внедрением модели модернизации как основы конкурентоспособной экономики [2, с. 14-26]. Ученые (например, П. Штомпка, Н.И. Лапин) отмечают, что в процессе замедления («затухания») темпов модернизации, помимо экономических «барьеров», заметную роль играет человеческий фактор [3; 4].

Долгие годы модернизационные идеи были достоянием общественных «элит». В широких массах они не находили понимания из-за своей сложности и противоречивости. В связи с этим сегодня модернизации не хватает поддержки «снизу» [3]. Эта поддержка будет возможна лишь при условии включения в данный процесс широких общественных слоев, «мобилизации всех сил» на достижение поставленных целей трансформации экономической и социокультурной среды [5, с. 181-191].

В этом ключе главное внимание должно быть направлено на молодёжь, так как молодое поколение несет особую миссию – соци-

ально-демографической группы, наиболее восприимчивой к инновациям, обладающей предельной мобильностью и креативностью [6, с. 156-158]. В то время как общество пребывает в состоянии постоянного изменения, молодые склонны (благодаря возрастным свойствам личности) сами конструировать социальную реальность под свои запросы и потребности [7, с. 112-122].

Вместе с тем в вопросе о молодёжи как «драйвере» модернизации кроется противоречие – между её «статусной» ролью (т.е. какой молодёжь должна быть) и реальными возможностями [8, с. 52-63]. Формирующаяся на постсоветском пространстве экономическая и социальная нестабильность весьма остро дает о себе знать в молодёжной среде: в ней проявляется политическая и общественная пассивность, что в ряде случаев не позволяет этой группе населения рационально, своевременно и эффективно реагировать на модернизационные вызовы [9, с. 31-40].

Молодые люди далеко не всегда успешно адаптируются к быстро изменяющейся социальной реальности. На практике они зачастую сталкиваются с рядом трудностей, препятству-

ющих реализации собственного потенциала, вплоть до социальной эксклюзии. В большинстве случаев это связано с недостатком социального опыта, зависимостью от чужого мнения и подражательностью, отсутствием или дефицитом возможностей для самоактуализации и т.д. [10, с. 25-31].

Помимо того, жизнедеятельность молодёжи в социуме характеризуется рядом негативных проявлений, таких как безработица; распространение модели саморазрушительного поведения (в том числе ведущей к волне суицидальной активности); вовлеченность в интернет-сообщества экстремистской и террористической направленности и т.д.

Как следствие, в молодёжной среде проявляются ретритизм (уход от действительности), социальный пессимизм и даже эскапизм (намеренное несоблюдение норм и законов, принятых в обществе) [11, с. 192-201]. Потенциал молодого поколения перестает использоваться в полную силу, о чем свидетельствует возникновение категории «NEET-молодёжь» [12, с. 31-39]. Таким образом, молодёжь постепенно перестает играть роль «драйвера» общественных преобразований, а модернизация, в свою очередь, теряет поддержку «снизу».

Подобное стечение обстоятельств приводит к риску появления «деструктивной модели общества», ориентированной не на модернизационные ценности, а на регресс и демодернизацию [13, с. 91-97]. Это ещё раз подчеркивает важность изучения ценностного и мировоззренческого базиса, на который опирается социализация молодёжи.

Теоретические основания анализа. Традиция исследования жизненных ценностей в мировой науке заложена уже давно. Так, в работах выдающегося армянского философа и мыслителя VI в. Давида Анахта (Непобедимого) поднимаются вопросы развития культуры и многообразия форм ее проявлений [14, с. 110-118]. Особое внимание уделено эволюции тех культурных ценностей, которые зависят от результатов познания, а также рациональной, эстетической и нравственно-моральной деятельности членов социума [14, с. 110-118].

Первые обобщенные исследования культурных аспектов образа жизни в Западной Европе появились в области социологии во второй половине XIX в. М. Рокич выделял два

класса ценностей – терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). Им же была предложена методика изучения ценностных ориентаций, основанная на прямом ранжировании списка ценностей (36 ценностей: 18 терминальных и 18 инструментальных) [15; 16].

В соответствии с классификацией С. Шварца и В. Билски ценности выражают три универсальные потребности человеческой жизни: 1) потребности как биологического организма; 2) потребности в координированном взаимодействии; 3) потребности выживания и благополучия группы, сообщества [17; 18].

Н.И. Лапин объединяет базовые ценности в три цивилизационных типа (общечеловеческие, традиционные, современные) и в два функциональных слоя (терминальные и инструментальные), которые вне всяких законов развиваются в общественном сознании [19, с. 173-179].

Вышеназванные научные концепции имеют один, но значительный недостаток. Они подходят к исследованию ценностей с точки зрения их универсальности, не учитывая уровня экономического развития населения, роли традиций и инноваций в тех или иных обществах. Поэтому руководствоваться ими в межстрановых сравнениях затруднительно.

Во второй половине XX века Р. Инглхарт на основе опросов, регулярно проводимых в Европе, пришел к заключению о постепенном вытеснении жизненных установок материализма ценностями постматериализма [20; 21]. Теория Р. Инглхарта базируется на различии характеристик трех поколений людей, выросших в традиционном и индустриальном обществах [20; 21]. Суть её состоит в том, что любое развитие – это прежде всего усиление человеческого начала, поскольку «человеку, по определению, присуще стремление к свободе» [22, с. 21]. Как считает Инглхарт, ценности трансформируются, причиной чего является в первую очередь экономическое развитие [22, с. 21]. Исходя из этого рассматриваются два класса ценностей:

а) ценности выживания: вера в Бога, семья, послушание, национальная гордость, абсолютные стандарты, негативное отношение к разводам, абортам и т.д.;

б) ценности самовыражения: их носители питают противоположные чувства в отношении традиционных ценностей [20].

С развитием экономики в индустриальных странах ослабевают ценности выживания, а ценности самовыражения усиливаются [22, с. 38-39].

По мнению Р. Инглхарта, современная молодёжь находится в «точке перехода» от материалистических ценностей (предпочтение физической и психологической безопасности и благополучия) к приоритету ценностей постмодерна (самовыражение и качество жизни) [20].

В рамках данного подхода ученый выдвинул научную гипотезу о ценностной значимости недостающего, объясняющую межпоколенческую смену ценностного ряда состоянием социально-экономической среды. В рамках этой гипотезы наибольшая субъективная ценность прилагается к тому, чего личности относительно недостает [20].

На основе методики Инглхарта, часто используемой для кросскультурного изучения ценностей, проводится ряд международных исследований, таких как Всемирный обзор ценностей (World Value Survey)¹ и Европейское исследование ценностей (European Values Study)².

Идея Р. Инглхарта о неизбежной трансформации ценностей населения в процессе смены поколений от приоритетов выживания к главенству самовыражения была взята за основу разработки гипотезы нашего исследования, в рамках которого рассмотрены жизненные приоритеты молодёжи в двух постсоветских странах и определен характер межпоколенной трансформации ценностей.

Для анализа были использованы материалы опросов общественного мнения населения Российской Федерации (РФ) и Республики Армения (РА). Объект исследования был выбран не случайным образом. Россия и Армения, несмотря на отсутствие общих территориальных границ, имеют единое историческое прошлое в составе СССР, единое вероисповедание, тесные связи на уровне международной политики, что в совокупности позволяет говорить об основаниях для культурной близости народов этих

стран при сохранении национальных традиций. В России также достаточно широко представлена армянская диаспора, в состав которой, по оценке «Союза армян России», входит более 2,5 млн. чел. (173 чел. в расчете на 10 тыс. россиян)³.

Обратим внимание на то, что социологические исследования, материалы которых будут представлены далее, в России и Армении проводились по разным методикам и с применением разного инструментария. В России в выборку вошло как городское, так и сельское население, в Армении — только городское (это предопределило неодинаковый объем выборочной совокупности).

Поэтому в статье мы сознательно не подвергаем прямому сопоставлению полученные в разных странах данные и попытались уйти от рассуждений в измерительном пространстве «больше / меньше», «слабее / сильнее», что было бы методологически некорректно. Таким образом, объектом анализа становятся не **первичные** данные опросов, характеризующие мнение населения, а **вторичные** исследовательские материалы, свидетельствующие о масштабах и характере распространения определенных культурных явлений в российском и армянском обществе. Данный подход позволил нам сравнить прежде всего тренды, характеризующие межпоколенную трансмиссию ценностей в изучаемых странах, «общую картину», а не конкретные показатели.

В качестве рабочей гипотезы в исследовании было выдвинуто предположение о том, что эволюция ценностных ориентиров в результате смены поколений в двух постсоветских государствах не в полной мере отражает закономерный переход от традиционных норм к ключевым приоритетам общества постмодерна, так как этому процессу препятствует незавершенность модернизации. Приоритеты населения в той и другой стране, в первую очередь, определяют дефицит возможностей для достойной жизни. Как было сказано ранее, для формулировки и обоснования гипотезы был использован подход Р. Инглхарта.

¹ World Value Survey. Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 29.04.2016).

² European Values Study. Режим доступа: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 24.02.2018).

³ В России проживает более 2,5 млн армян. Режим доступа: <https://ria.ru/society/20021216/282886.html> (дата обращения: 07.04.2018).

Для доказательства гипотезы нами был произведен отбор индикаторов, анализ которых помог выявить характер влияния межпоколенной смены ценностей на образ жизни молодёжи. Поиск индикаторов в полном соответствии с типологией ценностей Инглхарта не был самоцелью. Прежде всего, этого не позволяет сделать инструментарий, который направлен на получение информации по схожим вопросам, но изначально не приведен к единым формулировкам. Для нас было принципиально важно, чтобы в ходе вторичного анализа четко прослеживалась приверженность респондентов в рассматриваемых странах либо ценностям выживания, либо ценностям самовыражения. В рамках исследования происходила операционализация следующих понятий: жизненная ценность, отношение к будущему, отношение к социальным институтам и благам (табл. 1).

В ходе исследований ответы представителей молодого поколения (до 30 лет) сравнивались с мнением представителей старшего поколения (старше 55 лет). Это дало возможность проанализировать приверженность молодёжи тем или иным группам ценностей и определить, в каком

направлении происходит «межпоколенческий ценностный сдвиг». При этом рассматривались следующие группы жизненных ценностей: а) **ценности выживания**: экономическая безопасность (материальная обеспеченность, достаток, работа как гарант экономической прибыли и т.д.) и физическая безопасность (здоровье, право, семья, поддержка близких и друзей и т.д.); б) **ценности самовыражения**: индивидуальное самовыражение (независимость, активная жизнь, профессионализм, квалификация, общественное признание и т.д.) и качество жизни (субъективное благополучие, уверенность в завтрашнем дне и т.д.).

Методика исследования. В Республике Армения, где социологическое исследование было осуществлено в 2016 году, опрашивалось городское население. Общая выборка опроса – 250 жителей Еревана в возрасте от 18 до 66 лет (33,5% от генеральной совокупности) [21]. Выборка случайная, квотная, пропорциональная [21]. Квоты распределялись по половозрастным признакам. Среди респондентов от 18 до 30 лет (57,2% от общего числа опрошенных) 45,3% составляли мужчины и 54,7% – женщины; от

Таблица 1. Операционализация понятий в исследовании

Понятие	Опрос в РФ		Опрос в РА	
	Переменная	Индикатор	Переменная	Индикатор
1. Ценности выживания	В какой мере для Вас важны те или иные стороны жизни?	Важность для населения здоровья, материальной обеспеченности, счастливой семейной жизни, дружбы, работы, познания (в баллах от 1 до 5)	Какова цель Вашей жизни? На Ваш взгляд, что необходимо человеку, чтобы чувствовать себя счастливым?	Важность для населения здоровья, финансовых успехов, надежного окружения, семьи, образования, веры (% от числа ответивших)
2. Ценности самовыражения		Важность для населения активной жизни, свободы и самовыражения, общественного признания (в баллах от 1 до 5)		Важность для населения карьерных успехов, возможностей путешествовать по всему миру (% от числа ответивших)
3. Отношение к будущему	Насколько Вы уверены в своем будущем?	Доля населения, уверенного / не уверенного в своем будущем (уверен/не уверен)	Как бы Вы охарактеризовали себя?	Доля населения, характеризующего себя как оптимистов / пессимистов (% от числа ответивших)
4. Отношение к социальным институтам и благам	Ваша работа – это прежде всего способ...	Важные для населения аспекты трудовой деятельности (согласен / не согласен)	Согласны ли Вы с утверждением «Деньги решают все»?	Распределение населения по отношению к важности денег в жизни общества (% от числа ответивших)
	Образование для Вас – это прежде всего...	Важные для населения стороны образовательной деятельности (% от числа ответивших)	Согласны ли Вы со следующими утверждениями, касающимися высшего образования?	Доля населения, согласного с утверждениями о важности образования (% от числа ответивших)

55 до 66 лет (42,7% от общего числа опрошенных) — соответственно 57,5 и 42,5%. Возрастные группы для опроса определены методом стратификационного отбора. Ошибка выборки не превышает 5%.

Выбор населения Еревана для проведения анкетирования обусловлен тем, что этот город является крупнейшим политическим, экономическим и культурным центром страны, на территории которого сконцентрированы практически все слои армянского общества⁴.

В опросе, который проходил в форме поквартирного анкетирования, был применен авторский инструментарий, разработанный на основе подходов Р. Инглхарта, Ш. Шварца, М. Рокича, Г. Хофстеде и др. с учетом национальных особенностей армянского общества [23]. Опросник включал 68 вопросов, ответы на которые составили основу анализа ценностных ориентаций населения [23].

Социологическое исследование в *Российской Федерации* было осуществлено также в 2016 году. В нем участвовало население Вологодской области (проживающее как в городской, так и в сельской местности) в возрасте экономической активности (15-72 лет). Общая выборка опроса — 1500 чел. (0,2% от генеральной совокупности). Выборка — квотная, пропорциональная. Квоты выборки распределялись по гендерным, возрастным характеристикам, месту проживания. По полу распределение квот выглядит следующим образом: мужчины — 51,9%; женщины — 48,1%; по возрасту: 15-17 лет — 3,2%; 18-24 лет — 12,8%; 25-29 лет — 14,7%; 30-49 лет — 49,3%; старше 50 лет — 19,9%; по месту проживания: г. Вологда — 27,2%; г. Череповец — 28,1%; муниципальные районы — 44,7%. Ошибка выборки не превышает 3%.

Опрос, проходивший в поквартирной форме, выполнялся с помощью анкеты, составленной и использованной российско-белорусским коллективом в рамках работы над научным проектом «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси» (по гранту РГНФ №15-22-01013). Анкета содержит 65 вопросов.

Социологические исследования проводи-

⁴ По данным Статистического комитета Республики Армения, в Ереване проживает 1 074 100 чел. (35,8% от всего населения страны).

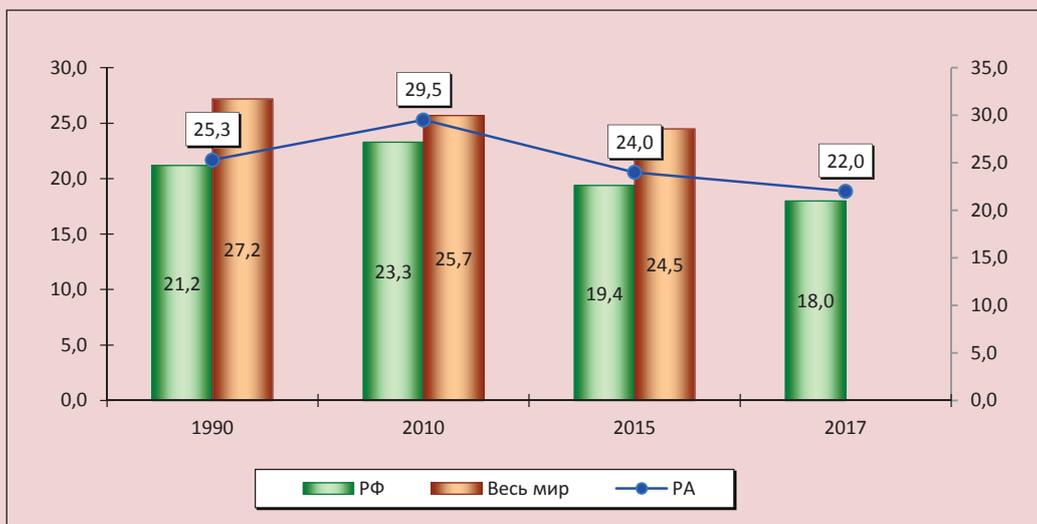
лись на разных территориях, по разным методикам и преследовали разные цели (в Армении — опрос населения крупного мегаполиса, в России — опрос населения региона с неодинаковым представительством городских и сельских жителей). Исследовательский инструментарий (и в том, и в другом случае — анкета) не был сформирован с применением аналогичных формулировок вопросов. Поэтому в статье мы напрямую не сопоставляем первичные данные этих проектов, а обобщаем выводы по вторичным данным (отдельно по каждому государству), чтобы на теоретическом уровне иметь возможность рассуждать о наличии схожих и отличительных трендов в социокультурном развитии молодого поколения двух стран.

Результаты исследования. Для России и Армении в настоящее время характерен общий тренд на снижение численности населения в возрасте до 30 лет (*рисунок*). Подобная тенденция, однако, наблюдается и в европейских странах. Основной причиной трансформации возрастной структуры стал переход к режиму «суженного воспроизводства» (начало которому положено в 1960-х годах). На Западе подобный демографический переход произошел на несколько десятков лет раньше [24; 25; 26]. В 2000 г. данный показатель достиг своего исторического минимума: в России — 8,7, в Армении — 10,6 промилле.

Помимо вышеуказанной причины, в Армении сильное влияние на демографические процессы оказывает миграция населения. В результате актуализировалась проблема «утечки мозгов». По мнению участников неструктурированного глубинного интервью⁵, осуществленного в ходе исследования в Армении, «...*важнейшей проблемой, порожденной экономическим кризисом, был и является высокий темп миграции. “Утечка мозгов” — это то самое, из-за чего Армения продолжает терять высококвалифицированных молодых специалистов...Влияние всего этого на систему образования катастрофическое — меньше школ, меньше учеников, меньше будущих специалистов*» [23]; «...*студенты послед-*

⁵ Здесь и ниже представлены материалы, относящиеся к неструктурированному глубинному интервью, которое было осуществлено в Ереване в мае 2015 г. Данным исследованием было охвачено 56 экспертов (специалисты социокультурной сферы: деятели искусства, политики, писатели, ученые, педагоги и др.).

Удельный вес молодого населения (15–29 лет; в % от населения всех возрастов)

Источник: World Population Prospects. Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 16.05.2018).

них курсов вузов, зная, что их не ждет желаемая перспектива, покидают страну. Получается, вуз ведет специализированную подготовку специалистов для иностранных рынков» [23].

Ценностные представления молодежи, относящиеся к разным сферам общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной и нравственной), находятся в активной фазе формирования [23]. Для того чтобы определить характер ценностного сдвига, мы сравниваем ответы двух возрастных групп: «молодежи» (до 30 лет) и «старшего поколения» (55–66 лет). Ценностные ориентации второй группы, как правило, являются продолжением того типа мировоззрения, который сформировался у них в советское время, когда им было 18–30 лет (как сейчас представителям первой группы).

Как объект исследования молодежь можно рассматривать в качестве самостоятельной группы, которая ориентирована, с одной стороны, на статусные достижения, с другой — на получение жизненных благ [23]. Анализ результатов исследования показал, что молодежь в России и Армении воспринимает свой нынешний статус и потенциальные возможности как совершенно естественное состояние, при этом многое из того, что кажется сейчас нормальным

и привычным, их родителям в молодые годы было совершенно недоступно [23]. Старшее поколение воспринимает молодежь как носителей идей модернизации и новых либерально-демократических установок, как приверженцев западной модели политической и экономической системы. При этом восприятие молодежью своего поколения отличается от образа, устоявшегося в сознании населения старших возрастов, поскольку ценностно-мировоззренческие ориентации «отцов» и «детей» иногда не совпадают [23].

Каковы же эти ценностные установки? Насколько они отличаются или совпадают у населения двух стран?

Как показывают данные проведенного исследования, в круг самых значимых ценностей российской молодежи входят здоровье, материальный достаток и семья (4,5 балла из 5-ти возможных). Эти жизненные установки вполне можно назвать традиционными, так как их разделяют и представители старшего поколения (старше 55 лет; табл. 2).

Однако из мировоззренческого поля молодого поколения России уходит целый пласт традиционных ценностей, которые важны для «поколения отцов». Это прежде всего касается стремления к независимости (3-е место среди

Таблица 2. Оценка россиянами важности различных сторон жизни в разрезе возрастных групп (баллов по пятибалльной шкале, где 1 – не имеет никакого значения, 5 – очень важно)

Вариант ответа	Возрастные группы			
	младше 30 лет		старше 55 лет	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Здоровье (физическое и психическое)	4,5	1	4,3	1
Материальная обеспеченность	4,5	1	4,2	2
Счастливая семейная жизнь	4,5	1	4,2	2
Любовь	4,4	2	3,9	3
Наличие хороших и верных друзей	4,4	2	3,8	4
Свобода, независимость	4,3	3	4,1	1
Интересная работа	4,3	3	3,9	3
...				
Активная деятельная жизнь	4,2	4	3,6	6
...				
Познание	4,0	6	3,5	7
Развлечения	4,0	6	3,1	9
Общественное признание, авторитет	3,8	7	3,5	8
Одобрение окружающих	3,7	8	3,6	6
Творчество, искусство	3,5	9	3,0	10
Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области (N=1500 чел.).				

жизненных приоритетов молодёжи и первое – у населения старше 55 лет) и одобрения действий и поступков со стороны окружающих (8 и 6-е место соответственно). Жизненные установки на признание мнения авторитетов сменяются новым набором ценностей, в числе которых реализация себя в активных формах жизни (спорте, туризме, развлекательных мероприятиях, социальных проектах и т.д.), а также наличие дружеской компании. При этом в эпоху распространения социальных сетей в Интернете смысл дружбы у молодёжи зачастую трансформируется в феномен «френдизма», нивелирующий духовную привязанность друзей, превращая последних в «сочувствующих себе-денников» [27, с. 72-78].

Схожая картина наблюдается и в армянском обществе. Здесь для представителей обоих поколений характерны различия между иерархиями ценностей в плане личностных приоритетов и нормативных идеалов [28, с. 31-35].

В армянском обществе ярко проявляется процесс сохранения традиционных ценностей, что можно проследить на примере распределения ответов населения на вопрос «*Что Вам необходимо как личности, чтобы почувствовать себя счастливым?*» Так, хорошее здоровье считают необходимым условием благополучной

жизни и молодое (19%), и старшее поколение (24%). Здоровый образ жизни занимает второе место в ранжированном списке ценностей как у той, так и другой возрастной группы (табл. 3). Отчасти это говорит о тесной взаимосвязи терминальных целей (благополучная семья, финансовая обеспеченность, любовь, познание и др.) с инструментарием для их достижения при доминировании ценностей физического здоровья, образования и т.д. [23].

Для армянской молодёжи цель жизни сводится главным образом к реализации своего потенциала в обществе и экономике, переживанию радостей и удовольствий от жизни. Этим молодёжь несколько отличается от представителей старшего поколения, в чьих мнениях больше проявляется альтруизм («жить дружно со своими детьми», «делать все для благополучного будущего своих детей») [21].

Молодёжь склонна также рассматривать в качестве главной жизненной цели для себя достаток: 26% против 19% среди старшего поколения (табл. 4). Показательно, что профессионализм на рабочем месте оценивается молодыми людьми не так высоко – 15% (среди старшего поколения – 26%). В то же время молодые армяне более амбициозны в плане карьерных перспектив, чем представители

Таблица 3. Распределение ответов населения Армении на вопрос: «На Ваш взгляд, что необходимо человеку, чтобы чувствовать себя счастливым?» в разрезе возрастных групп (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возрастные группы			
	младше 30 лет		старше 55 лет	
	В %	Ранг	В %	Ранг
Любовь	34,0	1	22,4	3
Крепкое здоровье	18,9	2	24,0	2
Хорошее образование	15,1	3	10,3	7
Всесторонние знания	15,1	3	19,5	4
Обеспеченная жизнь	11,3	4	15,5	5
Вера	5,1	5	12,1	6
Быть известным и иметь хорошую репутацию	0,0	-	94,8	1
Романтические и (или) авантюристские переживания	0,0	-	0,0	-
Процветающее и безопасное государство	0,0	-	0,0	-
Путешествия	0,0	-	5,2	8

Источник: данные социологического опроса населения города Еревана (N=250 чел.).

Таблица 4. Цели жизни населения Армении в разрезе возрастных групп (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Младше 30 лет		Старше 55 лет	
	В %	Ранг	В %	Ранг
Достичь финансовых успехов	26,4	1	19,0	2
Быть квалифицированным специалистом	15,1	2	25,9	1
Иметь надежное окружение	13,2	3	15,5	4
Быть мудрым	13,2	3	17,2	3
Иметь счастливую семью	11,3	4	5,2	5
Достичь высокой должности на службе	7,5	5	3,6	4
Пользоваться поддержкой коллег по работе	7,5	5	6,9	6
Путешествовать по всему миру	5,6	6	6,7	5

Источник: данные социологического опроса населения города Еревана (N=250 чел.).

старшего поколения (8% против 4% соответственно). Это может означать, что получение материальных благ не всегда связывается юношами и девушками с проявлением себя в профессии, а квалификация зачастую не ассоциируется с обязательным условием реализации карьерных планов.

Возможно, благодаря своей амбициозности представители молодёжи достаточно ясно представляют собственные перспективы. Согласно полученным социологическим данным, среди российской молодёжи только менее 17% не определились с планами на ближайшее будущее (среди старшего поколения этот показатель составляет 26%); в Армении – 19% (среди старшего поколения – 14%).

Работа, как и здоровье, рассматривается молодым поколением как важный инструмент достижения желаемого качества жизни. Так, для российской молодёжи получение денежного до-

хода является безоговорочным приоритетом при трудоустройстве (63%; табл. 5). На второй план отодвигаются даже социальные преимущества трудовой деятельности (например, профессиональная репутация, которая более важна для старших возрастов). Впрочем, подобные же ценности определяют отношение к труду и старшего поколения, что говорит скорее не о смене ценностных установок в ходе межпоколенческой мобильности, а об усилении в молодёжной группе действия лично-средовых копинг-ресурсов. По терминологии, введенной в научный оборот А. Маслоу, копинг – это жизненные стратегии, которые помогают справиться с ситуацией неопределенности различными путями, в том числе через идентификацию себя с представителями более старших возрастов [29]. Это в ряде случаев объясняет «заимствование» ценностной системы в поколенческом плане, желание «быть как все», неприятие всего нового.

Таблица 5. Распределение ответов россиян на вопрос: «Что для Вас важно в работе?» по возрастным группам (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	младше 30 лет	старше 55 лет
Хорошо зарабатывать	63,3	64,8
Помогать, приносить пользу людям	36,8	37,5
Иметь достаточную свободу в работе	26,8	13,6
Иметь хорошую профессиональную репутацию, доброе имя	25,0	31,8
Возможность сделать карьеру, занять руководящую должность	24,8	12,5
Иметь возможность развиваться, повышать квалификацию	24,8	12,5
Полно использовать свои знания, опыт, квалификацию	22,0	19,3
Полно реализовать свои личные способности	20,3	19,3
Работать в престижном учреждении	14,8	5,7
Работать с высококвалифицированными коллегами	14,5	4,5
Иметь возможность заниматься научной (исследовательской) деятельностью	3,0	4,5
Другое	0,8	2,3

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области (N=1500 чел.).

Нечто похожее мы наблюдаем и в армянском социуме. Респондентам было предложено продолжить фразу, которая начинается со слов «Сегодня лучше всего стать...» Интересно, что 89% молодых респондентов ответили, что сегодня лучше всего стать «богатым» (в группе опрошенных старше 55 лет показатель составил 35%) [23]. Это, в частности, подтверждает гипотезу «ценностной значимости недостающего» Инглхарта. Наибольшая субъективная ценность действительно придается тому, чего в сложившейся социально-экономической обстановке относительно недостает для личностного развития. Для молодёжи роль такого «дефицитного блага» и одновременно условия достижения высокого качества жизни, самостоятельности принципиально играют деньги.

Одновременно те сложности, которые переживает молодое население Армении в плане возможности открытия своего бизнеса (лишь 25% опрошенных до 30 лет определяют условия, сложившиеся в этой сфере, как благоприятные), а также в плане приобретения жилья (лишь 48% опрошенных до 30 лет считают ипотеку доступной для молодых семей), нередко приводят к тому, что в поведении молодых людей начинают преобладать стратегии выживания, а не модернизационные тактики [23].

В доказательство приведем слова из интервью с одним из армянских экспертов: «*Принципиальность в отстаивании своих убеждений не востребована, так как в социуме приоритет*

отдается приспособленческим ориентациям, направленным на обладание материальными ценностями» [21].

С нашей точки зрения было бы неправильным сводить это массовое стремление к богатству лишь к «пассивному гедонизму» [23]. В сознании молодёжи залог спокойного существования связывается почти исключительно с материальной обеспеченностью и денежными накоплениями, поскольку социальные гарантии (бесплатное медицинское обслуживание, образование) сегодня функционируют не в полную силу и не в ожидаемом объеме [23].

Однако разрыв между собственными ожиданиями (часто неоправданно завышенными) и осознанием своих возможностей (как правило, весьма скромных) приводит к стойкому негативизму в восприятии реальности, что может выражаться в дискредитации ряда социальных ценностей [23]. Достаточно яркий образчик подобных явлений – трансформация ценности образования. В армянском и российском обществе сформировалось неодинаковое представление о назначении образования. Так, в законодательстве РФ с недавних пор (2013 г.) отражена мысль о маркетизации системы образования в плане её постепенного превращения в сферу, функционирование которой ориентировано в том числе на удовлетворение потребностей населения [30, с. 26-34]. Необходимо отметить, что в законах, действующих в Республике Армения, подобный подход не заложен,

а, наоборот, воспроизведено традиционное отношение к образованию сугубо как к социальному благу.

Побочный эффект изменения статуса образования в России выражается в трансформации общественного восприятия этой сферы, в частности в феномене сверхквалификации рабочей силы (по оценкам экспертов, в РФ доля работающих по профессиям ниже полученной квалификации составляет 60%) [31, с. 9].

Считаем необходимым отметить здесь, что маркетизация проявляется и в сфере высшего образования РА. По мнению армянских экспертов, сегодня вузы страны «ориентированы на бизнес», а «уровень образования пропорционален системе ценностных ориентиров современных молодых людей» [32, с. 6-11].

Думается, что опыт России мог бы помочь Армении избежать в будущем ошибок, напрямую связанных с девальвацией ценности образования, и прежде всего сверхквалификации рабочей силы.

Дискуссия по поводу результатов. Результаты проведенного исследования позволили найти методологический подход к разрешению ответа на вопрос «Что является определяющим вектором духовного развития современной молодёжи на постсоветском пространстве – социокультурная модернизация или укоренение и доминирование традиционных ценностей?» [23]. Ответ на подобный вопрос не представляется простым.

С одной стороны, на молодёжь двух стран, имеющих общее историческое прошлое, воздействует феномен «культурной памяти» [33, с. 80-94]. Носителями этой памяти является старшее поколение, пример которого в сознании молодого населения формирует значительный пласт ценностей материализма (по терминологии Р. Инглхарта) [21].

Межпоколенная трансмиссия ценностей ярче проявляется в армянском обществе: здесь поддерживаются самобытные национальные черты повседневной жизни, традиционная культура отдыха и проведения праздников [23]. Молодое и взрослое население ценят свою религиозную и этническую общность, сформированную веками, сохраняют свой национальный язык, поддерживают связи с соотечественниками во всем мире [34, с. 28-30].

Позитивную роль в этом процессе играет возрождающаяся Армянская Апостольская церковь, ценности которой быстро распространяются среди молодёжи и связывают разные поколения [34, с. 28-30]. Молодёжь поддерживает значимость уважения к старшим и взаимопомощи в семье [23]. Приверженность всех поколений армян традиционным ценностям как в Армении, так и за ее пределами обеспечивает успешную межпоколенную трансмиссию социокультурных ценностей и культурную устойчивость в обществе в целом [34, с. 28-30].

Однако рассматриваемый ряд социокультурных доминант находит свое проявление и в усилении значения инструментальной рациональности [35, с. 80-94]. На материалах межпоколенных сопоставлений мы видим, как в молодёжной среде важность материального благополучия возрастает, а культуры – уменьшается. Подобные паттерны, образующиеся на фоне нестабильного экономического развития сравниваемых стран, обуславливают укоренение среди молодых людей стратегий выживания, а не стратегий самореализации в обществе [23].

Экономическая дифференциация общества приводит к тому, что на «нижнем полюсе» социума (малообеспеченные слои населения) преобладают установки на выживание, забота о получении средств к существованию, а на «верхнем полюсе» (обеспеченное население) наблюдается тяга к реализации личности и достижению духовных целей [23].

С другой стороны, в молодёжной среде двух стран наметился переход к ценностям постмодерна (по терминологии Р. Инглхарта) [21]. Сдвиг к постматериалистическим приоритетам влечет за собой уменьшение роли обязательств перед социумом и восприятие социальной мобильности как должного. Более сильный акцент в своей жизнедеятельности молодое население делает на качестве жизни [23].

В нижней части иерархии ценностей молодёжи располагаются межличностные отношения, а также иные приоритеты, как-либо связанные не с личной жизнью, а с интересами общества [23].

Антитеза материалистических и постматериалистических ценностей отражает межпоколенческий сдвиг от акцента на физической и

экономической защищенности к росту значения субъективного благополучия и самовыражения [23]. Если «поколение отцов» было ориентировано на получение образования, достижение долгосрочных целей, социальную справедливость и равенство, то среди нынешней молодёжи, выросшей в рыночных условиях, в гораздо большей степени проявляются гедонизм, утилитаризм и восприятие конкуренции как социальной нормы [23].

Подобная неоднозначность в восприятии ценностей молодым населением заставляет задуматься о перспективах развития стран на постсоветском пространстве. Встает вопрос о том, получит ли идея модернизации массовую поддержку в лице молодёжи и не приведет ли специфика образа жизни молодого поколения к торможению современных процессов развития экономики. К примеру, отмеченная ранее тенденция усиления у населения в возрасте до 30 лет значения hi-tech ценностей никак не связана с социальным оптимизмом и желанием обновления общества и даже, наоборот, приводит к интернет-аддикциям, «выпадению» из объективной реальности, апатии, безразличию к окружающей действительности.

Так, согласно корреляционному анализу (по корреляции Пирсона), использование Интернета в молодёжной среде имеет обратную зависимость по отношению к переменной «уверенность в будущем». Эта закономерность подтверждается данными, полученными в РФ ($p \geq -0,192$) и в РА ($p \geq -0,201$)⁶. В итоге можно говорить о «цифровом ретритизме» («уход» от стиля жизни, считающегося «нормальным» в социуме, в виртуальную реальность) как характерной черте проникновения идеалов общества потребления в сознание молодёжи,

который может повлечь за собой разрыв социальных связей и нарастание критической массы сопряженных проблем (молодёжная преступность, вандализм, кибертерроризм, игромания и т.д.). К ним представители молодого поколения вполне могут оказаться неподготовленными [11, с. 192-201].

В этой связи вопросы трансформации социокультурных ценностей в оперативном режиме должны составить повестку дня для постсоветских стран. Их внимание должно быть обращено на сохранение традиционных институтов социализации (религия, семья, образование, рынок труда) и на характер влияния на молодёжь «новых» агентов процесса обобществления (бизнеса и Интернета).

Благодаря схожести выделенных в работе моментов молодёжные проблемы могли бы стать предметом межкультурного диалога стран. Однако его ведение на сегодняшний день заметно ограничивается отсутствием должной нормативно-правовой базы. Прежде всего, ни в России, ни в Армении пока нет рамочного закона, оговаривающего статус молодёжи как таковой. На постсоветском пространстве до сих пор не функционирует международная структура (наподобие Junior Chamber International⁷), в рамках деятельности которой возможно было бы вести совместные обсуждения по вопросам молодёжной политики.

Кроме того, научно-исследовательским организациям важно проявлять активность в формировании единого инструментария для проведения регулярного мониторинга изменений, происходящих в сферах, которые относятся к качеству жизни, социальному самочувствию молодого поколения, и в ценностном фоне развития молодёжи на постсоветском пространстве.

Литература

1. Гилис П. Экономика и антиэкономика: трансформации в постсоветском пространстве // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2013. № 1. С. 15-24.
2. Павлов К.В., Ляшенко В.И., Котов Е.В. Процессы и формы модернизации экономики на постсоветском пространстве // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 6 (291). С. 14-26.
3. Sztompka, P. The Sociology of Social Change. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993. 416 p.

⁶ Корреляция значима на уровне 0,01.

⁷ Junior Chamber International. Режим доступа: <https://www.jci.cc/> (дата обращения: 11.05.2018).

4. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализм versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 32-39.
5. Власова Н.В. Этническая идентичность и социальное самочувствие личности в условиях трансформации социокультурной среды // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. № 2. С.186-191.
6. Белый О.И. Определение понятия «молодёжь» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 156-158.
7. Головчин М.А. Молодёжь и социальная перспектива: региональный опыт исследования // Проблемы развития территории. 2016. № 2. С. 112-122.
8. Зарубина Н.Н. Молодёжь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 52-63.
9. Корниенко Т.А. Модернизационные вызовы и трансформация политической культуры: к вопросу о социально-культурных факторах модернизации // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 3. С. 31-40.
10. Соловых О.В. О теоретических аспектах самоактуализации личности // Вестник ОГУ. 2011. № 6 (125). С. 25-31.
11. Яковлева А.А. Потребительский ретретизм: альтернативный стиль жизни в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5 (58). С. 192-201.
12. Bynner J., Parsons S. Social Exclusion and the Transition from School to Work: The Case of Young People Not in Education, Employment, or Training (NEET) // Journal of Vocational Behaviour. 2002. №60(2). P. 289-309.
13. Мальцев А.А. Форсированная модернизация советской экономики: «демомодернизация» или индустриальный прорыв? // Известия УрГЭУ. 2010. № 6 (32). С. 91-97.
14. Хачикян Я.И. Вопросы истории и теории эстетики (статьи и исследования). Ереван: Гитутюн, 2011. 508 с.
15. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973. 438 p.
16. Rokeach M. The open and closed mind: investigations into the nature of belief systems and personality systems. New York: Basic Books, 1960. 447 p.
17. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. P. 878-891.
18. Schwartz S.H. Cultural Value Orientations: Nature & Implications of National Differences // Psychology. 2008. Vol. 5. No. 2. P. 37-67.
19. Рожкова Л.В. Базовые ценности молодёжи в полиэтнической студенческой среде // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2009. № 4. С. 173-179.
20. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
21. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005. 323 p.
22. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.
23. Мкоян Г.С. Социокультурные ценности в современном армянском обществе: межпоколенный анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 233 с.
24. Качество молодого поколения в контексте модернизации России: кол. монография / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2016. 235 с.
25. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7-17.
26. Shabunova A.A., Lastochkina M.A., Kalachikova O.N. Demographic evolution trends and prospects in Russia and the Vologda Oblast // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2012. № 5. 143-153 p.
27. Головчин М.А. Молодёжь в сфере межличностных отношений: опыт регионального исследования // Вестник образования и науки Российской академии естественных наук. 2016. № 3. С. 72-78.

28. Мкоян Г.С. Сравнительный анализ трансформации социокультурных ценностей двух возрастных групп в армянском обществе (по методике М. Рокича) // Научная мысль. 2017. № 2 (24). С. 31-35.
29. Vaillant G.E. Involuntary coping mechanisms: a psychodynamic perspective // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2011. № 13 (3). P. 366-370.
30. Головчин М.А. Образование как базовая институциональная среда для социализации молодёжи // Нижегородское образование. 2016. № 4. С. 26-34.
31. Цапенко И. Человеческие ресурсы в сфере науки и технологий: состояние и эффективность использования // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 3-15.
32. Саакян А.К., Мкоян Г.С. Отношение современной армянской молодёжи к образованию // Социология и право. 2017. № 4. С. 6-11.
33. Mkoyan G.S. The Role and Meaning of the Free Time in Context of Formation of Socio-Cultural Values in Modern Armenian Society. 2016. № 2. P. 197-204.
34. Мкоян Г.С. Армянская Апостольская церковь, семья и государство как единая система социализации и символ формирования социально-культурных ценностей членов общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. С. 28-30.

Сведения об авторах

Максим Александрович Головчин — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mag82@mail.ru)

Гоар Сергеевна Мкоян — кандидат социологических наук, преподаватель, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна (Армения, г. Ереван, пр. Тиграна Меца, д. 17; e-mail: Goharmkoyansoc85@gmail.com)

Golovchin M.A., Mkoyan G.S.

Youth in Former Soviet Republics in Conditions of Value Transformation of Society (Case Study of Russia and Armenia)

Abstract. Value orientations of the older generation (over 55 years of age) are well-established, and, as a rule, they are influenced by the worldview that developed in the Soviet time. As for young people, their life ideas relating to various manifestations of social reality are still actively forming. In this regard, the two generations have certain differences in their sets of values. It is interesting and important to study them because young people perceive their current status and opportunities as being completely natural, while for their parents much of what looks normal and routine now was completely inaccessible in the years of their youth. The article considers value orientations of young people from former Soviet countries by highlighting their similarities and differences in comparison to those of the older generation. We are particularly interested in the views on the life and mindset of young people who represent a generation oriented toward modernization changes in society. Using research data, the paper attempts to find a determining vector of spiritual development of young people. The study is based on the analysis of secondary data of sociological surveys conducted in the Russian Federation and in the Republic of Armenia. Youth and the older generation are the objects of comparison in the surveys. The study not only identifies common features in the value consciousness of two generations in Russia and Armenia, but also substantiates the nature and importance of the impact of socio-cultural factors on the vital values of young people. It is established that intergenerational differences in socio-cultural determinants affect the attitude toward personal prospects in life and family, income, education, etc. The results of the study allow us to determine the direction of changes in young people's value orientations. Trends in the cultural and spiritual development of youth in both countries reflect an intergenerational shift from the focus

on economic and physical security to the increasing role of self-expression, subjective well-being and the quality of life, which ambiguously affects social well-being. In particular, the correlation analysis has established the inverse relationship between people's Internet activity and their confidence in the future. This suggests that the behavior of young people who "immerse" deeply in the Internet space is fraught with manifestations of social apathy. In conclusion, we present our own reflections on the need to intensify intercultural dialogue between former Soviet republics and participate jointly in addressing youth policy issues.

Key words: life values, generation, youth, education, digital retreatism, modernization, survey, correlation.

Information about the Authors

Maksim A. Golovchin – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mag82@mail.ru)

Gohar S. Mkoyan – Candidate of Sciences (Sociology), Lecturer, Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University (17, Tigran Metz Avenue, Yerevan, Armenia; e-mail: Goharmkoyansoc85@gmail.com)

Статья поступила 07.03.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15

УДК 316.644:314.7-057.875(470.2), ББК 60.543.172:60.7(21)

© Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М.

Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности*

**Константин Сергеевич
ЗАЙКОВ**

Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17
E-mail: k.zaikov@narfu.ru

**Игорь Вячеславович
КАТОРИН**

Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17
E-mail: Mediana.29@mail.ru

**Александр Михайлович
ТАМИЦКИЙ**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17
E-mail: a.tamitskij@narfu.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки РФ, госзадание № 27.12661.2018/12.1 «Экспертно-аналитическое сопровождение реализации государственной политики в сфере подготовки кадров для работы в Арктической зоне Российской Федерации и международного сотрудничества в рамках Университета Арктики».

Для цитирования: Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15

For citation: Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M. Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного на территории регионов, частично или полностью вошедших в состав Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ). Цель исследования – изучение миграционных установок студентов, определение факторов, влияющих на готовность будущих квалифицированных кадров покинуть территорию АЗРФ. Опрос проводился среди студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности для нужд экономики и социальной сферы полярных регионов страны в городах Архангельске, Мурманске, Красноярске и Якутске. В рамках исследования значительное внимание уделялось изучению влияния на миграционные установки информационно-образовательных факторов, связанных с арктической тематикой («арктический» профиль обучения, оценка «арктичности» образовательной программы, информированность об особенностях формирования АЗРФ и другие). По результатам опроса миграционные настроения студенческой молодежи определены как достаточно сильные. Подтвердилась гипотеза о том, что соотношение студентами имеющейся подготовки к будущей «арктической» специализации в целом снижает уровень их миграционных настроений и намерение покинуть регион. Доминирующим направлением потенциальной студенческой миграции является внутрироссийское. Миграционные предпочтения студентов почти в равной степени разделяются между столицами и другими регионами страны. Среди столичных регионов наиболее востребованным является Санкт-Петербург, а среди провинциальных – регионы центральной и южной России. Большинство потенциальных мигрантов занимались сбором информации об условиях проживания и особенностях переезда, причём как заочно, так и очно. Некоторые из них искали работу в новом регионе (стране), и лишь немногие занимались конкретной подготовкой к переезду. Миграционные намерения студентов в первую очередь связаны с факторами экономического характера. Психологические и информационно-образовательные факторы влияют на отдаление планируемого времени покидания Арктического макрорегиона. По итогам исследования авторами сформулированы для организаций высшего образования рекомендации, которые могут положительно сказаться на миграционной ситуации в АЗРФ. В их числе разработка и модернизация образовательных программ и модулей арктической направленности, системная профориентационная работа со школьниками и студентами, усиление взаимодействия с работодателями, органами государственной власти и местного самоуправления, включение в образовательно-воспитательный процесс выпускников, работающих на территории АЗРФ, активизация инновационной и научно-практической работы студентов.

Ключевые слова: Арктический регион, миграционные настроения, миграционные намерения, факторы миграции, студенческая молодёжь.

Введение

Арктическое направление является одним из приоритетных в развитии России. В активный нормативный оборот введено понятие «Арктическая зона Российской Федерации» (далее – АЗРФ). Определены границы, прорабатываются подходы и планы по развитию данного макрорегиона. АЗРФ становится полноценным объектом государственного управления.

В настоящий момент в состав рассматриваемого макрорегиона целиком входят Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный и Ямало-Ненецкий автономные округа. Частично в состав территориального образования вошли Архангельская область (города Архангельск, Северодвинск,

Новодвинск и 4 муниципальных образования), Красноярский край (г. Норильск и 2 района), Республика Коми (г. Воркута), Республика Саха (Якутия) (5 улусов) и 3 муниципальных района Республики Карелия¹.

Человеческий капитал является одним из ключевых ресурсов развития данной территории. Без квалифицированных специалистов, готовых к работе в сложных климатических условиях, ни один из арктических проектов, ни одна из арктических территорий не сможет

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения 27.11.2017).

успешно функционировать и развиваться [1; 2]. Однако комплекс накопившихся производственных и социально-экономических проблем вызывает интенсивный миграционный отток населения, в первую очередь высококвалифицированных специалистов и молодёжи. Так, на протяжении последних 15 лет в арктических регионах в основном наблюдается миграционная убыль населения (табл. 1).

Наибольший отток населения из регионов, которые полностью или частично вошли в состав АЗРФ, фиксируется в Чукотском и Ненецком автономных округах, Республике Коми. Относительно стабильна миграционная ситуация лишь в Красноярском крае.

Весьма болезненным для АЗРФ является миграция выпускников образовательных организаций высшего образования, особенно если

Таблица 1. Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения* (человек, значение показателя за год)

Регион	2005	2010	2015	2016
Республика Карелия	-115,155	-53,853	-11,63	-16,04
Республика Коми	-162,798	-139,036	-101,53	-81,2
Ненецкий автономный округ	-20,52	-49,87	23,16	-72,91
Архангельская область	-71,684	-82,067	-68,02	-56,29
Мурманская область	-169,232	-68,953	-57,37	-57,15
Ямало-Ненецкий автономный округ	-24,129	-87,811	-222,92	-65,24
Красноярский край	-63,855	-14,642	9,62	16,82
Чукотский автономный округ	72,549	-173,553	-116,98	-103,22
Республика Саха (Якутия)	-28,004	-70,823	-56,21	-43,2

* Составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=9400008>

Таблица 2. Подготовка специалистов по программам арктической направленности на территории и в регионах Арктической зоны Российской Федерации в 2016 г.

Субъект РФ	Наименование вуза	Количество направлений подготовки	Обучающихся, чел.
Территория АЗРФ			
Архангельская область	Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова	120	2753
Архангельская область	Северный государственный медицинский университет	10	2360
Архангельская область	Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске	16	701
Архангельская область	Институт управления	9	1330
Мурманская область	Мурманский арктический государственный университет	24	169
Мурманская область	Мурманский государственный технический университет	46	3867
ИТОГО		225	11880
Регионы АЗРФ			
Красноярский край	Сибирский федеральный университет	21	2488
Красноярский край	Сибирский государственный университет геосистем и технологий	20	5506
Республика Коми	Сыктывкарский лесной институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова	7	1039
Республика Коми	Ухтинский государственный технический университет	8	2722
Республика Саха (Якутия)	Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова	251	8752
ИТОГО		307	20507

Источник: составлено по: Арктика – национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение / отв. ред. Е.В. Кудряшова. Архангельск: САФУ, 2016. С. 145–189.

их подготовка имеет «арктический» профиль [3]. Не случайно в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. указано, что важными задачами социально-экономического развития макрорегиона выступают обеспечение подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов в системе высшего и среднего специального образования для работы в арктических условиях и усиление приживаемости квалифицированных кадров [4].

По данным социологического исследования, которое было проведено Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова в марте–апреле 2016 г., подготовкой кадров для АЗРФ и арктических проектов занимались 30 образовательных организаций страны (28 университетов и 2 филиала). Из них 6 организаций высшего образования (5 университетов и 1 филиал) расположены непосредственно на территории макрорегиона, 5 – в регионах АЗРФ, а 19 – за его пределами [5].

На территории АЗРФ на момент исследования чуть более 11 тысяч студентов вузов обучались по программам так называемой «арктической» направленности. Студенты осваивали указанные образовательные программы по 225 направлениям подготовки (табл. 2). В регионах АЗРФ (то есть на территории муниципалитетов, которые не вошли в состав макрорегиона) насчитывалось около 20 тысяч студентов, которые обучались по 307 направлениям подготовки арктической направленности.

Методика и методология исследования

Исследование миграционных установок студентов проводилось сотрудниками Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в рамках изучения факторов, обуславливающих отъезд молодых специалистов из регионов АЗРФ. Объектом исследования стали студенты, обучающиеся по образовательным программам «арктической» направленности, или для нужд экономики и социальной сферы АЗРФ в образовательных учреждениях на территории данного образования и субъектов, частично входящих в него. Под программами высшего образования так называемой «арктической»

направленности понимаются те, что реализуются с привлечением ресурсов организаций-партнеров, ведущих деятельность на территории АЗРФ, в том числе предусматривающие прохождение обучающимися стажировок на территории АЗРФ и включающие в комплекс дисциплин профессионально-специальные компетенции и результаты обучения, определяющие специфику профессиональной деятельности в регионе.

Целью опроса являлось изучение миграционных установок студентов, определение факторов, влияющих на готовность будущих молодых специалистов покинуть северные территории страны.

В этой связи опросный лист включал блок личной информации анонимного характера, в том числе данные об уровне и профиле или специальности получаемого образования, профессиональные устремления, оценку социально-экономической ситуации в регионе, миграционные настроения, вопросы на определение выталкивающих и сдерживающих факторов миграционных устремлений обучающихся.

На этапе разработки программы социологического исследования в марте–апреле 2016 г. по запросу в образовательные организации высшего образования Российской Федерации получены сведения о реализуемых образовательных программах арктической направленности, объёмах контингента обучающихся, данные которого позволили определить структуру генеральной совокупности, составившей 20507 студентов бакалавриата, магистратуры и специалитета.

Для проведения опроса были отобраны шесть образовательных организаций высшего образования и 2 филиала. В их число вошли Мурманский арктический государственный университет (МАГУ), Мурманский государственный технический университет (МГТУ), Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ), Северодвинский филиал САФУ (СФ САФУ), Северный государственный медицинский университет (СГМУ). Данные образовательные структуры располагаются на территории Архангельской (САФУ, СГМУ, СФ САФУ) и Мурманской (МГТУ и МАГУ) областей.

Также в состав выборки включены образовательные организации, находящиеся вне границ АЗРФ, но входящие в состав её регионов: Сибирский федеральный университет (СФУ), Северо-Восточный федеральный университет (СВФУ), Чукотский филиал СВФУ (ЧФ СВФУ). Данные образовательные структуры располагаются на территории Красноярского края (СФУ), Республики Саха (Якутия) (СВФУ) и Чукотского автономного округа (ЧФ СВФУ).

Выборка образовательных организаций обусловлена типичностью спектра реализуемых образовательных программ арктической направленности, охватывающих инженерно-технический, экономико-управленческий, социально-гуманитарный, психолого-педагогический, естественнонаучный, медицинский и относящиеся к информационным технологиям профили, а также концентрацией количества обучающихся в образовательных учреждениях.

При отборе единиц наблюдения использовалась гнездовая выборка, которая включила группы студентов по арктическим направлениям подготовки, разных курсов и уровней образования. Таким образом, в каждой образовательной организации двухступенчатым способом отбирались курсы или группы, внутри которых проводился сплошной опрос. Опрос проводился преимущественно в форме группового онлайн-анкетирования с использованием платформы <http://survey.narfu.ru> в компьютерном классе или учебной аудитории с помощью индивидуальных устройств, имеющих доступ к сети Интернет.

Сбор информации осуществлялся методом онлайн-анкетирования в октябре–ноябре 2016 года. В нём приняло участие 4 503 студента. После выбраковки анкетного материала массив исследования составил 4024 анкеты, данные

которого обрабатывались с использованием компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS v.17. Статистическая погрешность выборки не превышает 3%.

Таким образом, в исследовании приняли участие студенты, которые обучаются по программам бакалавриата (1 722 человека), специалитета (1 842 человека) и магистратуры (460 человек). Из числа всех опрошенных 1562 респондента обучались на выпускных курсах. Распределение ответивших по образовательным организациям высшего образования представлено в *табл. 3*.

Основные понятия исследования – «миграционные настроения» и «миграционные намерения». Миграционные настроения можно отнести к аффективному уровню личности. Настроение есть эмоциональное выражение сознания, оно указывает на присутствие в сознании благоприятного или неблагоприятного фона для тех или иных планов и действий. В исследовании под этим термином понимается обобщенное желание покинуть нынешнее место жительства или остаться здесь. Миграционные намерения относятся к когнитивному уровню личности. Они носят более рациональный характер и связаны прежде всего с планами по переезду. Намерения, как правило, непосредственно предшествуют действиям. Миграционные настроения и намерения справедливо относят к разным уровням готовности личности, связанной со сменой места жительства [6].

Одна из ключевых задач исследования относится к изучению установок, связанных с переездом за пределы региона обучения, который входит в состав АЗРФ. При этом значительное внимание уделялось влиянию на миграционную готовность информационно-образовательных факторов, связанных с арктической

Таблица 3. Число студентов, участвовавших в опросе

ВУЗ	Чел.
Мурманский Арктический государственный университет	134
Мурманский государственный технический университет	141
Северный (Арктический) федеральный университет (САФУ)	1022
Северодвинский филиал САФУ	203
Северный государственный медицинский университет	996
Северо-Восточный федеральный университет (СВФУ)	1096
Сибирский федеральный университет (СФУ)	386
Чукотский филиал СВФУ	46

тематикой. К примеру, «арктический» профиль обучения и оценка «арктичности» образовательной программы, информированность об институциональном оформлении Арктической зоны Российской Федерации, осведомлённость о льготах и гарантиях для жителей Крайнего Севера, представления о вахтовой работе в северных условиях.

С учетом задач исследования направления миграции (территории возможного переезда) были дифференцированы следующим образом:

- возвратная миграция (родной регион);
- «столичная» миграция (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область);
- межрегиональная миграция (другие регионы России);
- эмиграция (другие страны).

Обзор литературы

Миграционные процессы являются предметом изучения различных областей научного знания. Наиболее фундаментально в отечественной науке эта тема раскрыта в трудах Л.Л. Рыбаковского. Автор определяет данное понятие как множество событий, влекущих за собой смену места жительства [4]. Профессор разделяет миграционный процесс на три стадии: подготовительную, основную (собственно переселение) и заключительную (адаптация мигрантов на новом месте) [7, с. 36–43]. Он считает, что для осуществления миграции субъект должен получить предполагаемое приращение необходимых компонентов условий жизни, обучения, труда, как правило, в идеальной форме, в виде некоего образа, по большей части сложившегося на информативной основе.

Подготовительный этап играет важную роль в миграционном процессе. Эта стадия миграции наиболее активно изучается в рамках социологической науки. Предметом изучения социологов является прежде всего субъективная готовность к миграции населения и молодёжи – миграционные настроения, намерения, установки. При этом исследователей интересуют цели, причины, направления, планы возможного переезда, а также факторы, сдерживающие или стимулирующие миграцию [8; 9; 10].

По мнению как зарубежных, так и отечественных учёных, для северных, арктических территорий характерна повышенная мигра-

ционная мобильность населения, которая обусловлена специфическими условиями для жизни [1; 6; 11; 12; 13]. При этом особенно сильны миграционные настроения в молодежной среде [14; 15].

Миграционные установки студенческой молодёжи были предметом исследования многих социологов. Чаще всего отечественные и зарубежные работы посвящены образовательной миграции студентов или их эмиграционным намерениям и планам [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26].

В большинстве российских исследований указывается на высокую степень распространённости миграционных и эмиграционных настроений среди студентов. Среди факторов, влияющих на миграционные установки, чаще всего выделяют социально-экономические, связанные с условиями жизни и работы [3; 17; 22]. Несколько реже упоминаются психологические и природно-климатические факторы. Крайне редко социологи обращают внимание на информационно-образовательные факторы.

По мнению многих зарубежных авторов, экономическое благополучие региона оказывает доминирующее влияние на миграцию выпускников образовательных организаций высшего образования [21; 28; 29].

В территориальном аспекте большинство работ по студенческой миграции посвящено ситуации в вузах отдельных регионов России. Лишь некоторые исследования охватывают сразу несколько регионов [30; 31; 32].

Миграционные настроения

Миграционные настроения студенческой молодёжи АЗРФ достаточно явны. Более половины из опрошенных в Архангельске и Мурманске выразили желание покинуть регион обучения (рис. 1). Миграционные настроения студентов, обучающихся в регионах АЗРФ на востоке страны (Якутск, Красноярск, Анадырь), менее выражены. Количество желающих выехать за пределы региона не превышает 45%.

Позволим себе предположить, что в большей степени высокий уровень миграционных настроений студентов в западной части АЗРФ имеет инерционный характер. Архангельская и Мурманская области последние десятилетия относятся к регионам с большим отрицатель-

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Хотели бы Вы после получения образования покинуть регион?», N=4024

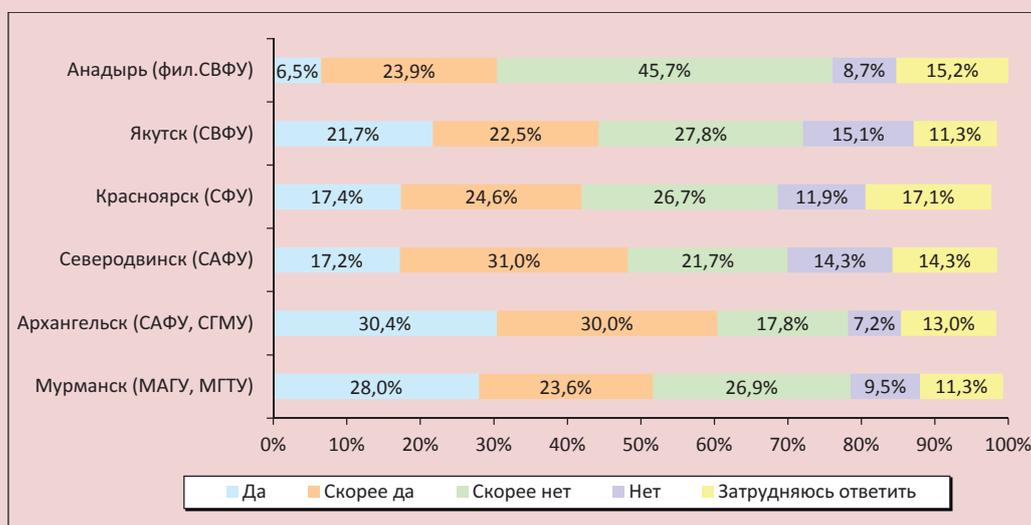
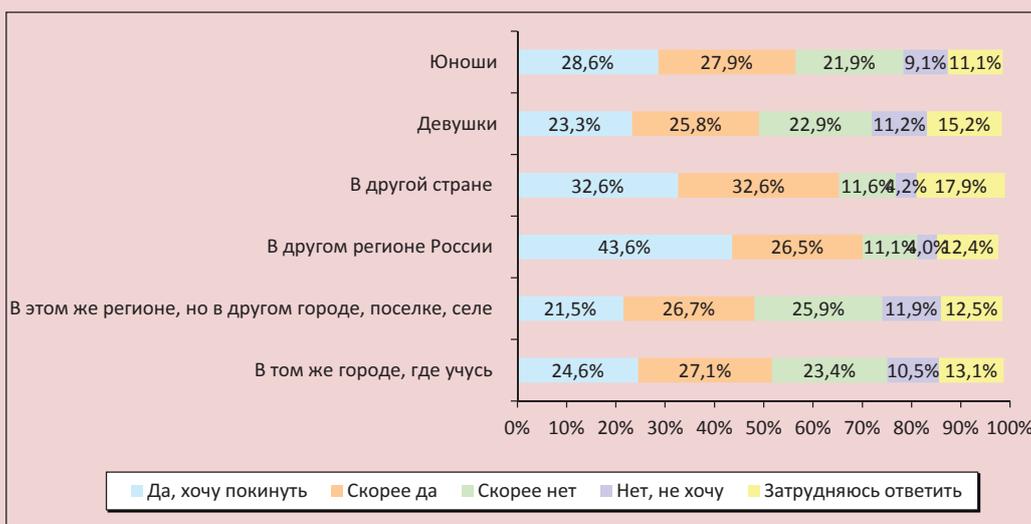

Рис. 2. Миграционные настроения в зависимости от пола и места проживания до поступления в вуз, N=4024

ным сальдо миграции. Это следствие уменьшения поддержки со стороны государства по отношению к территориям Крайнего Севера и Заполярья в 90-е годы. Оба региона наиболее сильно пострадали от этой политики. Восточные регионы, входящие в состав АЗРФ, менее остро пережили последствия развития капитализма и рыночных отношений.

Миграционные настроения различно выражены в демографических группах. Более

интенсивное желание выехать из регионов АЗРФ выразили в опросе девушки. Эта особенность известна демографам и социологам многих стран. В северных и приарктических территориях заметно выше, чем в более южных регионах, доля мужчин и активнее миграция женщин [12].

Место проживания до поступления в вуз является важным фактором миграционных настроений (см. рис. 2). Наиболее выражено

желание покинуть регион обучения у тех, кто приехал на учёбу из других округов, областей, республик и стран. Вместе с тем примерно каждый четвёртый иногородний студент хотел бы связать свою жизнь с Арктическим регионом.

Среди жителей арктических регионов ярко выраженные миграционные настроения наблюдаются у студентов, которые и до поступления проживали в месте нахождения вуза. Почти 55% из них намереваются переехать в другой регион или страну, и лишь каждый десятый твёрдо желает остаться жить и работать на своей малой родине. Учитывая, что большинство образовательных организаций высшего образования располагаются на территории административных центров северных регионов, можно предположить, что условия жизни в них перестали удовлетворять возросшим за время учёбы потребностям молодых горожан, потенциальных молодых специалистов «арктической» направленности.

Миграционные настроения тех, кто приехал на учёбу из других районов региона, заметно слабее. Многие из них по окончании вуза планируют остаться в городе обучения.

В то же время уровень арктической идентичности профиля подготовки у студентов, которые обучаются по образовательным программам с фокусом на региональную специфику, нужно признать невысоким. Лишь треть опрошенных студентов отметили, что их подготовка имеет «арктическую» направленность. Можно предположить, что причинами подобного явления могут быть:

- поверхностный или формальный характер «арктического» профиля образовательных программ;
- диссонанс между арктической направленностью образовательной программы и «несеверными» профессионально-жизненными ориентирами обучающихся;
- различное понимание арктической составляющей профиля образовательной программы у студентов и руководителей образовательных программ, организаторов учебного процесса.

Заметно отличается оценка степени арктической направленности образовательной программы в зависимости от профиля обучения и

места рождения. Студенты социально-гуманитарного и естественнонаучного профилей подготовки чаще других называли свои образовательные программы «арктическими». Реже всего указывали на арктический фокус своей образовательной программы будущие экономисты, управленцы, медики, IT-специалисты. Иногородние студенты (прибывшие из других регионов и стран) склонны в большей степени идентифицировать свой профиль подготовки как арктический в отличие от «местных» студентов. По всей видимости, связано это с новизной восприятия «арктической» тематики профиля подготовки приезжими студентами. Студенты, давно проживающие в северных регионах, менее восприимчивы к арктической теме и поэтому более критичны в отношении оценки специфики профиля образовательной программы.

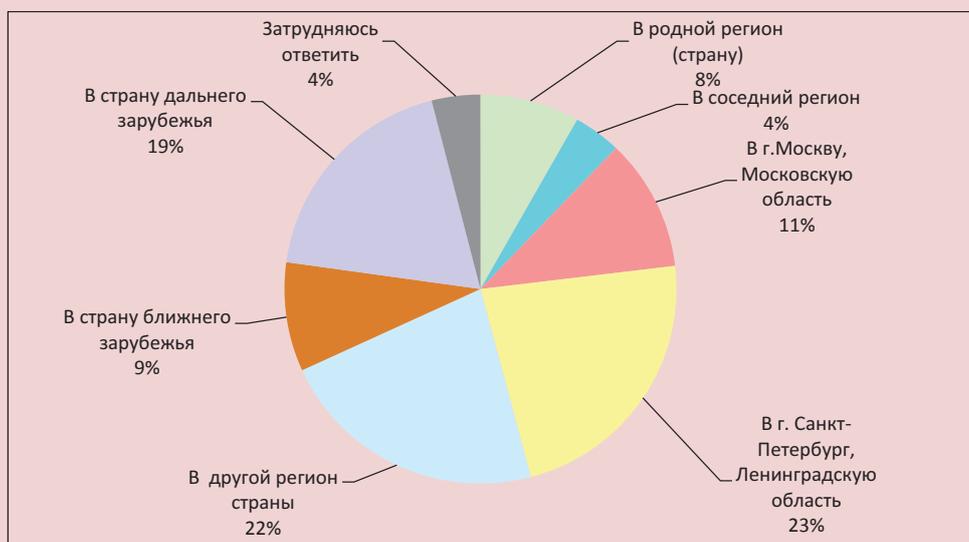
Миграционные намерения

Ключевым направлением потенциальной студенческой миграции в АЗРФ является внутрироссийское. Около 70% потенциальных мигрантов хотели бы переехать в другие регионы России (рис. 3). Предпочтения этой группы равномерно делятся между столичными и нестоличными регионами. Среди столиц самым востребованным является Санкт-Петербург и его окрестности, а среди других территорий – регионы Центрального и Южного федеральных округов России.

Примерно 30% респондентов имеют желание переехать в другие страны. Заметно больше потенциальных эмигрантов на востоке страны. Наиболее популярные направления возможного отъезда за границу – страны Северной Европы и Северной Америки. Среди бывших советских республик наиболее востребованы прибалтийские страны. Из других стран постсоветского пространства чаще упоминаются Беларусь и Казахстан.

Каждый десятый потенциальный мигрант является возвратным, то есть планирует после обучения вернуться на свою малую родину. Вместе с тем желание вернуться в родные края после получения образования в учреждениях высшего образования АЗРФ выразили около 35% респондентов, прибывших из других регионов, и лишь 15% иностранных студентов.

Рис. 3. Направления возможной миграции желающих покинуть регион места обучения, N=1966

Таким образом, лишь небольшая часть студентов, приехавших на учебу в Арктический регион из других субъектов федерации или стран, имеет желание вернуться после окончания обучения на родину. Примерно 20–25% иногородних студентов планируют остаться в регионе обучения, а большинство желает выехать в другие регионы России. Возвратная миграция достаточно выражена среди архангельских студентов и обучающихся из восточной части АЗРФ (СФУ, СВФУ). В этих городах её доля варьируется от 14 до 16% от всех направлений миграций.

Миграционные настроения студентов и магистрантов детерминированы рядом социально-демографических параметров. Юноши, живущие в регионе обучения, гораздо чаще рассматривают в качестве объекта переезда другие страны, а девушки – столичные и другие регионы России, то есть в качестве приоритета рассматривают внутрироссийское направление переезда (рис. 4). Примечательно, что, за исключением медицинского специалитета, по мере приближения выпуска наблюдается уменьшение доли студентов, желающих переехать в другие страны. Вероятнее всего, причина кроется в критическом взгляде на сложности и последствия, связанные с переездом в другую страну, таким образом, отдаётся явное предпочтение внутренней миграции.

В период обучения снижается доля тех, кто собирается вернуться в родной регион. При этом количество потенциальных возвратных мигрантов сокращается к выпускным курсам весьма существенно (в 1,5–2 раза), особенно среди будущих магистров и бакалавров.

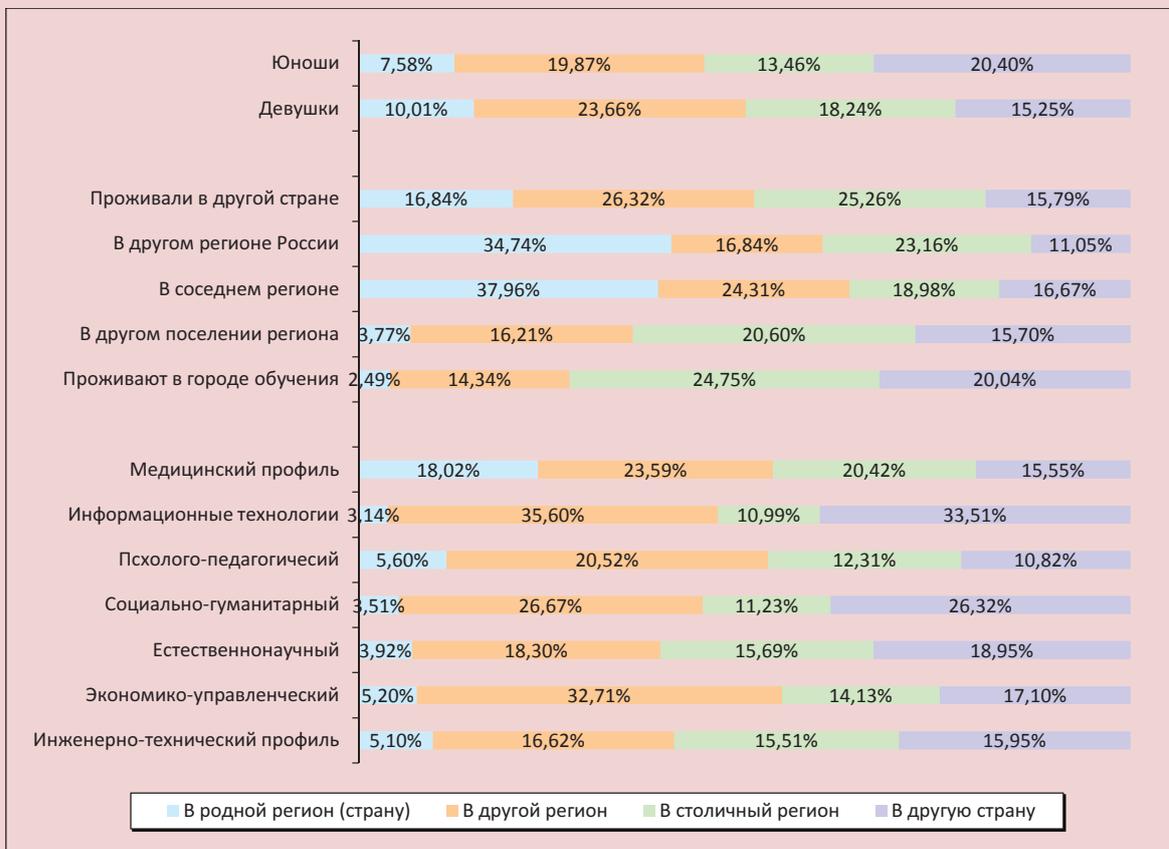
Динамика интереса к проживанию в столичном регионе более сложная. У студентов бакалавриата и магистратуры за время учёбы несколько увеличивается доля желающих переехать в одну из столиц, а будущие медики и инженеры к выпускному курсу, напротив, заметно охладевают к идее мигрировать в столичный регион.

Интерес к межрегиональной миграции повышается к выпуску на всех уровнях высшего образования.

Серьёзность миграционных намерений обычно определяется вопросами о сроках миграции и действиях по подготовке к переезду.

Наиболее серьёзные намерения продемонстрировали потенциальные возвратные мигранты. Почти 70% из них планируют вернуться на родину сразу по окончании обучения, а 10% – в среднесрочной перспективе. Потенциальные столичные и межрегиональные мигранты имеют практически схожие временные и подготовительные планы. Примерно 35% из них планирует переезд сразу после окончания обучения, а еще 25% – в среднесрочной пер-

Рис. 4. Направления миграции в зависимости от пола, профиля обучения и места жительства студентов до поступления в вуз (значения указаны в % от числа всех респондентов данной категории)

спективе. Студенты, которые заинтересованы в миграции внутри страны, продемонстрировали достаточно высокую активность по подготовке к переезду на новое место. Так, около 40% из них посещало место предполагаемого жительства, а более 60% собирало информацию и консультировалось по поводу переезда (табл. 4).

Потенциальные эмигранты гораздо менее серьёзны в своих планах и действиях. Лишь 30% из них говорят о возможном отъезде за границу в ближайшее время, а более 45% до сих пор ничего не предпринимали для подготовки к отъезду. Таким образом, вероятность реализации миграционных желаний у тех, кто хочет уехать за рубеж, гораздо ниже, чем у внутренних мигрантов (тех, кто намерен переезжать внутри России).

Потенциальные мигранты с наиболее продуманными намерениями учатся в вузах, которые располагаются на западе АЗРФ (Архан-

гельск, Мурманск). Более 30% студентов из этой части Арктической зоны уже предпринимали различные действия для подготовки переезда, тогда как в учебных заведениях восточной части АЗРФ их доля не превышает 20%.

Чаще всего активные потенциальные мигранты занимались сбором информации об условиях проживания и особенностях переезда, причём как заочно, так и посещая место будущего проживания. Каждый четвёртый потенциальный мигрант пытался найти работу в новом регионе (стране), и лишь каждый пятнадцатый занимался конкретной подготовкой к переезду (продажа недвижимости, оформление документов на выезд и т. п.).

На основании кластерного анализа выделена группа студентов с **выраженными миграционными намерениями**, которые с высокой вероятностью после окончания обучения покинут регионы АЗРФ. Размер этой группы,

Таблица 4. Ответы респондентов на вопрос: «Какие действия Вы уже предпринимали для подготовки к отъезду на другое место жительства?», N=1966

В % по столбцам	Направление миграции		
	Другие регионы	Столичный регион	Другая страна
Посетил(а) место предполагаемого жительства	33,7%	39,7%	24,4%
Самостоятельно собрал(а) информацию об условиях жизни в месте предполагаемого выезда	33,1%	34,6%	40,6%
Консультировался по вопросам переезда	19,3%	20,1%	23,0%
Пытался найти работу в месте предполагаемого выезда	11,1%	11,8%	11,0%
Пытался продать/продал(а) собственность	1,7%	1,8%	1,7%
Оформлял(а) документы для переезда	1,6%	2,1%	2,9%
Пока ничего не предпринимал(а)	32,3%	30,7%	36,2%
Затрудняюсь ответить	7,0%	6,0%	8,9%

в зависимости от региона и конкретного вуза, варьируется в пределах от 5 до 17%, в среднем она составляет около 10%. Основу указанной категории составляют девушки, проживающие в административном центре региона, обучающиеся по образовательным программам бакалавриата и специалитета чаще всего на коммерческой основе. К выраженным миграционным действиям наиболее предрасположены студенты, имеющие социально-гуманитарный, естественнонаучный или информационно-технологический профили подготовки.

Студенты, которых можно отнести к этой группе (около половины из них), планируют переехать прежде всего в столичные регионы. Большинство представителей данной группы посещали предполагаемое место переезда, собирали информацию и консультировались по поводу условий жизни и процедуры переезда. Вместе с тем лишь каждый четвертый потенциальный мигрант занимался поиском работы на новом месте жительства. Очевидно, что данная группа студентов уверена в возможности успешного трудоустройства в столичных мегаполисах.

В исследовании не подтвердилась гипотеза **о влиянии на миграционные намерения осведомленности о льготах и гарантиях**, которые имеют жители регионов северных территорий страны². Вместе с тем комментарии респондентов по данному вопросу позволили сформулировать другую гипотезу, которая нуждается в дополнительной проверке. Фактором, стимулирующим

² О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: закон РФ от 19.02.1993 N 4520-1 (ред. от 31.12.2014).

миграцию студентов, является критическое отношение к действующей системе гарантий и льгот для жителей районов Крайнего Севера. Значительная часть студентов знает о северных льготах и гарантиях, но считает, что они существуют номинально и фактически не влияют на уровень жизни населения региона, особенно молодёжи. Это подтверждают наиболее яркие комментарии:

- «Северные надбавки действуют только для работающих на бюджетных местах»;
- «Льготы есть, но они несущественные»;
- «В теории данные льготы существуют, но работодатели редко соблюдают их»;
- «Есть, но они не компенсируют неблагоприятные условия для жизни и труда»;
- «Есть «типа» северные, но они не работают. Работодатель занижает основную зарплату, поэтому в сумме вместе с северными выходит такая же зарплата».

Опрос показал слабую и фрагментарную **осведомленность студентов по поводу создания Арктической зоны России** (табл. 5). Лишь треть респондентов ответила, что точно знает о данном факте, тогда как 30% опрошенных впервые узнали об этом во время опроса. В целом студенты, которые учатся на западе АЗРФ (Архангельск, Мурманск), более информированы по этому вопросу, чем обучающиеся в восточной части АЗРФ. Возможно, это следствие того, что Красноярск и Якутск, в отличие от других муниципальных образований регионов, не вошли в состав Арктической зоны России.

Представления будущих специалистов о влиянии процесса формирования Арктической зоны России на развитие региона являются

Таблица 5. Ответы респондентов на вопрос: «Знаете ли Вы о том, что в нашей стране выделена как самостоятельный объект государственного управления Арктическая зона Российской Федерации?», N=4024

В % по столбцам	Мурманск	Архангельск	Красноярск	Якутск
Да	41,5%	34,8%	23,5%	23,4%
Что-то слышал	32,7%	31,3%	33,6%	37,7%
Не знаю	25,8%	33,9%	42,9%	38,9%

осторожно-оптимистичными. Чуть менее половины из них отметили, что население региона скорее выиграет от активизации арктического вектора государственной политики страны.

Анализ не выявил прямого влияния указанных результатов социологического опроса на миграционные настроения, однако они статистически связаны с таким индикатором миграционных намерений, как «предполагаемый срок миграции». Другими словами, чем больше студент знает об Арктической зоне РФ и позитивнее относится к перспективам её развития, тем на более дальнюю перспективу он рассматривает возможность покинуть регион.

Причины и факторы миграции

Вопросы мотивационного характера выявили у потенциальных мигрантов комплекс причин, обуславливающих их намерения на переезд. В целом наблюдается разброс мнений по данному вопросу.

Самой популярной причиной выезда из региона обучения была названа следующая: «Нравится регион (страна), куда хотел бы переехать» (табл. 6). Данный вариант ответа был отмечен, как правило, без одновременного упоминания других ответов. Это позволяет рассмотреть студентов, которые выбрали данный вариант, как особую миграционную группу. Представители этой группы острее других не удовлетворены условиями для образования, культурного развития и обеспечения жильем на территории обучения. Кроме того, они считают данный регион «серым и вялым» и при этом «добрым и родным». Студенты, указавшие на данный мотив, заинтересованы в творческой, высокооплачиваемой и карьерно-перспективной работе. Из профессиональных видов деятельности их особо привлекают наука, предпринимательство, политика.

Таблица 6. Ответы респондентов на вопрос: «Почему Вы хотите переехать в другой регион (страну)?», N=1966

В % по столбцам	Направление миграции		
	Другой регион	Столичный регион	Другая страна
Интересен регион, куда собираюсь переезжать	42,0%	45,0%	49,2%
Низкий уровень заработных плат в регионе	35,7%	39,0%	41,9%
Суровый климат	35,0%	35,5%	37,3%
Невозможность найти достойную работу	28,9%	33,7%	29,1%
Неразвитая культурная, досуговая среда	25,3%	29,2%	23,8%
Высокие цены	24,2%	22,3%	24,6%
Плохая экология	23,9%	20,6%	23,7%
Экономическая нестабильность в регионе	20,3%	21,75%	27,8%
Жилищные проблемы	18,5%	15,3%	17,5%
Хочу открыть своё дело, вести бизнес	10,1%	12,39%	11,5%
Стремление создать семью	8,6%	7,1%	6,7%
Быть ближе к родственникам/друзьям	7,8%	7,8%	3,9%
Сложность получения медицинских услуг	7,2%	7,1%	11,0%
Другие семейные обстоятельства	5,7%	6,1%	4,1%
Другое	0,7%	0,8%	1,1%
Затрудняюсь ответить	3,5%	2,9%	3,3%

В целом типичного представителя этой мотивационной группы можно назвать креативной натурой, которая ищет «место жительства – мечту». Таким людям нужна яркая, энергичная и материально стабильная территориальная среда, которая должна помочь раскрыть потенциал в профессиональной, общественной и личностной сфере. Подобную среду студенты надеются найти в Санкт-Петербурге или в странах дальнего зарубежья (особенно в Северной Европе, США и Канаде, Японии). Представления о желаемом месте переезда у большинства «мечтателей» заочные. Лишь четверо из десяти из них посещали место возможного переезда.

На уверенном втором месте находятся социально-экономические причины миграции (низкий уровень заработных плат в регионе, невозможность найти достойную работу, высокие цены, экономическая нестабильность в регионе). Ключевые ответы этого блока связаны с работой. По сути дела, они свидетельствуют о разочаровании студентов в возможности найти высокооплачиваемую работу по направлению подготовки в регионе. Особенно актуальны подобные мысли для студентов информационно-технологического, социально-гуманитарного профилей подготовки и частично для будущих медиков. Однако похожие чувства испытывают студенты, которые учатся по программам с выраженной «арктической» спецификой (имеют в названии указание на неё). Скорее всего, амбициозные зарплатные ожидания этой группы негативно влияют на восприятие регионального рынка труда и способствуют развитию желания покинуть регион.

Вместе с тем трудовой пессимизм студентов вузов связан с их слабой осведомлённостью о ведущих предприятиях отрасли. Так, лишь 20% респондентов из числа выпускников сообщили, что знают конкретную организацию, компанию, в которой хотели бы работать. Показательно, что доля таких студентов как на первых курсах, так и на выпускных – в целом идентична.

На третьем месте среди причин миграции – природно-экологические (суровый климат, плохая экология), а на четвёртом–пятом – социально-психологические.

Отметим, что структура миграционной мотивации юношей и девушек принципиально

разная. Мотивы юношей связаны прежде всего с профессионально-трудовой сферой и материальными проблемами (зарплата, работа, высокие цены, экономическая нестабильность). Мотивация девушек обусловлена во многом ситуацией в семейно-личной сфере и эмоциональными проблемами (суровый климат, стремление создать семью, быть ближе к родственникам/друзьям).

Среди факторов субъективного свойства, влияние которых на миграционные установки студентов статистически подтвердилось, можно выделить следующие:

- готовность к работе по специальности;
- жизненные планы после окончания обучения;
- предпочитаемые виды трудовой деятельности;
- уровень финансовых притязаний;
- отношение к развитию Арктической зоны России.

Наличие планов по трудоустройству после окончания обучения заметно снижает привлекательность столичной миграции и эмиграции, повышает интерес к жизни на территории АЗРФ. В свою очередь планы, связанные с продолжением образования или организацией собственного бизнеса, наоборот, подталкивают к миграции в столичные регионы и за рубеж.

Ориентация студентов на инновационные (наука, предпринимательство) и управленческие (общественно-политическая деятельность, государственная служба) виды деятельности также является «выталкивающим» за пределы АЗРФ фактором. Предпочтения, связанные с производственно-практической и педагогической деятельностью, наоборот, снижают вероятность выезда.

Финансовые притязания студентов оказывают сложное влияние на их миграционные настроения. Более высокие финансовые запросы у тех, кто хочет переехать в другую страну, в первую очередь в Северную Америку или Северную Европу. Для студентов Архангельска и Мурманска более высокие финансовые ожидания являются также фактором, усиливающим интерес к столичной миграции. Вместе с тем разница в ожидаемой зарплате среди тех, кто хочет остаться в регионе, и тех, кто намерен уехать, различается в зависимости от вуза

Таблица 7. Ответы респондентов на вопрос: «Что лично Вас может удержать от отъезда из своего региона?», N=1966

В % по столбцу от числа ответивших	Юноши	Девушки
Трудоустройство на хороших условиях, в привлекательной организации	56,7%	52,3%
Улучшение экономической ситуации в регионе	34,7%	27,6%
Если появится своя семья, любимый человек	33,1%	37,5%
Родственные обстоятельства, интересы близких людей	31,4%	37,9%
Улучшение инфраструктуры в регионе	30,4%	22,6%
Появление льгот, различных форм поддержки для молодёжи региона	23,8%	24,0%
Друзья, их нежелание отпускать меня	11,0%	5,3%
Другое	6,0%	3,7%

и направления миграции всего на 20–30%. Следовательно, уровень финансовых притязаний нельзя считать определяющим фактором миграционных настроений.

Наиболее веской причиной остаться в регионе АЗРФ для большинства респондентов является наличие хорошей работы. Причём основными параметрами удачного трудоустройства ими названы высокая заработная плата и возможность карьерного роста. Личные факторы и психологические обстоятельства (любовь, семья, родственники, друзья) служат важными причинами для девушек отложить переезд с Севера или отказаться от него (табл. 7).

Заключение

Миграционные настроения студенческой молодёжи АЗРФ достаточно сильны, особенно на территории городов Архангельска и Мурманска, и по-разному проявляются в подгруппах молодёжи. К примеру, острое желание выехать выразили девушки, а также студенты, проживавшие до поступления в административных центрах субъектов федерации.

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что более выраженная идентификация студентов с арктическим профилем их подготовки снижает уровень миграционных настроений.

Доминирующим направлением потенциальной студенческой миграции является внутрироссийское. Однако интерес к отъезду за рубеж заметно снижается у студентов за годы обучения.

Лишь небольшая часть студентов, приехавших на учебу в арктические регионы из других субъектов федерации или стран, планируют после окончания обучения вернуться на родину. Свою жизнь с арктическими регионами

хочет связать примерно четверть иногородних студентов, а большинство желает жить и работать в более южных субъектах Российской Федерации.

Количество студентов с ярко выраженными миграционными намерениями в зависимости от региона и конкретного вуза варьируется в пределах среднего значения, которое составляет порядка 10%. Студенты, которых можно отнести к этой группе, чаще встречаются среди респондентов, обучающихся на западе АЗРФ (Архангельск, Мурманск). Большинство потенциальных мигрантов уже занимались сбором информации об условиях проживания и особенностях переезда, причём как заочно, так и очно. Некоторые из них искали работу в новом регионе (стране), и лишь единицы занимались конкретной подготовкой к переезду.

Миграционные намерения студентов в первую очередь связаны с факторами экономического характера. Вместе с тем влияние психологического и информационно-образовательного фактора нельзя недооценивать. Так, анализ данных опроса выявил, что осведомлённость о создании Арктической зоны РФ и позитивное отношение к перспективам её развития влияет на увеличение планируемого срока отъезда из этого макрорегиона.

Однако на желание покинуть регион АЗРФ влияют не только объективное положение, но и субъективное восприятие ситуации глазами студентов, их жизненные и профессиональные представления и планы. Основные факторы удержания молодых специалистов связаны с деятельностью федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, активностью бизнес-структур макрорегиона.

Факторы, связанные с деятельностью учреждений высшего образования, играют второстепенную роль в миграционных процессах. Однако недооценивать их значение нельзя, тем более что их коррекция возможна в более короткие сроки, чем изменение основных факторов.

По итогам исследования можно выделить в деятельности организаций высшего образования ряд направлений, оптимизация и активизация которых положительным образом может сказаться на миграционных процессах в АЗРФ и решении задач по нивелированию дефицита кадров для экономики и социальной сферы макрорегиона.

В их числе:

1. Разработка и модернизация образовательных программ арктической направленности, в том числе: включение в название программ указания на арктическую направленность, включение образовательных модулей арктической направленности в программу каждого года обучения; организация сетевых программ, объединяющих кадровый и учебно-методический ресурс образовательных организаций, занимающихся арктической тематикой; разработка и внедрение для всех профилей обучения образовательных модулей, посвященных истории изучения и освоения Арктики, состоянию и перспективам развития АЗРФ. Стоит отметить, что институтом, способным выполнять координационную роль в сфере совершенствования подготовки кадров является Национальный арктический научно-образовательный консорциум, созданный в июне 2016 года и объединяющий более 40 ведущих научных, образовательных, общественных организаций России, участвующих в кадровом и научном обеспечении арктических проектов.

2. Системная профориентационная работа со школьниками и студентами, в том числе: поддержка и стимулирование различных форм основной и дополнительной образовательной деятельности школьников, связанной с арктическим направлением и тематикой (профильные классы, клубы, кружки и секции, факультативы, экспедиции, походы); активная работа со школами, находящимися за пределами административных центров регионов; информиро-

вание студентов о состоянии отраслевого рынка труда в регионе обучения и других регионах АЗРФ; создание базы данных предприятий и организаций – работодателей АЗРФ с разделением её по отраслевому и профессиональному принципу и открытым размещением в сети Интернет.

3. Взаимодействие с работодателями по вопросам организации производственной практики, подготовки выпускных квалификационных работ и трудоустройства выпускников. Целесообразно использование экспертного потенциала работодателей для оценки перспективности новых направлений подготовки, выбора тематики выпускных квалификационных работ, анализа содержания образовательных программ. Необходимо развивать практику создания базовых кафедр на предприятиях региона, увеличения числа организаций-партнеров, готовых принять на практику, причем не только крупных, но и средних и малых.

4. Взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления по вопросам прогнозирования кадровых потребностей муниципальных образований и региона, разработке и внедрению мер поддержки молодых специалистов. Проекты государственных и муниципальных программ поддержки молодежи и молодых специалистов должны проходить предварительное обсуждения на базе вузов регионов. Целесообразно информировать студентов о принятых и осуществляемых в регионе, муниципалитетах мерах поддержки молодежи с помощью профсоюзных мероприятий и факультативных учебных дисциплин.

5. Организация работы с выпускниками вузов, особенно успешно работающими по специальности на предприятиях и в организациях на территории АЗРФ. Целесообразно с помощью ассоциации выпускников вузов организовывать сбор и обобщение информации о выпускниках, использовать их потенциал в качестве лекторов, консультантов, экспертов.

6. Организация научной и инновационной работы студентов, в том числе: привлечение их к научно-прикладным работам, созданию студенческих бизнес-инкубаторов и технопарков, которые выполняли бы заказы для реального сектора экономики макрорегиона.

Литература

1. Зайков К.С., Тамицкий А.М., Задорин М.Ю. Основы этнонациональной политики государства на примере Российской Федерации // *Федерализм*. 2016. № 3 (83). С. 145–158.
2. Каторин И.В., Чураков А.А. Проблемы и перспективы развития арктических регионов (по материалам экспертного опроса) // *Арктика и Север*. 2015. № 19. С. 71–80. DOI 10.17238/issn2221-2698.2015.19.71.
3. Мотрич Е.Л., Ли Е.Л., Скрипник Е.О. Студенчество Хабаровского края. Социально-профессиональные и миграционные ориентиры и мотивация поведения // *Социологические исследования*. 2008. № 5.
4. Рыбаковский Л.Л. Демографический понятийный словарь. М., 2003. 352 с.
5. Арктика – национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение. Архангельск, 2016. 266 с.
6. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // *Социальная психология и общество*. 2013. № 4. С. 34–45.
7. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
8. Вячеславов В.Н. Типологизация факторов, влияющих на миграцию населения // *Вопросы территориального развития*. 2015. № 7. С. 1–6.
9. Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.А. Миграционная подвижность населения России и её территориальная дифференциация (по результатам обследования в 10 городах) // *Демографические перспективы России: материалы международной научно-практической конференции «Демографическое будущее России: проблемы и пути решения»*. М., 2008.
10. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // *Социологические исследования*. 1978. № 1.
11. Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages / Edit. J. Larsen, G. Fondahl. - Copenhagen: Nordisk, 2015., 500 p.
12. AMAP, 2017. Adaptation Actions for a Changing Arctic: Perspectives from the Barents Area. Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP), Oslo, Norway. P. 267.
13. Venhorst, V.A. Graduate Migration and Regional Familiarity // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2013. 104 (1), P. 109–119.
14. Маклашова Е.Г., Осипова О.В. Миграционные намерения молодёжи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // *Арктика и Север*. 2016. № 24. С. 14–26. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.24.14.
15. Шарова Е.Н. Миграционные установки молодёжи Мурманской области // *Проблемы развития территорий*. 2015. № 3 (77). С. 88–103.
16. Дзевенис М.А. Социологическое исследование потенциальной миграции (на примере студентов АМГУ) // *Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки*. 2015. № 68. С. 90–98.
17. Замятина Н. Метод изучения миграций молодёжи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // *Региональные исследования*. 2012. № 2. С. 15–28.
18. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодёжи в России // *Вопросы образования*. 2016. № 3. С. 169–203.
19. Леденева Л., Некипелова Е. Миграционные намерения студентов // *ДемоскопWeekly*. 2003. № 3. С. 113–116.
20. Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки*. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 160–169.
21. Baryla E.A., Jr., Dotterweich D. Student Migration: Do Significant Factors Vary by Region? *Education Economics*, 2001, Vol. 9, No. 3, pp. 269–280.
22. Beine M., Noël R., Ragot L. Determinants of the International Mobility of Students. *CESIFO Working Paper*, 2014, No 3848.
23. Morosanu L. Professional Bridges: Migrants' ties with natives and occupational advancement. *The Journal of the British Sociological Association*, 2016, Vol. 50, No. 2, pp. 349–365.

24. Szelenyi K., Rhoads R. A. Citizenship in a Global Context: The Perspectives of International Graduate Students in the United States *Comparative Education Review*, 2007, Vol. 51, No. 1. Pp. 25–47.
25. Chen T., Barnett G.A. (2000) Research on International Student Flows from a Macro Perspective: A Network Analysis of 1985, 1989 and 1995. *Higher Education*, 2000, vol. 39, 4, pp. 435–453.
26. Barnett G.A., Wu R.Y. The International Student Exchange Network: 1970 & 1989. *Higher Education*, 1995, vol. 30, 4, pp. 353–368.
27. Baron, M., Perret, C. Students' and graduates' migration behaviours. What level of regional regions reveals // *Geographie, Economie, Societe*. 2008. 10(2). P. 223–242.
28. Sage, J., Evandrou, M., Falkingham, J. Onwards or homewards? Complex graduate migration pathways, well-being, and the 'parental safety net' // *Population, Space and Place*. 2013. 19(6). P. 738–755.
29. Rérat, P. The selective migration of young graduates: Which of them return to their rural home region and which do not? // *Journal of Rural Studies*. 2014, 35. P. 123–132.
30. Чудиновских О.С., Денисенко М.Б. Где хотят жить выпускники российских вузов // *Демоскоп Weekly*. 2003. № 4. С. 119–120.
31. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*. 2014. № 3. С. 36–58.
32. Арбуз А.В. Миграционные установки выпускников вузов г. Омска // *Вестник Омского университета. Сер. «Экономика»*. 2016. № 4. С. 139–146.

Сведения об авторах

Константин Сергеевич Зайков – кандидат исторических наук, директор, Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Игорь Вячеславович Каторин – научный сотрудник, Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: Mediana.29@mail.ru)

Александр Михайлович Тамицкий – кандидат политических наук, доцент, директор высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: a.tamitskij@narfu.ru)

Заиков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М.

Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs

Abstract. The article presents the findings of a sociological survey conducted in the regions that are partially or completely included in the Arctic zone of the Russian Federation (hereinafter – the Russian Arctic). The goal of our research is to study migration attitudes of students and determine the factors affecting the readiness of future skilled personnel to leave the territory of the Russian Arctic. The survey was conducted among students enrolled in Arctic-focused higher education programs and trained for the needs of the economy and social sphere of the polar regions of Russia in the cities of Arkhangelsk, Murmansk, Krasnoyarsk and Yakutsk. The study pays considerable attention to information-related and educational factors associated with the subject matter of the Arctic (“Arctic-focused” education; assessment of the extent of Arctic-related specifics of educational programs; awareness of specifics of formation of the Russian Arctic, and others). According to the results of the survey, migration attitudes of students are identified as quite strong. We have confirmed the hypothesis that when students consider

their preparation for the future Arctic-focused specialty, they generally reduce the level of their migration attitudes and do not express a strong intention to leave the region. Internal migration is the dominant direction of potential student migration. Migration preferences of students are almost equally divided between capitals and other regions of Russia. Among the capital regions, Saint Petersburg is the most popular one, and the regions of Central and Southern Russia are most popular among the provincial ones. Most potential migrants collected information on living conditions and specifics of moving, both in person and at a distance. Some of them were looking for a job in a new region (country), and only a few were engaged in specific preparation for moving. Migration intentions of students are primarily related to economic factors. Psychological and information-educational factors affect the delay in the planned time of leaving the Arctic macro-region. Using the results of the survey we formulated recommendations for higher education institutions that can positively affect the migration situation in the Russian Arctic. Our recommendations include the development and modernization of Arctic-focused educational programs, comprehensive career guidance work with students, strengthening of interaction with employers and with national and local government, inclusion of graduates working in the territory of the Russian Arctic in the educational process, promotion of innovation and research-to-practice work of students.

Key words: Arctic region, migration sentiments, migration intentions, migration factors, student youth.

Information about the Authors

Konstantin S. Zaikov – Candidate of Sciences (History), director, Arctic Centre for Strategic Studies at M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (17, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: k.zaikov@narfu.ru).

Igor' V. Katorin – Researcher, Arctic Centre for Strategic Studies at M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (17, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: Mediana.29@mail.ru).

Aleksandr M. Tamitskii – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, director of the Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (17, Severnaya Dvina embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: a.tamitskij@narfu.ru).

Статья поступила 25.12.2017.

Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: coretra@yandex.ru

Аннотация. По мере того как страны совершают эпидемиологический переход, неизбежно возрастает вклад в формирование здоровья населения поведенческих факторов риска, которые все чаще несут в себе вызовы низкой физической и медицинской активности, нарушения режима и рациона питания, несбалансированности труда и отдыха, потребления табака и алкоголя, высоких стрессовых нагрузок. В России ситуация осложняется незавершенностью эпидемиологического перехода, а также ростом заболеваемости и смертности от эндогенных и квази-эндогенных причин. Целью статьи стал анализ методологических подходов к изучению самосохранительного поведения и построение описывающих его моделей для населения Вологодской области. Отечественными учеными А.И. Антоновым, В.А. Борисовым, И.В. Журавлевой, Л.С. Шиловой, Г.И. Ивахненко, Т.В. Шушуновой, Е.А. Юговой предпринимались попытки выделения моделей самосохранительного поведения, учитывающих все или отдельные его элементы (потребности, установки, мотивы и действия), но не рассматривающих их в единой системе. Для конструирования моделей в представленном исследовании использовался метод «дерева» принятия решений с применением данных социологического опроса, что позволило выделить 8 возможных вариантов. Как выявлено, у 57% населения Вологодской области встречается стратегия, для которой характерно признание здоровья главной ценностью, наличие мотивации на заботу о нем и применение каких-либо здоровьесберегательных практик. Остальные содержат те или иные поведенческие риски: у 21% респондентов здоровье не входит в число жизненных приоритетов, у 15% отсутствует мотивация на ведение здорового образа жизни, а 29% не предпринимают

Для цитирования: Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16

For citation: Korolenko A.V. Patterns of population's self-preservation behavior: research approaches and building experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16

никаких действий по сохранению и улучшению собственного здоровья. Установлено, что отсутствие здоровья в системе жизненных ценностей, низкая мотивированность на заботу о нем, пассивность в части применения мер самосохранения напрямую связаны с распространением саморазрушительных практик (употребление алкоголя, курение, неправильное питание и низкая физическая активность). На следующем этапе запланирован опрос жителей Вологодской области, результаты которого позволят углубить исследование за счет более подробного изучения моделей самосохранительного поведения на уровне отдельных групп, расширения спектра рассматриваемых поведенческих факторов риска.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, социолого-демографический подход, модели поведения, поведенческие факторы риска.

Введение

За последние полвека большинство развитых государств мира продемонстрировали огромные успехи в борьбе с неинфекционными причинами смертности (главным образом с болезнями системы кровообращения, органов дыхания и пищеварения, новообразованиями, внешними причинами), что позволило увеличить средний возраст смерти от данных классов причин, а также значительно повысить величину ожидаемой продолжительности жизни населения, тем самым осуществив «вторую эпидемиологическую революцию» [1].

Наблюдаемые тенденции снижения уровня смертности и роста продолжительности жизни населения объясняются с позиции концепции эпидемиологического перехода, который представляет собой исторически обусловленную смену одного типа патологии, определяющего характер заболеваемости и смертности населения, другим её типом, одной структуры болезней и причин смерти – другой. По мере того как на место инфекционных и паразитарных заболеваний в качестве ключевой причины заболеваемости и смертности населения приходят хронические неинфекционные болезни, неизбежно возрастает вклад в формирование здоровья поведенческих факторов риска, которые все чаще несут в себе вызовы низкой физической и медицинской активности, нарушения режима и рациона питания, несбалансированности труда и отдыха, потребления табака и алкоголя, высоких стрессовых нагрузок.

В России ситуация осложняется тем, что эпидемиологический переход, с одной стороны, носит незавершенный характер, то есть сохраняются черты «традиционной» струк-

туры патологии: остаются на высоком уровне показатели заболеваемости и смертности от инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов пищеварения и дыхания, с другой стороны, наблюдается рост заболеваемости и смертности от эндогенных и квази-эндогенных причин (сердечно-сосудистых заболеваний, новообразований) [2, с. 475]. Однако если на снижение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и рака в последние годы государство обращает пристальное внимание: строятся современные кардиологические и онкологические центры, объявляются годы борьбы с данными заболеваниями (например, 2015-й – Год борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями), ежегодно проводятся крупные конференции и симпозиумы по данным вопросам, – то проблема смертности от внешних причин ввиду значительно меньших масштабов распространения уходит на второй план. В качестве приоритета здесь выступают преимущественно задачи снижения смертности от дорожно-транспортного травматизма [3, с. 896], но при всей важности этой причины она обуславливает лишь 10% всех смертей от внешних причин [2, с. 493]. Тогда как остальные внешние причины – повреждения с неопределёнными намерениями, самоубийства, убийства и отравления алкоголем – непосредственно характеризуют психосоциальное состояние общества и его отдельных индивидов [4, с. 51].

Как на федеральном, так и на региональном уровнях реализуются программы развития здравоохранения на 2014–2020 годы, в которых среди целевых индикаторов присутствуют

показатели смертности от болезней системы кровообращения, новообразований, дорожно-транспортных происшествий и туберкулеза¹. По данным за 2017 г. целевые ориентиры федеральной Программы не были достигнуты лишь по показателю смертности населения от новообразований (превышение целевого на 1%), в то время как в Вологодской области – по двум показателям: смертности от болезней системы кровообращения (превышение целевого на 7%) и новообразований (превышение целевого на 6%; табл. 1). Таким образом, в настоящее время воздействие предпринимаемых административно-государственных мер по снижению смертности, при всей их масштабности, воздействие оказывается недостаточным для решения данной проблемы, что переносит «вектор» ее рассмотрения в область личной ответственности населения за собственное здоровье.

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы изучения особенностей поведения, обуславливающего состояние здоровья и срок жизни индивида, с целью выявления его стратегий и возможностей управления ими. В научной среде этот вид демографического поведения получил название *самосохранительного*

поведения. Данный термин впервые стал употребляться в отечественной социологии и социологической демографии с начала 70-х гг. XX века (исследования А.И. Антонова, В.М. Медкова, В.А. Борисова, В.А. Зотина, Т.В. Лифарь, И.В. Журавлевой, Л.С. Шиловой, Е.Б. Бабина, М.С. Бедного, Л.В. Шибут) для описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья, к продлению существования вплоть до глубокой старости². В тот же период Ю.П. Лисициным, О.В. Гринициным, А.М. Изуткиным, И.Ф. Матюшиным в рамках медицинского подхода применялся термин «здоровый образ жизни» (или «образ жизни, содействующий укреплению здоровья»), отражающий особенности поведенческой активности человека в отношении собственного здоровья. Зарубежными специалистами поведение людей с целью самосохранения начинает изучаться в 1970-е гг. – сначала в рамках концепции «обеспечения здоровья» («health promotion») [5, с. 8], а позже появляются аналогичные термины: «здоровое поведение» (health behavior), «поведение, связанное со здоровьем» (health-related behavior), «здоровый стиль жизни» (healthy lifestyle) [6, с. 42-43; 7, с. 262-263].

Таблица 1. Целевые индикаторы снижения смертности в рамках реализации федеральной и региональной программ развития здравоохранения в 2014–2020 гг. по данным за 2017 г.

Целевые индикаторы снижения смертности (умерших на 100 тыс. чел. нас.)	Ожидаемый результат на 2017 г.	Фактический результат на 2017 г.	Выполнение
Россия			
Смертность от болезней системы кровообращения	663,0	584,7	✓
Смертность от дорожно-транспортных происшествий	11,2	10,1	✓
Смертность от новообразований (в т.ч. злокачественных)	194,4	196,9	✗
Смертность от туберкулеза	11,8	6,2	✓
Вологодская область			
Смертность от болезней системы кровообращения	712,8	762,8	✗
Смертность от дорожно-транспортных происшествий	8,5	7,4	✓
Смертность от новообразований (в т.ч. злокачественных)	200,5	213,3	✗
Смертность от туберкулеза	6,8	2,8	✓

¹ Развитие здравоохранения на 2014–2020 годы: государственная программа Российской Федерации: утв. пост. Правительства РФ от 15.04.2014 № 294 / Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <http://www.gosminzdrav.ru/>; Развитие здравоохранения в Вологодской области на 2014–2020 годы: государственная программа: утв. пост. Правительства области от 28.10.2013 № 1112 / Департамент здравоохранения Вологодской области. URL: <http://depzdrav.gov35.ru/>

² Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии: учебник. М. : Академический Проект; Альма Матер, 2011. С. 417.

В современных исследованиях в качестве синонимичных термину «самосохранительное поведение» используются следующие:

– «здоровоохранительное поведение» (М.В. Волкова [8]);

– «здоровьесберегающее поведение» (А.В. Зелионко [9], А.А. Шабунова, В.Р. Шухатович [10], Н.В. Яковлева [11]);

– «витальное поведение» (В.В. Юмагузин, Н.В. Винник [3]);

– «поведение, связанное со здоровьем» (Е.И. Рассказова, Т.Ю. Иванова [12]).

– Кроме того, распространение получили термины, характеризующие противоположные самосохранению деструктивные практики в отношении собственного здоровья, такие как:

– «саморазрушительное поведение» (Т.В. Шипунова [13], В.Г. Резапкина [14]);

– «девиантный тип здравоохранительного поведения» (М.В. Волкова [8]).

Суть всех их, несмотря на разброс в понятийном аппарате, сводится к приоритету для индивидов ценности здоровья, мотивации и активной деятельности по его сбережению [15, с. 23].

Поскольку в современных условиях всё большую роль в детерминации заболеваемости и смертности населения начинает играть поведенческий фактор, связанный с отношением человека к собственному здоровью и продолжительности собственной жизни, представляется актуальным изучение индивидуальных характеристик и стратегий самосохранительного поведения. *Целью* данной работы стал анализ методологических подходов к изучению самосохранительного поведения и построение описывающих его моделей для населения Вологодской области с учетом неразрывной взаимосвязи всех его компонентов.

Теоретические аспекты исследования

В научной среде самосохранительное поведение (ССП) изучается в рамках *медицинского, психологического и социолого-демографического подходов*. Медицинский подход приравнивает данный тип поведения к здоровому образу жизни (гигиеническому или санитарному поведению), т.е. деятельности личности, отдельных групп людей, наиболее характерной для кон-

кретных социально-экономических, политических, экологических и прочих условий, направленной на сохранение и улучшение, укрепление здоровья [16]. Приверженцы этого подхода видят в качестве ключевого компонента ССП *медицинскую активность*, тогда как остальные параметры признают вторичными, соподчиненными ей (*табл. 2*). В медицинском подходе учитываются не мотивы и ценности самосохранения, а лишь сама здоровьесберегательная деятельность индивида.

В социальной психологии самосохранительное (здоровьесберегающее) поведение трактуется с трех позиций: 1) как акт принятия решения; 2) как стадийный процесс; 3) как деятельность. Чаще всего оно рассматривается как специфическая регуляционная деятельность по обеспечению оптимального для личности уровня индивидуального здоровья [11]. В рамках первого направления зарубежными исследователями М. Бекером и Л. Майманом ещё в 1970–1980-е гг. была разработана *модель представлений о здоровье (health belief model)*. Она описывает поведение субъекта как результат сложения индивидуальных знаний, связанных со здоровьем: воспринимаемого риска, представления о серьезности проблемы, возможных выгод и препятствий на пути принятия данного образца поведения [17]. Ключевыми компонентами *модели планируемого поведения (model of planned behavior)* М. Фишбайна и А. Айзена становятся оценка ожиданий, обоснованность действия, нормы, которыми руководствуется субъект, контроль воспринимаемого поведения [18].

К наиболее популярным моделям, рассматривающим самосохранительное поведение как стадийный процесс, относятся *модель принятия мер предосторожности* Н. Вайнштейна и П. Сэндмена (*precaution adoption process model*) [19] и *транстеоретическая модель изменений поведения* Дж. Прохазки и К. ДиКлементе (*transtheoretical model*) [20]. Согласно им этапы ССП представляют собой качественно различные виды поведения, представлений и переживаний. Факторы, опосредующие переходы между стадиями, меняются в зависимости от того, на какой из них в данный момент находится индивид [11].

Таблица 2. Теоретические подходы к интерпретации самосохранительного поведения и его структуры

Подход	Ученые	Интерпретация ССП	Компоненты ССП
Медицинский	Ю.П. Лисицын, О.В. Гриницын, А.М. Изуткин, И.Ф. Матюшин	Самосохранительное поведение приравнивается к здоровому образу жизни (или гигиеническому поведению), т.е. <u>деятельности личности</u> , отдельных групп людей, наиболее характерной для конкретных социально-экономических, политических, экологических и прочих условий, направленной на сохранение и улучшение, укрепление здоровья	1. Ключевой элемент – <u>медицинская активность</u> 2. <u>Подчиненные ему элементы</u> (нормы ЗОЖ): - гигиена труда и техника безопасности; - отказ от курения и злоупотребления алкоголем; - психогигиеническая и психотерапевтическая самопомощь; - физическая активность; - сбалансированное питание; - своевременное обращение за мед. помощью; - навыки оказания первой помощи.
Психологический	М. Бекер, Л. Майман, М. Фишбайн, А. Айзен, Дж. Прохазка, К. ДиКлемементе, Н.В. Яковлева, Н.Н. Уланова, Л.Г. Уляева	Самосохранительное поведение (чаще называется здоровьесберегательным) рассматривается по-разному: - <u>как акт принятия решений</u> (М. Бекер, Л. Майман, М. Фишбайн, А. Айзен) - <u>как стадийный процесс</u> (Н. Вайнштейн, П. Сэндмен, Дж. Прохазка, К. ДиКлемементе) - <u>как деятельность</u> (Н.В. Яковлева, Н.Н. Уланова, Л.Г. Уляева)	Основные компоненты ССП: 1. мотивация; 2. оценка текущего состояния здоровья (самооценка); 3. цели (установки); 4. система действий; 5. контроль результата.
Социолого-демографический	А.И. Антонов, В.М. Медков, В.А. Борисов, В.А. Зотин, Т.В. Лифарь, И.В. Журавлева, Л.С. Шилова, Е.Б. Бабин, Л.В. Шибут, И.С. Вялов, Г.А. Ивахненко, В.Я. Шклярчук, Л.Ю. Иванова, А.А. Шабунова	Самосохранительное поведение – это <u>система действий и отношений личности</u> , направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла и продление сроков жизни.	1. Потребности (в здоровье и долголетию). 2. Установки (самооценка здоровья, ценность здоровья, социально одобряемые нормы). 3. Мотивы. 4. Действия (меры): - мед. активность; - физ. активность; - соблюдение режима труда и отдыха; - сексуальное поведение; - соблюдение режима питания; - соблюдение режима труда и отдыха; - наличие вредных привычек; - противодействие стрессу.

Источники: составлено автором с использованием: Лисицын Ю.П., Изуткин А.М., Матюшин И.Ф. Медицина и гуманизм. М.: Медицина, 1984; Яковлева Н.В. Здоровьесберегающее поведение человека: социально-психологический дискурс // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электронный научный журнал. 2013. № 3. URL: <http://humjournal.rzgm.ru/en/art?id=50>; Яковлева Н.В. Исследование индивидуальных различий здоровьесберегающей деятельности личности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3; Glanz K., Rimer B., Viswanath K. Health behavior and health education: theory, research and practice. San Francisco: Jossey-Bass, 2008. P. 42; Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. 360 с.; Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 134–140.

В отечественной социальной психологии для исследования самосохранительного поведения применяется деятельностный подход. Н.В. Яковлева выделяет пять компонентов поведения в сфере здоровьесбережения: мотивация; самооценка здоровья; цели (установки) на здоровьесбережение; система здоровьесберегающих действий; контроль результата [21, с. 203]. Преимуществом этого подхода служит признание приоритета ценностно-мотивационной составляющей в самосохранении. Однако психологический подход не рассматривает

ССП как демографическое поведение, а следовательно, не подразумевает его взаимосвязь с демографическими процессами.

В рамках *социолого-демографического подхода*, который успешно развивался в отечественной науке и оформился в концепцию самосохранительного поведения, такое поведение понимается как система действий и отношений личности, направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла и продление сроков жизни. Причём сторонники данного подхода, определяя компоненты

структуры ССП, используют, с одной стороны, ценностно-мотивационный подход, опирающийся на категории социальной психологии (побуждения, установки, мотивы и действия), с другой стороны, они трактуют поведение в области самосохранения как разновидность непосредственно демографического поведения, а следовательно, признают его вклад в детерминацию ключевых демографических параметров: смертности, продолжительности жизни и рождаемости населения.

На первом этапе разработки концепции самосохранительного поведения (1970–1980-е гг.) внимание исследователей, как и при изучении репродуктивного поведения, было сосредоточено на потребностях, а именно на выявлении предпочитаемых (идеальных, желаемых и ожидаемых) лет жизни. В дальнейшем концепция ССП развивалась в трудах И.С. Вялова, И.В. Журавлевой, Л.С. Шиловой, Г.А. Ивахненко, В.Я. Шклярчук, Л.Ю. Ивановой, которые разработали структуру и систему показателей самосохранительного поведения, выявили опосредующие его факторы. Вопросы его детерминации и взаимосвязи его компонентов рассматривали Е.М. Андреев, В.М. Школьников, В.А. Бирюков [7, с. 264]. Проблема сохранения здоровья в индивидуальных практиках населения активно разрабатывалась белорусскими социологами и демографами В.Р. Шухатович, Т.Н. Шушуновой, Н.А. Барановским, А.А. Злотниковым.

Наиболее обоснованным и проработанным подходом к изучению самосохранительного поведения, его факторов и структурных компонентов, на наш взгляд, является социолого-демографический подход, опирающийся как на принципы социальной психологии в отношении наполнения ССП, так и на теоретические разработки социологии и демографии, признающие самосохранительное поведение частью демографического поведения, которое определяет динамику процессов рождаемости и смертности. В нашей работе мы будем придерживаться данного подхода и под моделью самосохранительного поведения понимать *совокупность потребностей, установок, мотивов и вытекающих из них конкретных действий индивидуального здоровья.*

Методология

Большой вклад в разработку методологии изучения самосохранительного поведения внес А.И. Антонов, под руководством которого в 1980–1986 гг. коллективом ученых МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем и Института социологии в регионах бывшего СССР проводились крупные социологические опросы по выявлению мотивов и установок населения на сбережение индивидуального здоровья и долголетие. Исследования А.И. Антонова, В.М. Медкова, В.К. Зотина, Т.В. Лифарь, И.В. Журавлевой, Л.С. Шиловой, Е.Б. Бабина, Л.В. Шибут опирались на схему диспозиционной регуляции поведения [22], согласно которой итоги самосохранительного поведения зависят не только от условий жизни, но и от того, как они субъективно определяются индивидом в массе повседневных ситуаций.

Чаще всего при изучении самосохранительного поведения ученые ограничиваются рассмотрением таких его отдельных аспектов, как место здоровья в системе жизненных ценностей, самооценка здоровья, медицинская и физическая активность, наличие вредных привычек, стрессоустойчивость организма, характер и режим питания и т.д., что не позволяет сформировать представление о сложившихся среди населения совокупных стратегиях поведения. Попытки построения моделей, описывающих здоровьесберегательные действия индивидов, предпринимались учеными значительно реже, в основу их закладывались различные признаки. Например, в исследованиях А.И. Антонова³, В.А. Борисова, И.В. Журавлевой, Л.С. Шиловой, Г.И. Ивахненко в качестве таких показателей выступали характер установок респондентов на идеальную, желаемую и ожидаемую продолжительность жизни (пессимисты и оптимисты) и гендерная принадлежность (мужская и женская модели) [23; 24; 25]; в работах Т.В. Шушуновой – характер мотивации (негативная или позитивная) и уровень ориентации при формировании поведения на самосохранение (биологическая, социальная и психологическая) [5]; Е.А. Юговой – отсутствие/наличие

³ Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов) : учеб. пособие для вузов. М. : Nota Bene, 1998. 360 с.

чие вредных привычек, рациональное питание, физическая активность, режим труда и отдыха, психогигиена и профилактика заболеваний (неустойчивая, полустрогая, стабильная, устойчивая модели [26]; табл. 3).

Преимущество перечисленных типологий заключается в том, что все они используют социологические методы для получения информации о характеристиках ССП и учитывают ценностно-мотивационный аспект здоровьесбережения. Вместе с тем они не отражают компонентов самосохранительного поведения (потребности, установки, мотивы и действия) в единой системе. Именно поэтому задачей нашего исследования стала разработка моделей, учитывающих ключевые элементы ССП и опирающихся на данные социологических опросов населения.

Для конструирования моделей мы использовали метод «дерева» принятия решений, в основе которого лежит схематическое отражение разветвляющегося по каким-либо условиям процесса принятия решений. Этот метод применяют тогда, когда результат одного решения

заставляет индивида принять следующее, которое, в свою очередь, влияет на принятие третьего, четвертого и т.д., вплоть до достижения конечного результата⁴.

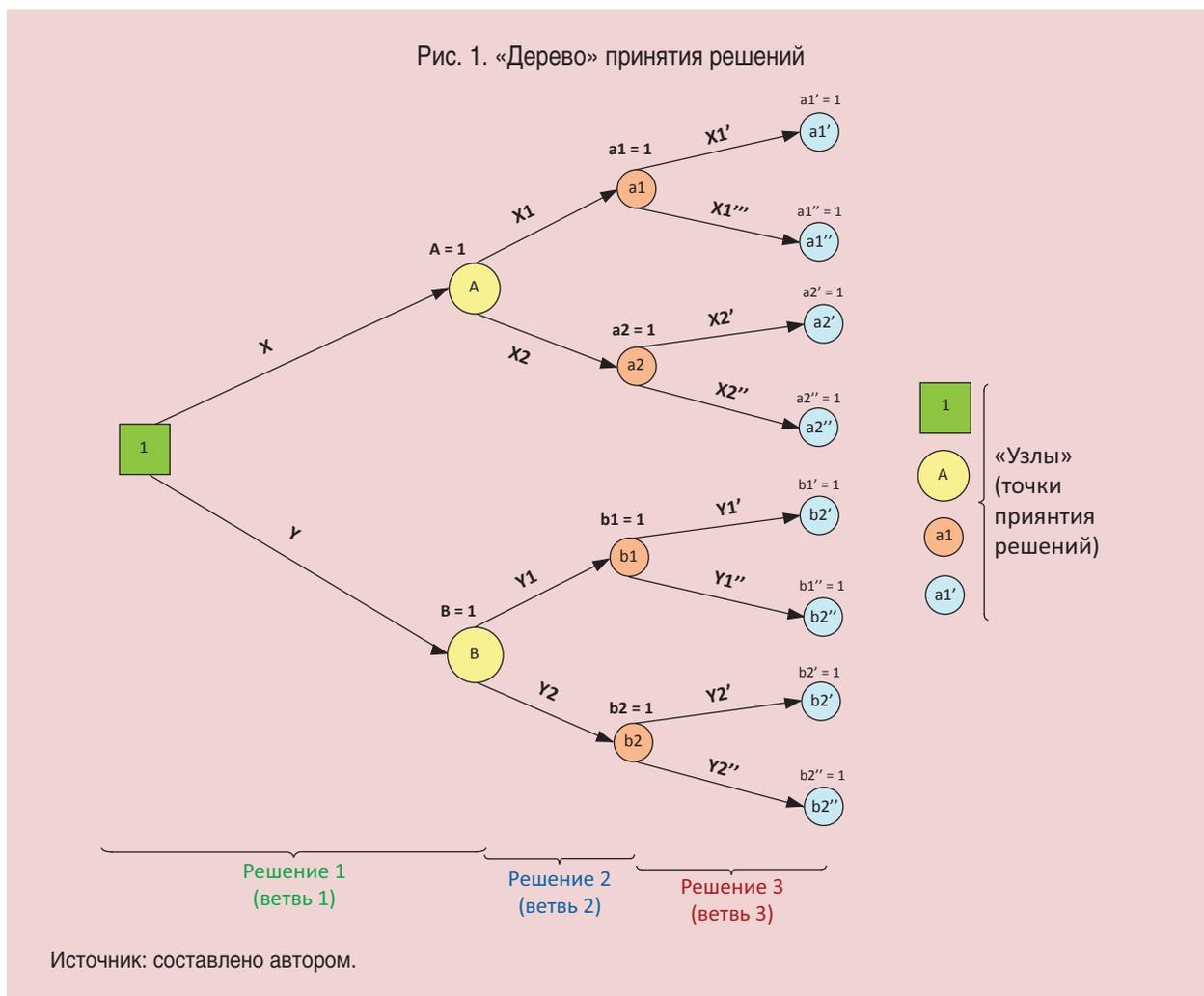
Составными элементами «дерева» решений являются «узлы» и «ветви» вариантов принятия решений (рис. 1). «Ветви» обозначают возможные альтернативные решения, которые могут быть приняты, и возможные исходы, возникающие в результате этих решений. «Узлы» обозначают точки, где принимаются решения.

В представленном исследовании была принята следующая последовательность решений: ценность здоровья → потребность в здоровье и мотивация на заботу о нем → принятие мер по сохранению и укреплению здоровья. Нами подразумевалось, что ценность здоровья характеризует базовую установку индивида по отношению к данной категории. От ценности здоровья в идеальной ситуации зависит потребность в нём и мотивация на заботу о нём, которые, в свою очередь, влияют на осуществление человеком конкретных самосохранительных действий.

Таблица 3. Методические подходы к выделению моделей самосохранительного поведения

Ученые	Признаки элементов модели	Модели
А.И. Антонов, В.А. Борисов, И.В. Журавлева, Л.С. Шилова, Л.Ю. Иванова	1. Характер установок респондентов на идеальную, желаемую и ожидаемую продолжительность жизни (негативная или позитивная) 2. Гендерная принадлежность (мужская и женская модели)	«Пессимисты» и «Оптимисты» Мужская и женская «линии» ССП
Т.В. Шушунова	1. Характер мотивации (негативная или позитивная) 2. Уровень ориентации при формировании поведения на самосохранение: биологическая (Б), социальная (С) и психологическая (П)	Б+П+С+ «Позитивист» Б+П+С- «Реалист» Б+П-С+ «Карьерист» Б+П+С+ «Общественник» Б+П+С- «Конформист» Б-П-С+ «Моралист» Б+П-С- «Потребитель» Б-П-С- «Негативист»
Е.А. Югова	1. Отсутствие/наличие вредных привычек 2. Рациональное питание 3. Физическая (двигательная) активность 4. Режим труда и отдыха 5. Психогигиена и профилактика заболеваний	Неустойчивая модель Полустрогая модель Стабильная модель Устойчивая / здоровьесберегающая модель
Источники: составлено автором с использованием: Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. С. 315; Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 134–140; Шушунова Т.Н. Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). Минск: Право и экономика, 2010. 114 с.; Югова Е.А. Формирование здоровьесберегающей модели поведения у студентов высших учебных заведений // Вестник СПбГУ. 2012. № 2. С. 32.		

⁴ Ярьес О.Б., Панышин И.В. Методы принятия управленческих решений : учеб. пособие. Владимир: Владим. гос. ун-т им. Столетовых, 2011. С. 42–43.

Таким образом, стартовой точкой принятия решений стало *место здоровья в системе жизненных ценностей*, отражающее отношение индивида к своему здоровью как главному условию сохранения жизни (табл. 4). В зависимости от распределения ответов респондентов на вопрос «Что для Вас является главной ценностью?» были выделены две «ветви»: население, для которого здоровье является главной ценностью, и население, у которого оно не входит в число жизненных приоритетов. Следующий «узел» предполагал *наличие (или отсутствие) мотивации на заботу о здоровье*, которая выступает побудителем личности к активным действиям, направленным на укрепление собственного здоровья и продление жизни [5, с. 17]. В соответствии с тем, имеет ли человек какие-либо социальные (желание иметь детей, быть примером для близких, хорошо выглядеть,

нежелание быть обузой), психологические (нежелание сталкиваться с медициной, потребность в хорошем самочувствии, страх заболеть, ухудшение здоровья) или экономические (желание сохранить, повысить трудоспособность, достичь значимых целей) мотивы, побуждающие заботиться о здоровье, выделялись «ветви»: население, мотивированное на заботу о здоровье, и население, не мотивированное на заботу о нем. При этом, на наш взгляд, наличие мотивов одновременно отражает и потребность в сохранении здоровья или, в случае ответа «не забочусь о своём здоровье», отсутствие таковой. В дальнейшем разделение «ветвей» осуществлялось на основании распределения ответов на вопрос о *действиях, предпринимаемых для сохранения и укрепления своего здоровья*: население, практикующее подобные меры, и население, не соблюдающее каких-либо мер.

Когда «дерево» было построено, все решения были указаны на нем, просчитывались доли каждого из вариантов, их величины проставлялись над «ветвями». В нашем исследовании веса определялись исходя из распределения ответов респондентов на специальные вопросы анкеты, отражающие отдельные элементы самосохранительного поведения (табл. 4). В соответствии с положениями теории вероятности каждый «узел» принятия решений брался равным 1, следовательно, каждая «ветвь» приобретала определенный вес, выраженный в долях единицы.

Распространенность моделей самосохранительного поведения, т.е. доля каждой модели в их общем числе, рассчитывалась путем перемножения весов всех «ветвей» принятия решений до конечных «узлов» (см. рис. 1):

$$\omega = X \cdot X1 \cdot X1' \cdot \dots \cdot 100\% ,$$

где ω – распространенность модели, $X, X1, X1'$ – веса «ветвей» «дерева» принятия решений (%).

К ограничениям метода субъективных оценок следует отнести вероятность искажения респондентами предоставляемых сведений под

Таблица 4. Показатели для построения моделей самосохранительного поведения

Элементы ССП	Вопросы анкеты	Показатели для построения точек принятия решений
Установки (отношение к здоровью)	Что для Вас является главной ценностью?*	1. Доля респондентов, выбравших здоровье в качестве главной ценности 2. Доля респондентов, не выбравших здоровье в качестве главной ценности
Потребность в самосохранении и мотивация на заботу о здоровье	Что побуждает Вас заботиться о своём здоровье? **	3. Доля респондентов, мотивированных на заботу о здоровье (выбравших все подходящие ответы): – желание иметь здоровых детей; – желание повысить (сохранить) работоспособность; – нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким; – нежелание сталкиваться с медициной; – потребность в хорошем самочувствии; – страх заболеть; – стремление быть примером для своих детей, близких; – стремление достичь значимых целей в жизни (в работе, учебе); – стремление к долголетию; – стремление хорошо выглядеть, нравиться; – ухудшение здоровья, болезнь; – другое.
		4. Доля респондентов, не мотивированных на заботу о своём здоровье (выбравших ответ «не забочусь о своём здоровье»)
Действия (меры) по сохранению и укреплению здоровья	Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья? **	5. Доля респондентов, предпринимających какие-либо меры по сохранению и укреплению собственного здоровья (выбравших все подходящие ответы): – активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма; – использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из специальных источников; – контролирую свой вес; – не курю; – обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр; – по возможности прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т.п.; – посещаю баню, сауну; – соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя; – стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха; – стараюсь контролировать своё психическое состояние; – стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых; – стараюсь организовать своё свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации; – другое.
		6. Доля респондентов, не предпринимających каких-либо мер по сохранению и укреплению собственного здоровья (выбравших ответ «ничего специально не предпринимаю»)
* Вопрос предполагал выбор до 3-х вариантов ответа. ** Вопрос предполагал выбор всех подходящих вариантов ответа. Источник: составлено автором.		

воздействием таких факторов, как качество разработки опросника, профессионализм анкетера или интервьюера, время и место проведения опроса, качество организации самой процедуры и т.п. Это стоит учитывать при интерпретации результатов социологического исследования [27]. Несмотря на перечисленные недостатки, рассматриваемый метод признан достаточно надежным и рекомендован ВОЗ для мониторинга состояния здоровья населения в качестве дополнительного инструмента оценки общественного здоровья [28, с. 51]. Благодаря данным социологических опросов становится возможным анализ особенностей самосохранительного поведения населения, его индивидуальных стратегий и движущих мотивов и факторов.

Конструирование индивидуальных стратегий поведения в части самосохранения позволит выявить факторы риска нездоровья населения и в дальнейшем оценить возможности управленческого воздействия на них, что, посредством ряда специальных мер, будет способствовать обеспечению желательных параметров качества населения, а следовательно, и процесса воспроизводства.

Результаты

Информационной базой исследования послужили данные очередного этапа мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, выполненного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 году⁵. Мониторинг проводится на территории региона с 2002 г. с целью выявления ключевых факторов здоровья населения, в том числе параметров его самосохранительного поведения, в частности уровня физической и медицинской активности, характера питания, соблюдения режима труда и отдыха, наличия

вредных привычек в повседневных практиках, а также оценок доступности и качества медицинских услуг, условий жизни (экологических, жилищных, трудовых).

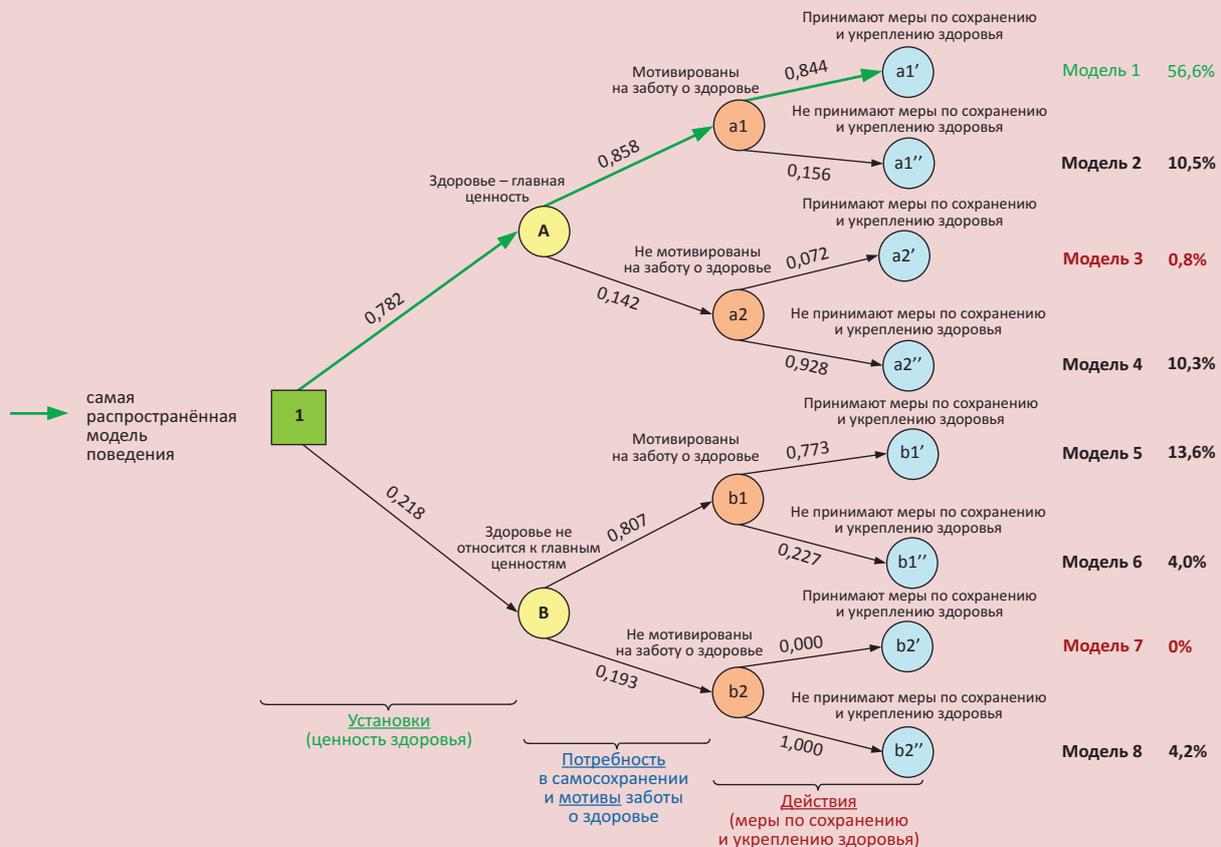
Построение «дерева» принятия решений позволило выделить 8 возможных вариантов моделей самосохранительного поведения (рис. 2). Как оказалось, среди населения Вологодской области наиболее распространена стратегия, для которой характерно признание здоровья главной ценностью, наличие мотивации на заботу о нем и применение каких-либо здоровьесберегательных практик (57%). Вместе с тем 14% респондентов, хотя здоровье не фигурирует в системе их жизненных ценностей, заботятся о нем и предпринимают конкретные действия в этом направлении (модель 5). Однако 11% опрошенных, несмотря на то, что они понимают ценность собственного здоровья и что у них присутствуют мотивы, побуждающие к заботе о нем, не практикуют никаких здоровьесберегательных мер (модель 2). А у 10% населения значимость здоровья сочетается с отсутствием мотивации на здоровый образ жизни и специальные самосохранительные действия (модель 4).

Другие модели поведения встречались значительно реже. Для 4% респондентов характерна самая неблагоприятная модель 8: здоровье не позиционируется как главная ценность, отсутствуют какие-либо стимулы и практики здоровьесбережения. Примечательно, что среди опрошенного населения не была зафиксирована стратегия поведения индивида, когда в своих жизненных практиках он использует меры по укреплению и сохранению здоровья, но при этом не ценит его и не мотивирован на его сбережение.

Далее рассмотрим взаимосвязь поведенческих детерминант с компонентами самосохранения. В настоящее время в качестве главных причин наиболее распространенных неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистые, онкологические, хронические респираторные и сахарный диабет) выступают такие предотвратимые поведенческие факторы риска, как *употребление табака, отсутствие физической активности, неправильное питание и чрезмерное употребление алкоголя*. Именно они обуславливают четыре основных метаболических

⁵ Мониторинг физического здоровья населения Вологодской области проводится на территории городов Вологды, Череповца и восьми муниципальных районов Вологодской области. Объем выборки — 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), пропорции половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 5%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

Рис. 2. Модели самосохранительного поведения населения Вологодской области

Источник: составлено автором по данным мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2016 г.

(физиологических) изменения: повышенное артериальное давление, избыточную массу тела (ожирение), гипергликемию и гиперлипидемию [29, с. 13].

Как показывают данные социологического опроса, среди жителей Вологодской области, не относящих здоровье к ключевым жизненным ценностям, по сравнению с людьми, причисляющими его к таковым, оказалась значительно выше доля тех, кто употребляет алкогольные напитки (70% против 62%), курит (41% против 29%), не придерживается практик правильного питания (38% против 28%), а также не занимается пешими прогулками более 30 минут (28% против 14%; табл. 5).

Среди опрошенных, не мотивированных на заботу о здоровье, по сравнению с мотивированными лицами также заметно выше доля употребляющих алкоголь (81% против 61%),

курящих (62% против 26%), не применяющих практики правильного питания (72% против 23%) и не занимающихся основными видами физической активности: ходьбой более 30 минут (31% против 15%), физкультурой и спортом (91% против 67%), бегом (97% против 83%), утренней зарядкой (95% против 64%).

Закономерно, что респонденты, не принимающие никаких мер по сохранению и укреплению собственного здоровья, в большей степени по сравнению с применяющими их склонны к потреблению спиртного (75% против 59%) и курению (56% против 22%), значительно чаще игнорируют какие-либо практики здорового питания (65% против 16%) и все виды физической активности (ходьбу – 29% против 12%, физкультуру и спорт – 87% против 64%, бег – 92% против 82%, утреннюю зарядку – 90% против 60%).

Таблица 5. Взаимосвязь ключевых факторов риска с компонентами самосохранительного поведения населения

Факторы риска	Ценность здоровья		Мотивация на заботу о здоровье		Меры по сохранению и укреплению здоровья	
	Здоровье – главная ценность	Здоровье не относится к главным ценностям	Мотивированы	Не мотивированы	Принимают	Не принимают
Алкоголь						
Употребляют	62,2	69,7	60,7	81,2	59,2	75,3
Не употребляют	37,8	30,3	39,3	18,8	40,8	24,7
Курение						
Курят	28,8	41,3	26,0	62,4	21,7	55,8
Не курят	71,2	58,7	74,0	37,6	78,3	44,2
Физическая активность						
1. Ходьба более 30 минут						
Ежедневно или несколько раз в неделю	79,5	62,5	78,4	61,8	80,9	63,3
Редко (несколько раз в месяц)	6,3	9,9	7,1	7,0	6,9	7,4
Не занимаются	14,2	27,6	14,6	31,1	12,2	29,3
2. Занятия физкультурой и спортом						
Ежедневно или несколько раз в неделю	17,5	22,9	21,6	2,6	24,1	5,2
Редко (несколько раз в месяц)	10,4	11,1	11,3	6,2	11,8	7,5
Не занимаются	72,2	66,0	67,1	91,2	64,1	87,3
3. Бег						
Ежедневно или несколько раз в неделю	7,1	8,5	8,5	1,3	9,4	2,6
Редко (несколько раз в месяц)	7,0	9,5	8,5	2,2	8,4	5,4
Не занимаются	85,9	82,0	82,9	96,5	82,2	92,0
4. Утренняя зарядка						
Ежедневно или несколько раз в неделю	20,5	16,1	22,5	3,5	25,8	4,2
Редко (несколько раз в месяц)	10,9	13,9	13,4	1,3	13,8	5,9
Не занимаются	68,7	70,0	64,2	95,2	60,4	89,9
Питание						
Придерживаются практик правильного питания	72,2	61,8	77,5	27,9	84,3	34,6
Не придерживаются практик правильного питания	27,8	38,2	22,5	72,1	15,7	65,4

Источник: данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2016 г.

Таким образом, отсутствие здоровья в системе жизненных ценностей, низкая мотивированность на заботу о нем, пассивность в части применения мер самосохранения с большой долей вероятности способствуют закреплению в поведенческих паттернах населения деструктивных в отношении здоровья практик: употребления алкоголя, курения, неправильного питания и низкой физической активности. У 21% респондентов здоровье не входит в число жизненных приоритетов, у 15% отсутствует мотивация на здоровый образ жизни, а 29% не предпринимают никаких действий по сохранению и улучшению собственного здоровья.

Исходя из выявленной специфики самосохранительного поведения жителей Вологодской области представляются целесообразными следующие меры по профилактике поведенческих факторов риска, сохранению и укреплению здоровья, направленные на повышение его ценности, усиление мотивации населения на ведение ЗОЖ, увеличение активности в части применения здоровьесберегательных мер. К их числу относится следующее:

1. Разработка и внедрение целевой региональной программы профилактики поведенческих факторов риска, мероприятия которой

должны быть ориентированы на разные модели самосохранительного поведения населения.

2. Введение системы мониторинга самосохранительного поведения населения региона в рамках реализации целевой программы профилактики поведенческих факторов риска по ряду индикаторов ССП: самооценка здоровья, оценка значимости его факторов, место здоровья в системе ценностей, мотивация на ведение ЗОЖ, принятие мер по сохранению и укреплению здоровья, характер физической активности, питания, наличие вредных привычек.

3. Повышение информированности населения через СМИ о важности поддержания и укрепления здоровья, о влиянии на него негативных факторов риска и о возможностях их предупреждения. В связи с возрастающей ролью потенциала социальных сетей и блогосферы в плане информирования населения, в том числе по тематике здоровья [30], перспективным представляется их использование в качестве инструментов формирования у жителей региона самосохранительных установок и практик.

4. Разработка и внедрение в курсы учебных организаций (дошкольных, школ, средних профессиональных и высших учебных заведений) образовательных программ, направленных на формирование ответственного отношения к здоровью, практик ведения ЗОЖ, профилактику поведенческих факторов риска.

5. Привлечение общественных организаций к деятельности в сфере укрепления здоровья населения и учет общественных инициатив.

6. Активное привлечение населения к занятиям физической культурой, туризмом и спортом, к организации отдыха и досуга, профилактике факторов риска нездоровья путем проведения специализированных массовых мероприятий на региональном и муниципальном уровнях. При этом принципиально важна систематичность данных мероприятий.

Заключение. Выполненное нами исследование дало возможность сделать ряд важных выводов.

Во-первых, наиболее аргументированным теоретико-методологическим подходом к изучению самосохранительного поведения населения является социолого-демографический

подход, с одной стороны, использующий принципы социальной психологии к наполнению компонентов ССП (потребности, установки, мотивы, действия), с другой – признающий самосохранительное поведение частью демографического поведения, определяющего динамику процессов рождаемости и смертности.

Во-вторых, сложившиеся в научной среде подходы к построению моделей самосохранительного поведения учитывают все или отдельные его элементы, однако далеко не всегда рассматривают их в единой системе.

В-третьих, предложенный метод «дерева» принятия решений для построения моделей самосохранительного поведения, охватывающий все его структурные компоненты, а именно установки, мотивы, потребности и практики ЗОЖ, позволяет отследить сформировавшиеся у населения стратегии самосохранения.

В-четвертых, у 57% населения Вологодской области встречается модель ССП, для которой характерно признание здоровья главной ценностью, наличие мотивации на заботу о нем и применение каких-либо здоровьесберегательных практик. Вместе с тем остальные модели содержат те или иные поведенческие риски. Так, у 21% респондентов здоровье не входит в число жизненных приоритетов, у 15% отсутствует мотивация на ведение ЗОЖ, а 29% не предпринимают никаких действий по сохранению и улучшению собственного здоровья.

В-пятых, отсутствие здоровья в системе жизненных ценностей, низкая мотивированность на заботу о нем, пассивность в части применения мер самосохранения напрямую связаны с распространением таких саморазрушительных практик, как употребление алкоголя, курение, неправильное питание и низкая физическая активность.

Несмотря на выполнение задач, поставленных на данном этапе исследования, остается ряд требующих решения вопросов: каковы стратегии поведения населения с учетом реализации конкретных самосохранительных практик; чем различаются модели ССП разных социально-демографических групп населения; каковы возможности управленческого влияния на каждую из них. На 2018 г. запланировано проведение очередного этапа мониторинга физического здоровья населения Вологодской

области. Его результаты позволят углубить исследование за счет более подробного изучения моделей самосохранительного поведения на уровне отдельных групп населения, расширения спектра рассматриваемых поведенческих факторов риска.

Литература

1. Вишневский А.Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 2014. № 4. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--4/150227447.html> (дата обращения: 06.02.2018).
2. Вишневский А.Г., Васин С.А. Причины смерти и приоритеты политики снижения смертности в России // Экономический журнал ВШЭ. 2011. № 4. С. 472–496.
3. Юмагузин В.В., Винник М.В. Смертность от внешних причин в России и странах ОЭСР: оценка преждевременных потерь и условия их снижения // Вестник Башкирского университета. 2015. № 3(20). С. 896–902.
4. Короленко А.В., Морев М.В. О демографических последствиях суицидальной смертности // Суицидология. 2015. № 4. С. 48–60.
5. Шушунова Т.Н. Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). Минск : Право и экономика, 2010. 114 с.
6. Glanz K., Rimer B., Viswanath K. *Health behavior and health education: theory, research and practice*. San Francisco : Jossey-Bass, 2008. 552 p.
7. Ображей О.Н., Подвальская В.С. Актуальность изучения самосохранительного поведения населения // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 262–269.
8. Волкова М.В. Здравоохранительное поведение населения в условиях российских социально-экономических трансформаций : дис. на соиск. уч. ст. канд. социолог. наук: 22.00.03. Саратов, 2005. 269 с.
9. Зелионко А.В. Обоснование организационно-профилактических мероприятий по совершенствованию системы формирования здоровьесберегающего поведения и улучшению качества жизни населения: дис. на соиск. уч. ст. канд. мед. наук : 14.02.03. СПб., 2016. 193 с.
10. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегательная активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 123–132.
11. Яковлева Н.В. Здоровьесберегающее поведение человека: социально-психологический дискурс // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 3. С. 70–79.
12. Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.
13. Шипунова Т.В., Ковалева А.А. Поведение в сфере здоровья в контексте аномического приспособления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 343–350.
14. Резапкина В.Г. Саморазрушительное поведение: причины и профилактика // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 2 (24). С. 18–24.
15. Вангородская С.А. Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 4. С. 20–29. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29
16. Лисицын Ю.П., Изуткин А.М., Матюшкин И.Ф. Медицина и гуманизм. М. : Медицина, 1984. 278 с.
17. Becker M.H., Maiman L.A. Sociobehavioral Determinants of Compliance with Health and Medical Care Recommendations. *Medical Care*, 1975, vol. 13, pp. 10–24.
18. Ajzen I., Fishbein M. *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior*. Englewood Cliffs, N.J. : Prentice Hall, 1980. 278 p.
19. Weinstein N., Sandman P. The precaution adoption process model. *Health behavior and health education*. San Francisco : Jossey-Bass, 2002, pp. 121–143.

20. Prochaska J., DiClemente C., Velicer W., Rossi J. Standardized, Individualized, Interactive, and Personalized Self-Help Programs for Smoking Cessation. *Health Psychology*, 1993, vol. 12, pp. 399–405.
21. Яковлева Н.В. Исследование индивидуальных различий здоровьесберегающей деятельности личности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 202–214.
22. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
23. Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 134–140.
24. Журавлева И.В. Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 66–74.
25. Ивахненко Г.И. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 78–81.
26. Югова Е.А. Формирование здоровьесберегающей модели поведения у студентов высших учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 2. С. 29–34.
27. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Физическое здоровье в субъективных оценках населения Вологодской области: территориальный аспект // Социальное пространство. 2017. № 1. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2186> (дата обращения: 09.02.2018).
28. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
29. Накитанда А.О., Швиреб Г., Армстронг Т. Растущее бремя неинфекционных заболеваний и роль физической активности // Профилактическая медицина. 2014. № 1. С. 12–17.
30. Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2378> (дата обращения: 15.02.2018).

Сведения об авторе

Александра Владимировна Короленко – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

Patterns of Population's Self-Preservation Behavior: Research Approaches and Building Experience

Abstract. As countries make their epidemiological transition, the contribution of behavioral risk factors to population's health is increased; they include challenges of low physical and medical activity, diet and sleep violations, imbalance of work and rest, tobacco and alcohol consumption, and high stress loads. In Russia, the situation is complicated by incomplete epidemiological transition, as well as increased morbidity and mortality from endogenous and quasi-endogenous causes. The purpose for the article is to analyze methodological approaches to studying the self-preservation behavior and build models describing it for the population of the Vologda Oblast. Russian scholars A.I. Antonov, V.A. Borisov, I.V. Zhuravleva, L.S. Shilova, G.I., Ivakhnenko, T.V. Shushunova, and A.E. Lugovoy attempt to highlight the patterns of self-preservation behavior taking into account all or some of its elements (needs, attitudes, motives and actions), but not considering them in a single system. For constructing models the present study applied the method of decision tree using data from sociological surveys, which helps identify eight possible options. As revealed, 57% of the population in the Vologda Oblast demonstrate the strategy characterized by recognizing health as the main value, people's concern for their health and presence

of health-preserving practices. The rest demonstrate certain behavioral risks: 21% of respondents do not consider health as one of their life priorities, 15% – are not motivated to choose a healthy lifestyle, and 29% do not take any actions to preserve and improve their own health. It was established that lack of health in the system of life values, low concern for health, passive use of self-preservation measures are directly related to the spread of self-destructive practices (alcohol abuse, smoking, unhealthy diet and low physical activity). At the next stage, a survey of residents in the Vologda Oblast is planned, the results of which will help deepen the research study by a more detailed study of patterns of self-preservation behavior at the level of individual groups, expanding the range of behavioral risk factors under study.

Key words: self-preservation behavior, socio-demographic approach, behavior patterns, behavioral risk factors.

Information about the Author

Aleksandra V. Korolenko – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: coretra@yandex.ru)

Статья поступила 01.03.2018.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в апреле – июне 2018 г., а также в среднем за последние 6 опросов (август 2017 – июнь 2018 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2014 г. представлена годовая динамика данных.

В апреле – июне 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился и составил 70%, что соответствует среднегодовому значению показателя за 2015–2017 гг. Доля негативных оценок деятельности главы государства составляет 18%, **что меньше, чем в начале года (21%)**.

Уровень поддержки Председателя Правительства РФ за последние два месяца также не изменился: доля положительных оценок составляет 52% (что соответствует уровню 2016–2017 гг.), отрицательных – 28% (меньше, чем в феврале 2018 г. (31%)).

Для справки: по данным ВЦИОМ доля положительных оценок деятельности Президента в целом по стране в апреле – мае 2018 г. составила 81% (удельный вес негативных суждений – 11-12%). В первой половине июня ВЦИОМ зафиксировал существенное снижение уровня поддержки главы государства: доля положительных оценок снизилась на 4 п.п. (с 81 до 77%), отрицательных – возросла на 2 п.п. (с 12 до 14%).

По данным Левада-Центра удельный вес позитивных характеристик деятельности Президента с апреля по май снизилась на 3 п.п. (с 82 до 79%), доля отрицательных оценок – возросла на 3 п.п. (с 17 до 20%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2017	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	64,1	69,1	67,8	67,3	69,7	68,3	68,9	68,7	68,1	70,1	69,0	+2	+10	-6
Не одобряю	11,5	25,6	22,3	17,5	18,8	20,0	17,3	19,4	19,3	20,8	18,4	17,5	18,8	-1	-7	+7
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	54,2	58,1	52,3	49,5	49,7	51,5	49,9	48,3	49,9	52,0	50,2	+1	-9	-
Не одобряю	-	24,7	27,6	21,7	27,6	31,1	30,9	29,9	31,3	30,8	27,8	27,5	29,7	-1	+5	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	40,1	39,3	37,7	39,8	42,3	40,8	39,4	39,3	39,5	40,5	40,3	+1	-5	-16
Не одобряю	22,2	30,5	38,9	36,2	39,3	39,3	38,7	39,2	40,1	37,9	36,1	35,3	37,9	-1	+7	+16
* Вопрос задается с 2008 г.																

Мнение жителей Вологодской области о том, насколько успешно В. Путин справляется с решением ключевых проблем развития страны, в апреле – июне 2018 г. не изменилось:

- 55–56% респондентов считают успешными его действия по укреплению международных позиций России и наведению порядка в стране;
- 43% – положительно оценивают работу по защите демократии и укреплению свобод граждан;
- 32% – высоко оценивают деятельность по подъему экономики и росту благосостояния граждан.

По большинству ключевых проблем (кроме укрепления международных позиций России) суждения жителей Вологодской области в середине 2018 г. чуть лучше, чем в среднем за 2017 г. (на 3–4 п.п.).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2017	2011	2007
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	50,4	51,7	51,2	55,7	58,1	57,6	56,5	55,2	56,1	55,6	56,5	+1	+10	-2
Не успешно	24,9	33,7	32,4	31,3	29,9	26,8	26,1	26,3	28,3	26,9	26,9	26,7	26,9	0	-7	+2
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	118,0	120,4	121,3	129,0	132,0	131,3	128,3	128,3	129,2	128,9	129,7	+1	+17	-4
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	48,0	50,2	49,2	50,6	52,0	52,7	52,0	50,9	54,2	55,1	52,8	+2	+16	0
Не успешно	34,0	50,0	39,1	37,9	36,7	36,1	35,6	35,1	34,6	32,7	30,8	32,9	33,6	-2	-16	0
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	108,9	112,3	112,6	114,5	116,4	117,6	117,4	118,2	123,4	122,2	119,2	+5	+33	0
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	37,5	40,4	36,6	40,3	41,7	42,5	43,3	42,8	42,9	43,4	42,8	+2	+10	-2
Не успешно	37,0	48,3	45,4	41,5	44,3	40,2	38,8	38,3	39,3	38,7	37,1	38,1	38,4	-2	-10	+1
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	92,1	99,0	92,3	100,2	102,9	104,2	103,9	104,1	105,8	105,3	104,4	+4	+20	-3
Подъём экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	34,8	34,2	27,2	29,3	31,3	32,3	31,6	31,0	31,3	32,3	31,6	+2	+1	-16
Не успешно	39,1	56,1	53,4	52,3	59,4	56,9	55,9	55,3	56,3	53,7	55,3	55,2	55,3	-2	-1	+16
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	81,4	81,8	67,8	72,4	75,4	77,0	75,3	77,3	76,0	77,1	76,4	+4	+2	-32

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения остается стабильной на протяжении всего периода с февраля по июнь 2018 г.: лидирующее место в ней занимает «Единая Россия» (38-40%); 7–10% жителей области поддерживают ЛДПР и КПРФ; 2–4% – «Справедливую Россию».

Следует при этом отметить, что в июне 2018 г. (по сравнению с февралем 2018 г., а также со средним значением за 2017 г.) несколько снизился удельный вес людей, считающих, что ни одна из основных политических партий на сегодняшний день не выражает их интересы (на 3 п.п., с 30 до 27%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2014	2015	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
																	2017	2011	2007
«Единая Россия»	30,2	60,5	31,1	33,4	32,8	38,8	35,4	38,0	34,7	35,2	35,6	37,9	38,4	39,7	38,9	37,6	+3	+7	+7
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,6	6,2	10,4	21,9	11,0	10,9	11,5	11,6	10,1	9,6	9,7	10,6	0	+3	+3
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	9,7	7,1	8,3	14,2	7,6	8,0	7,3	8,1	7,1	8,1	8,7	7,9	0	-2	+1
«Справедливая Россия»	7,8	8,8	5,6	27,2	3,5	3,6	4,2	10,8	4,8	5,8	4,5	4,3	3,5	2,5	2,3	3,8	-1	-2	-4
Другая	1,8	-	1,9	-	0,3	0,2	0,3	-	0,5	0,4	0,8	1,1	0,9	1,2	0,5	0,8	0	-1	-1
Никакая	17,8	-	29,4	-	34,4	31,8	29,4	-	29,2	26,1	26,2	28,5	28,8	26,2	26,7	27,1	-2	-2	+9
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	11,7	12,2	12,0	-	12,2	13,7	14,1	8,6	11,1	12,7	13,3	12,3	0	-1	-9

В апреле – июне 2018 г. доля положительных оценок социального настроения составила 72–73%, что незначительно выше, чем в начале года и в среднем за 2017 г. (69–70%).

Удельный вес жителей области, считающих, что на сегодняшний день «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», за последние два месяца незначительно снизился – с 79 до 77%, однако в целом соответствует показателям февраля 2018 г. и среднегодовым данным за 2017 г. (77–78%).

Стабильной остается структура социальной самоидентификации населения: доля людей, субъективно относящих себя к представителям категории «среднего достатка», составляет 43%; удельный вес «бедных и нищих» чуть выше – 45-46%.

Обращает на себя внимание постепенный рост индекса потребительских настроений (ИПН), свидетельствующий об улучшении прогнозов населения относительно перспектив экономической ситуации в стране и своего собственного материального положения. В среднем за 2017 г. ИПН составлял 85 пунктов, в начале 2018 г. – 89 п., в июне 2018 г. – 92 п. Таким образом, позитивная тенденция увеличения доли оптимистических прогнозов населения очевидна, хотя темпы ее сохраняются минимальными и, по сути, ИПН по-прежнему остается ниже 100 пунктов, что говорит о преобладании пессимистических суждений относительно перспектив материального положения.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2017	2011	2007
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	69,4	68,7	68,0	70,4	73,8	71,0	70,5	68,6	71,5	72,5	71,3	+1	+8	+8
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	24,9	25,9	26,2	24,2	21,2	22,8	24,0	23,4	23,1	22,8	22,9	-1	-6	-5
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	80,8	78,4	78,0	77,7	80,5	74,4	77,1	76,2	79,0	76,5	77,3	0	+2	+3
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	12,6	14,5	15,6	15,8	13,5	17,5	16,2	16,3	14,8	16,6	15,8	0	+1	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,2	38,7	42,1	43,1	45,2	43,0	41,7	41,2	41,8	43,1	42,7	0	0	-6
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	49,1	50,7	49,0	46,6	45,8	48,8	47,1	46,2	46,5	45,3	46,6	0	+2	+4
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	87,6	77,1	77,7	84,6	86,2	86,7	87,3	89,2	90,3	92,2	88,7	+4	-1	-17
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»																

В разрезе основных социально-демографических групп существенных изменений в динамике положительных оценок социального настроения за последние два месяца не произошло. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что по сравнению с началом года почти во всех социально-демографических группах (кроме людей старше 55 лет, лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, 20% наиболее обеспеченных жителей области) оценки социального настроения незначительно улучшились (на 3–7 п.п.). Причем особенно ярко позитивные изменения за последние полгода проявились среди людей, которые по самооценкам своего благосостояния относятся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (с февраля по июнь доля положительных оценок в данной группе увеличилась на 12 п.п., с 48 до 60%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2014	2015	2016	2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2017	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	68,9	69,5	68,8	70,6	74,6	71,3	70,8	71,0	73,4	74,5	72,6	+2	+8	+7
Женский	61,7	62,0	69,8	68,0	67,4	70,2	73,1	70,8	70,3	66,6	70,0	70,9	70,3	0	+8	+9
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,1	77,1	76,4	78,1	80,1	79,4	82,2	74,2	79,6	81,3	79,5	+1	+9	+8
30-55 лет	64,8	62,5	69,5	67,2	67,4	71,5	75,9	71,4	73,1	68,8	74,0	75,1	73,1	+2	+11	+8
Старше 55 лет	54,8	58,3	65,4	65,5	64,0	64,9	67,8	66,4	61,4	65,6	64,2	64,7	65,0	0	+7	+10
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	62,5	63,6	62,1	63,6	65,2	63,3	61,2	60,5	65,5	64,8	63,4	0	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	70,4	70,1	68,4	72,0	76,7	73,3	75,0	68,9	72,7	74,9	73,6	+2	+10	+9
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	76,2	72,7	74,3	75,8	79,1	77,1	75,6	77,9	76,2	77,4	77,2	+1	+9	+9
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	50,8	51,8	52,5	52,9	58,1	57,9	50,7	47,7	61,8	59,6	56,0	+3	+11	+4
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	72,3	71,0	69,4	72,0	73,7	71,7	72,0	70,3	71,7	73,4	72,1	0	+7	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	84,8	82,0	80,9	83,7	86,4	82,1	86,2	82,2	81,5	82,5	83,5	0	+8	+9
Территории																
Вологда	63,1	67,1	76,4	73,9	69,9	72,6	77,0	74,0	72,2	71,0	73,5	75,4	73,9	+1	+7	+11
Череповец	68,1	71,2	76,3	70,6	71,7	75,7	77,9	76,9	75,2	71,5	75,0	76,7	75,5	0	+4	+7
Районы	61,6	57,1	61,8	64,6	64,8	66,1	69,7	66,1	66,9	65,6	68,3	68,6	67,5	+1	+10	+6
Область	63,6	63,1	69,4	68,7	68,0	70,4	73,8	71,1	70,5	68,6	71,5	72,5	71,3	+1	+8	+8

Заключение

Результаты очередного этапа мониторинга общественного мнения свидетельствуют о достаточно благоприятном фоне общественных настроений в первой половине 2018 г. Стабильными остаются оценки деятельности Президента, Председателя Правительства и обладающей конституционным большинством в Государственной Думе партии «Единая Россия»; сохраняется высокая доля людей, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние; постепенно увеличивается индекс потребительских настроений, что свидетельствует об улучшении ожиданий относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Очевидно, что на позитивный фон общественного мнения влияет ситуация, связанная с началом нового политического сезона. Заданные Президентом ориентиры государственной политики на ближайшую «шестилетку», а также мобилизационный характер их реализации находят поддержку в

оценках общественного мнения, даже несмотря на то, что 47% россиян не верят в возможность реализации задач, прозвучавших в Послании Президента Федеральному Собранию². «Когда Путин на своей инаугурации сказал, что нас ждут решительные перемены и что он намерен заниматься именно внутренней проблематикой – прежде всего социально-экономической, а не внешней, он попал в точку»³.

Вместе с тем, следует отметить, что этап мониторинга общественного мнения ВолНИЦ РАН был проведен до начала июня, то есть до того, как средства массовой информации сообщили о проекте пенсионной реформы, против которой (по данным Ромир) высказались 92% россиян⁴, а соответствующую петицию Президенту, подготовленную Общероссийским объединением профсоюзов Конфедерации труда России, подписали более 2 млн. человек⁵.

Новости о том, что с 1 июля 2018 г. в Вологодской области будет повышен размер взноса на капитальный ремонт в многоквартирных домах⁶; о возможном повышении цен на алкогольную продукцию⁷; об увеличении пошлин на выдачу загранпаспортов и водительских удостоверений⁸ – все эти, мягко говоря «непопулярные» меры рискуют подорвать доверие общества к власти, в том числе и к Президенту, выдвинувшему кандидатуру Д. Медведева на пост премьер-министра. Не случайно, по данным ВЦИОМ, уровень поддержки главы государства в первой половине июня по сравнению с маем 2018 г. довольно существенно снизился (на 4 п.п., с 81 до 77%).

Как отмечают эксперты, «истинная причина лежит в плоскости изыскания источников дополнительного финансирования бюджета. Реализация „майских указов” Президента, где весьма существенная часть приходится на социально значимые программы, требующие дополнительного финансирования, предполагает заметное (по оценкам, озвученным Дмитрием Медведевым – около 8 трлн. рублей) увеличение доходной части бюджета. Напомним, что предыдущие „майские указы” президента от 2012 года были благополучно «забыты» на шесть лет (разовые выплаты бюджетникам в январе-феврале сего года перед выборами – не в счет). Ясно, что следующее «неисполнение» очередных майских указов уже от 2018 года вполне могло вылиться в рост социальной напряженности, недовольства руководством страны, возникновением протестных акций и т.д. Стоящим у штурвала неизбежно припомни ли бы и предыдущие «указы». Именно поэтому столь важное значение придается исполнению «майских указов» президента, озвученных в этом году, – для сохранения своего положения властям жизненно необходимо обеспечить успешную реализацию хотя бы видимой части хотя бы наиболее важных с социальной точки зрения пунктов этих указов. При этом денежных ресурсов на их выполнение совершенно очевидно не хватает. По этой причине властями стал предприниматься

² Послание Президента Федеральному Собранию: первые впечатления: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3602. 13 марта. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116743>

³ Федоров В.В. Главный фронт – здесь, а не в Сирии и не на Украине // Аналитика экспертов ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9149>

⁴ «Ромир»: 92% россиян выступили против повышения пенсионного возраста // Московский комсомолец. 2018. 14 июня. <http://www.mk.ru/economics/2018/06/14/romir-bolshinstvo-rossiyan-vystupili-protiv-pensionnoy-reformy.html>

⁵ Официальный сайт петиции «Не повышать пенсионный возраст!» Режим доступа: https://www.change.org/p/%D0%BD%D0%B5-%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%88%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82?source_location=discover_feed

⁶ Новости официального портала Правительства Вологодской области от 18 июня 2018 г. Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/novosti/povyshenie_razmera_vznosa_na_kapremont_v_mnogokvartirnykh_domakh_vologodskoy_oblasti_s_1_iyulya_sostavit_ot_1_rublya_20_kopeek_s_kvadrata/

⁷ Достижения в спирте // Известия. 2018. 20 июня Режим доступа: <https://iz.ru/755586/evgeniia-pertceva/spirtnomu-gotoviat-novye-minimalnye-tseny>

⁸ Оформление загранпаспорта обойдется в 5 тысяч рублей: почему так дорого // Московский комсомолец. 2018. 19 июня Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2018/06/19/oformlenie-zagranpasporta-oboedetsya-v-5-tysyach-rubleypochemu-tak-dorogo.html>

ряд мер, направленных на изыскание дополнительных средств, которые могли бы быть направлены в бюджет с тем, чтобы позднее быть перераспределенными в соответствующие социально ориентированные статьи и возвращены обратно в экономику уже целевым образом...Речь идет именно о перераспределении ресурсов от всего населения к конкретным получателям посредством перевода денежных потоков в социально значимые направления. В целом на темпах роста экономики страны эти действия позитивным образом не скажутся, несмотря на заверения отдельных руководителей, что рост налогов, пошлин и отчислений приведет и к соответствующему росту ВВП. Надо понимать, что в отсутствие значимых внешних инвестиций экономика страны представляет собой замкнутую систему, имеющую определённый „объем и массу”... Все перераспределения происходят внутри системы, не оказывая влияния на ее объем и вес»⁹.

Таким образом, шаги, предпринимаемые Правительством, нацелены на выполнение «майского указа» 2018 г., но они никоим образом не способствуют ни оздоровлению экономики в целом, ни преодолению «нашей главной угрозы и главного врага – отставания»¹⁰, ни укреплению социальной стабильности в стране, без чего невозможно говорить о каком-либо «решительном прорыве»¹¹, и особенно – в сфере «сбережения народа России и благополучия наших граждан»¹².

Официально вступая в должность главы государства, В. Путин справедливо отметил: «Времени на раскачку нет»¹³. Сегодняшние законопроекты Правительства возникают именно в этом режиме, на фоне как нельзя кстати проходящего в России Чемпионата мира по футболу... Однако вектор движения, заданный сегодняшними мерами кабинета министров, пока что делает крайне прозрачными шансы на то, что в ближайшем будущем мы увидим продолжение благоприятных тенденций общественного мнения.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

⁹ Там же (мнение аналитика ГК «Финам» А. Коренева).

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Выступление В.В. Путина во время инаугурации 7 мая 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полупространственный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Технический редактор, верстка	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.06.2018.
Дата выхода в свет 29.06.2018.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,6. Тираж 500 экз. Заказ № 236.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscs.ac.ru